Современная фантастика

Гордон Диксон

Шторм времени

Шторм времени
Гордон Диксон

Аннотация
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21

Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39

Аннотация

Шторм Времени бушует на Земле – бушует, уничтожая миллионы людей – и забрасывая сотни тысяч оставшихся в самые немыслимые эпохи. Пространственно-временной континуум не просто нарушен – разнесен в клочья Кто остановит вселенское неистовство стихий? Возможно, Марк Деспард, готовый отправиться далеко в будущее, чтобы там из последних сил попытаться совершить НЕВОЗМОЖНОЕ?

Глава 1

Леопард — я назвал его Санди, поскольку нашел в воскресенье — почти никогда не сердился и не огрызался на девочку, даже когда она здорово доставала его. Все же, как ни крути, он оставался диким зверем, и его терпение было небезгранично, тем более что доставала она его часто.

Честно говоря, я так и не нашел мало-мальски вразумительного ответа на вопрос, который постоянно себе задавал: зачем я подобрал их обоих? Мне до них не было никакого дела, а они являлись самой настоящей обузой. Я поставил перед собой цель, выполнить которую они мне постоянно мешали, — добраться в конце концов до Омахи и Свонни.

Что произойдет потом — об этом я решил всерьез задуматься, когда придет время. Но каким-то необъяснимым образом из ужасного ощущения полнейшей душевной пустоты, с которым все последнее время просыпался по утрам, я сумел вынести чувство, что в мире, где в один миг исчезли почти все люди и зверье, эти двое так и останутся единственными живыми существами,

с кем я смогу поговорить. Однако «поговорить» оставалось пустым звуком: ни девочка, ни котяра говорить не могли: либо не умели, либо не хотели.

Вот и получалось, что полоумный Санди, немая безымянная девчонка и ваш покорный слуга, у которого прежде хватало здравого смысла не нуждаться ни в ком на свете, втроем мотаются по стране еще более безумной, чем они сами. Хотя.., без меня эти двое были абсолютно беспомощны.

Итак, Санди зарычал, когда наш фургон перевалил за гребень холма. Дело происходило в конце лета посреди настоящего пшеничного царства, которое, как мне кажется, прежде являлось царством ржи и находилось немного южнее тех мест, которые когда-то считались северной границей Айовы. Смесь мяуканья и рыка, которые я сумел расслышать, являлась недвусмысленным предупреждением. Не угрожающего рыка, выражающего готовность напасть, а сигнала, дающего понять, что Санди надоело играть роль чучела и что девочке пора оставить его на какое-то время в покое. Я резко затормозил на обочине пустой двухрядной асфальтированной дороги и пробрался между сиденьями внутрь фургона.

— Эй, ты, кошак! — рявкнул я на леопарда. —

Какой бес в тебя вселился?

Санди не удостоил меня ответной реплики, главное для него в эту минуту было то, что он добился своего и от него отстали. Он вальяжно развалился на полу, находясь в прекрасном расположении духа, и тщательно вылизывал шерсть на правой лапе. А вот девочка сжалась в плотный комок, и у меня появилось ощущение, что больше она никогда не распрямится.

Мое терпение лопнуло, и я хлопнул Санди по спине; зверюга тут же подобрался, и я мог перебраться через него к девушке. Секундой позже я уже чувствовал, как его шершавый язык виновато лижет мою лодыжку. Хотя он вряд ли понимал, в чем провинился. Это рассердило меня еще больше, поскольку — что совсем нелогично — виноватым почувствовал себя я. С моей точки зрения, леопард был совершенно безумен. Я этим умело пользовался, понимая, что мне абсолютно ничего не угрожает. Я шпынял его, как хотел, хотя в принципе он мог за пару секунд перегрызть мне глотку так же легко, как зевнуть.

Девочка лежала, забившись в угол: я прикоснулся к ней и почувствовал, что ее напряженные мышцы может в любой момент свести судорогой. Я напомнил себе, что мне плевать и на нее, и на

Санди. Но.., по какой-то непонятной мне причине всякий раз, когда она сворачивалась так, как сейчас, у меня едва не разрывалось сердце.

У моей младшей сестры временами случались подобные истерики — до тех пор пока она не выросла из них. На вид девочке было никак не больше пятнадцати, максимум — шестнадцати, и с того момента, как я встретил ее одиноко бредущей по дороге, она не вымолвила ни единого словечка. Зато почти сразу привязалась к Санди. Можно было подумать, что леопард — единственное живое существо на свете. И когда он вот так рыкал на нее, она, похоже, воспринимала это, как если бы все, кого она когда-либо в жизни любила, вдруг разом взяли и отвернулись от нее.

Я и раньше имел несчастье присутствовать при подобных нервных кризисах — хотя предыдущие не были впрямую связаны с Санди — и знал, что мало чем смогу помочь ей. Через какое-то время она сама по себе начинала понемногу «оттаивать». Поэтому я уселся рядом, обнял обеими руками, насколько позволила ее напряженная поза, и начал разговаривать с ней. Звук моего голоса несколько раз действовал на нее положительно; она не всегда реагировала на мои слова, но когда реагировала — делала именно то, что

я ее просил.

Вот так я и сидел на матрасах и одеялах в кузове своего фургона, обхватив руками ее худенькое тело, которое, казалось, состояло из одних костей, и повторял снова и снова, что Санди не сердится на нее, что он полоумный кот, и она не должна обращать особого внимания на его рык, просто ей стоит ненадолго оставить его в покое. Через некоторое время я устал повторять одно и то же и попробовал спеть первое, что пришло в голову. Я знал, что певец из меня никудышный. Может, в то время я и считал себя большим докой в некоторых вещах, но был твердо уверен, что пение к моим достоинствам не относится. Думаю, мой голос напугал бы и лягушку-вола. Однако девушку пение нисколько не беспокоило. Санди тем временем подполз к нам так близко, как только мог, положил передние лапы мне на левую лодыжку, а голову — на колено.

Через некоторое время я протянул руку и потрепал его по голове, что было воспринято им как знак прощения. В некоторых отношениях я вел себя с ними совершенно нелогично.

Через некоторое время девочка зашевелилась. Руки и ноги постепенно распрямились, и наконец, не говоря ни слова, она высвободилась из

моих объятий, передвинулась поближе к Санди и обхватила его руками. Ему это не слишком понравилось, однако он принялся лизать ей лицо. Я тоже с трудом расправил затекшие конечности и вернулся на водительское сиденье.

И вот тут-то я и увидел это — по левую сторону от шоссе, — напоминавшее плотную полосу уходящего в небо тумана, а может — пылевую завесу. Это находилось в паре сотен ярдов от машины и надвигалось на нас под небольшим углом.

У меня уже не оставалось времени проверять, готовы ли двое в фургоне к резкому старту. Я включил зажигание, двигатель завелся, я сорвал фургон с места и погнал на полной скорости по узкой полоске асфальта, сжатой с обеих сторон буровато-желтой пшеницей, колышащейся под порывами неласкового ветра, предвестника стены тумана, а потом бескрайние поля заиграли всеми оттенками золотого.

Глава 2

Ни одна из туманных стен, которые мне довелось видеть и которые напрямую были связаны с приближением линии временного сдвига, никогда не перемещалась со скоростью более тридцати миль в час. Следовательно, если и эта не являлась исключением, то теоретически любая исправная машина на приличной дороге без труда обгонит ее. Опасная ситуация возникала только когда туманная стена не просто догоняла, а надвигалась под углом, как сейчас, краем захватывая дорогу. Мне предстоит миновать половину стены, а то и больше, ведь некоторые стены достигали десяти миль длиной. Но только так я смогу миновать ее раньше, чем она успеет захватить нас и все, что встретится ей на пути. Я изо всех сил давил на педаль газа, отчего нещадно потел.

Судя по стрелке спидометра, мы неслись со скоростью примерно ста десяти миль в час, что было полной чушью. Я не мог выжать из фургона больше восьмидесяти пяти. Кроме того, нас раскачивало из стороны в сторону и подбрасывало

на ухабах пустой дороги, и меня не покидало чувство, что если прибавить еще миль пять, то мы взлетим.

Наконец я увидел дальний край стены. До него оставалось еще две или три мили; сама же стена находилась всего в двух-трех сотнях ярдов от нас и быстро приближалась. Мне, пожалуй, следовало бы помолиться, даже несмотря на то, что атеизма во мне больше, чем религиозности. В конце концов я именно так и поступил. За несколько недель, прошедших с начала всей этой белиберды с временными скачками, я лишь раз оказался близок к тому, чтобы меня накрыло стеной, — в тот самый первый день, в хижине к северо-западу от Дулута, когда стена на самом деле накрыла меня. Только я об этом не знал. Тогда я решил, что это очередной инфаркт, который наверняка меня доканает. Горечь от сознания того, что я так и не сумел дотянуть до тридцати — и это после того, как я почти два года старался привести себя в наилучшую физическую форму! — наполнила мой рот отвратительным сухим привкусом. И в этот же миг линия временного сдвига добралась до меня, и я потерял сознание.

Помню, когда пришел в себя, все еще продолжал думать, что это инфаркт. Продолжал я так

думать и после того, как нашел еще не оправившуюся от шока белку. В таком же состоянии, как и она, пребывал и Санди, на которого я наткнулся чуть позже.

Белка, напоминавшая миниатюрную собачонку, неотступно следовала за мной несколько дней до тех пор, пока то ли окончательно выбилась из сил, то ли потерялась.

Я все еще не отдавал себе отчета в масштабах происшедшего. Понимание пришло намного позже — когда я каким-то образом доплелся до места, где, по идее, находился Дулут. Но вместо города с населением в двести тысяч я обнаружил девственный лес да чуть позже, на юге, наткнулся на бревенчатую избушку и бородатого человека в обмотанных веревками кожаных гетрах.

Бородатый тип едва не прикончил меня. Только минуты через три после начала нашей «дружеской» встречи я понял: он не понимает, что ружье в моих руках — оружие. А потом, когда я сделал шаг назад и поднял с земли его охотничий лук, он и проделал тот молниеносный трюк с топором, которым, когда я вышел к его жилищу, колол дрова. До тех пор мне в жизни не доводилось видеть ничего подобного и, надеюсь, не доведется, если только я не буду сражаться на стороне чело-

века с топором. Топор представлял собой нечто вроде секиры с широким изогнутым лезвием. Бородатый вскинул его на плечо лезвием вперед, что я принял за вполне миролюбивый жест и попытался заговорить с ним. Тогда он двинулся мне навстречу, что-то дружелюбно бормоча на каком-то скандинавский языке. Все это время топор лежал у него на плече, и, казалось, он о нем забыл.

Но когда он начал целенаправленно ко мне приближаться, я заподозрил неладное, поднял ружье и велел ему остановиться. И вот тут меня внезапно осенило, что с его точки зрения в руках у меня — дубина. На секунду это прозрение буквально парализовало. Пристрелить его, назвав это самозащитой, я не мог. Вместо этого я совершил еще более глупый поступок — нагнулся и поднял с земли лук. И когда он увидел его в моей руке — перешел к решительным действиям.

Бородатый слегка отклонился назад и резко дернул конец длинного топорища. Топор соскочил с плеча, крутясь на лету, как пропеллер, пронырнул под мышкой, взмыл за спиной, и, как это ни невероятно, в итоге топорище оказалось сжатым в его кулаке, а острое лезвие было устремлено точно на меня. До сих пор не могу

понять, как он это проделал.

Но это и неважно, поскольку в следующий миг он метнул свое оружие. Увидев приближение смертоносного орудия, я инстинктивно пригнулся и бросился бежать. Слышно было, как топор со звоном врезался в дерево за моей спиной, но к этому времени я уже находился под прикрытием деревьев. К счастью, бородатый не бросился в погоню за мной.

Через пять дней я добрался до места, где прежде находились города-близнецы — Миннеаполис и Сент-Пол. Они выглядели так, будто опустели лет сто назад после сравнявшего их с землей воздушного налета. Тем не менее именно там я нашел автофургон, и, когда повернул ключ в замке зажигания, грузовик завелся. В танках на заправочной станции было полно бензина, но чтобы залить бак, мне пришлось придумать хитрость с керосиновым генератором, который я позаимствовал в магазине спорттоваров. После этого я двинулся по шоссе номер 35. Затем я наткнулся на Санди. А чуть позже — на девочку...

Я добрался до конца туманной стены, когда она находилась всего в сотне ярдов от дороги; мелкие песчинки и камешки перестали барабанить по левому борту фургона, бить меня по голове и

плечам, поскольку у меня не было времени поднимать приоткрытое стекло.

Совершенно мокрый от пота, я начал постепенно сбавлять скорость, проехал еще с полмили, развернул машину поперек дороги и остановился, чтобы посмотреть, что происходит там, где мы находились несколько минут назад. Туман уже пересек дорогу и теперь двигался по полям. По мере его продвижения пшеничные поля исчезали так, как уже исчезли дорога и поля по левую сторону. Там, где еще совсем недавно колыхалась под ветром пшеница, теперь тянулись дикие, поросшие травой холмы — открытая местность, кое-где перемежающаяся хилыми рощицами. Примерно в четверти мили от нас холмы переходили в отвесную скалу, которая казалась невероятно близкой: протяни я руку и.., мог бы ее коснуться. Воздух был прозрачен и спокоен.

Я выжал сцепление и снова тронул грузовик с места. Через некоторое время дорога стала плавно заворачивать и вдали показался небольшой городок, выглядевший, как праздничный яблочный пирог, абсолютно нормальным: так, словно через него не прошла только что стена тумана. Впрочем, мое предположение вполне могло оказаться правильным. При одной мысли

о том, что я наконец-то увижу нормального человека, с которым можно поговорить и обсудить все случившееся, — для меня с того момента, когда в лесной хижине я пережил состояние, которое принял за очередной инфаркт, — сердце мое забилось быстрее.

Но когда я въехал на Главную улицу городка, оказалось, что вокруг ни души и, похоже, городок пуст. Надежда тут же испарилась и сменилась настороженностью. И в этот момент я увидел, что прямо по курсу улица перегорожена неким подобием баррикады. За ней притаилась одинокая фигура, держащая на плече нечто, смахивающее на реактивный гранатомет. Но человек за баррикадой следил отнюдь не за мной, а за чем-то по другую ее сторону, хотя не мог не слышать звук мотора моего фургона.

Я зарулил в переулочек между двумя магазинами и остановился.

— Сидите здесь, и тихо! — велел я девочке и Санди, взял лежащий рядом с водительским креслом карабин и вылез из машины. Держа оружие наготове — просто так, на всякий случай, — я подошел к скорчившемуся за баррикадой человеку. Теперь я был почти рядом с ним и определил, куда именно он смотрит. Само собой, там была

очередная одна туманная стена, менее чем в миле от нас, только совершенно неподвижная. И тут я вдруг услышал какой-то нарастающий гул.

Глава 3

Он доносился из того места, где бетонное шоссе исчезало в неподвижной дымке тумана, — негромкое жужжание, похожее на жужжание мухи, посаженной в коробочку жарким июльским днем, какой, впрочем, и стоял на дворе.

— Пригнитесь, — скомандовал человек с гранатометом. Я опустил голову, спрятавшись за баррикадой — мебель, скатанные в рулоны ковры, банки с краской, — возвышавшейся посреди пустой улицы между посыпанными песком тротуарами и целехонькими витринами красных кирпичных магазинов, тянущихся по обеим сторонам Главной улицы. Подъезжая к городку с северо-запада, я поначалу решил, что в нем еще «теплится» жизнь. Подъехав поближе, я начал склоняться к мысли, что это одно из тех мест, которые сохранились в целости, но покинуты жителями, — мне и раньше несколько раз попадались такие места. Мое предположение оказалось верным, вот только этот человек, с его на скорую руку сложенной баррикадой и реактивным гранатометом.

Жужжание становилось громче. Я оглянулся. Из переулка, где я оставил фургон, выглядывало коричневое левое переднее крыло. Из машины не доносилось ни звука. Значит, двое в фургоне послушались моего приказа и тихо лежат на расстеленных одеялах. Леопард, должно быть, время от времени глухо ворчит и вылизывает языком лапу, а девочка, несмотря на жару, прильнула к нему в надежде найти спокойствие и поддержку.

Когда я снова высунулся из-за баррикады, то увидел, как из тумана что-то появилось и теперь быстро приближается к нам. Объект как раз и издавал то самое жужжание, которое я слышал. По мере его приближения звук быстро усиливался, а сам объект увеличивался в размерах очень быстро, как надуваемый кем-то воздушный шар.

Он мчался так быстро, что я с трудом рассмотрел его: он был желто-черный, как оса, и напоминал вполовину уменьшенную модель гоночного автомобиля последней модели.

Я вскинул было ружье, но в тот же момент раздался хлопок выстрела гранатомета. Граната летела достаточно медленно, так что мы могли следить за ее траекторией. Когда она попала в цель и прогремел взрыв, черно-желтый механизм развалился на куски и они полетели с дороги во

все стороны. Мелкие обломки, как после выстрела шрапнелью, впились во внешнюю сторону баррикады. Примерно с минуту после этого стояла мертвая тишина. Затем вновь послышался птичий щебет и стрекот цикад.

— Неплохо, — отметил я, глядя на гранатомет. — Где вы его приобрели?

— Сначала его стащили с армейского склада, — ответил он. — Или провезли контрабандой. Я нашел его в кладовке полицейского участка вместе с несколькими ножами и прочим барахлом.

Ростом он был примерно с меня: узкоплечий, худощавый человек, с бронзовыми от загара руками и спокойным костистым лицом. Возможно, чуть постарше меня, лет под сорок. Я разглядывал его, прикидывая, трудно ли будет убить, если до этого дойдет. Он тоже присматривался ко мне, причем явно мусоля ту же мысль.

Да, ныне дела обстояли именно так. Не было недостатка ни в еде, ни в питье, ни в прочих материальных благах. Но в то же время не существовало больше и закона — по крайней мере, за последние три недели я о нем ничего не слышал.

Глава 4

Чтобы прекратить игру в гляделки, я намеренно перевел взгляд на устройство, валяющееся неподалеку от баррикады.

— Неплохо бы рассмотреть его поближе, — сказал я. — Не опасно?

— Нисколько. — Он выпрямился, положил гранатомет на землю; из кобуры на его бедре выглядывал револьвер то ли тридцать восьмого, то ли сорок четвертого калибра, а на баррикаде, как раз на уровне плеча, лежал карабин. Он взял его левой рукой и сказал:

— Пошли. Они выскакивают по одному, причем через промежутки времени от семи до десяти часов.

Я бросил взгляд на дорогу, но обломки других подбитых желто-черных механизмов нигде не валялись.

— Вы уверены? — полюбопытствовал я. — Сколько же вы всего их видели?

Незнакомец усмехнулся как-то по-старчески сухо.

— Полностью их прикончить не удается, — объ-

яснил он. — Как и этот. Сейчас он безобиден, но с ним не покончено. Чуть позже он уползет обратно, или его каким-то образом втянут обратно в туман — сами увидите. Пошли.

Он вскарабкался на баррикаду, и я последовал за ним. Когда мы подошли к подбитому устройству, оно еще сильнее напомнило мне детскую машинку-переростка. Отличие состояло лишь в том, что вместо окон у нее была гладкая желтая поверхность, а вместо четырех обычного размера автомобильных колес из днища торчали половинки шестнадцати или восемнадцати небольших металлических дисков. Граната пробила в боку машины здоровенную дыру.

— Вот, послушайте, — сказал незнакомец, склонившись над пробоиной. Я подошел поближе и прислушался. Откуда-то из глубин корпуса все еще доносилось негромкое жужжание.

— Интересно, кто посылает эти штуки? — спросил я. — Или что их посылает?

Бородатый пожал плечами.

— Да, кстати, — сказал я, протягивая руку, — Марк Деспард.

— Реймонд Сэмуэлсон, — после некоторой паузы представился он; его рука чуть дернулась, но тут же вернулась на место. Я решил, что ему,

возможно, не хочется пожимать руку человеку, которого потом придется убить. И еще я подумал, что человек, способный думать о таких тонкостях, вряд ли станет стрелять мне в спину. По крайней мере, без крайней необходимости. В то же время не стоило самому напрашиваться на неприятности, оставляя между нами хоть малейший намек на недопонимание.

— Я еду в Омаху, — сказал я. — Там у меня жена, если, конечно, у нее до сих пор все в порядке. Но я не стану проезжать через ту линию временного сдвига, — я кивнул головой на туман, из которого появилась машина. — Вы не знаете, есть ли из города какая-нибудь другая дорога на юг или на восток?

— Да, есть, — кивнул он и заметно помрачнел. — Значит, говорите, у вас там осталась жена?

— Да, — ответил я. Честно говоря, я хотел бы сказать «бывшая жена», но уже оговорился. Вряд ли ситуация подходила для того, чтобы объяснять это человеку типа Сэмуэлсона.

— Послушайте, вам вовсе не обязательно отправляться в путь прямо сейчас. Может, задержитесь немного и отобедаете со мной?

«Задержитесь и отобедаете со мной?» Видимо,

когда я упомянул о жене, в нем сработал рефлекс гостеприимства. Знакомые, такие уютные слова казались столь же странными и неуместными здесь и сейчас, на участке дороги между опустевшим городком и заслоняющим пространство справа от нас туманом. Да еще этот валяющийся рядом подбитый механизм.

— Идет, — согласился я.

Мы вернулись, перелезли через баррикаду и дошли до фургона. Я позвал леопарда с девочкой и представил их Сэмуэлсону. При виде леопарда он удивленно вытаращил глаза, но еще больше они у него вылезли из орбит при виде стоящей за огромной кошкой девушки.

— Леопарда я зову Санди, — сказал я. — А вот девочка мне так и не представилась.

Я вытянул руку, и Санди, прижимая уши, подошел ко мне и потерся мордой о мою ладонь, издавая при этом звук, похожий на довольное мурчание.

— Я наткнулся на него сразу после того, как изменение времени прошло через местность, где он обитал, — пояснил я. — Когда я нашел его, он все еще был в шоке, и теперь, кажется, считает себя обязанным мне по гроб жизни или что-то вроде этого. Сами, наверное, знаете, как ведут

себя животные, когда находишь их сразу после временного сдвига? До тех пор, пока окончательно не очухаются?

Сэмуэлсон отрицательно покачал головой. Теперь он смотрел на меня с некоторым недоверием и подозрительностью.

— Жаль, — вздохнул я. — В таком случае придется вам поверить мне на слово. Пока я рядом, он совершенно безопасен. Я гладил Санди. Сэмуэлсон же смотрел на девочку.

— Привет, — сказал он с улыбкой. Но она по-прежнему «пусто» смотрела на него, не говоря ни слова. Она выполняла все мои указания, но мне ни разу не удалось добиться того, чтобы в глазах ее мелькнула хоть искорка внутреннего понимания того, кто она такая. Свисающие до плеч прямые темные волосы придавали ей вид дикарки, даже рубашка и джинсы смотрелись на ней крайне нелепо.

Впрочем, это было для нее самой подходящей одеждой. Однажды я переодел ее в платье — вскоре после того как нашел. Зрелище было жалким. В платье она выглядела просто карикатурно.

— Она не говорит, — сказал я. — Я наткнулся на нее через пару дней после того, как встретил леопарда, милях в двухстах южнее. Леопард валялся

примерно там, где раньше находились Миннеаполис и Сент-Пол. Возможно, он из тамошнего зоопарка. А девочка просто плелась по дороге. Даже не представляю, откуда она взялась.

— Бедное дитя, — сказал Сэмуэлсон. Похоже, он был совершенно искренен, и тут мне показалось еще более маловероятным, что он способен выстрелить мне в спину.

Мы отправились к нему домой обедать. Он жил в одном квартале от Главной улицы.

— А как насчет этих.., ну, как вы их там называете? — спросил я. — Не боитесь, если одна из них появится в ваше отсутствие и некому будет ее остановить?

— Жужжалки, — ответил он. — Да нет, я уже говорил, что хотя они появляются и не точно по расписанию, но каждая следующая появляется не раньше, чем через шесть с половиной часов после предыдущей. На мой взгляд, там за этой туманной стеной что-то вроде автоматической фабрики, которая не может изготавливать их быстрее.

Дом Сэмуэлсона оказался одним из тех высоких и богато декорированных особняков конца девятнадцатого века, которые порой еще можно встретить в небольших городках. Два этажа,

чердак и просторное обсаженное кустами сирени крыльцо. Комнаты в доме были небольшими, сумрачными, с высокими потолками и с лишней мебелью. Вода в дом поступала из большого бака, куда ее подавал из колодца в подвале небольшой бензиновый движок, сменивший ставший бесполезным электрический насос. Кроме того, хозяин нашел где-то старинную черную дровяную плиту, которая красовалась сейчас в углу просторной кухни. Нигде не было ни пылинки, в доме царил абсолютный порядок.

Он угостил нас первым нормальным обедом, который мне, как и девочке, довелось попробовать с тех пор, как Землю сотряс шторм времени. Я уже знал, что к этому моменту он затронул практически весь земной шар, а не только небольшой район Северной Америки к западу от Великих озер, где находился я. У меня был с собой приемник, и время от времени я ловил обрывки передач из самых разных мест. Линии непрерывности — или прерывистости, — разделяющие участки различного времени, как правило, блокировали радиосигналы. Но иногда кое-что все же сквозь них пробивалось. По-видимому, волшебным образом повезло Гавайям, которые шторм почти не затронул, да еще время от времени я ловил

обрывки передач из Греции. Я не часто слушал радио, ведь вне моих сил было помочь людям, ведущим передачи, равно как и они мало чем могли помочь мне.

Я рассказывал обо всем этом Самуэлсону, пока он готовил обед. Он, в свою очередь, поведал мне, что столкнулся стой же проблемой.

— Здесь, в Солсбурге, произошел всего один сдвиг времени, — сказал он. — С тех пор я лишь время от времени вижу, как линия изменения проходит где-нибудь на горизонте или иногда на какое-то время останавливается, но ни одна больше сюда не сворачивала.

— А куда же делись все люди, которые здесь жили? — спросил я.

Выражение его лица сразу изменилось.

— Не знаю, — ответил он и склонился над миской с тестом для бисквита, которое месил, так чтобы я не мог видеть его лица. — Однажды я поехал в Пеппард — это соседний городок. Я долго ехал, но никак не мог его найти. Тогда я решил, что или заболел, или спятил, развернул машину и погнал обратно. А когда вернулся, застал здесь все таким, как вы сами видели.

Он явно был не расположен обсуждать эту тему. Но я догадался, что раньше в его доме жили

и его жена, и несколько э... детей. В прихожей мне в глаза бросились женские туфли, в ном из углов гостиной приютилась коробка с детскими игрушками, а в гараже стояли три велосипеда.

— Чем вы зарабатывали на жизнь? — через некоторое время спросил он.

— В последнее время — ничем, — отозвался я. Услышав это, он снова нахмурился. Тогда я начал рассказывать о себе, поскольку со штормом у меня было связано лишь имя жены Свонни в Омахе, а об остальном я готов был рассказывать. К тому же я почему-то чувствовал полную уверенность в том, что и жена, и город пережили воздействия шторма времени и остались целыми и невредимыми.

— Я начал играть на бирже в девятнадцать лет, — сказал я, — когда еще учился в колледже. И довольно удачно. — Само собой, удача была совершенно ни при чем, но у меня язык не поворачивался говорить об этом. Главное состояло в тяжелой работе и хладнокровном принятии решений, которые и приносили мне деньги. — Потом я вложил деньги в покупку компании по производству прицепов и снегоходов, что себя здорово оправдало. Я бы и дальше продолжал заниматься развитием компании, но тут у меня

случился инфаркт.

Сэмуэлсон удивленно приподнял брови.

— Инфаркт? — переспросил он. — По-моему, для таких вещей вы еще слишком молоды.

— Точнее говоря, чертовски молод, — согласился я. — Мне было двадцать четыре года.

Тут я внезапно понял, что ошибался, считая, будто готов говорить на любые темы. Например, мне совершенно не хотелось рассказывать ему о своем инфаркте. Уж очень он смахивал на человека, который ни разу в жизни не болел.

— Во всяком случае, — продолжал я, — мой доктор посоветовал мне не принимать это близко к сердцу и постараться сбросить лишний вес. Это было два года назад. Я продал компанию, передал свои акции, которым предстояло меня кормить, в доверительное управление и купил домик в лесах северной Миннесоты, неподалеку от Эли — если вы, конечно, знаете тот штат. Я снова набрал неплохую форму и прекрасно себя чувствовал — до тех пор, пока три недели назад не разразился шторм времени.

— Понятно, — кивнул он.

Еда была готова, я помог перенести все в столовую, где мы все вместе и пообедали. Даже Санди свернулся клубком в углу. Сначала я подумал,

что Сэмуэлсон будет против того, чтобы я привел леопарда в дом, но он промолчал.

После обеда мы расположились на переднем крыльце. Густая листва сахарного клена прикрывала нас от лучей медленно клонящегося к западу солнца. Судя по моим часам было уже начало седьмого, но сейчас, в середине лета, у нас в распоряжении оставалось не менее трех светлых часов. У Сэмуэлсона оказалось немного весьма недурного домашнего белого вина. Оно было не высшего качества, но, по всей видимости, прежде в городке был сухой закон, а наш гостеприимный хозяин, после того как вернулся и обнаружил, что его близкие исчезли, никуда из него не выезжал.

— Может, ей тоже плеснуть? — спросил он меня перед тем, как в первый раз разлил вино по чайным стаканам.

— Почему бы и нет, — отозвался я. — Мы запросто можем не дожить до утра, если нас вдруг захватит врасплох какое-нибудь новое временное отклонение.

Тогда он протянул стакан и девочке. Но та лишь чуть-чуть отхлебнула, а потом поставила стакан на деревянный пол крыльца рядом со своим стулом. Через некоторое время, пока Сэмуэлсон и я были заняты разговором, девочка перебралась

со стула на пол и уселась так, чтобы одной рукой обнимать дремлющего неподалеку от нас Санди. Леопард никак на это не отреагировал.

— И что же, по-вашему, это такое? — спросил меня Сэмуэлсон после того, как мы с ним некоторое время обменивались воспоминаниями. — Я имею в виду — откуда он взялся?

Он говорил о шторме времени.

— Понятия не имею, — ответил я. — Уверен, что этого не знает никто. Но у меня есть теория.

— Какая? — Он повернул голову и пристально посмотрел на меня. Легкий вечерний ветерок шевелил ветки сиреневых кустов, которые едва слышно царапали стену дома.

— По-моему, это и есть то, как мы его называем, — сказал я. — Шторм. Какой-то шторм в пространстве, в который угодила вся наша планета, — так можно ехать на машине и попасть в грозу. Только в данном случае вместо ветра и дождя, грома и молнии мы влетели во временные изменения, которые наподобие ряби пробегают по поверхности, а все окружающее перемещается либо назад по времени, либо вперед. Смотря куда направлено проходящее над этим местом изменение.

— А как здесь? — спросил он. — Ведь городок-то

остался на том же самом месте, что и всегда. Вот только люди... Он замолчал.

— Откуда вы знаете? — возразил я. — А может, как раз весь этот район переместился вперед, скажем, на год или даже на месяц. Срок недостаточный, чтобы стали заметны какие-то изменения в зданиях или улицах, но, возможно, вполне достаточный для того, чтобы люди по той или иной причине решили уйти отсюда.

— По какой?

— Ну, например, из-за этих, как вы их называете, жужжа-лок, — ответил я. — Например, будь я жителем этого городка и появись тут нечто подобное, это было бы для меня вполне достаточной причиной, чтобы уехать.

Он покачал головой.

— Только не все сразу, — сказал он. — И они обязательно оставили бы какое-нибудь сообщение.

Я сдался. Коли его не устраивают логичные объяснения, то нет смысла пытаться его убедить.

— Скажите, — после того как мы некоторое время просидели молча, снова заговорил он, — а как, по-вашему, Бог имеет к этому какое-то отношение?

А, так вот на чем он зациклился! Вот почему он торчит здесь день за днем, обороняя городок,

в котором не осталось ни души. Вот почему он аккуратно приспособил колодец в подвале к новым условиям и установил плиту так, чтобы в любой момент иметь возможность накормить нормальным обедом целую семью, если они в один прекрасный день вдруг неожиданно вернутся, возникнут из ниоткуда на пороге, усталые и голодные. Меня так и подмывало сказать ему, что мне всегда было крайне мало дела как до Бога, так и до людей, но теперь, когда я знал, как важен для него этот вопрос, я просто не мог ему этого сказать. Я вдруг почувствовал грызущую его боль — и внезапно понял, насколько зол оттого, что кто-то, кого я практически впервые в жизни вижу, смог так сильно передать мне свое горе. Да, верно, в отличие от него я практически ничего и никого не потерял. И все же...

— Кто его знает! — сказал я, вставая. — Ну, думаю, нам пора. Он тоже встал, причем очень быстро. Но, не успел он еще выпрямиться, Санди уже оказался на ногах, а вслед за ним медленно поднялась с пола и девочка.

— Вы могли бы остаться на ночь, — предложил он. Я отрицательно покачал головой.

— Неужели нравится ездить в темноте? — настаивал хозяин.

— Нет. Предпочитаю до наступления ночи проехать еще хоть немного. Мне очень хочется поскорее добраться до жены.

Мы с леопардом и девочкой направился к фургону, который я подогнал к дому и оставил на подъездной дорожке. Я открыл дверь с водительской стороны, и мои спутники залезли сначала в кабину, а потом перебрались в кузов. Я подождал, пока они не устроятся как следует, забрался в кабину сам и уже собирался было дать задний ход, когда Сэмуэлсон, который вместо того, чтобы проводить меня до грузовика, зачем-то отправился в дом, снова появился на крыльце с двумя большими продуктовыми пакетами в руках, которые застенчиво просунул в окно с моей стороны.

— Возьмите, — сказал он. — Это еда. Думаю, она вам не помешает. И еще я вложил туда бутылку вина.

— Спасибо. — Я взял у него пакеты и положил на пустое сиденье справа от себя. Он заглянул в глубину кузова, где на полу уже свернулись клубочком девочка и леопард, явно готовые отойти ко сну.

— У меня ведь здесь все есть, сами знаете, — сказал он. — Все, что вам могло бы понадобиться. Может, ей что-нибудь пригодилось бы — одежда

там или еще что-нибудь?

— Единственное, что ей нужно, это Санди, — сказал я. — И пока он у нее есть, на все остальное ей наплевать.

— Что ж, тогда счастливого пути, — сказал он.

— Пока.

Я задом выехал на дорогу и повел машину прочь. В боковое зеркало я видел, что он вышел на проезжую часть, чтобы посмотреть нам вслед и на прощание помахать. Через два квартала я свернул, и его фигура скрылась за углом.

Перед отъездом он снабдил меня картой бензоколонок, где карандашом обозначил маршрут, выведший меня на южную окраину городка и, наконец, на неширокую асфальтовую дорогу, ныряющую вверх-вниз по холмам. И слева и справа они были засеяны, так что я ехал в окружении бесконечных акров кукурузы, пшеницы и гороха, которые никто никогда уже не уберет и не использует. По мере того как мы отъезжали все дальше, высокая, уходящая в небо стена тумана, являвшаяся линией изменения времени и возвышавшаяся на окраине оставшегося чуть левее и позади нас городка Сэмуэлсона, становилась все меньше.

В машине, насколько я успел убедиться, мы

были в относительной безопасности. Эти линии времени были подобны катящимся по местности длинным трубам, но, как я уже говорил, мне еще ни разу не довелось повстречать ни одной, которая перемещалась бы со скоростью более тридцати миль в час. Так что, пока вы оставались на дороге, удрать от них было совсем нетрудно.

Я все время оглядывался по сторонам, надеясь найти что-то вроде «лендровера», который резво бегал бы по дороге, но к тому же при необходимости мог бы передвигаться и по пересеченной местности. Но пока ничего подходящего не попадалось.

Тут я понял, что двигатель грузовика работает с надрывом. Я гнал машину по шоссе со скоростью около семидесяти миль в час. Нужды в этом не было абсолютно никакой. В плане расхода топлива было гораздо безопасней и экономней держать миль сорок-сорок пять. Временами с бензином возникали проблемы, причем по закону подлости именно тогда, когда его оставалось мало. Я возил с собой четыре полных пятигаллонных канистры, которые были привязаны на крыше фургона. Но этот запас я придерживал на совсем уж крайний случай.

Кроме того, никому из нас троих в принципе

спешить было некуда — равно как и бежать от чего-то. Я сбросил скорость до сорока пяти миль в час, про себя удивляясь, как это я ухитрился так разогнаться.

Но потом я, разумеется, понял, почему это произошло. Просто я позволил себе сопереживать Сэмуэлсону. А почему, собственно, я должен страдать вместе с ним? Потеряв семью, он стал таким же безумным, как девочка.., или Санди. Но он действительно хотел, чтобы мы остались на ночь в огромном домище, откуда исчезла его семья, и, оставшись, мы поступили бы по отношению к нему милосердно.

Только я не мог рисковать. Среди ночи он запросто мог превратиться из человека, отчаянно нуждающегося в компании, в человека, решившего вдруг, будто я или все мы каким-то образом причастны к исчезновении его близких.

Я не мог слепо положиться на его кратковременное просветление. Он, как бы там ни было, оставался человеком из опустевшего городка, человеком, расстреливающим гранатами игрушечные машинки, которые появлялись через равные промежутки времени. На его месте любой бы свихнулся. Да и вообще, безумие ныне стало нормой. Примером тому мог служить,

например, Санди. Он бы продолжал лизать мне руки даже в тот момент, когда я перерезал ему глотку. Рассудок девочки едва ли находился в лучшем состоянии. Сэмуэлсон тоже стал жертвой невиданного космического розыгрыша, который лишил нас привычного мира, следовательно, по определению являлся сумасшедшим. И иного нам не было дано.

Естественно — я решил довести мысль до логического конца, — что сидящий за рулем фургона, рассекавшего надвигающиеся сумерки, был безумен не меньше, чем все остальные люди и существа, его окружающие. Мысль показалась смехотворной, ведь я был уверен, что нахожусь в здравом уме. Но с точки зрения Сэмуэлсона, наблюдающего со стороны, человек, который едет неизвестно куда по дороге в компании леопарда и бессловесной девчонки, не может быть нормальным. Мне следовало опасаться того, что безумие, которое таится во мне, в один прекрасный день внезапно овладеет мной полностью.

Впрочем, это самая настоящая чепуха, и я постарался как можно быстрее выкинуть из головы все эти смехотворные мысли.

Глава 5

Когда красная полоска заката на горизонте справа от нас стала становиться все уже и темнее, а в безоблачном небе на востоке начали проглядывать звезды, я свернул с дороги на уютную полянку под несколькими тополями, растущими в небольшой лощинке между двумя холмами. Было так тепло, что я не стал закрывать вход в палатку. Я лежал, глядя на звезды, и, казалось, все больше и больше погружался в ночное небо, которое становилось все более огромным и значительным; и еще я чувствовал, что Земля становится все более похожей на крупинку материи, затерянной во вселенной.

Мне не спалось. Последнее время подобное случалось все чаще и чаще. Я хотел было встать и выйти посидеть снаружи, прислонившись спиной к стволу тополя. Но, вылези я из палатки, Санди сразу же отправился бы следом за мной, тогда и девушка проснулась бы и последовала за Санди. Что-то вроде цепной реакции. На ум мне пришло окончание одной фразы, вынесенной мной из предыдущих двух лет непрерывного

чтения в период отшельнической жизни на Эли. Privatum commodum publico cedit... — «преимущества одиночества на людях исчезают». Поэтому я решил остаться в палатке и перетерпеть.

А перетерпеть мне предстояло гору воспоминаний обо всем, что произошло со мной когда-то. До этой ночи я почти не вспоминал свое последнее лето в старших классах, когда неожиданно начал учить латынь, узнав, насколько серьезно она «подпирает» наш английский. Подпирает и превосходит. «Как долго же еще, о Катилина, мое терпение испытывать ты будешь?» Сравните с громом слов в оригинале старика Цицерона: «Quo usque, Catilina, abutere patienta nostra?»

После первого сдвига времени, который я принял за второй инфаркт, пришедший, чтобы окончательно свести со мной счеты — после того как я понял, что не только жив, но и вполне здоров, — я нашел белку. Маленькое серенькое тельце, почувствовав тепло моих ладоней, расслабилось; крошечные коготки вцепились мне в пальцы. После этого зверек неотступно следовал за мной на протяжении трех дней после того, как я направился на юг, чтобы добраться до города Эли, которого так и не нашел. Тогда я еще не понимал, что с белкой произошло то же,

что и с Санди, — я оказался в тот момент, когда она вышла из шока, что сделало ее полностью зависимой от меня...

Через неделю или около того я наткнулся на хижину и человека в гетрах — викинг, оказавшийся на незнакомой ему территории, которого я первоначально принял за обычного человека, раздевшегося до пояса, чтобы наколоть дров. Но потом он заметил меня, вскинул топор на плечо так, будто опускал его в кобуру, и двинулся мне навстречу...

Мне тут же захотелось встать и выйти из палатки, где я лежал, тесно прижавшись к двум другим телам, их соседство вдруг стало просто невыносимо. Я поднялся, чтобы выйти, стараясь не шуметь. Санди поднял было голову, но я так яростно шикнул на него, что он опустил ее на лапы. Девушка лишь пошевелилась во сне и, издав непонятный горловой звук, вытянула руку, чтобы прикоснуться к шерсти на спине Санди.

В конце концов мне удалось выбраться на свежий воздух. Я пристроился спиной к бугристой мягкой коре одного из больших тополей. Небо над моей головой было абсолютно чистым, и его заполонили мириады звезд. Воздух оставался неподвижным, теплым, прозрачным и чистым. Я

откинул голову, прислонился затылком к стволу и вновь запустил вертеться свои мыслительные шестеренки.

Кажется, они начали вертеться в день моего рождения. Нет, лет до семи-восьми дело обстояло иначе, но к тому времени я уже начал понимать, что я сам по себе, и никто другой не нужен.

Мой отец был одной большой загадкой. Скорее всего, он так никогда и не понял, что у него двое детей. Временами я замечал, что он в упор не видит нас даже тогда, когда мы вертелись прямо у него перед носом. Он был директором частной библиотеки Уолтера Г. Маннгейма в Сент-Поле: безобидным человеком и настоящим книжным червем. Но совершенно бесполезен, как отец, и мне, и моей сестре.

Мать была совершенно другой. Прежде всего — очень красивой. Так склонны думать о своих матерях все дети, но я слышал эти признания от доброй сотни мужчин, которые не только так думали, но и сами ей это говорили, чему я был невольным свидетелем.

До рождения сестры мать и составляла всю мою семью. Мы играли во всякие игры, она пела и рассказывала мне бесконечные истории. Но после рождения сестры все стало меняться. Не

сразу, конечно. Мать изменилась только когда Бет научилась бегать. Видимо, с рождением Бет она связывала какие-то надежды на изменение в семейной жизни, чего так и не произошло.

С того момента стала все чаще забывать о нас. И я не винил ее за это. Про отца она забыла давным-давно — впрочем, там и забывать-то было нечего. Но теперь она стала забывать и нас. Сначала — временами, и очень скоро мы научились определять, когда это вновь произойдет. Действительно, в один прекрасный день она появлялась с каким-нибудь новым высоким мужчиной, которого мы раньше никогда не видели и от которого пахло сигарами и спиртным.

Когда она изменилась, для меня наступили тяжелые времена. Тогда я был еще слишком юн, чтобы смириться, и готов был сражаться со всем, что отдаляло ее от меня. Но у меня не было реального противника: неожиданно появлялось «оконное стекло», и, как бы я ни кричал и ни молотил кулаками по прозрачной поверхности, она меня не слышала. Я несколько лет не оставлял попыток изменить ситуацию, но она исчезала из дому на все более и более долгие промежутки времени — отец с ее действиями молчаливо соглашался или, по крайней мере, не возражал.

Борьба в конце концов прекратилась, но не потому, что я сдался, а потому, что в один прекрасный день мать исчезла навсегда. Она, как обычно, ушла и больше не вернулась. В результате я совершил первое в жизни великое открытие — на самом деле никто никого не любит. Просто в детстве ты инстинктивно убеждаешь себя, что тебе нужна мать, а мать инстинктивно оказывает тебе внимание. Но с возрастом ты обнаруживаешь, что твои родители самые обычные эгоисты. Родители, в свою очередь, приходят к осознанию того, что ты не единственный и неповторимый, а просто-напросто маленький дикарь и большая обуза. Когда я понял это, то начал осознавать и преимущество над всеми остальными, которое дало мне сие открытие. Поскольку я уже тогда пришел к выводу, что на самом деле жизнь отнюдь не любовь, как говорят вам в детстве матери, а постоянное соревнование — постоянная борьба. Поэтому я спокойно смог сосредоточиться на вещах, которые действительно что-то значили. С того момента я и превратился в непобедимого бойца, в бойца, которого ничто не могло остановить.

Само собой, я изменился не так уж быстро и окончательно. У меня до сих бывали, думаю, что

и впредь будут возникать моменты рассеянности, когда я, несмотря на всю свою недюжинную закалку, реагирую на других людей так, будто мне не все равно — живы они или мертвы. Что говорить, после того как мать пропала, наступил длившийся несколько лет период, когда Бет очень привязалась ко мне — что было вполне естественно, поскольку, кроме меня, у нее никого не осталось, — а я отвечал ей лишь фальшивой рефлекторной привязанностью. Но со временем она научилась обходиться без меня, и тогда я окончательно освободился.

Свобода моя была такой, что другим людям ее себе просто не представить. Еще в подростковом возрасте взрослые отмечали, сколь я умен. Они считали, что я, возможно, оставлю в этом мире яркий след, но я обычно про себя лишь смеялся им в ответ. Я не только был твердо намерен оставить след в этом мире, нет, я собирался поставить на нем свое клеймо и превратить его в свою частную собственность. Причем у меня не было ни тени сомнения, что я преуспею в своем начинании. Меня, избавившегося от всеобщего заблуждения насчет первозначимости любви, меня, ослеплявшего всех остальных, вряд ли что-то могло остановить. К тому же я убедился,

что никогда не оставляю попыток завладеть тем, что хочу, пока есть чем завладевать.

Я понял это, когда пытался бороться с отстраненностью матери. Я не мог прекратить попытки справиться с этим до тех пор, пока до меня наконец не дошло, что она ушла навсегда. До этого времени я просто не в состоянии был смириться с тем фактом, что она может нас бросить. Мой ум попросту отказывался сдаваться. Мысленно я снова и снова перебирал известные мне факты или события, с идиотическим, бесконечным терпением ища хоть какую-нибудь трещинку в проблеме, как крыса, грызущая металлический уголок, которым обита дверь амбара. Крыса стачивала себе об него зубы, затем ждала, когда они вырастут, и вновь принималась за старое; и так до тех пор, пока в один прекрасный день все же не прогрызала себе дорогу к зерну. Так же было и со мной.

***

В настоящий момент я «грыз» проблему окружающего мира: стремился понять, а что же все-таки случилось с миром. Мой мозг снова и снова прокручивал все известные факты с момента потери сознания в хижине возле Дулута

и до настоящего момента, пытаясь выстроить целостную и объяснимую картину, в которой все кусочки мозаики соберутся воедино.

И вот сейчас, сидя под молодой луной в тени дерева и глядя в сверкающее звездами летнее небо, я начал живо вспоминать дни своей учебы в колледже: написанную тогда статью о методах анализа ценных бумаг, за которой последовали первые реальные вложения, которые должны были подтвердить мою правоту, затем и крупные вложения, потом — пентхауз в Белькорт-Тауэрс, круглосуточное обслуживание по высшему классу и репутация юного финансового гения. Затем выход из игры и покупка «Snowman Inc.», за три года в кресле президента компании я сделал так, что снегоходы и грузовики стали пользоваться невиданным спросом; и, наконец, женитьба на Свонни.

Я никогда не винил Свонни в том, что произошло. Ее все это раздражало точно так же, как раздражало бы меня, прилипни кто-нибудь ко мне так, как прилип к ней я. То, что я вообще решил жениться, в первую очередь было следствием того, что мне попросту надоело жить в пентхаузе. Мне хотелось обзавестись настоящим домом. И стоило мне этого возжелать, как я

осознал, что в качестве приложения к дому мне непременно нужна жена. Я немного осмотрелся и женился на Свонни. Она была не так красива, как моя мать, но и ненамного хуже. Высокая, с превосходным телом и копной тончайших волос какого-то удивительного кремово-золотистого цвета. Волосы были длинными и при ходьбе развевались у нее за плечами как облачко.

Она была юристом, но к работе особой любви не испытывала. Училась неплохо, однако адвокатского экзамена так никогда и не сдала; одним словом, была скорее чем-то вроде красивой безделушки на должности юрисконсульта в одной из адвокатских контор в Сент-Поле. Думаю, она была рада перестать делать вид, что работает, и просто стать моей женой. С моей точки зрения, она была идеальным выбором. В отношении нее никаких иллюзий у меня не было, и я не просил ее быть чем-то большим, чем она являлась на самом деле — красивой, хорошей в постели, способной справляться с необременительной работой по ведению хозяйства супругой. Мне кажется, что наш брак был идеальным. До тех пор, пока я сам не разрушил его.

Время от времени я становился рассеянным и начинал вести себя так, будто окружающие что-

то для меня значат. Очевидно, ту же оплошность я допустил и по отношению к Свонни, поскольку она мало-помалу стала отдаляться от меня и, почти как моя мать, начала все чаще отлучаться, а однажды заявила, что хочет получить развод.

Я был разочарован, не более того. И решил, что пытаться иметь обычную жену-домохозяйку — ошибка. Я смог целиком посвящать себя работе, чем весь следующий год и занимался.

До первого инфаркта. В двадцать четыре года!

Черт возьми, в моем мире ни у кого не должно быть инфаркта в двадцать четыре года! Но тут снова проснулся мой крысиный рефлекс, и я принялся грызть очередную проблему до тех пор, пока не прогрыз выход. Я вышел из игры, оставил ценные бумаги в доверительное управление, с тем чтобы они всю жизнь обеспечивали мне безбедное существование, и удалился в лесную хижину, чтобы жить там и поправлять здоровье.

Два года такой жизни — а потом потеря сознания, белка, путь на юг, человек с топором.., и Санди.

Наткнувшись на Санди, я едва не пристрелил его, но сообразил, что он в том же трансовом состоянии, как и белка. Мы встретились с ним милях в двадцати или около того от Городов-Двойняшек,

в районе, где начали создавать по-настоящему хороший современный зоопарк, такой, где животные могут разгуливать практически везде, где им вздумается, а посетители, чтобы посмотреть на зверей в их диком состоянии, вынуждены передвигаться по сетчатым туннелям и клеткам.

Но когда я там оказался, никакого зоопарка и в помине не осталось — только полузаросшая лесом местность. Там прошла линия временного сдвига, забрав с собой около трех миль шоссе. Поверхность земли была неровной, но почва оказалась сухой, и я двинулся вперед на небольшой скорости, стараясь по возможности выбирать ровную дорогу. Все было в порядке до тех пор, пока заднее колесо вдруг не ухнуло в какую-то яму, и мне, чтобы продолжать путь, пришлось воспользоваться домкратом.

Мне нужно было что-нибудь твердое, чтобы упереть домкрат. Я отправился на небольшую полянку в лесу по соседству, надеясь найти что-нибудь вроде сломанного сука подходящей толщины, и буквально споткнулся о леопарда.

Он скорчился на земле, голова его была склонена набок, а глаза смотрели куда-то вверх, как будто он ожидал, что вот-вот на него нападет огромный враг. Как и белка, он лежал совер-

шенно неподвижно — шторм времени, унесший кусок шоссе и зацепивший его, должно быть, прошел всего несколько минут назад. Когда же я потыкал его носком ботинка в мягкий бок, он вышел из транса и взглянул на меня. Я отскочил и вскинул ружье, которое у меня хватило ума прихватить с собой.

Но он поднялся, шагнул вперед и потерся головой о мое бедро. Он был настолько похож на домашнего кота-переростка, что у меня просто не хватило духа пристрелить его, хотя выстрел в подобной ситуации и был бы самым разумным поступком. Леопард оказался крупным молодым котом весом в сто сорок фунтов, что выяснилось, когда мне удалось загнать его на напольные весы в заброшенном хозяйственном магазине. Он потерся об меня, повернулся и зашел потереться с другой стороны, а походя еще и лизнул мои руки, сжимающие карабин. С тех пор, нравится мне или нет, у меня появился Санди.

С тех пор я много размышлял и о нем, и о белке. Но самое правдоподобное заключение, к которому я пришел по поводу столь странного их поведения, было следующим. Похоже, все живые существа, попавшие под временной сдвиг, возвращались в детское состояние. После того как

я пришел в себя в хижине.., мне не слишком-то приятно вспоминать об этом. Ну да ладно, первое, что мне пришлось сделать, — подмыться. И я хорошо запомнил то самое первое и ужасное чувство беспомощности и одиночества, как будто я вдруг стал маленьким мальчиком, заблудившимся в лесу, из которого никогда не выбраться. Если бы в тот момент кто-нибудь появился и взял меня за руку, я, возможно, повел бы себя, как белка или леопард.

Затем произошла наша встреча — моя и Санди — с девушкой. Она прошла по иному сценарию. Девушка, очевидно, уже успела пройти первую стадию и хоть немного, но оправилась от шока, вызванного сдвигом, но очевидно и то, что это переживание — или что-то случившееся незадолго до того — подействовало на нее гораздо более серьезно, чем то, что временной сдвиг сделал со мной.

Но к тому времени звезды начали медленно кружиться у меня перед глазами, и я уснул...

Я проснулся от бьющего мне в глаза солнечного света. Я весь взмок, и влажное тело зудело под одеждой. Стоял ясный солнечный день, которому едва ли исполнилось два часа. Очевидно, все предыдущее время меня укрывала тень де-

ревьев.

Санди лежал, свернувшись калачиком, у открытого входа в палатку. Девочки не было.

Глава 6

Первой моей реакцией было беспокойство. Но затем верх взял здравый смысл. Для меня — если она действительно ушла — это настоящее облегчение, учитывая все ее погружения в себя и то, как она постоянно донимала Санди — до тех пор, пока он, в свою очередь, не становился невыносимым.

Ну и черт с ней, подумал я, пусть убирается на все четыре стороны.

Но затем мне пришло в голову, что с ней могло что-то случиться. Нас окружала совершенно открытая местность, не считая рощицы молодых черных тополей, за которой журчал небольшой ручей. Я миновал тополя и окинул взглядом противоположный берег ручья. Там раскинулся обширный луг, уходивший вверх по склону холма до самого горизонта, то есть в данном случае никак не больше чем на триста ярдов. Я спустился к ручью, чтобы внимательно осмотреть глинистые сырые берега, и на мягкой почве обнаружил ее следы, цепочка которых вела прямо к воде. Чуть дальше из грязи торчала одна из ее туфелек.

Ручей был мелким — при ее росте никак не глубже чем по колено. Я подошел к туфельке, вытащил ее, заметил цепочку следов в грязи на другом берегу ручья и разглядел рядом с ними две цепочки посторонних следов. Босые ступни большего размера, чем ее. Я почувствовал, что меня одновременно бросило и в жар и в холод.

Я вернулся к палатке, надел пояс с револьвером в кобуре и взял полуавтоматический карабин, в магазине которого помещалось тринадцать патронов. Первым моим порывом было пойти по следам к вершине холма, но потом я сообразил, что это, скорее всего, куда больше насторожит тех двоих, кем бы они там ни были. Увидев меня за рулем фургона, они могут решить, что я плюнул на девочку и бросил ее. Если же пойду по их следам, да еще с Санди, им не останется ничего другого, как заключить, что их выслеживают.

Я упаковал вещи. Возможно, не так просто будет найти им замену, а гарантии, что мы будем возвращаться тем же путем, не было. Потом я забрался в грузовик, на сей раз позволив Санди устроиться на соседнем со мной сиденьи, но заставив леопарда улечься так, чтобы его не было видно снаружи. Я снова выехал на шоссе и двинулся в ту же сторону, куда удалялись следы.

Долго нам ехать не пришлось. Шоссе поднималось по склону того же холма, который начинался от ручья. С его вершины я увидел лагерь из жилых трейлеров. Перед трейлерами высилось какое-то большое здание. Траву в лагере, похоже, давно никто не косил, а между трейлерами мелькали какие-то фигуры. Я подрулил к зданию. Там я обнаружил пару пыльных бензоколонок, а когда затормозил, в дверях появился дружелюбно улыбающийся худой невысокий старикашка в явно великоватом для него комбинезоне.

— Приветствую, — сказал он, останавливаясь футах в четырех от фургона со стороны Санди и глядя на меня сквозь открытое окно. — Желаете заправиться?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Ищу девочку лет четырнадцати — пятнадцати. У нее темные волосы, и она не говорит. Вы случайно не...

— Нет! — взвизгнул он. — Так будете заправляться или нет?

Бензин в эти дни еще нужно было поискать. Я вдруг сильно заинтересовался.

— Да, — сказал я. — Думаю, залью немного. И вот еще что... Я многозначительно замолчал. Он подошел поближе, подставляя левое ухо.

— Что вы говорите? — Он сунул голову в окно

и оказался лицом к лицу с Санди. Между ними оставалось всего несколько дюймов. Он замер, стараясь не шевельнуться.

— Вот и молодец, — похвалил я. — Не двигайся, и чтоб ни звука. И не пытайся слинять. Леопард догонит тебя, не успеешь и трех шагов сделать. — Он ведь не знал, что Санди и через миллион лет не поймет, если я отдам ему команду «взять!».

Я ткнул большим пальцем через плечо в направлении кузова. Это Санди понял. Он соскочил с кресла, развернулся и скользнул в фургон одним плавным движением. Глаза старикашки неотрывно следили за ним. Я перебрался на освободившееся правое сиденье.

— А теперь, — приказал я, — повернись. Встань так, чтобы я мог открыть дверцу.

Он повиновался. Я чуть приоткрыл дверцу с его стороны. Его спина была всего в нескольких дюймах от меня. На комбинезоне, в районе пояса, зияла то ли вертикальная прореха, то ли разрез длиной дюймов в восемь. Я сунул туда руку, и мои пальцы сомкнулись именно на том, что я и ожидал найти. Ствол — пятизарядный «двадцать второй», — засунутый за пояс брюк под комбинезоном.

— Вот и отлично, — сказал я, подхватил кара-

бин, вылез из кабины и встал у него за спиной. — Иди строго передо мной. Веди себя, как обычно, и не пытайся бежать. Леопард всегда рядом со мной, так что если я тебя не достану, то уж он-то точно. Итак, где девочка? Когда начнешь отвечать, говори потише.

— Бу-бу-бу... — заикаясь пробормотал старик. Затем последовало какое-то неразборчивое бульканье. Очевидно — что подтверждали его повторяющиеся предложения заправиться, — кто бы ни были обитатели этого лагеря, для представительства и с тем, чтобы лагерь выглядел как можно безобиднее, они выбрали одного из самых недалеких своих товарищей.

— Пошли, Санди, — сказал я.

Леопард выскочил из машины. Мы пошли за стариком по дорожке мимо колонок. Большое здание казалось не только закрытым, но и заброшенным. За его окнами царила тьма, а на потрескавшейся краске дверей трепетала паутина. Я подтолкнул старика стволом карабина, направляя его за правый угол здания и к лагерю. Я каждую секунду ожидал, что на меня кто-нибудь нападет или раздастся выстрел. Но ничего не происходило. Выйдя из-за угла, я понял почему. У остальных местных жителей был праздник.

Видит Бог, когда-то они, должно быть, были нормальными людьми. Но то, что я увидел сейчас, было больше похоже на толпу то ли голодных дикарей, то ли голодных зверей. Основу толпы составляла молодежь: сплошь худые, буквально ребра наружу, и юноши и девушки — босиком и в потертых джинсах, все голые до пояса. Кроме того, лица и тела всех присутствующих были размалеваны черной краской. Их было человек тридцать или сорок, и они собрались на площадке перед трейлерами. Когда-то здесь был газон или волейбольная площадка. На дальнем ее конце, привязанная к чему-то вроде врытого в землю и обложенного разным горючим мусором, бумагой и хворостом деревянного креста, стояла девочка.

Не знаю, по своей воле она пришла сюда или нет. В принципе, нет ничего невозможного в предположении, что она, решив в конце концов, что Санди никогда ее не полюбит, отчаялась и, встретив тех двоих, чьи следы я видел у ручья, пошла с ними по своей собственной воле. Но теперь она явно была в ужасе. Глаза ее едва не вылезали из орбит, а рот растянулся в крике, который она не в состоянии была издать.

Я подтолкнул старикашку ружьем в спину и, двинувшись вперед, вскоре оказался среди них.

Оружия я не видел, но резонно было бы предположить, что у них имеется кое-что помимо револьвера, который я конфисковал у старика. По спине у меня ползли мурашки, но в тот момент в голову не приходило ничего лучшего, как идти напролом, и, возможно, нам всем удастся просто уйти отсюда — девочке, Санди и мне — без особых проблем.

Они не говорили ни слова, и, пока я шел сквозь толпу, ни один даже не пошевелился. И только когда до девочки оставалось не более дюжины футов, она наконец сумела выдавить из себя крик:

— Берегись!

На какую-то долю секунды я просто оцепенел, услышав из ее уст нечто членораздельное, и растерянно уставился на нее. Затем до меня дошло, что она смотрит на что-то, находящееся у меня за спиной. Я крутанулся на месте, одновременно припадая на одно колено и вскидывая карабин к плечу.

Их было двое, и они залегли на крыше здания то ли с ружьями, то ли с обрезами — у меня уже не было времени решать, что там у них в руках. Они ничем не отличались от остальных, разве что наличием оружия. Крик девушки, должно быть, удивил их не меньше, чем меня, поскольку

сейчас они просто лежали и пялились на меня, забыв о том, что следует стрелять.

Но в любом случае они не столь сильно беспокоили меня, поскольку — не представляю откуда — кое у кого из юнцов в толпе в руках появились луки и стрелы. Возможно, один лук приходился на пять или шесть человек, так что с полдюжины из них уже натягивали тетиву. Я начал стрелять.

Первыми я снял двоих на крыше, причем совершенно не задумываясь, что конечно же было совершеннейшей глупостью, рефлексом человека, привыкшего считать, что только огнестрельное оружие смертоносно, а луки и стрелы — это игрушки. На самом деле те двое все еще прицеливались, а мимо меня просвистела уже пара стрел. И хотя они были учебными, без зазубренных охотничьих наконечников, это не делало их менее смертоносными. Остальные прицеливались и, как я полагаю, все просто не могли так же дружно промахнуться, но меня выручил Санди.

В нем не было ни грамма типа: «Лэсси приходит на помощь». Ситуация явно была превыше его понимания, и, если бы те двое на крыше сразу пристрелили меня — достаточно быстро и аккуратно, — возможно, он просто грустно обнюхал бы мое лежащее на земле тело, недоумевая, а

почему это я перестал двигаться. Но девочка вскрикнула, а от меня, должно быть, резко пахнуло страхом и яростью, так что Санди начал действовать чисто инстинктивно.

Если я был испуган, то и он тоже. А в диких животных, как и в самих людях, страх и ярость переходят в одинаковое чувство. Санди бросился на единственную понятную ему причину страха — группу лучников и их приятелей, стоящих напротив нас, и те внезапно поняли, что имеют дело с совершенно дикой рычащей грудой мышц, клыков и когтей, которая оказалась сто-сорокафунтовым разъяренным представителем семейства кошачьих.

И они пустились наутек. А что им еще оставалось делать? Все, кроме троих или четверых, которые были слишком изодраны или искусаны, чтобы бежать. Я оказался не при делах, зато у меня появилось достаточно времени, чтобы освободить девочку и увести ее подальше от страшной поляны. К этому времени Санди уже находился в противоположном углу поляны, где самозабвенно играл когтистой лапой с окровавленным стонущим человеком, тщетно пытающимся уползти от него. Зрелище было довольно страшное, как, впрочем, и то, что они

собирались учинить с девочкой. Я окликнул леопарда. Он тут же явился на зов, хотя, быть может, и не очень охотно, и потрусил вслед за нами к грузовику. Мы погрузились и двинулись прочь.

Проехав примерно с полмили по шоссе, мне пришлось остановить фургон, свернуть на обочину. В Санди после сражения все еще бурлил адреналин, и он предпочитал лежать в дальнем углу кузова и вылизывать шерсть. Девочке, на которую он не обращал сейчас ни малейшего внимания, стало плохо. Я помог ей выбраться из машины и долго ждал, когда ее перестанет рвать. Затем я усадил ее на переднее сиденье, где она свернулась калачиком, и укрыл одеялом.

— Они собирались меня СЪЕСТЬ, — прошептала она, когда я укрывал ее.

Она уже во второй раз заговорила, причем в один и тот же день. Я взглянул на нее, но она крепко зажмурила глаза. Трудно было сказать с уверенностью, ко мне она обращается или разговаривает сама с собой. Я медленно поехал, давая ей возможность уснуть. В этот вечер, когда мы наконец остановились на ночлег, я попытался заговорить с ней сам. Но она снова прикинулась глухонемой, не желая не то что говорить, а даже смотреть на меня. Ужасно глупо, но я почув-

ствовал некоторое разочарование, а поначалу даже что-то вроде обиды. Во мне снова сработала дурацкая установка детства. И все равно я радовался, что она понемногу выбирается из своей ментальной тюрьмы. Радовался так, будто это имело хоть какое-то значение.

На следующий день мы двинулись дальше на юго-запад. Стоял солнечный жаркий день, и я пребывал в отличнейшем расположении духа. С проселочного асфальта мы выскочили на отрезок скоростного шоссе. Нигде не было видно ни души, да и дорога была совершенно пуста — ни единого брошенного автомобиля. На хорошей трассе фургон мчался куда как неплохо. Благодаря карте Сэмуэлсона я точно знал, что мы находимся неподалеку от Омахи. Если в дороге не возникнет непредвиденных задержек, сможем добраться до нее к заходу солнца. Около полудня — чтобы находиться в безопасности, если кто-нибудь будет проезжать мимо в то время, пока мы обедаем, — я свернул с шоссе на парковочную площадку, вышел и отыскал клочок тени под какими-то большими деревьями с корявыми ветками, названия которых так и не смог вспомнить.

За утро нам почти не попадались туманные стены сдвигов времени — а те несколько, кото-

рые мы встретили, находились далеко, настолько далеко, что при ярком солнечном свете даже невозможно было сказать, движутся они или стоят на месте. Но, очевидно, за время шторма одна все-таки прошлась по тем местам, где мы проезжали. Ярдах в четырехстах от нас боковая дорога резко обрывалась, упираясь в рощицу высоких развесистых пальм, похожих на те, которыми обсажены бульвары в Лос-Анджелесе.

Пальмы и большие корявые деревья служили свидетельством того, что мы на территории, где царит измененное время, отличное от того, в котором мы находились до этого. Воздух показался каким-то сыроватым, не похожим на обычный довольно сухой воздух Среднего Запада в разгар лета: он был настолько мягок, что больше всего напоминал морской. А несколько белых облачков в небе над головой, казалось, висели очень низко и отливали перламутром, как обычно бывает во Флориде, в отличие от обычно высоко висящих и похожих на перевернутые замки облаков более умеренной зоны.

Они выглядели как напоминание о том, что неплохо бы оставаться настороже — на случай появления какой-нибудь очередной странной компании. Насколько я мог определить, проходя-

щие штормы изменяли лишь то, что было ниже уровня животной жизни. Суммируя в уме все увиденное, я постепенно начал приходить к заключению, что окружающая местность отстояла от моих родных времен на сотни, а то и тысячи лет в будущее. Об этом свидетельствовали вызванные бурями разрушения и геологические изменения, после которых на большинстве виденных мной участков последовало сильное облеснение. В большинстве районов жизнь практически вымирала, что и объясняло минимум теплокровных животных, не считая птиц. Само собой, при прохождении линии времени менялись топография и растительность, а еще я заметил рыб в озерах, которые до сдвига времени озерами не были. Но как именно была «составлена» шкала жизни, я не имел ни малейшего представления.

За обедом я еще раз попытался разговорить девушку, но она снова впала в свое обычное бессловесное состояние. Я продолжал болтать с ней из упрямства, потому что считал: если уж она однажды вышла из ступора, то может выйти и снова. То есть, чем упорнее я буду разрушать разделяющий нас барьер, тем скорее это произойдет.

Покончив с едой, я тщательно зарыл консервные банки и бумагу. Мы с девушкой ели много консервов, что делало трапезы делом крайне несложным, к тому же у меня выработалась привычка кормить Санди консервированным собачьим или любым другим мясом, которое удавалось найти. Кроме того, он время от времени охотился. Правда, старался при этом не убегать слишком далеко, что сильно ограничивало его охотничьи возможности. Мусор я закапывал на тот случай, если кто-нибудь или что-нибудь наткнется на него и задастся целью выследить нас.

Мы снова забрались в грузовик и выехали на скоростную автостраду. У меня сложилось впечатление, что этот привал совершенно лишил нас удачи. Через пять миль автострада исчезла — ее обрезала какая-то из прошедших через нее линий сдвига времени. Она закончилась аккуратным бетонным обрывом высотой футов в тридцать. Ниже не было ничего даже отдаленно похожего на дорогу — виднелись только поросшие кактусами и худосочными деревцами песчаные холмы. Пришлось вернуться на пару миль назад, чтобы найти съездную дорогу, которая, насколько я мог видеть, тянулась куда-то вдаль под углом к шоссе. Как и большинство дорог, по которым

нам доводилось проезжать раньше, она была асфальтированной, но оказалась далеко не в столь хорошем состоянии, как та, что привела нас в городок Сэмуэлсона и трейлерный лагерь. Она была узкой, асфальт растрескался, а обочины заросли сорняками. Я засомневался, поскольку, хотя дорога и сворачивала именно в том направлении, куда мне было нужно, но что-то в ней вызвало у меня беспокойство. Мне попросту не нравилось, как она выглядела. Кое-где ее занесло песком — этакие золотые потеки на черном фоне, но, впрочем, не так сильно, чтобы замедлить движение фургона. И все же я старался ехать не более тридцати миль в час, внимательно оглядывая окрестности.

Дорога, казалось, не имела конца, но это ничуть меня не успокаивало. Было в ней что-то незнакомое — она как будто не относилась ни к одному из известных мне времен, невзирая на то, что была точь-в-точь как и любая другая проселочная дорога. Обрамляющие ее по обе стороны песчаные холмы тоже казались какими-то чужими, как будто перенеслись сюда из пустыни и осели здесь. К тому же становилось все жарче.

Наконец я остановил фургон, чтобы поточнее определить наше местонахождение на карте,

поскольку, заглядывая в нее на ходу, я мог потерять направление. Судя по компасу, который я укрепил на приборной панели грузовика, асфальтовая дорога вела почти строго на запад и пригороды Омахи начинались менее чем в двадцати милях к юго-западу от нас.

Пока мы ехали по автостраде, я оставался спокоен, поскольку дорога явно относилась к нашему двадцатому столетию и, несомненно, вела к ближайшему крупному городу, в данном случае — Омахе. На проселочной дороге я поначалу тоже особо не тревожился, поскольку она вела примерно в том же направлении, куда я планировал ехать.

Но теперь я начал бояться, что она уведет нас в северном направлении, минуя город, и я его даже не успею заметить. За это время мы, несомненно, приблизились к нему настолько, что должны были несколько раз пересечь другие ведущие на юг и к центру города дороги. Но до сих пор «другие дороги» нам на пути не попадались. Более того, мы вообще не встретили ничего, указывающего на близость большого города, — ни железнодорожных путей, ни отдельно стоящих домов, ни изгородей, ни стройплощадок, которые только-только начали расчищать бульдозеры..

Мне стало как-то не по себе.

Разложив карту на капоте грузовика, я проследил наш путь до скоростной автострады, затем — по автостраде до места, где мы, как мне кажется, свернули с нее, и дальше — по дороге, на которой мы сейчас находились и которая вела на запад. Дорога на карте была, но, если верить карте, миль через двенадцать проходила через небольшой городишко под названием Лиде, а мы проехали миль двадцать и не встретили даже дорожного знака.

Я повторил изучение карты: сверился с компасом и проследил наш путь, затем проверил показания одометра на приборной доске, чтобы узнать, сколько мы проехали после автострады, — и получил те же самые результаты. По всем прикидкам мы проедем чуть севернее Омахи.

Я вернулся в кабину и снова двинулся вперед, на сей раз очень медленно. Я дал себе слово, что проеду еще пять миль и, если не встречу поперечной дороги, поверну обратно. Я проехал эти пять миль, а потом еще пять. Но поперечных дорог не было. Только узенькая, кажущаяся страшно заброшенной полоска асфальта, которая выглядела так, будто могла тянуться до самого Тихого океана.

Я снова остановил фургон, вылез из кабины и сошел с дороги, чтобы тщательно рассмотреть местность, лежащую к югу. Я прошелся взад и вперед и даже несколько раз топнул ногой. Поверхность была песчаной, но твердой — вполне способной выдержать вес фургона. Растительность же была достаточно редкой и вряд ли могла представлять серьезную помеху для езды. До сих пор я старался придерживаться дорог, боясь поломки грузовика, которая оставила бы нас без средства передвижения и без надежды найти другой транспорт. Передвигаясь на своих двоих, мы станем жертвами первой же надвигающейся на нас туманной стены.

Но ведь сейчас мы были так близко! Всего несколько миль, и можно будет вернуться к нормальной жизни. Я так отчетливо представлял себе Свонни, что практически видел ее на фоне окружающего полупустынного ландшафта. Она должна быть в городе и ждать меня. Уцелевшая часть моей души сохранилась только за счет этой ни на чем не основанной надежды: Омаха уцелела, а вместе с ней уцелела и Свонни, которая живет на здравомыслящем островке мира — таком, каким он был до начала шторма времени. Более того, мой разум неоднократно выдвигал

идею, что Омаха, как и Гавайи, выжила, а это могло означать, что имеются и другие островки безопасности. Проанализировав ситуацию внутри них, определив, что именно защитило эти анклавы, можно найти способ, как победить шторм времени.

Я почему-то был уверен, что Свонни, пережив шторм, забудет о том, что разъединило нас до его начала. За время, пока мы не встречались, она, несомненно, должна была понять, что мое отношение к ней являлось отголоском старого рефлекса, заставлявшего меня вести себя так, будто я действительно ее «люблю». Если она представляет, сколь трудна жизнь за пределами анклавов, в одном из которых она живет, Свонни переосмыслит свое отношение ко мне и поймет, что я могу очень многое для нее сделать...

И чем больше я об этом думал, тем больше проникался уверенностью, что к тому времени, как мы встретимся, она будет готова простить мне мои маленькие эмоциональные слабости. Все, что мне требовалось, — найти ее, а дальше все пойдет как по маслу.

...Я встряхнул головой, решив додумать эту мысль в подходящее время. Сейчас главным был следующий вопрос: стоит ли, бросив эту дорогу,

ехать по целине на юг, чтобы попытаться найти шоссе или улицу, ведущие в город?

Впрочем, больше ничего и не оставалось. Я снова запихал девушку и Санди обратно в фургон — они вылезли вслед за мной наружу и таскались за мной по пятам все время, пока я топал по земле, чтобы выяснить, выдержит ли она фургон, — завел машину, съехал с асфальта и двинулся на юг, ориентируясь по компасу.

Ехали мы вполне прилично. Я сбросил скорость до пяти-десяти миль в час и держал грузовик на второй передаче, время от времени, когда приходилось взъезжать на холмы, переходя на первую. В остальном же все было проще простого. Вверх-вниз, как на волнах, и так на протяжении девяти десятых мили, а потом мы как-то внезапно оказались на краю нависающего над берегом озера обрыва.

Под обрывом тянулась полоска светло-коричневого песчаного пляжа. Неглубокая и застоявшаяся на вид вода за пляжем тянулась влево и вправо насколько хватало глаз и сливалась с горизонтом. По-видимому, шторм времени целиком переместил весь этот участок на ту территорию, которую раньше занимали северо-западные окрестности города, полностью отрезав к нему доступ с этой

стороны. Теперь передо мной стояла новая проблема: какой путь вокруг озера будет наиболее коротким? Куда ехать — налево или направо?

Оставалось только гадать. Я смотрел поочередно в обе стороны, но, пока я так стоял и оглядывался, на озеро надвинулась дымка, поэтому видимость значительно ухудшилась. В конце концов я решил двинуться направо, поскольку мне показалось, что в том направлении, несмотря на слепящие блики отражающегося в воде солнца и дымку, я заметил какое-то темное пятнышко. Я развернул грузовик и тронул машину с места.

Пляж оказался практически ничем не хуже дороги. Он был ровным и твердым. Очевидно, омывающая его вода становилась все более глубокой, поскольку вскоре она утратила свой застойный вид, и теперь на берег накатывался вполне достойный прибой. С озера дул легкий ветерок, но он не спасал от жары и влажности.

Одометр грузовика накручивал милю за милей, и я постепенно пожалел, что не поехал в противоположную сторону. Я, несомненно, выбрал более длинный путь вокруг этой водной преграды, поскольку, как я ни вглядывался вперед, не было видно ни конца ей ни края. Когда маленькие щелкающие цифирки на одометре перемахнули

через двенадцатимильную отметку, я притормозил, остановил грузовик и, развернувшись, двинулся в обратном направлении.

Как я уже говорил, ехать по пляжу было сплошным удовольствием. Я довел скорость до сорока, и очень скоро мы добрались до того места, где впервые увидели озеро. Я продолжал гнать вперед и вскоре увидел что-то прямо по курсу. Отражающийся от воды солнечный свет слепил, и я никак не мог разглядеть, что именно там такое неподалеку от берега: островок размером с носовой платок и растущим на нем деревом или большой плот с установленной на нем вышкой для прыжков в воду. Там же на песке виднелись черные силуэты каких-то двуногих фигур. Можно будет остановиться, спросить у них дорогу и успеть зарулить к дому Свонни точно к обеду.

Чем ближе к темным силуэтам я подъезжал, тем сильнее слепило солнце, не помогал даже солнцезащитный козырек. Я безостановочно моргал. Следовало заранее запастись темными очками и держать их в бардачке на случай подобных ситуаций, но мне и в голову не могло прийти, что солнце будет так неистово слепить. Должно быть, до незнакомцев оставалось футов тридцатьчюрок. Я нажал на тормоза и выскочил

из кабины. Я отчаянно моргал, пытаясь избавиться от мельтешения цветовых пятен в глазах, но все равно никак не мог разобрать, кто там стоит. Теперь на пляже их было около полудюжины и еще несколько виднелось на плоту или что бы там у них это ни было.

Я направился к ним.

— Эй! — крикнул я. — Не могли бы вы показать мне дорогу на Омаху? Я заблудился. Как попасть в Байерли-парк?

В ответ — молчание. Теперь я находился в нескольких шагах от них. Я остановился, зажмурился, отчаянно потряс головой. Затем снова открыл глаза.

Теперь мне в первый раз удалось как следует разглядеть их. У существ действительно было по две ноги, но на этом их сходство с людьми и заканчивалось. Одежды на них вроде бы не было, и я мог поклясться, что их тела сплошь покрыты зеленовато-золотистой чешуей. Крупные ящероподобные морды с немигающими темными глазами были повернуты в мою сторону.

Я, в свою очередь, ошалело уставился на них. Затем обернулся и взглянул на их плот, на то, что раскинулось за ним. Вокруг нас были только пляж и вода — ничего больше. И тут только меня

наконец осенило — я постиг жуткий смысл всего происшедшего.

Воды было слишком много. Омаха никак не могла существовать где-то за краем этой водной глади. Я все это время заблуждался. Я обманывал себя, питая душу неосуществимой надеждой, считая, что место, куда я пытался добраться, есть не что иное, как Центр Мирозданья.

Омаха исчезла. Исчезла совсем и Свонни. И многое другое исчезло навсегда. Я навсегда потерял Свонни, как некогда потерял мать...

Солнце, стоявшее высоко над головой, успело за это время преодолеть половину небосклона и окрасилось в кроваво-красные тона. Вода стала темной как чернила и подступила ко мне и глазеющим на меня ящероподобным созданиям. Возникло ощущение, что мозг раскалывается, все внутри меня закрутилось, как вода, стекающая в сток раковины, который засасывал и озеро, и пляж, и все остальное, включая мою сущность, в отвратительную и устрашающую бездну.

Это был конец света. Ради Свонни я был готов пережить что угодно, но все это время ее уже не было. Возможно, что и она, и Омаха исчезли в первый же момент разразившегося шторма времени. После чего в моем больном сознании

оставался только ее образ. Выходит, я столь же безумен, как и Сэмуэлсон. Сбрендившая кошка, идиотка-девица и я — мы не более чем троица шизиков. От дальнейшего у меня осталось смутное и далекое впечатление, будто я вою, как сидящий на цепи пес, и еще.., ощущение удерживающих меня сильных рук. Но и это быстро растворилось в полном и абсолютном ничто...

Глава 7

Мир подо мной мягко раскачивался. Нет.., это был не мир, это мягко покачивался на волнах плот.

Придя в себя, я начал припоминать, что и до этого несколько раз приходил в себя. Но происходило это довольно редко. Большую часть времени я пребывал в мире, где мне в конце концов удалось найти Свонни — но Свонни изменившуюся, — и мы с ней осели в совершенно не затронутой штормом времени Омахе. Медленно, мало-помалу тот мир начал истончаться, и все чаще и чаще наступали моменты, когда я оказывался не в Омахе, а здесь, на плоту, видел и его и все остальное вокруг меня. Теперь уже не оставалось сомнений, в каком мире я нахожусь на самом деле.

Итак, на сей раз я вернулся окончательно. Я чувствовал это, как и зверский, до болезненности, яростно терзающий мои внутренности голод. И тогда я впервые задумался, а куда направляется плот, начал беспокоиться о Санди и девчонке.

Я огляделся, узнавая то, что видел в предыду-

щие периоды возвращения сознания. Над морем или чем там оно ни было, по которому мы плыли, стоял чудесный ясный день. В нескольких дюймах от моего носа торчали какие-то прутья или ветки, из которых было сплетено некое подобие окружающей меня клетки. За стенами клетки было небольшое, футов десять, пустое пространство — бревенчатая поверхность, тянущаяся до края плота, утыканная вездесущими побегами, растущими из бревен, составляющих плот, хотя, впрочем, сегодня они все были аккуратно и, по-видимому, совсем недавно обгрызены. Там, где заканчивались бревна, начиналась неустанно колышащаяся поверхность серовато-голубой воды, уходящая за горизонт.

Я перевернулся на другой бок. Длиной плот был в сотню или около того футов. На одном краю торчало несколько деревьев, — я назвал их «деревьями» только потому, что больше ничего не приходило в голову, — которые своими утыканными толстыми листьями с довольно пышными кронами, как парусами, ловили малейший ветерок, толкая тем самым плот. Вокруг них росли аккуратно ухоженные кусты, из веток которых были сооружены и моя клетка, и почти все остальное, что люди-ящерицы делали своими

руками.

За деревьями и кустами были сплетены еще две клетки, в которых содержались девочка и Санди; чуть дальше высилась горка из раковин и камней, очевидно, представляющих для ящериц какую-то ценность. Выглядели оба моих подопечных вполне прилично. Ну разве что немного похудели, хотя на первый взгляд казались достаточно бодрыми. Кроме того, девочка производила куда более разумное впечатление, чем раньше, и, похоже, куда лучше, чем раньше, держала себя в руках. А еще дальше за ее клеткой, помимо нескольких куч разной дребедени и мусора — от песка до чего-то очень похожего на шкуры, — расположились члены команды. Я поймал себя на том, что называю их командой за неимением лучшего термина, хотя большинство из них вполне могло оказаться и пассажирами. Или, возможно, все они были членами одной семьи — я просто не знал, как именно обстоит дело.

Но как бы то ни было, на плоту их было тридцать или сорок. Большинство просто лежало совершенно неподвижно на животе или на боку, подставляя тело палящим солнечным лучам, но при этом их темные глаза были открыты, а головы приподняты, так что на спящих они не были

похожи. Те же немногие, кто оставался на ногах, бесцельно бродили по плоту. И только у четверти существ вроде бы было какое-то занятие. Один из них ползал на карачках вдоль бревен, по дороге аккуратно обгрызая свежеотросшие побеги, а другие трое торчали на заднем краю плота. Они держали длинное древко огромного рулевого весла, которое, очевидно, и задавало плывущему по ветру плоту какое-то направление.

В самом центре плота футах в двадцати от моей клетки в бревнах зияло четырехугольное отверстие, в котором, как в небольшом искусственном пруду, плескалась та же вода, что окружала нас со всех сторон. Несколько минут я озадаченно разглядывал бассейн. Его вид вызывал у меня какие-то смутные воспоминания, как что-то, о чем следует помнить, но что к вящему моему огорчению никак не желало всплывать из подсознания. Нечто, относящееся к одному или нескольким моментам моих прежних возвратов к реальности. Пока я разглядывал бассейн, один из валяющихся на бревнах людей-ящериц встал, подошел к пруду и шагнул прямо в воду. Он тут же скрылся под водой и оставался там не меньше четырех или пяти минут. Потом его голова на мгновение показалась над поверхностью, но тут

же исчезла вновь.

Послышалось еще несколько всплесков. К своему товарищу присоединились другие человекоящерицы. Я еще некоторое время наблюдал за бассейном, но люди-ящерицы оставались под водой. Минут через пятнадцать один из них выбрался на плот и разлегся на бревнах, посверкивая на солнце влажными чешуйками.

Из прежних периодов просветления я припоминал, что не раз был свидетелем подобных купаний, но ни разу не задумывался над их смыслом. Теперь же, когда разум окончательно вернулся ко мне, сработал извечный рефлекс, заставляющий меня искать ответы на неразрешимые вопросы. Наиболее очевидной причиной их продолжительных купаний могла быть потребность в постоянном поддержании определенного уровня влажности наружных кожных покровов. Они производили впечатление существ, постоянно живущих в воде: либо их раса развивалась в глубинах моря, — или как иначе называлось то, по чему мы там сейчас плыли, — либо они были людьми, вернувшимися к жизни в морских глубинах. Если верно последнее предположение, то получалось, что эта часть мира и в самом деле оказалась заброшенной либо в очень далекое

будущее, либо в глубокое прошлое; настолько глубокое, что на этом месте оказалось обширное древнее море Небраска — мелководный океан, занимавший почти все внутреннее пространство североамериканского континента в пермский период. Если в будущее, то со временем геологические процессы привели к возрождению моря.

При таком колоссальном временем сдвиге в будущее я вполне мог оказаться среди людей, которые успели деградировать и пережить генетические изменения, создавшие из них существ, которые захватили нас в плен. Я пристально пригляделся к ним.

До сих пор я не удосужился внимательно рассмотреть людей-ящериц, но теперь, приглядевшись, ясно определил, что на борту были представители двух полов: у самок имелись едва заметные выступающие молочные железы.

Половые органы у представителей обоих полов были одинаково скрыты толстой горизонтальной складкой кожи, свисающей от низа живота и полностью скрывающей промежность. Но даже то, что я смог разглядеть, на вид явно относило их к млекопитающим, более того, к человекоподобным. Таким образом, подтверждалась моя догадка насчет того, что этот район перебросило

в далекое будущее.

Помимо того что люди-ящерицы имели некоторые внешние половые отличия, поведение этих существ практически ничем не отличалось, и время они проводили совершенно одинаково. Никаких намеков на половое влечение я не смог отметить. Хотя половое влечение у них могло быть делом сезонным, а сейчас было не то время года.

Они явно привыкли проводить изрядную долю времени в воде, именно этим и объяснялись их периодические купания в бассейне. Не исключено, что в этом они походили на дельфинов, которым, если они длительное время находятся на воздухе, также необходимо периодически увлажнять кожу.

Однако мне показалось странным, что они, если причина их купаний и в самом деле была такой, как я думал, не поленились прорезать отверстие в центре своего плота, в то время как более логично было бы нырять с его края. Я как раз размышлял над этим, когда понял, что некая вещь, на которую был устремлен мой взгляд, совсем не то, чем она казалась на первый взгляд.

Наверняка почти у каждого в жизни бывали моменты, когда смотришь на какой-нибудь пред-

мет и принимаешь его совсем не за то, чем он является на самом деле, а потом в мозгу как будто раздается щелчок и ты начинаешь понимать, что это такое на самом деле. Я рассеянно рассматривал нечто вроде вертикально торчащей из воды рядом с плотом примерно в полудюжине футов от его края доски и старался прикинуть, какая от нее может быть польза, когда эта штука вдруг выказала свою истинную сущность, и внутри у меня вдруг похолодело.

Я позволил себе решить, что поскольку торчащий конец доски относительно плота был практически неподвижен, то это просто какая-то его часть. И тут вдруг я понял, что это такое на самом деле, — я вдосталь насмотрелся на них во время своих многочисленных рыбалок в Южной Америке, еще в те времена, когда был владельцем «Снеговика, Инк.». То, на что я смотрел, было плавником плывущей рядом с плотом акулы. Этот характерной формы плавник невозможно было спутать ни с чем — ни с рыбой-парусником, ни с тарпоном, да и ни с каким другим обитателем морских глубин. Это был спинной плавник акулы — но какой!

Если размеры плавника были пропорциональны скрывающемуся под водой телу, то тело это

длиной было никак не меньше чем в половину плота.

Теперь, когда я понял, что это на самом деле такое, я мог лишь удивляться, с чего это вдруг принял плавник за простую деревяшку. Но щелчок в моем мозгу уже прозвучал, и обратно мое сознание перещелкиваться не хотело. Если в этих водах обитают подобные чудовища, то нет ничего удивительного в том, что люди-ящерицы предпочитают купаться в бассейне.

С другой стороны, это все равно было странно.., ведь стоит одному или нескольким из них оказаться в воде, как акула с легкостью может достать их и под плотом — точно так же как и рядом с ним. Если только не существовало какой-то причины, по которой чудовище предпочитало не подныривать под плот. Или, может, люди-ящерицы прикинули, что, пока акула будет нырять за ними под плот, они преспокойно успеют выбраться из воды и в безопасности расположиться на бревнах? Да, теория, пожалуй, неплохая. С другой стороны, я ни разу не замечал, чтобы они выбирались из бассейна очень уж поспешно.

А может, в воде люди-ящерицы передвигаются быстрее акулы? Но это маловероятно, хотя наши тюремщики явно чувствовали себя в воде

как дома и, очевидно, были просто созданы для плавания. У них были массивные тела и массивные конечности, их локти и колени были всегда слегка согнуты, создавалось впечатление, будто они постоянно ходят полупригнувшись. К тому же на руках и ногах у них были доходящие до самых кончиков пальцев перепонки. Физически, по сравнению с людьми, они выглядели очень сильными, а их зубы напоминали акульи. В то же время ни один из них не был выше пяти футов. Но, по сравнению с акулой подобных размеров, об их силе нечего было и говорить.

Я как раз раздумывал обо всем этом, когда распорядок жизни на плоту вдруг резко изменился. Один из людей-ящериц приблизился к клетке, где сидела девушка, и открыл дверцу. Девочка выбралась наружу, причем так, словно она проделывает это уже не в первый раз и процедура ей отлично знакома, встала, подошла к бассейну и прыгнула в воду. Вынырнув, она подплыла к краю и, не намереваясь вылезать, схватилась за бревна рукой.

К выпустившей ее ящерице присоединилась вторая, и они отправились к клетке с Санди, который при их приближении зарычал. Они не обратили на это ни малейшего внимания, а

просто с легкостью вдвоем подняли клетку — очевидно, я был прав насчет их силы, — поднесли к бассейну и открыли дверцу.

Однако Санди, в отличие от девочки, не проявил ни малейшего желания прыгать в воду. Но, как я мог судить, ящерицам уже приходилось сталкиваться с подобной проблемой. Подождав несколько мгновений, одна из них спрыгнула в бассейн, вытянула чешуйчатую руку и потащила клетку вместе с Санди следом за собой под воду.

На мгновение исчез и леопард, и клетка, и ящерица. Затем посреди бассейна из воды появилась голова Санди. Он отфыркивался и бешено греб лапами. Подплыв к краю бассейна рядом с тем местом, где плескалась девушка, он выбрался из воды и, усевшись на солнышке, принялся вылизывать шерсть. При этом вид у него был настолько разъяренным, насколько может выглядеть разъяренной только мокрая кошка. Ящерица вынырнула следом за ним, таща за собой пустую клетку, и выбралась из бассейна с другой стороны.

Люди-ящерицы не предприняли немедленной попытки засадить его обратно в клетку, и я наблюдал за ним, пока меня не заставил обернуться раздавшийся позади скрип. Это открывали двер-

цу моей клетки. Я развернулся и выполз наружу. Передо мной стоял человек-ящерица и смотрел на меня. Поворачиваясь и направляясь к бассейну, я успел уловить исходящий от него слабый, но тошнотворный запах рыбы. На краю бассейна я остановился и снова взглянул направо — туда, где по-прежнему нес свою вахту акулий плавник.

Мой провожатый приподнял меня и бросил в воду. Я, отплевываясь, вынырнул и ухватился за край, чтобы вылезти, и тут заметил девочку, которая по-прежнему держалась за бревно и наблюдала за мной. Очевидно, она считала бассейн безопасным местом.

Я наклонил голову, попытался разглядеть что-нибудь под водой, но на бассейн как раз падала тень торчащих на носу плота деревьев. Тогда я набрал полные легкие воздуха, опустил голову в воду и огляделся. Только сейчас я понял, почему, находясь в бассейне, об акуле можно не беспокоиться. Снизу плот представлял собой хаотическое переплетение то ли корней, то ли ветвей надводной стороны плота: растительность, сошедшая с ума, — настоящие джунгли прямых и изогнутых, похожих на лианы ветвей, причем некоторые из них были такими же толстыми, как и составляющие плот бревна. Корни были повсюду, кроме

пространства бассейна, где свободное пространство составляло в диаметре около пятнадцати футов. Видимо, ящерицы постоянно обкусывают лишние корни в пределах бассейна так же, как они делают это на поверхности плота, обгрызая свежие побеги с поверхности бревен. Было ясно, что даже тварь вроде сопровождающей плот акулы не в состоянии добраться до нас через столь плотные подводные заросли.

Таким образом бассейн действительно оказывался безопасной территорией. Кроме того, тяжелая масса растительности под плотом играла еще и роль своеобразного киля. Я поднял голову и огляделся.

Девочка все еще плескалась в воде. Санди по-прежнему сидел на бревнах и невозмутимо продолжал вылизывать шерсть. Две ящерицы, которые вытащили нас из клеток, отошли в сторонку и, смешавшись с толпой, стали неотличимы от сородичей. Интересно, а что произойдет, если я самостоятельно вылезу из бассейна? Я так и сделал, а девочка последовала моему примеру секундой позже. Не произошло ровным счетом ничего. Ящерицы не обращали на нас никакого внимания.

И тут я с удивлением ощутил, как чья-то ладонь

легла на мою. Я обернулся и понял, что это девочка. До сих пор она ничего подобного не делала.

— Что случилось? — спросил я.

Она не ответила, просто потянула меня за собой на корму плота. Я последовал за ней, испытывая некоторую растерянность, но тут же меня пронзило ощущение знакоместа происходящего. А следом нашелся и ответ, пришедший из смутных воспоминаний о предыдущих возвращениях сознания. Она вела меня — при этом ящерицы игнорировали наши действия — на корму плота, единственное место, где во время путешествия мы справляли естественные нужды. Очевидно, пока я был не в себе, она взяла в обязанность водить меня сюда после каждого очередного купания.

Когда память об этом вернулась, резко включились внутренние тормоза. Действительно, с момента нашей встречи мы с ней жили бок о бок. Но теперь, когда шарики в моей голове наконец встали на место, в столь интимном деле, как туалет, я предпочел бы по меньшей мере иллюзию уединения. Она поняла, что ей со мной не справиться, так что отправилась на край плота в одиночестве. Я же вернулся обратно к бассейну.

Санди к этому времени почти высох и, похоже,

снова взирал на окружающий миром с обычным благодушием. Когда я подошел к бассейну, он поднялся с бревен, на которых лежал, и обвился вокруг моих ног, негромко урча... Я погладил его по голове и уселся на краю бассейна. После неудачной — поскольку я просто не позволил ему сделать этого — попытки забраться ко мне на колени он сдался, улегся рядом и утешился тем, что положил на мои колени только голову. Голова взрослого леопарда тоже весит немало, но уж лучше голова, чем целый леопард. Я погладил его, чтобы успокоить и пресечь дальнейшие поползновения приласкаться. Он закрыл глаза, отозвавшись на столь непривычное количество ласки с моей стороны радостным урчанием.

Через некоторое время девочка вернулась, и я смог отправиться на корму, предварительно строго велев ей оставаться на месте, поскольку она снова попыталась меня туда сопроводить. Она, похоже, очень беспокоилась, но все же осталась у бассейна. Когда я вернулся, она лежала, обняв рукой Санди, то есть снова вела себя в своей обычной манере — делала вид, что меня попросту не существует.

Я сел по другую сторону от Санди, чтобы он не тревожился, и попытался обдумать ситуа-

цию. Но почти тут же к нам приблизилась пара ящериц. Девочка покорно поднялась и залезла в свою клетку. Я понял намек и забрался в свою. Санди же, разумеется, не выказал ни малейшего желания повиноваться, однако ящерицы справились с ним довольно ловко. Они набросили на него некое подобие неуклюже сплетенной сети, опутали и вместе с сетью запихали в клетку. Оказавшийся в одиночестве Санди принялся барахтаться и выпутываться до тех пор, пока не освободился, а через некоторое время одна из ящериц, проходя мимо, просунула руку сквозь прутья, вытащила сеть и унесла.

Когда я снова оказался в клетке, то понял, что голоден и ужасно хочу пить. Больше всего мучала жажда. Я попробовал кричать, в надежде привлечь внимание ящериц, но они не обращали на меня внимания. Я даже попытался окликнуть девочку в надежде, что она что-нибудь подскажет, но она уже вновь впала в безразличное состояние, как и ящерицы. Выбившись из сил, я заснул.

Проснулся я перед закатом от скрипа открывающейся клетки. Не успев прийти в себя, я снова оказался в бассейне. На сей раз я догадался попробовать воду, в которой оказался. Она была не столь соленой, как океанская вода, хотя в ней

и чувствовался слабый солоноватый привкус, главное — для питья она была пригодна. Если это действительно было море Небраска, то с одной стороны оно должно иметь выход в океан. Правда, насколько я помнил, в книге было написано, что оно очень мелководное — вроде Балтийского моря в мои времена, — поэтому здесь, в северной его акватории, впадающие реки и подводные ключи вполне могли сделать его почти пресноводным. Я выбрался из бассейна и отправился на корму, чтобы напиться. Пить из бассейна я побоялся, поскольку вода там могла быть чем-нибудь загрязнена. Никогда в жизни вода не казалась мне такой вкусной.

Потом я долго лежал на бревнах плота с раздувшимся животом, дожидаясь, когда живительная влага пропитает все остальные обезвоженные органы и ткани моего тела; ощутив положительный эффект, я встал и отправился на поиски какой-нибудь еды. Результатом беглого поиска съестного стали несколько кокосовых орехов, которые мне нечем было вскрыть, какие-то зеленые листья, которые могли быть столь же съедобными, сколь и несъедобными, а также гроздь бананов, большинство из которых были зелеными.

Я выбрал самый спелый на мой взгляд банан,

ожидая, что ящерицы меня остановят. Но они на меня не реагировали. Насытившись, я вспомнил о девочке и, взяв несколько бананов, отправился к ней.

Она удостоила меня всего лишь мимолетным взглядом и отвернулась. Но бананы все же взяла и быстро съела. Покончив с едой, она встала, отошла в сторонку, улеглась на бок и, как мне показалось, просунула руку сквозь твердые бревна плота.

Я подошел ближе и увидел, что она нашла место, где между двумя бревнами зияла довольно широкая щель, и ее рука была опущена в воду — в мешанину подводных корней.

Что-то в ее позе, в том, как она лежит, показалось мне до странности знакомым. Я выпрямился и окинул взглядом плот. Так и есть: лежавшие повсюду ящерицы принимали практически ту же позу, что и она. По-видимому, они тоже нашли щели между бревнами.

Мне стало интересно, в какую игру играет и она, и все остальные. Я даже на всякий случай спросил ее об этом, но, само собой, ответа не добился. Затем, всего через несколько секунд, она вдруг села, вытащила руку и протянула мне стиснутый кулак. Когда она разжала пальцы, на ее ладони

лежала маленькая рыбка — не больше обычной золотой рыбки из домашнего аквариума.

Протягивая улов, она отвернулась, но было совершенно ясно, что рыбка предназначается мне. Я не взял рыбку, и девочка бросила на меня взгляд, в котором промелькнуло нечто вроде гнева, после чего она отбросила добычу прочь. Рыбка упала на палубу плота всего в нескольких дюймах от носа Санди. Леопард вытянул шею и жадно слизнул ее языком.

Девочка снова вернулась к рыбной ловле. Не знаю, что она поймала в следующий раз, только улов она тут же отправила себе в рот. Через некоторое время, видимо, насытившись сама, она мнократно ходила к Санди и скармливала ему то, что ухитрилась поймать. Мне стало любопытно, и я отправился искать такую же щель, нашел и, улегшись на бревна, прильнул к ней глазом.

Поначалу в тени под плотом почти ничего не было видно. Но когда глаза привыкли к полумраку, я всмотрелся в путаницу корней и увидел настоящий аквариум, кишащий всяческой мелочью. Так вот как питаются ящерицы. Это напоминало ферму, которую вы берете с собой всякий раз, когда отправляетесь в дорогу. Мелкие рыбки и похожие на небольших кальмаров созда-

ния, которых мне удалось разглядеть, поначалу не показались мне аппетитными. Но после трех дней на банановой диете я поймал себя на том, что не просто жую их, как девочка и ящерицы, а ем, наслаждаюсь вкусом. Оказывается, белковое голодание может стать удивительно мощным аргументом.

На протяжении нескольких следующих дней я пытался найти ответы на многочисленные вопросы, в том числе и на тот, зачем нас прихватили в плавание на плоту. Наиболее очевидный из пришедших мне в голову ответов понравился мне меньше всего. Мы, как и бананы и кокосы, со временем станем экзотической добавкой к обычному рациону ящериц.

И еще я муссировал идею, что нас прихватили в качестве рабов или как забавные курьезы, которые предстояло использовать или впоследствии на что-нибудь поменять. Поверить в это было крайне трудно. Ящерицы явно были людьми примитивными, если только они и впрямь были людьми, а не представителями какого-то «муравьиного» сообщества, действующего по велению инстинкта, а не разума. Я ни разу не заметил, чтобы они общались между собой на каком-либо языке, как не видел, чтобы кто-нибудь из них

пользовался хотя бы каменными орудиями, чтобы что-нибудь сделать или изготовить какую-нибудь вещь. Самым крупным достижением их цивилизации было искусство плетения сетей и клеток, умение собирать разные разности вроде кокосов, вроде нашей троицы, и постройка этого плота — если только этот плот и в самом деле был построен, а не выращен или не выгрызен из какого-то гораздо более крупного массива растительности, частью которого изначально являлся.

Ба! Я забыл про рулевое весло. Как только меня вновь выпустили из клетки, я отправился на корму, чтобы рассмотреть его. То, что я увидел, соответствовало всему остальному. Весло оказалось не столько веслом, сколько просто более тонким стволом дерева той же породы, что и составлявшие плот. Настоящей лопасти у него не было. Это был древесный ствол, абсолютно голый до того места, где он скрывался под водой, но сразу под поверхностью воды он благодаря обилию покрывающих его буйно разросшихся корней превращался в некое подобие швабры. Импровизированный руль был всунут в щель между двумя бревнами плота и для надежности привязан большим жгутом из все тех же гибких лиан для плетения сетей. Жгут рвался несколько

раз в день, но ящерицы, находившиеся к рулю ближе остальных, каждый раз терпеливо перевязывали его.

Каков бы ни был их культурный уровень — даже невзирая на то, была ли у них какая-либо культура вообще, — они явно прихватили нашу троицу для каких-то своих надобностей, а отнюдь не ради наших. Меня вдруг осенило, что чем раньше мы удерем от них, тем лучше.

Но здесь на плоту посреди неизвестного бескрайнего водного пространства думать о побеге было куда как проще, чем осуществить его. Во-первых, нам придется ждать до тех пор, пока плот снова не пристанет к берегу, а сказать, когда это случится, было невозможно. Или возможно? Я принялся размышлять над этой проблемой.

Трудно было поверить, что ящерицы на своем утлом плоту, да еще с помощью «швабры» вместо руля, следовали каким-нибудь определенным курсом. В лучшем случае, сказал я себе, они могут лишь немного изменять его. Но, поразмыслив над этой проблемой, я сообразил, что ветер постоянно дует со стороны кормы и, с тех пор как ко мне вернулись чувства, дует почти всегда с одной и той же силой. Конечно, мы все еще находились в умеренных широтах того, что ко-

гда-то называлось Северной Америкой, и гораздо севернее зоны пассатов. Но что, если здесь, над этой водной гладью, теперешние климатические условия всегда порождали ветры, дующие в одном направлении? Ну, скажем, ветры, дующие в восточном направлении летом и в западном — зимой? Судя по солнцу, сейчас мы в общем и целом двигались на восток. Если полагаться на постоянный строго направленный ветер, то даже столь грубое сооружение, как этот плот, может плыть, придерживаясь примерно одного и того же маршрута, зависящего лишь от времени года.

Тем же вечером я отметил на одном из бревен угол захода солнца на горизонте по отношению к продольной оси плота, вырезав отметины на одном из бревен под моей клеткой с помощью карманного ножа. Солнце садилось практически прямо по курсу, ну разве что чуть-чуть севернее. На следующее утро я снова сделал отметку, только на сей раз угла восхода, и он снова оказался чуть севернее нашей продольной оси. Проверка угла рулевого весла подтвердила это. Три держащие руль ящерицы направляли его так, чтобы плот немного отклонялся на север от линии восток-запад. Только тогда я сообразил проверить наш курс по звездам.

Что и сделал, как только они появились в ночном небе. Но, оказалось, здешние звезды совершенно мне незнакомы. Я не смог узнать ни одного созвездия. Не то чтобы я так уж здорово разбирался в астрономии, но, как и большинству людей, мне обычно не составляло труда найти среди звезд Большую и Малую Медведицы и с помощью Большой Медведицы отыскать Полярную Звезду. Такое разительное отличие в очертаниях созвездий свидетельствовало лишь о том, что временной сдвиг перенес эту часть мира страшно далеко от того времени, которое я знал, — либо в очень далекое будущее, либо в невероятно глубокое прошлое.

Если так.., в закоулках моего сознания затеплилась новая мысль.

Если наш плот и в самом деле пребывает в пермском периоде или в каком-то подобном перми периоде будущего, то вполне возможна была одна вещь. Мы почти наверняка движемся приблизительно параллельно северному берегу внутреннего моря, поскольку берег, где мы столкнулись с ящерицами, должен был быть все тем же самым северным берегом. И теперь казалось вполне возможным, что с тех пор мы твердо придерживаемся устойчивого северо-восточного

курса. Как-то раз много лет назад в одной книге по геологии мне довелось увидеть карту Великого Моря Небраска. На ней было изображено опускание территории южных и центральных штатов, в результате которого Мексиканский залив практически затопил южные области центральной части Северной Америки. А следовательно, мы почти наверняка вскоре снова окажемся вблизи берега. Из этого же вытекало, что наше плавание не было, как я поначалу опасался, каким-то бесконечным путешествием в никуда, как вполне могло оказаться, поскольку под нами плавал бесконечный запас пищи, а вода вокруг плота была вполне пригодной для питья.

Перспектива вновь оказаться вблизи земли означала, что у нас по крайней мере появится шанс сбежать. Я обрадовался этой мысли и, поскольку пока особенно тревожиться было не о чем, предался воспоминаниям о том, что все это время тяжким грузом давило мне на сердце.

Безумная, жившая во мне слепая вера в то, что Свонни жива, никогда не покидала меня, обитая где-то на задворках сознания.

В остальном же я вполне отдавал себе отчет, что это не более чем иллюзия. Очевидно, пока я был не в себе, то немногое, что еще оставалось

от моего разума, мало-помалу примирилось с этой мыслью. И теперь я был готов признать, что попал под влияние чего-то большего, чем затянувшийся примитивный рефлекс привязанности. Очевидная правда состояла в том, что я по уши влюбился в Свонни. Причем не просто потерял голову, а «сделал» это уже после того, как женился на ней, а не до того. И оттолкнуло ее от меня именно то, что я попытался изменить правила игры уже после того, как игра началась. Я позволил себе внутренне признать, что люблю Свонни, и создал в воображении совершенно надуманный образ идеальной женщины. Но она, конечно же, была не идеалом, а самым обычным эгоистичным человеческим существом. Когда же она поступила так, как должна была поступить, и сбежала, чтобы не дать мне возможности сделать из нее то, чем она не являлась, я буквально загнал себя работой до смерти и почти преуспел в этом, заработав инфаркт.

Думаю, я так и не смог полностью освободиться от Свонни даже в те дни. Поэтому, когда разразился шторм времени, единственное, с чем я никак не мог примириться, так это с тем, что он каким-то образом затронул и ее.

Теперь же я осознал и пережил факт ее гибели.

Конечно, безумие все еще гнездилось на задворках моего сознания и его следовало опасаться, однако дни его были сочтены — время очень скоро убьет его окончательно. Точно так же время излечило мое чувство утраты, когда она вышла замуж. Теперь, когда мое безумие издыхало, у меня, большую часть времени запертого в своей деревянной клетке и никуда больше не торопящегося, была уйма свободного времени, чтобы начать более трезво взирать на окружающий меня мир. И это позволило мне понять две вещи, которые ранее я понимать просто отказывался.

Во-первых, для того чтобы выжить на этом плоту, нам придется изрядно потрудиться. Мало того, что Санди и девочка ужасно исхудали, я заметил, что они продолжают худеть. Одному только Санди для поддержания жизни требовался эквивалент четырех фунтов мяса в день. Мне требовалось около двух тысяч калорий или хотя бы половина этого количества, и девочке, поскольку она в общем-то была еще подростком, примерно столько же. Мы с ней могли бы обойтись лишь одними углеводами, то есть бананами, пока они были в наличии. Но ежедневно добывать для Санди эквивалент четырех фунтов белковой пищи из щелей между бревнами

плота было просто нереально, даже если бы мы с девочкой и трудились изо всех сил, что мы и делали с тех пор, как я понял, в какой ситуации мы оказались. Люди-ящерицы обеспечивать нас пищей не собирались. Таким образом, если мы хотели остаться в живых, нам нужно было как можно быстрее оказаться на суше.

Во-вторых я понял, что сдвиги времени пережило небольшое количество людей и животных. Очевидно, сдвиги напоминали грабли, выметавшие большинство населения, но время от времени позволявшие отдельным индивидуумам вроде меня, девочки или Санди проскочить между зубьями. Или дело обстояло таким образом, или попросту некоторые из нас были способны выжить в какой угодно ситуации — так сказать, статистический иммунитет...

Перенесена ли была большая часть населения моего времени в какой-то иной континуум, либо все люди были уничтожены внезапно изменившимися условиями — точно сказать невозможно. Но с каждым днем одно становилось все очевиднее и очевиднее — никакой реальной надежды на то, что они когда-нибудь вернутся, не оставалось. И движущийся палец начертал...

Тем не менее я, девочка и Санди вместе с неболь-

шой кучкой других, в том числе и людей-ящериц, выжили, и теперь нам предстояло пользоваться тем миром, который нам оставили в наследство силы, о которых мы ничего не знаем. То, что мы имели на данный момент, было, разумеется, сущим хаосом, поскольку линии времени все еще перемещались. Но, возможно, если я прав насчет того, что некоторые из нас обладают статистическим иммунитетом, мы со временем научимся жить бок о бок с этими линиями, переходя из одной зоны в другую и постепенно образуя новую цивилизацию, которая воспринимает постоянные перемены времени как нечто само собой разумеющееся.

Если только не существует способа как-то покончить с этими сдвигами...

Эта совершенно новая идея неожиданно взорвалась у меня в мозгу однажды вечером, когда я, лежа на спине, разглядывал сквозь прутья клетки незнакомые созвездия, а плот подо мной тихонько покачивался на волнах. Я лежал, обсасывая эту мысль и так и сяк. Стоило ей появиться, и неуемная часть моей души вцепилась в нее, как удав в жертву, которую собирается проглотить, и теперь я знал, что она не отпустит до тех пор, пока я либо не преуспею в ее осуществлении, либо не

смогу убедиться в невыполнимости задачи.

Глава 8

На десятое утро после этого дня мы наконец увидели землю, и к полудню стало ясно, что вполне можем достигнуть ее сегодня же к вечеру. Стоило мне заметить темную полоску у самого горизонта, и я готов был буквально расцеловать ее. Как мы с девочкой ни старались, все равно невозможно было насытить всех нас троих подводной мелочью, и меня неотвязно грыз острыми зубами страх, что, когда выдастся случай сбежать, мы будем слишком слабы, чтобы им воспользоваться. Плот направлялся к бухте, где к воде плавно спускался широкий пляж; за пляжем высились окутанные дымкой холмы, а у входа в бухту виднелись две большие скалы.

Вскоре после полудня ящерицы выстроились вдоль того края плота, где виднелся акулий плавник, и принялись скручивать листья, которые я видел еще в самом начале нашего путешествия. Они бросали маленькие зеленые шарики в акулу, и там, где эти растительные комочки касались воды, тут же начинали расползаться молочно-белые пятна, которые плыли вместе с плотом,

напоминая расцветающие в воде цветки. Ящерицы продолжали бросать в воду зеленые шарики до тех пор, пока вокруг плавника не образовалось внушительных размеров молочно-белое пятно.

Неожиданно плавник дернулся, изменил направление движения и быстро двинулся прочь от нас, да так быстро, что вскоре я потерял его из вида. Оглянувшись, я увидел всплывающих брюшками вверх маленьких рыбок там, где вода побелела от зеленых шариков.

В итоге мы полувплыли-полуврулили в бухту без нашего огромного попутчика. Вода в бухте была спокойной, как в озере в безветренный день, и удивительно прозрачной. Я видел песчаное, кое-где поросшее водорослями и усеянное ракушками дно. Глубина составляла не менее пятидесяти футов, хотя и казалось, что дно значительно ближе.

Глубину бухты я смог определить благодаря корням под днищем плота, ведь своей длиной они приблизительно соответствовали, если не превосходили, деревьям, росшим на плоту и заменявшим паруса. Мы остановились в двухстах или более ярдах от берега, поскольку «корни» зацепились за дно и остановили плот.

Ящерицы тут же принялись нырять; мне пока-

залось, что за какими-то крупными устрицами. Раковины достигали фута в длину, и когда я поднял одну из первых, оказавшихся на плоту, то был поражен ее весом. Эта штука, должно быть, весила никак не менее двадцати фунтов.

Под действием солнца и воздуха раковины вскоре начали открываться, и ящерицы тут же принялись выковыривать моллюсков и заглатывать их чуть ли не целиком.

Тем же самым занялись и девочка, и Санди, да и я сам. Вкус мяса был просто превосходен, и мы едва не лопнули от переедания; я догадался вовремя остановиться сам и остановить девочку, которая ела сама и кормила Санди. Я боялся, что у нас после продолжительного полуголодного периода наступит расстройство желудка.

Но если не считать небольших неприятных ощущений через час или около того, ничего страшного со мной не произошло, а девочка и Санди вообще никак не отреагировали на переедание. Поэтому я позволил им поступать как вздумается — пусть едят сколько хотят. В итоге за несколько последующих дней мы, в изобилии употребляя моллюсков, наконец «закормили» наш мучительный голод.

Нам позволяли набивать животы круглые сут-

ки — Санди, девочку и меня выпустили из клеток незадолго до того, как мы встали на якорь, и с того момента ни одна из ящериц не побеспокоилась загнать нас обратно. Когда мой голод наконец утих, я все чаще стал раздумывать над тем, как убежать. Я подолгу стоял на краю плота и смотрел на песчаный пляж. Как я уже говорил, он был всего в паре сотен ярдов от нас, но с таким же успехом мог бы быть и в паре сотен миль. Иного способа, кроме как вплавь добраться до берега, просто не существовало. Но даже если бы девочка и смогла преодолеть такое расстояние, а Санди доплыл бы до берега с моей помощью, любой из людей-ящериц наверняка мог дать нам девять десятых расстояния форы и все же успеть вернуть нас до того, как мы достигли бы берега. Они мелькали в прозрачной воде, как зеленые ракеты.

Но я не сомневался, что способ сбежать все же существует. Хотя придумать его для себя одного по-прежнему не мог, а когда включал в уравнение еще двоих «неизвестных» — голова отвечала по-настоящему зверской болью. Но теперь я просто не мог их бросить. Ни леопард, ни девочка без меня не способны выжить. Так что бежать мы должны втроем.

Я стоял и смотрел, как мелькают под водой

зеленые тени. Я даже немного завидовал им, но тут краем глаза заметил быстро движущуюся темную тень, и тут же люди-ящерицы начали стремительно выпрыгивать из воды на плот. Успели все, кроме одной. В прозрачной глубине она была мгновенно проглочена то ли той самой акулой, что сопровождала нас все это время, то ли другой, приплывшей ей на смену, — как бы то ни было, у нас снова появился смертельно опасный компаньон.

Ящерицы стояли на палубе и смотрели на акулу. В прозрачной глубине огромный морской хищник напоминал атомную подводную лодку. Теперь акула курсировала вокруг плота, проплывала мимо, круто разворачиваясь и снова возвращаясь к нам, с явным нетерпением ожидая следующую жертву.

Я бросил взгляд на внушительную кучу зеленых листьев на плоту. Но ни одна из ящериц даже не попыталась подойти к ней, и через мгновение я понял почему. Было совершенно ясно, что выделяющееся из листьев в воду вещество было сильным ядом. Они могли абсолютно безбоязненно бросать его за борт, пока плот двигался вперед, уходя от отравленного места. Но здесь, в бухте, отравив воду, они очень нескоро смогут вновь

нырять за устрицами.

Я ждал. Акула продолжала кружить вокруг плота. Ящерицы ждали. Я просто кипел от злости. Появление акулы являлось еще одним препятствием для нашего побега. В то же время я был удивлен очевидной беспомощностью ящериц. Я считал, что у них должен быть план на случай подобной ситуации. Но никакого плана не было. Видимо, они просто ждали, когда акуле надоест бесцельно кружить и она уберется туда, откуда приплыла.

Однако если это была та же самая акула или даже просто хищник той же породы и темперамента, что и акула, преследовавшая плот во время всего плавания, она едва ли вот так сразу возьмет да уплывет. Ведь я видел ее следовавшей за плотом много дней подряд.

Самым мрачным во всей этой истории было то, что ящерицы даже не пытались обсудить сложившееся положение. Хотя мне до сего момента и не удалось заметить, чтобы они общались между собой, я все это время полагал, что в случае необходимости они все же как-то смогут обмениваться информацией, чтобы решить неотложные вопросы. Теперь же мое предположение развалилось, как песочный замок. Ящерицы еще

некоторое время наблюдали за акулой, но потом вновь стали вести себя так, будто находятся в открытом море: разлеглись на бревнах и принялись шарить руками под водой в поисках крошечной морской живности. Единственным свидетельством нестандартности ситуации стало то, что никто из них так и не побеспокоился загнать нас обратно в клетки.

Пришла ночь, но ничего не изменилось. На следующий день акула по-прежнему кружила вокруг плота, а ящерицы оставались на палубе. На третий день, около полудня, ситуация начала меняться.

Незадолго до того как солнце достигло зенита, одна из ящериц, лежащих возле того самого края плота, около которого находилась акула, вдруг поднялась на ноги. Человек-ящерица несколько секунд просто стоял и смотрел на рыскающую в воде акулу, а потом вдруг начал подпрыгивать на месте. Он слегка сгибал ноги в коленях и чуть подпрыгивал вверх и вниз, как человек, стоящий на доске и готовящийся нырнуть с вышки.

Он подпрыгивал без остановки и с какой-то задумчивой монотонностью. Другие ящерицы вроде бы не обращали на него никакого внимания, но примерно через полчаса или около того,

когда я снова взглянул в его сторону, отвлекшись на некоторое время, я увидел, что теперь подпрыгивает еще одна ящерица, до этого лежавшая футах в десяти от первой. Они двигались в едином ритме, одновременно подпрыгивая и опускаясь, как будто их обоих методично выталкивала в воздух одна и та же невидимая пружина.

Через час подпрыгивали уже четверо. Постепенно к их безмолвным и непрекращающимся движениям присоединялись остальные, и к середине дня все ящерицы влились в этот беззвучный танец.

Тем временем акула, то ли заметив их на краю плота, то ли, что более вероятно, привлеченная вызванной их движениями и передавшейся сквозь бревна в воду вибрацией, теперь буквально металась вдоль самого края плота так близко, что казалось — до нее можно дотронуться рукой.

Внезапно, когда акула в очередной раз проносилась мимо, одна из ящериц вдруг бросилась в воду прямо акуле на спину, и.., в мгновение ока в воздухе оказалась целая толпа сигающих за борт ящериц.

Я подбежал к краю плота и заглянул вниз. Теперь акула была у самого дна бухты и быстро удалялась от плота. Но ящерицы, похожие на по-

крытых зеленоватой чешуей псов, повисших на быке, буквально облепили ее. Их мощные челюсти вырывали целые куски невероятно прочной акульей кожи, и под водой расплывалось большое прозрачное облако крови. Правда, не только акульей. Я видел, как огромный ходящеперый хищник ухватил одну из ящериц зубами и буквально перекусил пополам.

Затем битва сместилась в сторону открытого моря, и я потерял акулу и ящериц из вида. Очевидно, рефлексы погнали гигантскую хищницу туда, где было глубже.

Несколько мгновений я просто стоял и смотрел им вслед, затем в голове у меня промелькнули все выгоды возникшей ситуации. Я подбежал к девочке и схватил ее за руку.

— Пошли, — сказал я. — Пошли, нам нельзя упускать шанс! Сейчас, пока их нет, мы можем доплыть до берега.

Она не ответила, просто смотрела на меня. Я взглянул на Санди.

— Санди, пошли!

Он пошел. Девочка тоже. Она вроде бы и не отставала, но, с другой стороны, всего лишь позволяла мне тянуть ее за собой к обращенному к берегу краю плота, то есть к носовой его части.

— Нам нужно доплыть до берега! — крикнул я ей. — Если не умеешь плавать — держись за меня. Поняла?

Последнее слово я проорал ей прямо в ухо так, будто она была глухой, но она опять лишь взглянула на меня. Она не задерживала меня, но и не помогала. Меня вдруг пронзила ледяная мысль, что я в очередной раз оказываюсь в ситуации, когда хочу проявить заботу о ком-то. Почему, если на то пошло, мне просто не нырнуть в воду и не бросить ее — ее, а заодно и леопарда? Важно не то, что я спасу чьи-то жизни, а то, что выживу сам.

Но я не мог так поступить. Мне даже думать не хотелось о том, чтобы уплыть на берег одному, а их оставить здесь. Но в таком случае ей придется кое-что сделать, а не просто стоять, не пытаясь предпринять активных попыток добраться до берега. Я постарался объяснить ей это, но мои старания напоминали разговор с глухонемой, не желающей задуматься о своем будущем.

Я был близок к отчаянию. Я уже готов был просто столкнуть девочку в воду, когда на плот взобралась первая из ящериц и наш шанс сбежать был упущен.

Я сдался и, повернувшись, принялся смотреть, как они выбираются из воды на бревна. Первыми

вернулись те, кто в схватке получили ранения. Они поодиночке вылезали из воды и тут же ничком падали на палубу и замирали, будто кто-то их оглушил.

Ящерицы возвращались на протяжении получаса. Последняя дюжина вернувшихся на плот были очень сильно изранены. Трое из них чуть позже умерли, и их тела просто столкнули в воду. Во второй половине дня их подхватил прилив и к утру унес в неизвестном направлении. Наверняка в воде обитало множество пожирателей падали.

На следующее утро ящерицы не сразу приступили к ловле раковин. Несомненно, что они выиграли сражение с огромной акулой, хотя при этом и погибло не меньше десятка их сородичей. Но, похоже, схватка изрядно их утомила. Когда взошло солнце, я увидел в прозрачной воде бухты множество небольших акул длиной не более двух-трех футов, бешено шныряющих вокруг плота и все еще взбудораженных кровью и клочьями мяса, оставшимися от сражения предыдущего дня. Санди, девочка и я все еще оставались вне клеток, и я уже начал надеяться, что, возможно, теперь мы все время будем оставаться на свободе. Меня это вполне устраивало, хотя, конечно, я в любой момент мог бы выбраться из клетки с

помощью своего складного ножа, а потом освободить девочку и Санди.

Мне было совершенно непонятно, что так долго удерживает вокруг плота маленьких акул. Кормиться им здесь явно было нечем. Позже той же ночью разразился первый из виденных мной на этом море штормов — самый настоящий взрыв атмосферной энергии, очень похожий на тропическую бурю с ливнем. И тогда я понял, почему они все еще с нами.

Ветер поднялся в середине дня, и небо постепенно заволокло белыми облаками, которые все густели и темнели до тех пор, пока дневной свет не сменился неурочными сумерками. Затем ветер стих и вода под нами вдруг стала какой-то очень вязкой и плотной. Плот качнулся, царапая по дну своими корнями, едва не опрокинутый дошедшим до нас откуда-то из водных глубин толчком, хотя мы не чувствовали ни малейшего дуновения ветра.

Затем начали сверкать и грохотать молнии и гром — где-то в облаках высоко над нашими головами, но в то же время и далеко, над открытым морем. Внезапно поднялся неизвестно откуда взявшийся холодный ветер, дующий в направлении берега и усиливающийся по мере того, как

сгущался сумрак. Шум и ярость бури нарастали, она приближалась к нам, опускаясь все ниже и все плотнее прижимаясь к поверхности моря. Когда исчезли последние проблески солнечного света, оставив нас в непроглядной тьме, буря обрушилась на нас в полную силу, и мы во мраке припали к бешено подпрыгивающему и раскачивающемуся на волнах плоту.

Я нашел себе место между служащими нам «парусом» деревьями и втиснулся между ними, одной рукой обняв девочку, а другой придерживая Санди. Девочка дрожала от страха и тряслась от холода, поскольку сверху на нас непрерывно изливались потоки холодного дождя. Леопард же переносил все испытания стоически, плотно прижимаясь ко мне, но ни на дюйм не двигаясь с места. Неподалеку от нас, также закрепившись между деревьями, стояли несколько ящериц. Куда подевались остальные, я не имел ни малейшего понятия. В полной темноте можно было разглядеть только того, кто находился прямо перед носом.

Вспышки молний напоминали взрывы, причем в голове. После того как угасало ослепительное сияние очередной вспышки, сцена, которую она только что осветила перед тем как исчезнуть,

еще с секунду сохранялась на сетчатке и в памяти. Я продолжал видеть дикие рывки отчаянно упирающегося плота — и еще более дикие волны в бухте; видна была не только поверхность воды, но и дно, поскольку временами плот вставал почти вертикально, и тогда мы могли смотреть на бушующую пучину сверху вниз.

В воде кишмя кишела всяческая видимая при вспышках молний и отчаянно мечущаяся туда-сюда морская живность. До сих пор я никак не мог понять, что привело в бухту мелких акул уже после того, как битва с большой акулой закончилась. Теперь же я неожиданно понял, что именно. Похожая на какую-то гигантскую разбухшую от воды, перекатывающуюся туда-сюда по дну бухты массу, терзаемая бурей и роем более мелких вгрызающихся в остатки туши рыб, огромная акула, теперь уже мертвая, снова была с нами.

Погибла она не в тот момент, когда ящерицы закончили свою схватку с ней, иначе скелет акулы уже давно был бы обглодан дочиста. Должно быть, она еще некоторое время жила, слабо отбиваясь от своих, готовых сожрать ее заживо сородичей, и лишь несколько часов назад наконец издохла от потери крови и сил.

И теперь, как покойник, вернувшийся на место

преступления, она благодаря буре и дующему с моря ветру снова присоединилась к нам. По прихоти стихий ее не просто принесло обратно в бухту, но еще и прибило прямо к подводным корням нашего плота. Теперь я, вцепившись в стволы деревьев слева и справа от меня и вглядываясь в воду при каждой вспышке молнии, находился всего в каких-нибудь пятидесяти футах по прямой от того места, где рвали на части то, что осталось от мертвой туши, другие акулы и прочие рыбы длиной по пятнадцать, а то и двадцать футов, которые, по сравнению с гигантской акулой, казались просто крошечными, но на мой взгляд были очень крупными. Их присутствие просто выводило меня из себя. Даже если бы у нас и появился шанс бежать, когда на плоту не останется ящериц, надежды на то, что нам удастся доплыть до берега сквозь этот плотный частокол акульих челюстей, не оставалось ни малейшей.

Затем все вокруг вдруг осветила очередная вспышка молнии, и я увидел, что подводные стервятники исчезли. До этого полуобглоданная туша огромной акулы перекатывалась по дну под воздействием волн и рывков пожирателей падали, теперь же она лежала на дне бухты совершенно неподвижно и в полном одиночестве.

Я недоуменно заморгал и стал ждать следующей вспышки. Я просто глазам своим не верил.

Со следующей вспышкой наконец наступило прозрение, а с ним пришел конец акульей туше, плоту, ящерицам и всему остальному. При следующей вспышке я увидел, как тушу акулы заслоняет темный силуэт как минимум вдвое больше ее — темная, похожая на подводное облако туша А еще стало видно высунувшееся из воды и кажущееся белым на фоне черных волн сероватое и толстое как канат, которыми швартуют суперлайнеры, щупальце. Оно взметнулось высоко вверх, как телефонный столб, футов на двадцать возвышаясь над дальним от нас концом плота. Мгновение спустя плот содрогнулся словно под ударом какого-то исполинского топора, и тот его конец, где находились мы, начал подниматься в воздух.

При очередной вспышке молнии стало видно, как огромное щупальце, обхватив дальний конец плота, тянет его за собой под воду.

Ждать времени не было, не было его и на то, чтобы уговаривать этих двоих следовать за мной. Я крикнул Санди в ухо, чтобы он следовал за мной, дернул девочку вслед за собой и прыгнул в воду. Вода сомкнулась надо мной, и я едва не

захлебнулся, но вскоре вынырнул, по-прежнему сжимая руку девочки, и, увидев при следующей вспышке полоску пляжа, погреб к берегу.

Совершенно не помню, как добрался до берега. Казалось, я плыву уже целую вечность, таща за собой девочку. Но в конце концов окружающая мокрая чернота швырнула нас вперед, в темноту, и через долю секунды мы шлепнулись на твердый ровный песок. Даже несмотря на то, что от удара у меня перехватило дыхание, я все же догадался проползти как можно дальше вперед, волоча за собой девочку. И только отползя от воды на приличное расстояние, я наконец сломался и позволил себе упасть на песок, одной рукой по-прежнему сжимая запястье девочки. Мокрая зернистая поверхность подо мной вдруг показалась мне мягкой как матрас, и меня сморил внезапный глубокий сон.

Проснулся я от солнечного света и медленно теплеющего воздуха. Девочка лежала всего в нескольких футах от меня. Неподалеку я увидел и Санди.

Ни плота, ни чего-либо еще в бухте видно не было. Мы остались настолько одни, что можно было подумать, будто мы несколько недель блуждали по пустыне. Я лежал, давая возможность

новой ситуации медленно приобрести черты реальности.

Мы снова были свободны, но при этом остались без пищи, оружия и средств передвижения. Кроме того, у меня возникло ощущение, будто меня подряд, одно за другим, протащили через несколько игольных ушек. В отличие от меня, девочка и Санди выглядели такими отдохнувшими и довольными, словно ни бури, ни всего остального и в помине не было. Что ж, их реакции нечего удивляться, ворчливо сказал я себе. Я вдвое или около того старше девочки и, наверное, раз в пять старше Санди. Впрочем, все это ничего не значило. Господи, ведь в конце концов мы все трое на свободе!

Когда я через некоторое время попытался сесть, они заметили меня. Буквально через секунду оба уже были на мне. Санди одним большим прыжком оказался и тут же принялся тереться о мою грудь, снова опрокинув меня на песок. Девочка добралась до меня на долю секунды позже и помогла мне подняться.

— Перестань! — прикрикнула она на Санди, притом громко и неожиданно сердито. Я уже снова сидел, но руки ее были все еще сомкнуты вокруг меня, а голова прижата к моей груди. У

меня возникло странное чувство, что она меня обнимает. Такая их реакция заставила меня испытать прилив глупо-теплого чувства, но, когда я попытался погладить девочку по голове, она сразу вырвалась, вскочила, повернулась ко мне спиной и отошла на несколько шагов в сторону. Санди, громко мурлыча, изо всех сил старался снова повалить меня на песок, но теперь я сам крепко ухватился за него руками.

Тяжело оперевшись рукой на его спину, я со скрипом поднялся на ноги. С берега, на котором мы оказались, место еще меньше напоминало Калифорнию, чем тот пляж, на котором мы впервые столкнулись с ящерицами. За полоской открытого песчаного пляжа росли какие-то колючие, похожие на сосны деревья, выглядевшие как-то очень по-северному, и еще дерево, напоминающее иву, а открытые места поросли густой травой.

Я похлопал Санди по загривку и обратился к девочке:

— Думаю, нам стоит осмотреться, — хрипло произнес я.

Я двинулся вперед, а двое моих спутников последовали за мной. За близлежащими деревьями оказался небольшой холм. Мы поднялись на

его вершину и принялись оглядывать то, что казалось обычным куском среднеамериканских прерий, там и сям поросших рощицами деревьев. Деревьев было недостаточно, чтобы назвать их лесом, к тому же практически отсутствовал подлесок. На прогалинах в основном виднелась высокая трава, зеленая и бурая, среди которой лишь изредка встречалось одинокое деревце или куст.

Нигде не было заметно ни малейшего признака цивилизации.

Я стоял на вершине холма и размышлял. Мне не очень понравился полупустынный вид лежащей перед нами местности. Теперь нам приходилось рассчитывать лишь на собственные силы, и, если потребуется, мы могли бы протянуть без еды несколько дней. Но то, на что я сейчас смотрел, вовсе не производило впечатления озерной или речной страны, а без питьевой воды нам никак не обойтись. Плюс к тому, теперь, если не считать моего складного ножа, мы были не вооружены, а ведь вполне возможно, что здесь нам придется опасаться встречи не только с дикими животными.

В конце концов я решил, что не стоит уходить от единственного известного источника питьевой

воды, которым являлось озеро. Мы отправились на восток вдоль берега, в ту же сторону, куда в свое время направлялся плот, и шли три дня, питаясь ракушками и разной мелкой живностью, которую ловили в песке или на мелководье. Наша диета из рыбешек, живущих под днищем плота, приучила меня к такого рода питанию. Теперь я мог есть все что угодно, при условии, что оно не было ядовитым, причем сырым. Девочка, как я заметил, была тоже неприхотлива в еде, что же до Санди, то он вообще никогда особенно внимания не обращал на то, как выглядит его пища.

На третий день мы наконец сорвали банк или своего рода банк. Должно быть, это был чей-то загородный дом на берегу озера, ставшего теперь частью внутреннего моря. Людей поблизости видно не было, равно как и других домов. Но этот уютный уголок в свое время обошелся кому-то в кругленькую сумму. Большой особняк с примыкающим к нему гаражом и отдельно стоящим амбаром, вернее, похожим на амбар строением, состоящим из металлической крыши, опирающейся на врытые в землю стойки толщиной в телефонный столб, также обшитые металлическими листами. Кроме того, имелся небольшой док и лодка. Грунтовая, но ровная дорога, за ко-

торой явно следили, вела куда-то прочь от дома и озера. Окрестности густо поросли деревьями; настолько, что здешние места с полным правом можно бы было назвать лесом.

Дом выглядел так, будто обитатели оставили его не более чем неделю назад. Кое-что из еды в холодильнике все еще выглядело съедобным, а продукты в большом, похожем на сундук морозильнике в двойном гараже скорее всего остались бы съедобными, будь в доме электричество. Должно быть, некоторое время назад мы пересекли линию прохождения туманной стены. Это была одна из шуточек, которые часто выкидывал шторм времени. Еще в нескольких милях от этого места мы находились в местности, отстоящей на несколько геологических эпох в прошлое, а теперь попали в свое время, но во вчерашний день. А завтра мы легко можем оказаться где-нибудь в будущем.

На полках хранилось настоящее богатство — груды консервов и множество бутылок. Когда я смешал скотч с содовой — пусть даже и без льда — и сидел в мягком кресле в гостиной, прихлебывая, меня охватило странное чувство.

Единственным недостатком этого места было то, что здесь не оказалось двух вещей, которые

были нам более всего необходимы: оружия и транспорта — машины или грузовика, в котором мы могли бы двигаться дальше.

Я обыскал все — от дока до дороги. В лодочном сарае не оказалось даже каноэ. В амбаре, правда, стоял «форд» модели "A" 1931 года выпуска, который кто-то, по-видимому, пытался отремонтировать, но он и по сию пору пребывал в нерабочем состоянии. К тому же отсутствовали запчасти, которые можно бы было установить, чтобы завершить ремонт. В машине был только блок цилиндров со снятой головкой и без самих цилиндров, коленвала и картера. В гараже имелась пара велосипедов — потрепанный односкоростной женский и трехскоростной мужской «рейли» чуть побольше, содержавшийся в ненамного лучшем состоянии.

В одном амбаре, однако, обнаружился бензиновый генератор, отлично сохранившийся под густым слоем консервирующей смазки, и большое количество дерева и слесарного инструмента, как электрического, так и ручного, также в прекрасном состоянии. Я очистил генератор от смазки и запустил, но через пятнадцать минут выключил. Наша троица вполне привыкла обходиться без такой роскоши, как электрическое

освещение и приспособления, а когда я померил палочкой уровень оставшегося бензина, то выяснилось, что в баке генератора осталось не более десяти или пятнадцати галлонов. Я еще точно не знал, для чего мне может понадобиться бензин, но все равно он был слишком ценен, чтобы тратить его понапрасну. Немного позже я нашел несколько жестяных фляжек с завинчивающимися крышками, наполнил их бензином и обвязал горлышки тряпками, с тем чтобы их можно было мгновенно превратить в коктейли Молотова. Таким образом у нас появилось хоть какое-то оружие.

Тем временем девочка и Санди обживались в доме. В нем было две спальни со стенными шкафами, в которых висела женская одежда, и девочка впервые за долгое время проявила хоть какой-то интерес к тому, что на ней надето. Она до сих пор в основном ходила в рубашке и джинсах, но пару раз, неожиданно заходя в дом с улицы, я заставал ее примеряющей на себя найденные в шкафах вещи.

Санди же больше всего понравились ковры. Он вообще только спал и ел. Да и все мы ели и спали, понемногу набирая вес.

Я твердо решил, что мы не тронемся отсюда до

тех пор, пока не обзаведемся хоть какими-то средствами самозащиты. У меня была пара мыслей по поводу оружия, которое я в принципе мог бы смастерить. Мысль о луке и стрелах я отбросил сразу. Лучник из меня никакой. Да и сделать по-настоящему эффективный лук я бы скорее всего не смог. Альтернативой сначала служило самодельное, заряжающееся с дула ружье, которое можно было изготовить из куска обмотанной проволокой металлической водопроводной трубы, если бы я таковую нашел, и серы от спичек в качестве взрывчатого вещества. Одним словом — самопал. Потом мне в голову пришла идея сделать арбалет, использовав рессорную пластину «форда». Бензина было достаточно, чтобы воспользоваться генератором для работы столярным и слесарным инструментом в амбаре.

В конце концов я остановил выбор на арбалете, и не потому, что сделать его было проще, а потому, что перед глазами у меня то и дело вставала картина разрывающейся мне прямо в лицо водопроводной трубы. Я нашел сухое полено, которое, на мой взгляд, было кленовым или дубовым, начерно обтесал его до нужной формы, а потом обработал на токарном станке так, что получилось некое подобие рамы и приклада арбалета.

В раме я сделал поперечную прорезь, вставил в нее самую маленькую рессорную пластину и как можно прочнее закрепил ее клеем. Эти современные клеи могли творить чудеса, стоило дать им хоть полшанса. Поверх рамы я наклеил отдельную планку из твердого дерева с зарубками для тетивы арбалета и установил изогнутый рычаг, позволявший натягивать тетиву последовательно, зуб за зубом.

Гораздо больше хлопот, чем изготовление самого арбалета, мне доставило изготовление коротких тяжелых стрел. Как я выяснил, не так-то легко выточить прямое древко из обычной деревяшки.

Но настал день, когда у меня в руках оказались и арбалет, и стрелы к нему. И то и другое подверглось испытанию. Арбалет оказался достаточно мощным. Проблема заключалась в стрелах. При попадании во что-нибудь твердое их древки слишком легко ломались. Но против цели из плоти и крови они были вполне пригодны. Пришло утро, когда мы с девочкой погрузились на два велосипеда — к счастью, ей, по-видимому, доводилось ездить на велосипеде и раньше и навык вернулся очень быстро, — и с рюкзаками за спиной припустили по пустынной дороге прочь

от озера, а Санди бежал рядом с нами.

Погода стояла на редкость приятная, было около шестидесяти по Фаренгейту, а в небе висели небольшие облачка. Стоило нам удалиться от воды, как влажность стала резко уменьшаться до тех пор, пока летний день не стал похож на раннюю осень где-нибудь возле канадской границы. Мы держали неплохую скорость, учитывая, разумеется, Санди. Собаки обычно охотно трусят рядом со своими хозяевами-велосипедистами. Но в Санди клокотало кошачье неприятие какого бы то ни было принуждения. Санди предпочитал, чтобы мы с девочкой тащились со скоростью пешехода, а он при этом имел бы возможность время от времени совершать короткие экскурсии в сторону от дороги или даже немного вздремнуть, а потом снова догнать нас. Когда мы наконец остановились, чтобы дать ему возможность отдохнуть, он тяжело улегся на девочкин велосипед и отказывался стронуться с места до тех пор, пока я насильно не спихнул его, ухватив за загривок и подталкивая рукой.

В конце концов нам с ним удалось прийти к компромиссу. Теперь мы ехали со скоростью, чуть превышающей скорость пешехода. И нет ничего удивительного в том, что при такой неспешной

езде я все глубже и глубже погружался в собственные мысли.

Дорога, по которой мы катили, все еще не привела нас хоть к каким-нибудь признакам цивилизации. Но, с другой стороны, мы и ехали не так уж быстро. В конце концов путь обязательно должен был привести нас туда, где мы сможем разжиться оружием и колесами, которых мне так не хватало. После этого, когда мы снова будем мобильны и вооружены, я собирался провести небольшое исследование в развитие той мысли, которая пришла мне в голову той далекой уже ночью на плоту ящериц. Если миру предстояло стать местом, полным потенциальных опасностей, каким он до сих пор представал перед нами, настало время начать активно учиться тому, как наилучшим образом в нем выживать.

Во второй половине дня мы миновали ручеек, вернее, струйку воды, протекающий под дорогой по проложенной трубе. Судя по этим открытым местам, вода в нем скорее всего была чистой, но я на всякий случай все же вскипятил ее, и мы расположились возле ручейка на ночлег.

На следующий день, около полудня, мы проехали мимо кусочка предместья. Да-да, именно это я и хотел сказать — кусочка. Он располагал-

ся ярдах в двухстах от дороги, по которой мы ехали, — приблизительно треугольный кусок коттеджной застройки с лужайками, гаражами, улицами и загородными домами, выглядевшими так, словно его отрезали наугад и бросили здесь посреди бескрайнего ничто.

Людей, как и в доме у озера, не было. Но коттеджи нельзя было назвать нетронутыми. Весь район выглядел так, будто через него пронесся торнадо или что-то размером с динозавра и с соответствующей жаждой разрушения. Здесь не было ни одного целого или хотя бы сохранившего крышу здания, а некоторые из домов были буквально расплющены.

Тем не менее они представляли для нас самую настоящую сокровищницу. Я обшарил все дома и обнаружил охотничье ружье шестнадцатого калибра и карабин двадцать второго. Но патронов для ружья не оказалось, а для карабина — всего одна коробка. Утешало то, что шансы найти патроны для оружия двух таких распространенных калибров были довольно велики. Кроме того, в несчастном обрезке пригорода обнаружилось восемь машин. Пять из них были приведены в полную негодность той же силой, что разрушила здания. Остальные три были довольно старыми,

а одна и вообще не пожелала заводиться. Это ставило меня перед выбором: либо двухдверный «понтиак» в относительно приличном состоянии, либо четырехдверный и довольно потрепанный «вольво».

В конце концов я все же остановил свой выбор на «вольво». И не только из-за его большей грузоподъемности, но и потому, что у него был более низкий расход топлива. Среди домов в поселке заправочной станции не оказалось, но зато я выдоил бензобаки всех остальных машин, в которых оставалось хоть немного бензина, и, когда мы двинулись дальше, у нас был полный бак и еще пятнадцать галлонов в канистрах, привязанных к крышке багажника. Кроме того, я обнаружил два трехскоростных велосипеда в хорошем состоянии. Они были привязаны на крыше.

Через пригород вела отличная четырехполосная бетонка, но к сожалению оказалось, что она обрывается ярдах в двухстах от крайнего из разрушенных домов. Я повел подпрыгивающий «вольво» через кочковатое поле, чтобы вывести его обратно на нашу старую знакомую асфальтовую дорогу, и, выбравшись на нее, свернул налево, туда, куда мы направлялись и раньше. Примерно через час справа от нас я заметил ту-

манную стену. Она двигалась под углом к нашей дороге и выглядела так, будто пересекла асфальт где-то впереди.

Глава 9

При виде стены сердце мое екнуло, но, понаблюдав за ней некоторое время, я успокоился. Было ясно, что туманная стена замерла в неподвижности. Мы продолжали свой путь по дороге, и ее вертикальная белая поверхность становилась все ближе и ближе до тех пор, пока наконец мы не достигли места, откуда было видно, где она кончается. Она действительно перерезала дорогу примерно в четверти мили от нас, но лишь самым краем, который заходил на другую ее сторону всего на какую-то сотню ярдов. Съехав с асфальта и проехав немного по полю, мы запросто могли объехать край облачного занавеса. И мы не только могли безопасно объехать ее, но и, проехав еще немного, оказались бы там, откуда будет видно, что находится за ней, и при этом не будет необходимости ступать ногой туда, где нас могут подстерегать неизвестные опасности. Я продолжал вести машину вперед.

Наконец мы притормозили и съехали с дороги в добрых пятидесяти или ста футах от того места, где ее пересекла туманная стена. На таком близ-

ком расстоянии казалось, что она исчезает из вида где-то в небе высоко над нами, и мы снова ощущали все тот же необычный ветерок и видели пыль, которые всегда сопровождали туманные стены и которые оседали на наших лицах и руках подобно какой-то очень тонкой пудре. Мы поехали, виляя среди деревьев и кустов, растущих слева от дороги. Машина шла на первой скорости и двигалась практически параллельно стене.

До края мы добрались очень быстро. Однако я проехал еще немного, не желая сворачивать за угол, предварительно не посмотрев, что там за ним. Но хотя мы все ехали и ехали, а за край почему-то заехать так и не могли. Наконец я понял, в чем дело. Мы все равно ничего не увидим. Там, где, как я думал, она кончается, она на самом деле либо загибалась вправо и продолжалась дальше, либо сливалась с другой, движущейся под углом в этом направлении стеной.

Поначалу единственное, что я почувствовал, так это разочарование от невозможности заглянуть за стену. Затем мне пришло в голову, что, возможно, ни первая туманная стена, ни примыкающая к ней вторая ее часть не двигаются потому, что они столкнулись друг с другом, и две линии сдвига времени, встретившись, каким-то

образом создали необычное состояние или условия, которые их остановили.

Стоило мне подумать об этом, как я тут же испытал прилив страстного желания увидеть, что же там, за пересечением двух этих туманных стен. Еще когда я валялся на бревнах плота, мне пришло в голову, что, возможно, те из нас, кто до сих пор бродил по опустевшей земле, могут быть индивидуально иммунными к сдвигам времени, и с тех пор постоянно играл с мыслью не стараться избежать следующей встреченной нами туманной стены, а, напротив, попробовать пройти сквозь первую же попавшуюся на пути и проверить, могу ли я, пройдя сквозь нее, остаться в живых. Теперь у меня была двойная причина попытаться пройти сквозь ту, что высилась перед нами. И теперь причина была не только в том, чтобы выяснить, смогу ли я преодолеть эту преграду и не заработать ничего более серьезного, чем кратковременная потеря сознания, которую я пережил в первый раз, но и выяснить, есть ли что-нибудь особенное или странное в ситуации, когда одна линия сдвига времени сталкивается с другой. Я остановил «вольво».

Выйдя из машины, я внимательно осмотрел стену. Затем бросил взгляд вдоль изгиба второй

стены или продолжения первой, чтобы выяснить, продолжается ли дорога, которая, по идее, должна была вновь появиться в каких-нибудь двухстах футах от этого места. Мне вдруг пришло в голову, что самое лучшее, что я сейчас могу сделать, это вернуться на дорогу и продолжать путь, и тогда мы все трое по-прежнему будем в безопасности, вместе и счастливы. Или я могу повернуться и пройти сквозь стену и, возможно, только возможно, узнать что-нибудь, конечно, в том случае, если со мной ничего не случится.

Я продолжал нерешительно топтаться на месте. И чем дольше я стоял, тем сильнее становилось желание все же попытаться пройти сквозь стену. Так со мной бывало всегда, с самого раннего детства. Мой мозг зацикливался на какой-нибудь проблеме и не оставлял ее до тех пор, пока не находил ответ. Сейчас я испытывал те же чувства, что и всегда, с тех самых пор, как я в первый раз позволил неуемной «аппаратуре» моего мозга впервые запустить зубы в проблему. Я отлично помню ужасное чувство, которое испытал во время первых мгновений сдвига времени, когда мне показалось, что у меня снова инфаркт. Я помню пронзившее меня чувство несчастья, беспомощности, жалкости, которое испытал после того,

как пришел в себя. Я вспомнил каждую мелочь и каждый штрих всего, связанного с этим плохого, и все же.., все же.., все же — чем дольше я стоял, тем сильнее было желание пройти сквозь эту стену и выяснить то, чего я еще не знаю. Желание напоминало то ли чуть сладковатый, в первый момент, привкус горького соуса на губах, то ли голод, огнем пожиравший меня изнутри.

Наконец я обернулся и посмотрел на девочку и Санди. Если я пройду сквозь стену и не вернусь, что станется с ними? Я попытался убедить себя, что ничего им не должен, но тут же внутренний голос обозвал меня лжецом. В то же время мысль о какой-либо ответственности, которую я могу нести по отношению к одному из них, оказывала на мой голод тот же эффект, какой оказывает чашка воды, выплеснутая на стену пылающего здания. Настоящего выбора у меня не было. Я обязательно должен пройти сквозь эту стену, пусть даже мне и им ради этого придется умереть. Я повернулся спиной к леопарду и девочке, которые по-прежнему сидели в машине.

— Оставайтесь на месте! — сказал я. — Понятно? Сидите в машине. И не вздумайте хоть шаг ступить следом за мной. Сидите там, где сидите!

Они оба молча смотрели на меня. Наконец рука

девушки чуть шевельнулась — и все. Я развернулся и пошел прочь от них к туманной стене. Я шел до тех пор, пока не пришлось прищуриться, чтобы летящая из стены пыль не запорошила глаза. Перед тем как войти в туманный слой стены, я оглянулся еще раз. Девушка по-прежнему сидела рядом с Санди, и оба наблюдали за мной. Ни он, ни она даже не шевельнулись.

Я снова повернулся лицом к стене, закрыл глаза, в которые летела пыль, и на ощупь двинулся вперед.

Но главным препятствием оказалась не пыль. Самым трудным оказалось то, что на меня обрушился настоящий эмоциональный торнадо. Это было плохо. Очень плохо. Но совсем не так плохо, как было в тот первый раз у моей хижины. Может быть, потому, что мой первый переход наградил меня чем-то вроде иммунитета, как будто я получил прививку против воздействия, которому подвергся. А может, на сей раз мне было легче потому, что я имел представление, чего ожидать, и подготовился к этому. В целом ощущение было такое, будто из меня вырвали душу. Я чувствовал себя обнаженным. Больным и напуганным. Но это был совсем не тот страх, которого я боялся, если подобное выражение имеет для вас хоть

какой-нибудь смысл. И я на собственных ногах вышел с другой стороны стены.

Меня тут же буквально оглушил раздавшийся где-то неподалеку громкий собачий лай. Я открыл глаза и увидел больше дюжины псов, все — на коротких поводках, все — яростно лают и рвутся с привязи, чтобы наброситься на меня. Их поводки были привязаны к толстым кольям, вбитым в землю перед обрубком дома, расположенного футах в пятидесяти от того места, где я вышел из стены, дома, стоящего на ломтике лужайки, занимающей внутренний угол, образованный двумя туманными стенами. За домом виднелся лес, а сам дом представлял собой двухэтажное дощатое строение, выглядевшее более уместным на ферме Среднего Запада. Пока я разглядывал его, открылась дверь, и на пороге дома появилась женщина со вскинутым и направленным на меня ружьем.

— Бросьте оружие! — У нее оказалось низкое чистое сопрано, мягкое, но уверенное..

— Минуточку, — взмолился я. — Может, сначала все обсудим?

Бросать ружье у меня не было ни малейшего желания. Она стояла позади собак на открытом месте, и ей не на что было опереть ружье для

точного выстрела. Однако ружье у нее было и, главное, нацеленное на меня. Если бы мне пришлось застрелить ее, чтобы остаться в живых самому, я бы это сделал. Она же на таком расстоянии — если только она не являлась прирожденным снайпером — вряд ли смогла бы удержать ружье достаточно неподвижно, чтобы попасть в меня. С того места, где я стоял при свете солнца, я видел, как чуть подрагивает ствол ее ружья.

Гораздо больше меня тревожили ее собаки, и я вовсе не собирался бросать единственное оружие, которое смогло бы меня от них защитить. На самом деле — ситуация наконец оформилась у меня в сознании, и я пришел к неизбежному заключению, — если она спустит на меня своих псов, я сначала застрелю ее. Собаки были всех размеров, но даже самая мелкая весила никак не меньше сорока фунтов — вес вполне достойный, чтобы справиться с человеком. Я мог перестрелять три четверти псов, но все равно остальные легко завалят меня и прикончат. Кроме того, если она все же спустит их, то вряд ли сможет оттащить, чтобы спасти мне жизнь.

— Послушайте! — крикнул я ей. — Я попал сюда совершенно случайно...

— Я сказала — бросьте оружие! — крикнула она в ответ. Ее ружье громыхнуло, и пуля, просвистев мимо моего уха, исчезла где-то в туманной стене за моей спиной.

— Прекратите! — сказал я, поднимая свой «двадцать второй». — Или мне тоже придется стрелять.

Она заколебалась — а может, это и не было колебанием, — но больше не стреляла. Возможно, первый ее выстрел все же был скорее случайным, чем намеренным. Я продолжал:

— Послушайте, — выкрикнул я, стараясь перекричать собачий лай. — Я вовсе не собирался вас беспокоить. Наткнулся на ваш дом совершенно случайно и буду только рад продолжить путь. Да в общем-то и зачем мне доставлять вам беспокойство? Вы вооружены, и у вас есть ваши псы, а я один-одинешенек. Послушайте, почему бы нам обоим не опустить ружья и не потолковать...

Ее взгляд, устремленный на меня, вдруг переместился куда-то в сторону. Ружье качнулось туда же.

— Один? — крикнула она в ответ. — И это вы называете — один?

Я обернулся. И, конечно, вопрос ее был задан абсолютно по существу. Если я и мог быть в чем-

то абсолютно уверен, когда дело касалось Санди и девочки, так это в том, что они сделают именно то, чего я им велел не делать ни в коем случае. Каким-то образом они набрались смелости, самостоятельно прошли сквозь туманную стену и теперь стояли прямо за моей спиной.

Конечно, это коренным образом изменило всю ситуацию. Теперь у женщины с ружьем стало в три раза больше целей. В меня она может и не попасть, зато ее шансы угодить хоть в кого-нибудь из нашей группы утроились. Я почувствовал что-то очень близкое к панике. А ведь ко всему прочему нужно добавить еще и тот факт, что, увидев Санди и учуяв его запах, собаки начали просто сходить с ума, а спина Санди начала медленно выгибаться как тетива лука. Он на дух не выносил собак.

Но, несмотря на это, он вовсе не собирался отходить от меня и бросаться на них в одиночку. Он плотно прижался к моей ноге и, неотрывно следя за собаками, издавал негромкое горловое ворчание. Картина была восхитительно трогательной, но в то же время было совершенно невыносимо знать, что полоумный котяра останется со мной, даже если я погоню его прочь дубиной.

Я снова перевел взгляд на женщину, как нельзя

более вовремя. Видимо, у нее устали руки держать ружье навскидку и она как раз двинулась к собакам, чтобы отвязать ближайших. Времени обсуждать этические проблемы ситуации уже не оставалось. Я выстрелил, и пуля угодила в землю между ней и ее зверюгами. Она замерла.

— Не пытайтесь спустить их! — крикнул я. — Я не желаю причинять вам вреда, но и не собираюсь позволить вашей своре растерзать нас. Отойдите назад и положите ружье.

Она попятилась, но ружья не бросила. Я еще раз выстрелил из «двадцать второго» — теперь в дверной косяк за ее спиной. Она замерла на месте, засомневалась и позволила ружью выскользнуть из руки и упасть на землю к ее ногам.

— Порядок! — сказал я. — Послушайте, я не собираюсь причинять вам вред. Но я должен быть уверен в том, что и вы нам не навредите. Стойте, где стоите, и не двигайтесь.

Она стояла неподвижно. Я обернулся к девушке.

— Стоять, Санди! — приказал я. — Стойте, где стоите, вы оба. На сей раз я не шучу!

Я двинулся вперед, держа «двадцать второй» наизготовку. Собаки до предела натягивали поводки, стараясь добраться до меня, поэтому я

видел, где лучше проходить, чтобы ни одна не смогла ухватить меня зубами. Наконец я подошел к женщине, нагнулся и поднял с земли ее ружье. Это был «30.06», отлично вычищенное охотничье ружье. С ним в руках я почувствовал себя гораздо увереннее.

Я знал, что должен сделать обязательно, — перестрелять собак, пока все они на привязи и безопасны. Но уже поднимая ружье, я понял, что не смогу этого сделать. И не потому, что без них эта женщина останется совершенно беззащитной, особенно теперь, когда я заберу ее ружье и уйду. Просто я все еще оставался слишком цивилизованным человеком. Я не мог перестать думать о них, как о домашних животных, а не как о четвероногих убийцах, в которых она их превратила. Я снова повернулся к женщине.

— Послушайте, — сказал я. — Я собираюсь перебить ваших собак, поскольку хочу быть уверенным в том, что они не причинят нам вреда. И перестреляю, если вы не убедите меня в том, что они на нас не нападут.

Она тяжело вздохнула и одновременно вздрогнула. Создавалось впечатление, что внезапно ее полностью покинули силы.

— Я могу это сделать, — сказала она потуск-

невшим голосом. Потом отвернулась от меня и посмотрела на собак. — Тихо! Лежать — все вы! Лежать! Тихо!

К моему удивлению, они все повиновались. Лай и рычание постепенно сменились тишиной. Псы, облизываясь, уставились на хозяйку и один за другим начали ложиться на землю, молча глядя на нас.

— Неплохо, — заметил я.

— Я содержала школу дрессировки, — отозвалась она все тем же тусклым голосом. — Больше вам беспокоиться не о чем. Можете продолжать путь.

— Простите, но я ничего не знаю насчет того, что у вас припасено дома, э.., в смысле оружия или собак. Давайте зайдем и посмотрим. Идите первая.

Она застыла.

— Нет!

— Да успокойтесь вы, черт побери! — разозлился я. — Мне просто хочется осмотреть дом.

Она по-прежнему стояла как изваяние.

— Минуточку, — сказала она. Повернув голову, она крикнула через открытую дверь в темное пространство прихожей:

— Уэнди, выходи! Моя дочь, — резко сообщила

она.

Через секунду в дверях показалась светловолосая девочка младшего школьного возраста. Она вышла и прижалась к женщине, а та обхватила ребенка рукой.

— Все в порядке, — сказала женщина. — Мы сейчас просто покажем этому дяде наш дом.

Сказав это, она повернулась и, по-прежнему обнимая девочку рукой, повела меня за собой. Я двинулся следом за ней, неся оба ружья. Внутри смотреть было не на что. Линия сдвига времени разрезала дом практически пополам. Остались лишь часть гостиной, вся кухня и ванная комната плюс полторы спальни. Яркие солнечные лучи, проникавшие в дом сквозь незанавешенные окна оставшихся комнат, сразу выдавали те спартанские условия, в которых жили здесь эти двое. Я тщательно осмотрел все помещения, но других ружей в доме не оказалось, а единственным возможным оружием могли бы стать только несколько кухонных ножей.

За все то время, что я осматривал дом, женщина не произнесла ни слова. Она стояла в гостиной у окна и время от времени выглядывала наружу. Я решил, что она проверяет, по-прежнему ли спокойны собаки, поскольку на улице было тихо.

Но я ошибался.

— Там ваша жена? — наконец спросила она.

— Жена? — переспросил я.

На какое-то мгновение вопрос показался мне совершенно бессмысленным. Я выглянул в окно, чтобы понять, куда она смотрит, но увидел только Санди и девочку. И только тут я наконец понял.

— Конечно же нет! — ответил я. — Она еще совсем ребенок. Я нашел ее сразу после того, как по ней прошлась линия сдвига времени и крайне отрицательно воздействовала на нее. В принципе, она и сейчас еще не в себе. Я...

Я осекся, поймав себя на том, что хочу рассказать ей, как до самого последнего времени был твердо убежден в том, что Свонни удалось избежать изменений времени, и еще много другого, сугубо личного. Но все это совершенно ее не касалось. Да и судьба девочки, кстати, тоже ее не касалась. Суть заключалась в том, что я давным-давно скатился к игнорированию каких-либо половых отличий девочки, если, конечно, я вообще когда-нибудь обращал на это внимание. Голова моя была все это время занята множеством моих собственных личных проблем. Вряд ли стоило объяснять все это незнакомке, если я не хотел еще больше запутать проблему,

вместо того чтобы прояснить ее. Я был даже слегка удивлен силой своего внезапного порыва взять да и выложить свою историю буквально первому встречному. Но потом я понял: она была первой разумной взрослой женщиной, которую я встретил со времени начала шторма времени. Тем не менее мои личные дела ее совершенно не касались.

Я еще раз окинул взглядом гостиную, собираясь уходить. Как будто прочитав мои мысли, женщина поспешно заговорила:

— Почему вы не пригласите ее зайти?

— Пригласить ее? — переспросил я. — Но если войдет она, то леопард зайдет следом за ней.

Услышав это, она слегка побледнела и еще крепче прижала к себе ребенка. Но затем откинула голову и спросила:

— А он опасен? Этот ваш леопард?

— Нет, если вы с дочерью будете держаться от него подальше, — сказал я. — Но для того чтобы войти в дом, ему придется пройти мимо ваших псов, а вот это действо просто трудно себе представить.

— А мне не трудно, — спокойно сказала она. — Они будут слушаться моей команды.

Они с дочерью подошли к открытой двери и

вышли на улицу. Я последовал за ними.

— Заходите! — крикнула она девочке и Санди. Конечно же, девочка не шевельнулась и ничего не ответила, а уж Санди тем более.

— Все в порядке, — сказал я девочке. — Можете входить. — Я повернулся к женщине. — А вам лучше последить за собаками.

Девочка уже двинулась к дому, но Санди все еще оставался на месте. Заметив, что он не идет за ней, она повернулась к нему. Пришлось мне идти за ними обоими.

— Пошли, — сказал я. Взяв Санди за шкирку, я повел его к дому. Он подчинился — немного неохотно, но все же подчинился. Собаки, оказывавшиеся ближе всего к нему, при нашем приближении старались отползти назад, те же, что лежали подальше, скулили и старались подползти как можно ближе, натягивая поводки, скаля зубы и тяжело дыша.

— Лежать! — скомандовала женщина с крыльца, и, услышав ее голос, я понял, что, будь я собакой, то незамедлительно сделал бы так, как она приказывает. В мягком сопрано теперь слышались острые как нож нотки. Этот голос колол и резал. Он был отчетливо слышен, хотя она вроде бы говорила совсем негромко:

— Ну-ка, все вы — лежать! Тихо!

Собаки следили за девочкой и Санди — я буквально ощущал их частое влажное дыхание, — но с земли не вставали и лежали молча.

Мы все вошли в дом, и женщина закрыла за нами дверь. Стоило двери закрыться, как одна из оставшихся на улице собак негромко тявкнула. Женщина снова открыла дверь и выглянула наружу. Теперь все было тихо. Она снова закрыла дверь, и на сей раз тишину больше ничто не нарушало.

— Привет, — сказала она девочке. — Меня зовут Мэри Уолкотт, а это моя дочь Уэнди.

Девочка — моя девочка — ничего не ответила. На лице ее застыло выражение, судя по которому она просто не поняла того, что ей сказали, но которое на самом деле, как мне было прекрасно известно, свидетельствовало лишь о том, что она упрямится.

— Она не говорит, — объяснил я женщине. — То есть, она умеет говорить, но просто не любит — думаю, это частично из-за потрясения. Но она слышит и понимает вас, это точно.

Девочка при этих моих словах обошла меня и опустилась на колени рядом с Санди, обняв леопарда рукой за шею.

— Бедняжка, — заметила женщина, глядя на нее. Выражение на лице девочки не изменилось. Женщина снова взглянула на меня. — И какие у вас планы?

— Двинемся дальше, — сказал я. — Я ведь вам уже говорил. И учтите: я возьму с собой это ваше ружье. А вам оставлю свой «двадцать второй» — брошу его ярдах в ста от дома так, что, когда вы доберетесь до него, мы будем уже далеко. Оно не такое тяжелое, и вам будет легче с ним управляться. Настоящей вашей защитой являются собаки, и их я вам оставляю, притом живыми. Но только попробуйте натравить их на нас, и я перестреляю всех тех, с которыми не успеет разобраться Санди.

— Да нет, у меня ничего такого и в мыслях нет, — сказала женщина. — Кстати, куда вы направляетесь?

— В самый будущий сегмент времени, который смогу найти, — сказал я. — Туда, где может найтись человек, понимающий, что случилось с миром.

— А почему вы так уверены, что такой человек существует?

— Что ж, — ответил я, — если такого человека и нет, то мы все равно будем искать либо наи-

лучшее время, в котором можно осесть, либо какой-нибудь способ жить при сдвигах времени. Раньше я убегал от туманных стен, теперь же собираюсь проходить сквозь те, которые попадутся на пути, — хочу выяснить, что там, на другой стороне.

Она выглянула в окно на две туманные стены, нависающие над ее собаками и домом.

— А что там по другую сторону? — спросила она.

— Вам бы это не понравилось, — ответил я. — А что там дальше? — Я указал на подступавший к дому лес.

— Не знаю, — сказала она. — Раньше там был городок с пятьюдесятью тысячами жителей — Грегори, штат Иллинойс — милях в десяти дальше по дороге. Но теперь даже и дороги больше нет. Так что не знаю.

Я внимательно взглянул на нее.

— Выходит, вы не трогались с места с тех самых пор, как начались штормы времени?

— Точно. — Она помрачнела. — Мы с Уэнди сидели здесь и молились с тех самых пор, как произошел первый сдвиг времени. Сначала мы молились, чтобы Тим — это мой муж — поскорее вернулся. Но потом мы стали молиться, чтобы

нас оставили в покое туманные стены.

— Но ведь две из них прямо у вас под носом, — напомнил я. — Вы не думали о том, чтобы уйти подальше от них?

— Куда? — ответила она вопросом на вопрос и пожала плечами. — У меня в погребе полугодовой запас продуктов — так уж получилось, поскольку до города довольно далеко. Если они надвинутся на нас, тогда конец всему и сразу. А пока мы здесь в большей безопасности, чем где-либо еще. Я держала собачий питомник, поэтому здесь жили собаки, которые теперь нас охраняют. А еще был шанс — или мы просто надеялись, — что мой муж...

Она снова пожала плечами и замолчала.

— Хорошо. — Я прихватил оба ружья и повернулся к двери. — Санди, девочка, нам пора. А вы, миссис Уолкотт, подождите минут пятнадцать, а потом можете выходить. Вы найдете «двадцать второй» прислоненным к дереву вон там, на опушке.

Я открыл дверь. За спиной у меня раздался голос женщины, которая повелительно скомандовала собакам:

— Тихо! Лежать! — Затем тон ее голоса изменился. — Мы могли бы отправиться с вами.

Я развернулся. Сначала я непроизвольно решил, что она шутит, но тут же понял свою ошибку. И тут я неожиданно увидел и понял множество разных других вещей.

Я почему-то сразу решил — даже особенно не приглядываясь к ней, — что она обычная домохозяйка средних лет. На ней были брюки, мужская рубашка и, конечно же, никакой косметики. Волосы ее были коротко острижены — причем довольно неуклюже, а под глазами лежали усталые тени. По контрасту с девочкой, единственной представительницей противоположного пола, которую я видел со времени первого шторма времени, Мэри Уолкотт выглядела зрело-женственной, хотя и ничем не примечательной. Теперь же я вдруг понял, что она, скорее всего, не старше меня. Дайте ей возможность вернуться к цивилизации, и она станет чертовски привлекательной. Это была взрослая женщина, причем одних со мной лет, с телом женщины, а не девочки-подростка, с трезвым взрослым рассудком и даром речи. Я внезапно осознал, как давно у меня уже не было женщины...

Я заметил все это за какое-то мгновение и в то же самое мгновение понял: она и добивалась, чтобы я все это заметил, — сделала все, чтобы это

произошло. Это сразу изменило всю картину.

— Отправиться с нами? — переспросил я, больше для себя, чем для нее.

— Чем больше группа, тем больше безопасности, — сказала она. — Да и еще один взрослый человек вам не помешает. И, конечно же, собаки.

Насчет собак она была совершенно права. Такая свора, да еще как следует выдрессированная, могла бы оказаться просто бесценной.

— Но ведь у вас дочь, — сказал я. — Она еще слишком мала, чтобы ежедневно совершать длинные переходы.

— У меня есть тележка, которую могут тащить собаки, кроме того, нам наверняка будут попадаться дороги и рано или поздно найдется какой-нибудь транспорт, разве нет? А тем временем мне.., нам обеим будет гораздо спокойнее, если рядом окажется мужчина.

Она приводила мне все разумные доводы за то, что у нас действительно может получиться хорошая команда, я, в свою очередь, всеми практическими доводами старался их опровергнуть, и при этом мы оба знали, что ходим вокруг да около единственной реальной причины, по которой я или возьму, или не возьму ее с собой, и причина эта заключалась в том, что она была женщиной,

а я — мужчиной.

— Почему бы вам как следует это не обдумать? — предложила она. — Оставайтесь на ночь и подумайте. А завтра мы могли бы еще раз все обсудить.

— Хорошо, — решил я. — Остаемся до утра. Я выглянул в окно.

— Думаю, нам лучше будет остановиться вон там, на опушке, — сказал я. — Тогда Санди не будет так раздражать ваших собак, а они — его.

— Санди? — переспросила женщина. — Вы так его зовете? А как зовут нас, я, по-моему, вам уже говорила. Я — Мэри Уолкотт, а это Уэнди.

— А я Марк Деспард.

— Рада познакомиться с вами, Марк. — Она протянула руку, и я пожал ее. Было странно, после стольких недель, обмениваться с кем-то рукопожатием. У нее была небольшая, но твердая ладонь, а у оснований пальцев чувствовались мозоли. — Вы француз?

Я рассмеялся.

— Нет, это франко-канадская фамилия.

Она наконец выпустила мою руку и взглянула на девочку.

— А ее...

— Она так и не сказала мне своего имени, —

пояснил я и взглянул на девочку. — Ну так как? Может, сейчас скажешь? Девочка по-прежнему молчала. Я пожал плечами. Я называю ее просто «Девочка», — сказал я. — Думаю, вам придется поступать так же.

— Может быть, — Мэри улыбнулась девочке, — она все-таки скажет нам, как ее зовут, — просто чуть попозже, когда ей этого захочется.

Девочка стояла, не говоря ни слова.

— Думаю, не стоит на это рассчитывать, — сказал я Мэри.

Глава 10

Для себя и девочки я установил нечто вроде заплечной палатки, сделанной из брезента, найденного мной в лодочном сарае возле дома у озера. Я установил ее на опушке леса с подветренной от собак стороны. Санди понемногу перестал обращать внимание на собачью свору, а Мэри все оставшиеся полдня не спускала с них глаз, командуя им вести себя спокойно каждый раз, когда они снова начинали проявлять свое недовольство присутствием Санди или нас с девочкой. Когда лагерь был наконец разбит, я оставил девочку и Санди и снова вернулся в дом.

Мэри подвела меня к собакам и представила каждой в отдельности. Я поговорил с каждой из них и каждую погладил, а в это время Мэри стояла рядом и следила за тем, чтобы они прилично себя вели. То одна, то другая иногда коротко виляли хвостом в знак признания, но большинство просто косились на меня и лишь терпели и мой голос, и мои прикосновения. Думаю, с их точки зрения, чтобы испытывать ко мне расположение, от меня слишком разило котом, и я не преминул сказать

об этом Мэри. Но она лишь пожала плечами.

— Привыкнут, — заверила она. Тон ее голоса говорил о том, что в противном случае им же будет хуже.

После этого она отправилась готовить обед и оставила меня одного. Я попытался подружиться с ее дочерью. Но Уэнди была тихим застенчивым ребенком, который, как и собаки, очевидно, находил меня слишком странным и потенциально опасным, чтобы за столь короткое время почувствовать ко мне расположение. Очевидно, когда я наконец отстал от нее и вернулся в лагерь, она испытала лишь облегчение.

Санди по-прежнему был там, привязанный к большому дереву куском нашей самой прочной веревки, которая петлей охватывала его шею. Он лежал на земле и, к моему удивлению, похоже, ничего не имел против того, что его посадили на привязь. Поскольку он не возражал, а держать его на привязи было довольно удобно, я не стал отпускать его. Девочка, должно быть, привязала его, чтобы иметь возможность хоть ненадолго отойти, поскольку ее нигде не было видно.

Не вернулась она и к тому времени, когда Мэри выглянула из дверей, чтобы позвать нас обедать. Я подождал еще немного, но она не вернулась

и тогда, когда Мэри позвала нас во второй раз, и я решил не беспокоиться о ней. В любом случае на нее рассчитывать было нечего. Санди по-прежнему не имел ничего против того, чтобы сидеть на привязи, что с моей точки зрения было просто идеально. Он дремал как котенок, лежа на спине и задрав лапы вверх, будто и на тысячу миль вокруг не было ни единой собаки. Я встал и ушел, а он всего лишь сонно приоткрыл глаза и посмотрел мне вслед.

Запах вкусной еды достиг моих ноздрей задолго до того, как я открыл дверь, и буквально окутал меня, когда я вошел в дом. Мэри выставила на стол ветчину, должно быть, консервированное мясо, которую запекла в духовке, а на гарнир подала скорее всего выращенные в собственном огороде помидоры, картошку и салат из какой-то зелени, которую я не распознал, но которая, посыпанная тертым сыром, на вкус оказалась просто восхитительной.

— Что, не пошла она с вами, да? — спросила Мэри, усаживаясь за стол вместе со мной и Уэнди.

— Ушла куда-то. А Санди привязан, — ответил я. Мэри кивнула, очевидно, удовлетворенная ответом. Она просто не знала, что, пожелай Санди, он мог бы запросто в мгновение ока перекусить

любую веревку. Но отлучаться он особенно не любил, да и ума у него хватало не затевать ссоры с собаками, ну разве что ему вдруг вздумалось бы освободиться и присоединиться ко мне в доме.

Обед был просто замечательный. Мэри избавилась от брюк и рубашки. Теперь на ней было мягкое желтое платье, которое удивительно гармонировало с цветом ее светлых волос, которые — хотя по-прежнему и коротко остриженные — были как-то уложены и теперь гораздо меньше походили на продукт домашней стрижки. Она и губы слегка подкрасила и, возможно, чуть-чуть подвела глаза. Конечного результата всех этих манипуляций оказалось вполне достаточно, чтобы навеять воспоминания о прошлом, как их не удалось навеять даже нескольким скотчам с содовой в доме у озера.

Весь день я сожалел о том, что не догадался прихватить с собой из того дома хотя бы одну бутылку. Но, как выяснилось, у Мэри был собственный запас спиртного. К ужину она никакого вина на стол не выставила, но, после того как мы поели, и Уэнди отправилась спать, принесла откуда-то бутылку рома. Ром, конечно, был так себе, но с кофе пошел вполне хорошо.

Мы сидели на диване в ее гостиной и раз-

говаривали, обмениваясь воспоминаниями о пережитом.., и о многом другом. Помнится, под влиянием рома я рассказал ей о себе куда больше, чем когда-либо собирался кому-нибудь рассказывать. Но в тепле и уюте гостиной меня вдруг охватило чувство безопасности. Я отлично понимал, что Мэри преследует исключительно личные цели. Я сознавал, что между нами происходит, но мне на это было ровным счетом наплевать. По правде говоря, кажется, в тот вечер я решил, что просто заслуживаю чего-то вроде этого, после того как столько недель нянчился с полоумным леопардом и дикой девчонкой. Наконец в какой-то момент за ромом и кофе я приобнял Мэри, а вскоре мы потушили свет.

Не знаю, сколько было времени. Но когда я выходил из дома, уже явно было далеко за полночь. Обнаженная Мэри, не зажигая света, проводила меня до двери, выглянула наружу и шикнула на собак, которые, увидев меня, настороженно приподнялись. Я поцеловал ее на прощание и отправился сквозь ночную темноту под светом молодого месяца к себе в лагерь.

Санди, все так же свернувшись клубочком, лежал под деревом, к которому был привязан, а рядом с ним виднелся какой-то темный комок, на

поверку оказавшийся вернувшейся девочкой. Кусок брезента, служащий полом нашей палатки и который девочка постелила под себя, на освещенной луной земле казался темной лужицей. Сверху же они оба укрылись несколькими одеялами.

Я пьяно пожал плечами. Если девчонке хотелось спать под открытым небом и утром промокнуть от утренней росы, что ж — ее дело. Я забрался в палатку и, как мог плотнее, завернулся в оставшиеся одеяла. То ли я толком не заснул и галлюцинировал, то ли наоборот заснул и все это мне приснилось, но только мне показалось, что незадолго до того, как я провалился в бездонный колодец забвения, Санди вдруг поднял голову и, глядя мне прямо в глаза, заговорил.

— Ты воняешь! — отчетливо проговорил он голосом девочки. И это было последнее, что я запомнил.

Когда я проснулся, надо мной кто-то стоял. Но это был не Санди и не девочка. Это оказалась Мэри, которая протягивала мне чашку горячего кофе.

— Извините, что разбудила вас, — сказала она. — Но если мы собираемся выступить сегодня, то мне не помешала бы ваша помощь.

— Выступить сегодня? — глупо отозвался я. Она

с секунду стояла и молча смотрела на меня.

— Разве мы не об этом вчера вечером говорили, а? — сказала она. — Вы что, не помните?

Я уже хотел было признаться, что действительно ничего не помню. Но потом меня осенило. Конечно же, она права. Это и в самом деле было одной из тем нашего вчерашнего разговора. Мы планировали отправиться в путь сегодня — все вместе.

— Да, — сказал я, по-прежнему лежа и глядя на нее. Какая-то часть меня ненавидела и презирала себя за то, что я так легко позволил себя купить, другая же часть отлично помнила все, что было прошлой ночью, и уже предвкушала следующую. — Буду готов через секунду.

— Отлично, — сказала она и ушла.

Я встал и оделся. Девочки и Санди нигде не было видно. За то время, что мы провели на плоту у ящериц, я волей-неволей отрастил довольно приличную бороду. Но вообще-то мне всегда нравилось ощущение, и, когда мы наткнулись на дом у озера, я был просто счастлив, найдя там бритву, и снова вернулся к бритью. Обычно я брился с удовольствием. Это было частью привычного утреннего ритуала окончательного пробуждения, а по утрам я, как правило, довольно

долго приходил в себя. Но этим утром привычное выскребание лица не помогло соскрести налет вины, оставшийся после вчерашней ночи. В каком-то смысле я предал Санди и девочку ради эгоистичного удовлетворения собственных желаний.

Конечно же, Санди не понимает, что происходит. Но независимо от того, сознает он это или нет, теперь, когда ему придется сосуществовать с целой собачьей сворой, он лишится привычной свободы. Кроме того, отныне ему придется делить меня с парой чужих людей, что тоже вряд ли доставит ему удовольствие. Он привык к девочке, но девочка любит его, а Мэри и Уэнди — нет, и нет никакой гарантии, что они когда-нибудь его полюбят. Девочка же и без того достаточно ясно дала понять, как относится к складывающейся ситуации.

Я смыл с лица остатки мыльной пены и принялся накачивать себя контраргументами. Мы обязательно наткнемся на других людей, с которым захотим и обязательно будем общаться. В конце концов, Санди так и так придется учиться делить меня с другими людьми. То же относится и к девочке. Мы трое просто не можем вечно оставаться в коллективном безумии, в котором

пребывали до тех пор, пока я не увидел пресноводное море и не осознал наконец, что Свонни больше нет.

Если уж на то пошло, мне и самому будет очень нелегко приспособиться, говорил я себе. Но придется заставить себя. То же самое относится и к девушке с Санди... Такова жизнь — не всегда можно иметь то, что хочется.

К тому времени, когда я наконец отправился к Мэри завтракать и помогать ей паковаться, на поверхности моих мыслей, пусть пока и не в глубине, пузырилась твердая убежденность, что я не только поступаю наилучшим образом в интересах всех заинтересованных сторон, но и иду на серьезные личные жертвы.

На сборы у нас ушла большая часть дня. У Мэри имелось две тележки на велосипедных колесах, и она научила несколько собак возить их. Хотя тележки были явно самодельными, но оказались на удивление прочными и надежными. Мэри, похоже, обладала недюжинным талантом механика. Ко всем своим прочим достоинствам, тележки были очень легкими и отлично катились. Но у них был и один серьезный недостаток: в конструкции полностью отсутствовали рессоры, а колеса крепились в точности, как на

велосипедах. При ровной дороге беспокоиться было не о чем, но вряд ли они долго продержатся нагруженными на пересеченной местности, которую нам наверняка придется рано или поздно преодолевать. Однако, поскольку у нас не было ни запасных частей, ни инструментов, чтобы оборудовать их рессорами, я решил ничего не говорить. К чему поднимать шум попусту?

Выступили мы в середине дня. Девочка — она появилась к завтраку, — Санди и я составляли авангард и шли ярдах в пятидесяти впереди остальных. Позади нас шла пешком Мэри, за ней следовали обе тележки, на одной из которых ехала Уэнди, а вторая была загружена провиантом, водой и необходимыми вещами на всю нашу компанию плюс «двадцать вторым», который я отдал Мэри. Каждую тележку тянули по три собаки, а остальная свора, дисциплинированно окружив плотным кольцом тележки и Мэри, охраняла их.

Наша группа двигалась с неплохой для пересеченной местности скоростью, но все же не так быстро, как могли бы двигаться Санди, девочка и я, поскольку то и дело приходилось останавливаться по тому или иному поводу, чаще всего таким поводом оказывалась Уэнди. Наша троица, поскольку мы шли впереди, частенько игнори-

ровала проблемы остальных. Практически мы были как бы сами по себе. Санди, естественно, был совсем не против того, что мы шли не слишком быстро. Это давало ему больше времени на то, чтобы обследовать окрестности. Он и собаки, как я заметил, уже решили проблему сосуществования в типичной для животных манере — они попросту не обращали друг на друга внимания. Один раз, когда Санди немного отстал, один из бегущих впереди псов протрусил мимо него на расстоянии менее десяти футов, но ни тот ни другой не удостоили друг друга даже взглядом.

Несколько раз я пользовался возможностью и, оставаясь с девочкой наедине, пытался разговорить ее. Но, очевидно, она была не в настроении. Даже смотреть на меня не хотела.

— Что ж, ладно, — наконец сдался я. — Тогда давай уж сама.

Я двинулся вперед, выбросив ее из головы и сосредоточившись на разведке пути для всей нашей группы. Через несколько часов после того, как мы покинули дом Мэри, я набрел на что-то вроде проселочной дороги или просеки, проложенной трактором какого-нибудь фермера в лесу, и шел по ней до тех пор, пока сквозь поредевший лес не увидел того, что, очевидно, было малень-

ким городком, раскинувшимся на дне небольшой чашеобразной формы долины, окруженной открытыми полями. От опушки леса до ближайших домов было не больше трехсот ярдов.

Я развернулся и отправился обратно, чтобы переговорить с Мэри. Если в городке кто-нибудь оставался, то я бы не хотел появляться там в сопровождении леопарда и своры собак. Какой-нибудь особо нервный местный житель вполне мог выстрелить — особенно в Санди. Остальные были еще далеко позади. Очевидно, я обогнал их дальше, чем думал. Как бы то ни было, мы наконец встретились, вместе вышли на опушку леса и принялись разглядывать городишко в бинокль, который прихватила с собой Мэри.

На вид городок казался совершенно пустым. Не заметно было никаких признаков движения, ни людей, ни животных. Я протянул бинокль стоящей рядом со мной Мэри.

— Ну-ка, взгляни, — предложил я. Она поднесла бинокль к глазам.

— Насколько я понимаю, это Грегори, да? — сказал я, когда она наконец опустила бинокль.

— Да, — отозвалась она, и лицо ее стало хмурым. После короткой паузы она добавила, правда, медленно и еще более мрачно:

— Вроде бы.

— Вроде бы? — переспросил я. — Что ты имеешь в виду?

— Да нет, это, конечно, Грегори — я его узнаю, — сказала она. — Но вот только не знаю.., какой-то он не такой.

— Людей не видно, да? — подсказал я.

— Да, и это тоже, — согласилась она. — Но и еще что-то не так. Он будто стал другим. Только я никак не пойму, в чем дело.

Я снова взял у нее бинокль и принялся разглядывать находящиеся в поле зрения здания. Не считая полной кажущейся пустоты, при свете вечернего солнца в облике городка вроде бы не было ничего, что сразу же показалось бы странным. И тут я заметил дом, все окна которого были закрыты ставнями.

Я оглядел другие дома. На ближайших из них ставни закрыты не были. Если бы они все были закрыты, то, конечно, это попросту могло бы означать, что сдвиг времени прошел через городок ночью и застиг его обитателей. Но окна в домах, стоящих рядом, открыты, затем, поведя биноклем вокруг, я заметил сначала один, а затем и еще четыре дома, где все ставни вроде бы были закрыты.

Конечно же, это могло ничего и не значить.

— А тебя в Грегори знали? — спросил я Мэри.

— О, конечно, — ответила она. — Мы же всегда там все покупали.

Я повернулся к девочке.

— Держись рядом с Санди. И никуда его от себя не отпускай, — сказал я. — Мэри, а мы с тобой можем прогуляться в городок с парой собак — но только с парой — и посмотреть, есть там кто-нибудь или нет.

Я оставил свое ружье и заставил Мэри сделать то же самое. Мы вышли из-под покрова леса на яркий солнечный свет и двинулись по направлению к домам. Все было так обыденно, что я почувствовал себя даже немного смешно, и вот тут, когда мы прошли футов пятьдесят по открытому месту, из-за угла дома с закрытыми ставнями вдруг появилась пошатывающаяся фигура и, остановившись, уставилась на нас.

Я не очень хорошо разглядел, кто это. Человек был очень крупным, то ли необычайно здоровый мужчина, то ли закутанная в меха или во что-то еще женщина. Даже лицо незнакомца было скрыто шерстью или густой бородой. Выйдя из-за угла дома, человек поднял руку. Из нее вырвалась вспышка света, и пес, бежавший первым футах

в пятнадцати впереди нас, вдруг подпрыгнул, взвыл, рухнул на траву и почти сразу застыл.

Я ничком бросился на землю, дернув Мэри за собой, и, не успели мы залечь, как что-то просвистело над нашими головами. Секунду спустя со стороны городка послышались звуки, похожие на ружейную пальбу, и над нашими головами засвистели пули.

— Назад! — приказал я Мэри. — Ползком! Ползи обратно в лес!

Мы развернулись и по-пластунски поползли обратно. Стрельба продолжалась, и раз или два я слышал, как пуля пролетает буквально у меня над ухом, но, к счастью, в нас так и не попали. Ползли мы, как мне показалось, целую вечность. Мы уже почти добрались до леса, когда наткнулись на вторую из взятых нами с собой собак — поджарого, похожего на немецкую овчарку пса по имени Бастер — тоже мертвую. Пуля попала Бастеру в затылок и на выходе вырвала половину нижней челюсти. Над трупом уже жужжали мухи.

Мы с Мэри поползли дальше, пока наконец не оказались в тени деревьев. Но даже и после этого мы, прежде чем рискнуть подняться с земли, еще некоторое время ползли на четвереньках. Наконец, выпрямившись во весь рост, мы поспешно

вернулись к тому месту, где оставили девочку и Уэнди, и еще раз осмотрели городок в бинокль.

Но смотреть было не на что. Фигуры в мехах нигде видно не было, а стрельба прекратилась.

— Что это было? — спросила Мэри. Ее трясло, а голос был напряженным.

— Понятия не имею, — ответил я и повернулся к девочке:

— А ты не смотрела в бинокль?

Девочка утвердительно кивнула.

— Кто это был — мужчина или женщина? Девочка покачала головой.

— Почему ты не хочешь говорить? — неожиданно заорала на нее Мэри.

— Тише, — попросил я Мэри. — Успокойся. — И снова заговорил с девочкой:

— То есть, это не был ни мужчина, ни женщина? Ты хочешь сказать, что не разглядела?

Девочка покачала головой.

— Значит, разглядела? Она снова кивнула.

— То есть, ты разглядела, что это и не мужчина и не женщина? — продолжал я. — Тогда кто же это был?

— Не знаю, — неожиданно произнесла девочка. — Нечто. Она повернулась и пошла прочь. Я пошел за ней, но она даже не остановилась, не

говоря уже о том, чтобы ответить на мои вопросы. Потерпев поражение, я вернулся обратно к Мэри.

— Может, это что-то из будущего, прошедшее сквозь свою собственную туманную стену и попавшее в Грегори, — предположил я. — Во всяком случае, что бы это ни было, за нами оно не последовало — похоже, оно просто хотело, чтобы мы оставили его в покое. Думаю, нам лучше обойти городок стороной. Как называется следующий? И сколько до него?

— Элтон, — сказала Мэри. — Он милях в пяти отсюда.

— Ну, значит, тогда туда и пойдем, — решил я.

Мы не стали выходить из-под прикрытия леса и сделали большой крюк, обходя Грегори стороной. К тому времени, когда городок наконец остался позади, день клонился к вечеру, но мы продолжали идти, надеясь добраться до Элтона до наступления ночи. Однако этого не случилось. Часа через три ходьбы, на протяжении которых нам так и не встретилось ни дороги ни города, мы вышли на обрывистый берег какой-то реки. Большой реки, шириной никак не менее четверти мили.

Похоже, в этот день наше путешествие закон-

чилось. Мы разбили лагерь на обрыве, а утром я спустился к воде, чтобы прикинуть, как поступить дальше.

Вода была свежей и холодной. Место, где я стоял, заросло ивами, и, похоже, глубина тут начиналась прямо от берега. Но чуть дальше по течению река делала поворот, и там виднелись песчаный пляж и отмель. Я взял с собой Санди и девочку и дошел до излучины. Течение здесь было медленным, а на пляже валялось много бревен, из которых вполне можно было соорудить плот. Я вернулся в лагерь к Мэри. Она как раз сварила кофе и предложила мне чашку.

— Значит, ты хочешь переправиться через реку? — спросила она после того, как я рассказал ей о том, что видел. Я пожал плечами.

— Это необязательно, — ответил я. — Мы можем пойти вверх по течению или вниз и где-нибудь даже можем наткнуться на мост. Но лето не будет тянуться бесконечно, и чем дольше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь в том, что мы должны идти на восток. По-моему, там мы скорее найдем какую-нибудь большую цивилизованную группу людей, переживших шторм времени.

Таким образом решение было принято — более или менее. Я вслух обрисовал наши дальней-

шие планы, а Мэри и девочка слушали. Собаки, конечно, могут плыть. Равно как и Санди и мы, взрослые — или, скорее, двое взрослых и один подросток, то есть девочка. Уэнди, снаряжение и припасы придется переправить на плоту. Если на плоту предстоит переправлять лишь наши пожитки и Уэнди, то, значит, плот потребуется небольшой. К счастью, у нас был молоток и даже немного гвоздей, хотя в конце концов я решил приберечь гвозди и для вящей безопасности связать бревна плота собачьими цепями.

Как уже упоминалось раньше, я с нетерпением дожидался ночи и Мэри. Однако выяснилось, что Уэнди то ли начала чем-то там заболевать, то ли просто переутомилась в дороге. Короче, Мэри дала понять, что сегодня ночью будет занята семейными делами. Поэтому, чтобы не терять времени понапрасну, я воспользовался долгими сумерками, спустился на пляж и начал собирать бревна для плота, а потом стал обрубать их топором Мэри до одинаковой длины.

Санди и девочка отправились со мной, и в конце концов я развел костер и продолжал работать при его свете даже после того, как солнце окончательно скрылось за горизонтом. А кончилось все тем, что мы разбили там наш собственный

лагерь.

Уже перед тем как отправиться на боковую, я кое-о-чем вспомнил.

— Слушай, — сказал я девочке, глядя поверх костра на нее и примостившегося рядом с ней Санди, — в ту ночь мы покинули плот ящериц в ужасной спешке. Помню, я тащил тебя за собой к берегу, но вот совершенно не помню, хорошо ли ты плаваешь — или даже умеешь ли ты плавать вообще. Так как? Сможешь переплыть реку?

Я ожидал, что она либо кивнет, либо отрицательно покачает головой. Но, к моему удивлению, на сей раз она ответила:

— Я остаюсь.

Я несколько мгновений недоуменно пялился на нее.

— То есть как это ты остаешься? — наконец взорвался я. — Ты что же — думаешь, будто можешь оставаться одна по эту сторону реки? Так вот, выбрось это из головы. Ты идешь с нами.

Она помотала головой, но смотрела при этом не на меня, а на пламя костра.

Я сидел, глядя на нее, и от злости у меня просто не было слов. Затем, фигурально выражаясь, я взял себя в обе руки и попытался говорить спокойно.

— Послушай, — начал я, стараясь говорить как можно убедительнее. — Мы уже давно вместе — ты, я и Санди. Но ничто не может продолжаться вечно. Ты ведь наверняка сознавала, что рано или поздно мы встретим других людей и присоединимся к ним или они присоединятся к нам...

Я продолжал говорить, спокойно и убедительно, используя все те же доводы, которые приводил сам себе вчера, и, как мне казалось, справлялся довольно неплохо. То, что я говорил ей, было всего лишь здравым смыслом, и я постарался ей это объяснить. Не говоря уже о возрасте и поле, у любого человека в одиночку было куда меньше шансов выжить. Что она будет делать? Но даже оставляя в стороне практическую сторону дела, то ведь и Санди будет скучать без нее. Да если уж на то пошло, и мне будет здорово ее не хватать...

Я говорил довольно искренне, и мне даже стало казаться, что я понемногу убеждаю ее, но тут она внезапно встала и вышла из отбрасываемого костром круга света, оставив меня на полуслове.

Я смотрел ей вслед в темноту. Какая-то ледяная мерзость вдруг выпорхнула из ночной тьмы и уселась мне на грудь. И тут я наконец понял: она и впрямь собирается сделать то, что сказала.

Глава 11

Через час после рассвета наше снаряжение, собаки и все остальное были на берегу-Мэри и Уэнди смотрели, как я заканчиваю строить плот. Смотрели и в меру сил помогали. Первой заговорила о девочке Мэри.

— По-моему, — сказала Мэри, глядя туда, где на бревне сидела девочка и гладила лежащего у ее ног Санди, — каждый должен вносить свою лепту.

— Она с нами дальше не идет, — сказал я. Мэри недоуменно уставилась на меня.

— Не идет? — переспросила она. В ее голосе прозвучали странные нотки — нотки, которые могли означать что угодно. Лично я этого определить не мог. — Надеюсь, ты это не серьезно?

— Я-то, может, и не серьезно, — сказал я. — Зато она — серьезно.

— Вот как? — протянула Мэри. Она снова взглянула на девочку. — Это ее идея?

— Вот именно.

Мэри немного постояла, задумчиво глядя на девочку.

— Нет, — наконец сказала Мэри. — Она пойдет. Лично я больше ничего не сказал. Я полностью сосредоточился на завершении плота. Когда работа наконец была закончена, мы спустили его на воду, погрузили наши пожитки и обе тележки. Плот — квадрат из довольно приличной толщины бревен размером почти десять на десять футов — держался на воде вполне прилично. Для Уэнди оставалось еще полно места — хотя малышка была бледна как полотно и явно до смерти перепугана перспективой переправляться через реку на качающемся деревянном плоту.

Пока Мэри уговаривала и утешала ребенка, я взял шесть собачьих цепочек, которые остались после завершения плота. Из трех я сделал петлю-удавку и накинул Санди на шею. Потом привязал к ним остальные три и обмотал конец вокруг толстого бревна, которое леопарду сдвинуть с места было явно не по силам. Затем я подошел к плоту и забрал с него «двадцать второй» и коробку патронов.

— Что ты делаешь? — Мэри перестала успокаивать Уэнди и уставилась на меня. — Ведь он мой. Ты же сам мне его подарил.

— А теперь забираю обратно, — сказал я.

И пошел прочь, не дожидаясь ее реакции. Де-

вочка уже стояла возле Санди и рассматривала цепи — сам же Санди, когда я их на него надевал, даже глазом не моргнул. Он беззаботно нежился на солнышке. Я подошел к девочке и сунул ей в руки ружье и патроны.

— Стрелять со временем научишься, — сказал я. — Держи патроны сухими и трать только тогда, когда действительно не остается другого выхода. Независимо ни от чего, перед тем как заряжать ружье, всегда сначала убедись, что патроны не грязные. И вообще следи, чтобы грязь не попала в ствол. Если ствол все же запачкается, возьми из рюкзака кусок веревки и привяжи к его концу тряпичку. Пропусти веревку сквозь ствол и несколько раз протяни через него тряпку — до тех пор пока внутри он не станет блестящим, если поднять ружье вверх и посмотреть сквозь дуло на свет. Впрочем, ты сама видела, как я это делаю. Все поняла?

Она без единого слова взяла у меня коробку и ружье.

— Санди я оставляю с тобой, — сказал я. — Не отвязывай его до тех пор, пока не пройдет по меньшей мере день и ночь. Раз меня рядом не будет, думаю, он будет держаться с тобой и послужит тебе защитой еще лучшей, чем ружье.

Помни: через несколько месяцев наступит зима. Постарайся найти место, где ты сможешь обосноваться и находиться в безопасности до наступления тепла.

Она взглянула на меня.

— Ну что ж, — сказал я. — Счастливо тебе.

Она не шевельнулась и ничего не сказала. Я повернулся и пошел обратно к Мэри.

Мэри уже усадила Уэнди на плот и разделась, оставшись в желтом закрытом купальнике. Она отлично в нем выглядела, впрочем, как я и ожидал после проведенной с ней ночи. Сам я о таких тонкостях не подумал. Теперь же, отдавая дань ее купальному костюму, я оставил на себе шорты — глупейший пережиток мужской застенчивости, чего раньше совершенно не планировал. Но у меня в рюкзаке было сменное нижнее белье, а мокрые шорты я мог повесить на рюкзак сушиться на ходу, после того как мы переправимся на ту сторону.

Я снова оглянулся на девочку и Санди и помахал им. Само собой, никто из них не откликнулся. Мы с Мэри, держась за край плота, вошли в холодную речную воду. Собаки последовали за нами, и мы поплыли вперед.

Как я уже сказал, вода была очень холодной,

несмотря на то, что стояла середина лета. За то время, что мы преодолевали реку, течением нас снесло гораздо дальше, чем я даже ожидал. И довольно скоро, хотя я и считал себя довольно сильным пловцом, я почувствовал, что рад плоту, за который можно держаться, и посочувствовал собакам, которым держаться было не за что. Наконец одной из них пришла в голову мысль попытаться взобраться на плот, но, услышав резкую команду Мэри, ослушница тут же отказалась от крамольного намерения. Короче говоря, в общей сложности мы провели в воде более получаса, пока в конце концов не выбрались на небольшой песчаный пляжик, за которым начиналась обширная, размером с два приусадебных участка песчаная, поросшая травой проплешина, тянущаяся до опушки довольно густого леса.

Я вылез из воды, подтянул плот поближе к берегу и перенес Уэнди на песок. После этого я начал сгружать наши пожитки, и тут тревожный возглас Мэри заставил меня выпрямиться и обернуться.

Из-за деревьев появились и теперь стояли примерно на полпути между рекой и лесом пятеро мужчин. Они были примерно в двадцати ярдах от нас и рассредоточились полукругом, прижимая

нас к кромке воды. Все они были хорошо одеты — то есть примерно как для охоты. Все были обуты в добротные ботинки на толстой подошве, высокие голенища которых исчезали под плотными штанами. На всех были либо кожаные, либо из плотной ткани куртки, из-под которых выглядывали воротнички теплых рубашек, а на головах всех, кроме одного, красовались шапки. Каждый был перепоясан ремнем, на котором болтался револьвер, а в руках у всех были ружья.

Единственный из них, не имевший головного убора, стоял чуть впереди остальных и, похоже, был их предводителем, хотя по виду и был моложе остальных и, кажется, даже на дюжину лет моложе меня. Но ростом он был примерно с меня и в своей куртке казался очень широкоплечим. У него было костистое лицо, гладко выбритое, как и мое, физиономии же всех остальных были украшены разного достоинства бородами. Когда я потянулся к лежащему на плоту ружью, он улыбнулся.

— Оставьте его, — сказал он. Я убрал руку.

— Охранять! — рявкнула Мэри. — Чужой!

Собаки быстро рассыпались веером вокруг нас. Каждая впилась взглядом в одного или нескольких противников, а это в большинстве случаев

означало, что на каждого придется по паре псов, и каждый из этих застывших как статуи представителей семейства волчьих замер в своей собственной позе готовности, подобно тому, как хорошо обученная охотничья собака нацеливается на дичь. Мужчины вскинули ружья.

— Спокойно! — сказал молодой. — Придержите своих собачек, если не хотите, чтобы их перестреляли!

Мэри ничего не ответила, но собаки по-прежнему стояли неподвижно. Молодой поставил ружье прикладом на землю и оперся на него в довольно дружелюбной манере — хотя я заметил, что остальные продолжали держать ружья наизготовку. Он снова улыбнулся нам.

— Итак, — заговорил он. — Как там на противоположном берегу?

— Ничего особенного, — ответил я.

Стоя в воде едва ли не по пояс, я до смерти замерз, но мне не хотелось удаляться от лежащего на плоту на расстоянии вытянутой руки ружья:

— А как на этом?

— Да тоже так себе, — отозвался молодой. — Парочка пустых городишек...

Он отвечал мне, но при этом буквально пожирал глазами Мэри. Да и все остальные глазели на

нее. А все этот ее желтый купальник. Я вполне отдавал себе отчет, что она надела его, зная, какое впечатление он произведет на меня. Но теперь то же самое впечатление он производил и на этих мужиков, только для них, подумал я, это было немного чересчур. Тем не менее, вместо того чтобы сделать что-нибудь разумное — например, взять с плота куртку или одеяло и накинуть на себя — и несмотря на то, что она, как и я, была мокра и замерзла, Мэри продолжала стоять на месте, невольно приковывая к себе их взгляды. Мало того, она еще и заговорила с ними, привлекая к себе еще больше внимания.

— Вы что себе позволяете? — воскликнула она, притягивая к себе Уэнди. — Моя малышка и так до смерти перепугана переправой, а тут еще и вы появляетесь из леса со своими ружьями...

С этими словами она принялась растирать девочку полотенцем, которое было повязано у Уэнди на шее в качестве воротника, не дающего брызгам попасть под одеяло, в которое ее закутали перед посадкой на плот. Может, то, что она делала, и было поступком чисто материнским, но подействовало на незнакомцев так, как если бы Мэри начала исполнять перед ними танец живота. Двое из них уже начали слегка улыбаться.

— Вы уж нас простите, — сказал молодой предводитель. — Мне очень жаль. — Улыбки на лицах его товарищей стали немного шире.

— Еще бы! — огрызнулась Мэри, продолжая орудовать полотенцем. — Если с миром что-то стряслось, то это еще не значит, что люди должны перестать соблюдать приличия! Любой, у кого осталась хоть кроха мозгов, предложил бы помочь, а не выскакивал бы вот так, словно разбойник...

— Да мы только рады будем помочь, — сказал молодой. — Вы просто нас не так поняли — мы ведь потому и подошли, что хотели помочь...

— Ах вот оно что! — хмыкнула Мэри — Что ж, так-то лучше. Понимаете, теперь, когда в мире почти не осталось людей, тем, кто уцелел, нужно держаться вместе. Что ж, может, конечно, и мне не стоило так набрасываться на вас... — Она все продолжала яростно вытирать Уэнди в своем почти что танце, хотя Уэнди уже явно хотелось лишь одного — чтобы ее поскорее отпустили. — Но если бы вы, как мы, только что переплыли ледяную реку вроде этой, думаю, вам бы тоже не понравилось, выскочи на вас толпа вооруженных людей...

— Мамочка, я уже сухая! — запротестовала Уэн-

ди, пытаясь вывернуться из материнских рук.

— Стой спокойно, милая! — прикрикнула на нее Мэри. — Так вот, я и говорю, когда толпа вооруженных людей...

И только тут я уголком глаза кое-что заметил — едва уловимое движение. Неожиданно я понял, что происходит и почему Мэри все стоит и болтает, стараясь отвлечь их внимание на себя.

Пока она продолжала свое маленькое шоу, собаки занимались своим делом. Видимо, она действительно хорошо выдрессировала их. Пока взгляд человека, за которым она следила, был устремлен на нее, собака стояла совершенно неподвижно, настороже. Но стоило вниманию противника хоть на секунду отвлечься на что-то другое, и собака продвигалась вперед — на один шажок, на два, даже на полшажка, будто подкрадываясь к залегшему на кукурузном поле кролику. Сначала собаки находились от незнакомцев почти на таком же расстоянии, что и мы с Мэри. За это время они успели преодолеть почти половину расстояния до членов комитета по торжественной встрече.

Теперь уже и речи быть не могло о том, что незнакомцам удастся перебить всех собак до того, как те доберутся до них. Возможно, им и удалось

бы перебить добрую половину псов, но у оставшихся будут все шансы добраться до намеченных жертв за то время, пока охотники расправляются с первой половиной.

В тот же самый момент, когда я заметил едва уловимое продвижение одной из собак вперед, человек, по направлению к которому она продвигалась, тоже почуял неладное. Очевидно, пес был уже слишком близко, и это просто не могло и дальше оставаться незамеченным.

— Тек! — заорал мужик. — Собаки! Смотри! Молодой лидер наконец оторвал взгляд от Мэри и окинул взглядом полукруг готовых атаковать собак. Одновременно с этим остальные начали поднимать ружья. Но я уже воспользовался тем преимуществом, что их внимание переключилось с меня на собак, и схватил наконец свое ружье.

— Стоять! — заорал я, вскинул ружье и направил его Теку в живот. Собаки ждали команды напасть.

— Стойте! Делайте, как он говорит! — рявкнул Тек — если только это было полное имя молодого вожака. Сам же он застыл в полной неподвижности.

Его люди замерли.

— Так-то лучше, — продолжал он уже более спокойно. Он еще раз взглянул на Мэри, на меня и улыбнулся, но я заметил, что на его лице поблескивает испарина. Получить в живот пулю 30.06 — перспектива не из приятных, а я стоял так близко, что, даже будучи неважным стрелком, не промахнулся бы. — Намного лучше. Думаю, вы не хотите понапрасну терять этих прекрасных псов, верно, мэм? Сейчас мы просто уйдем отсюда и дадим вам возможность идти своей дорогой, поскольку вы, кажется, хотите именно этого. Если уж мы не можем стать друзьями, — теперь он улыбался только Мэри, — значит, не судьба. Хотя и жаль. Было бы очень приятно познакомиться с вами поближе. Итак, мы начинаем отходить...

И он начал отступать. Остальные последовали его примеру. Собаки немедленно двинулись за ними, шаг за шагом, как будто каждую из них связывала с человеком, за которым она следила, невидимая нить.

— Стоять! — скомандовала Мэри. Собаки остановились, а мужчины продолжали отступать, опустив ружья стволами вниз. Я же продолжал держать ружье наизготовку.

Мужчины достигли края леса и скользнули в тень деревьев — все, кроме Тека, который нена-

долго задержался.

— Давай-давай, — сказала Мэри.

— Ухожу. Надеюсь, еще увидимся, — откликнулся Тек.

— Только если мы не увидим вас первыми! — мрачно отозвалась Мэри.

Тек помахал ей на прощание. Он постоял еще секунду и в упор взглянул на меня. Потом сделал движение рукой, как бы притрагиваясь к отсутствующей шляпе.

— Вы просто счастливчик! — сказал он мне. — И если кто-нибудь будет убеждать вас в обратном — не верьте!

В его голосе не было насмешки. Да и не должно было быть. Смысл его слов был совершенно прозрачен. Я в расчет не принимался — его заставили отступить Мэри и ее собаки. На секунду меня охватила ярость — я едва не выскочил из воды и не бросился вслед за ним, чтобы в глаза обозвать его лжецом, но тут же мой глубоко запрятанный рефлекс искать ответы на все вопросы накинулся на его истинные намерения так же, как Санди кидался на удирающую от него мышь-полевку. Ведь Тек и пытался заставить меня броситься вслед за ним. Собаки на расстоянии опасности не представляли, если сзади их не прикрывало мое

ружье. Если бы я выскочил вперед, они могли бы сначала пристрелить меня, затем перебить собак с разделяющего их теперь вполне безопасного расстояния.

Поэтому по здравом размышлении я не бросился на обидчика. Вместо этого я рассмеялся. Я смеялся громко, надеясь, что он услышит меня, но он уже растворился в тени деревьев, и я не знал, находится он еще в пределах слышимости или нет.

После этого я вышел из воды, хотя и медленно, и передал ружье Мэри.

— Следи за лесом, — велел я.

А сам развернулся и принялся вытягивать плот на берег, чтобы во время разгрузки его не унесло течением. Затем я снова забрал ружье у Мэри, и она принялась растирать мое онемевшее от холода тело, а потом растерлась сама. Никаких признаков близкого присутствия Тека и его людей за все это время мы не заметили. Мэри отправила пару собак караулить опушку леса, и мы вернулись к разгрузке плота.

Покончив с этим, я развел костер, чтобы мы могли погреться. И только после того, как костер хорошо разгорелся и Мэри принялась разогревать суп, я наконец догадался взглянуть на противопо-

ложный берег и уточнить — не видели ли девочка и Санди нашу стычку с Теком и его людьми. Но, бросив взгляд на другую сторону реки, я понял, что во время переправы нас снесло слишком далеко вниз по течению и что пляж, где я оставил девочку и леопарда, остался за излучиной. Я набросился на суп, с благодарностью ощущая его разливающееся внутри меня тепло и в то же время чувствуя какую-то пустоту внутри.

Одевшись, мы с Мэри прихватили несколько собак и отправились на разведку, чтобы проверить, действительно ли Тек и его приятели ушли. Выяснилось, что лес, где они скрылись, в действительности всего лишь узкая полоска деревьев шириной в пару сотен ярдов, тянущаяся параллельно реке. Людей там не оказалось, а за деревьями начинался невысокий склон, ведущий на вершину чего-то вроде невысокого, нависшего над рекой холма. Когда мы поднялись на него, перед нами развернулась панорама обширного поросшего пространства. Никаких намеков на присутствие Тека и его компании, равно как и никаких следов прохождения туманных стен или чего-либо еще. Мы вернулись на берег, разбили лагерь у реки там, где причалили, и дружно решили с Мэри, что вполне заслуживаем неболь-

шого праздника.

Утром мы двинулись на восток. Я ушел далеко вперед, выбирая путь. Собаки наконец-то начали ко мне привыкать — возможно, вода смыла с меня запах Санди, и я стал для них социально приемлемым. А две собаки даже выполняли несколько простых команд, которые я им отдавал. Мэри немного позанималась и с ними и со мной, и теперь они реагировали на мой голос вполне пристойно.

Я шея в их компании примерно в четырехстах ярдах впереди Мэри, Уэнди и остальных собак. Сейчас я, как всегда и предпочитал, был сам себе хозяин, но идти в сопровождении двух собак было совсем не то, что путешествовать с Санди. Они слушались меня, Санди — почти никогда, разве что случайно. Они двигались с моей скоростью, я же привык передвигаться со скоростью Санди. Они были смертоносным оружием, которым я мог управлять. Санди никакому контролю не поддавался и был абсолютно непредсказуем.

Но имелась одна большая разница, которая превышала все их достоинства. Полоумный кот любил — любил меня ради меня самого. Это была любовь, вызванная случайной причиной и эффектом сдвига времени, но тем не менее она

была. Собаки же с успехом могли служить Теку, прикажи Мэри повиноваться ему, а не мне.

Я постарался выкинуть из головы мысли о Санди. О девочке я не осмеливался думать с самого начала. Теперь же я позволил себе подумать, как ей повезло, что она была на той стороне реки, а Тек со своими людьми — на этой. Оставалось надеяться, что на том берегу она встретит приличных людей. Сколько на свете людей, столько и характеров, поэтому у нее были примерно равные шансы встретить как хороших, так и плохих людей. Я постарался выкинуть из головы и ее. Мир просто не может быть таким, каким его хотели бы видеть отдельно взятый мужчина или отдельно взятая девочка.

К середине второго дня открытая местность сменилась пологими холмами, которые в свое время были распаханы и среди которых нам то и дело попадались заброшенные фермы. Изменение характера местности произошло настолько плавно, что я бы даже затруднился сказать, естественным был переход от равнины к пахотным землям или он стал результатом сдвига времени. Но в любом случае местность не вполне соответствовала словам Тека, заявившего, что на этой стороне реки только парочка пустых городишек.

Пустые, на первый взгляд, фермерские дома мы благоразумно обходили стороной, хотя собаки ни разу тревожно не залаяли.

Первые три дня прошли относительно спокойно. Мы не замечали никаких признаков Тека и его группы или каких-нибудь других людей, да и вообще не видели ничего подозрительного. Утром четвертого дня справа от нас появилась туманная стена, я тут же изменил маршрут нашего движения, и мы направились к ней.

Глава 12

Мэри к этой идее отнеслась отрицательно. Инстинкты подсказывали ей, что от туманных стен нужно держаться подальше, и трудно было ее в этом винить.

— Хорошо, — отворачиваясь, сказал я. — Вы идите дальше. А я вас догоню через пару дней. Если же нет, то лучше вам меня не ждать.

Я успел отойти от них, должно быть, не более чем на дюжину шагов, когда услышал за спиной ее голос и понял, что она догоняет меня.

— Что мне делать? Что мне делать?

Это был душераздирающий крик души. Я развернулся и увидел, что глаза ее крепко зажмурены, лицо побледнело, как мел, кулаки крепко сжаты, а тело напряжено. Я пошел к ней.

Мне вдруг стало ясно, каково ей сейчас. С ее точки зрения, она вложила в наше партнерство все, что могла. Она отказалась от той пусть и относительной безопасности, которая у нее оставалась после шторма времени, ради того, чтобы отправиться со мной, — больше ради Уэнди, как я подозревал, чем ради себя. Она ко всему легко

приспосабливалась, была верна и трудолюбива, старалась быть хорошим партнером и днем и ночью. Она доверила мне своих собак, самое себя — и даже свою дочь. И тем не менее сейчас, по какой-то, с ее точки зрения, совершенно бессмысленной причине, я собирался поставить на карту все ради того, чего запросто можно и не делать.

Я обнял ее и попытался хоть немного успокоить, но почувствовал, что она так же напряжена, как бывала девочка во время своих припадков. Я просто стоял и сжимал ее в объятиях, как обычно в подобные моменты обнимал девочку, и через некоторое время мне показалось, что она понемногу оттаивает. Наконец все ее тело сотрясла дрожь, и она заплакала, громко, надрывно, душераздирающе всхлипывая, практически без слез.

Через некоторое время эти всхлипы начали стихать, и я, продолжая обнимать ее, начал шептать ей на ухо.

— Послушай, — говорил я. — Есть всего три вещи, по поводу которых я мог бы не согласиться с тобой, и теперь, когда девочки и Санди с нами больше нет, осталась только одна. Понимаешь, это у меня с самого детства. Теперь, когда я твердо решил понять, что такое шторм времени, я просто ничего не могу с собой поделать. Я обяза-

тельно должен пройти сквозь все встречающиеся туманные стены и выяснить, что находится за ними, — я должен, понимаешь? Для меня, когда речь идет о подобных вещах, иного выбора нет. И так было всегда.

— Я знаю, ты меня не любишь, — пробормотала она, уткнувшись мне в грудь. — Но ведь я никогда этого и не требовала. Но сам подумай: куда же нам деваться, если ты не вернешься? Что нам тогда делать?

— С вами все будет в порядке, — сказал я. — Вам всего-то и нужно посидеть полчаса и подождать, пока я не пройду сквозь туманную стену, не посмотрю, что там за ней, и не вернусь обратно.

— Всего-то! — сказала она.

— Вот именно. Всего-то, — подтвердил я. — Тебе придется поверить мне на слово, но у большинства туманных стен обе стороны практически одинаковы, и передняя и задняя. Крайне маловероятно, что я там увижу нечто слишком плохое или слишком хорошее. Но если там окажется слишком уж плохо, я тут же нырну обратно. А если же там все хорошо, это может означать новое безопасное будущее для всех нас. Да ты должна просто заталкивать меня туда, а не удерживать здесь!

— Да, если уж ты чего решил, то сделаешь обязательно, — сказала она, оторвавшись от меня. Но, похоже, конфликт был улажен, и мы направились к туманной стене.

В том месте, где мы подошли, туманная стена перерезала небольшую неглубокую лощинку, по краям обрамленную деревьями. Таким образом получалось, что к стене вело нечто вроде естественной траншеи ярдов шестидесяти шириной и около сотни длиной. Я остановил свой выбор на этом месте, поскольку здесь Мэри, Уэнди и собаки могли оставаться невидимыми на случай, если кто-нибудь наблюдал за нами откуда-нибудь с более высокой точки. Мы заметили туманную стену рано утром и дошли до этой самой лощинки или низинки часам к одиннадцати утра. Сама туманная стена была совершенно неподвижна — когда я подумал об этом, то сообразил, что еще ни разу не видел, чтобы неподвижная стена снова начала двигаться. Или движущаяся останавливалась. Возможно, существовало две разновидности линий времени.., да, пожалуй, это была свежая мысль.

Я проводил всю компанию в лощину и выбрался наверх, чтобы проверить, надежно ли они укрыты от наблюдения с равнины. Все оказалось

в порядке, и с помощью бинокля я убедился в том, что среди беспорядочно раскиданных по равнине деревьев не заметно никакого движения. Таким образом тот час или около того, что я проведу по другую сторону туманной стены, они будут находиться в полной безопасности — и уж тем более с ними ничего не случится за то время, которое понадобится мне, чтобы выскочить обратно, если на той стороне мне что-то не понравится.

Спускаясь обратно в лощину, я поймал себя на том, что пытаюсь вспомнить, видел ли кого-нибудь или что-нибудь, по своей воле проходящее сквозь туманную стену. Но так ничего и не вспомнил.

Мэри долго сжимала меня в объятиях, прежде чем отпустить к стене, — и даже Уэнди прильнула ко мне. За несколько дней, прошедших после того, как мы расстались с девочкой и Санди, малышка понемногу начала преодолевать свою застенчивость по отношению ко мне. И когда я понял, что никак не реагировал на те маленькие знаки внимания, которые она мне оказывала, мне вдруг стало очень стыдно. Я вдруг с горечью осознал, что прохладно относился к ней из-за какой-то смутной зависимости между ее присутствием и отсутствием девочки и Санди. И вот

теперь меня охватило чувство вины. Ведь Уэнди не была виновата в том, что все получается так, а не иначе.

Но сейчас было неподходящее время для подобных мыслей. Я, оторвавшись от Мэри и ее дочери, зашагал в пыль и туман, напряженный, как собака, заходящая в незнакомый двор. Физическое и эмоциональное ощущение горя охватило меня раньше, чем я успел зажмуриться от пыли. Ощущения, которые я сейчас испытал, были гораздо слабее, чем в тот первый раз, когда я прошел сквозь туманную стену и обнаружил дом Мэри. Мне стало интересно: а можно ли выработать иммунитет к прохождению сквозь туманные стены или хотя бы просто привыкнуть к реакциям, которые они вызывают у живых организмов?

Я вслепую продвигался вперед, земля под моими ногами становилась все более каменистой и неровной. Наконец по ослабевающему покалыванию пылинок на лице я понял, что приближаюсь к другой стороне линии изменения времени, и открыл глаза.

Я оказался в какой-то гористой местности. То есть не то чтобы меня окружали горы, скорее это были высокие холмы. Невдалеке возвышалось какое-то массивное бетонное строение, причем

настолько большое, что я даже не мог целиком охватить его взглядом. Та его часть, которая находилась прямо передо мной, представляла собой массу развалин, а на грудах того, что, по-видимому, когда-то было стенами и перекрытиями, тут и там зеленела свежая зеленая трава.

Трудно было представить, что могло вызвать подобные разрушения. Бомбардировке здание явно не подвергалось. Создавалось впечатление, будто кто-то взял его и выкрутил так, как выжимают мокрое полотенце. Вокруг полуразрушенного здания, освещенные полуденным безоблачным небом, высились усыпанные щебнем и поросшие редкими соснами и елями крутые склоны...

Температура воздуха здесь была ощутимо ниже, чем по другую сторону туманной стены, как будто я оказался на гораздо большей высоте, хотя уши у меня и не закладывало, как обычно бывает при изменении атмосферного давления. Нигде не было видно ни единой птицы, и даже насекомые не жужжали. Впрочем, если эти новые земли действительно были расположены достаточно высоко в горах, то зона обитания большинства насекомых могла остаться гораздо ниже.

Однако, чем бы в свое время ни являлось это высящееся передо мной сооружение, теперь оно

превратилось в руины. Нигде не было заметно ни малейших признаков жизни. Было бы наивно думать, что в этой куче мусора может найтись некто, больше меня понимающий в штормах времени. Ясно как день, что я могу совершенно спокойно вернуться обратно к Мэри, Уэнди и собакам.

Но я все еще колебался. Мне почему-то страшно не хотелось так быстро расставаться со своей, пусть и временной, самостоятельностью. Не хотелось почти так же сильно, как и предстать перед Мэри и признаться, что вся эта история с прохождением сквозь туманную стену оказалась совершенно бесплодной затеей. Наконец я пришел к компромиссу с самим собой. Не будет никакого вреда, если я обойду руины и немного осмотрю окрестности. Тогда, возможно, мне удастся составить хотя бы приблизительное представление о том, что здесь когда-то было. Бетон, из которого состояли обломки, на вид казался вполне современным, таким же, как в мое родное время, а возможно, даже относился к немного более позднему периоду.

Обследовать развалины меня подталкивало какое-то странное чувство — слабое, но неотвязное. Было в этой груде бетона что-то, что буквально

вцепилось в мою умственную аппаратуру решения проблем и теперь изо всех сил тянуло ее к себе.

Я двинулся по диагонали направо, одновременно и приближаясь к руинам, и обходя их сбоку. По мере приближения здание казалось мне гораздо более обширным, чем на первый взгляд. Однако через некоторое время я оказался там, откуда мог видеть по крайней мере всю его длинную сторону. Целиком я его видеть все еще не мог, поскольку в нескольких десятках метров оно изгибалось, следуя контурам холма, на котором было построено. Но чем дальше от меня, тем менее здание походило на развалины и тем больший интерес у меня вызывало. Оно чем-то немного напоминало мне мою собственную жизнь, начавшуюся с развалин, но со временем приобретшую какие-то форму и цель, правда, цель слишком серьезную, чтобы видеть и осознавать ее целиком. Мне вдруг показалось, что здание — мой старый знакомый, что-то вроде давнего бетонного друга. И я двинулся дальше вдоль фасада.

Я все шел и шел, а оно все продолжалось, тянулось и изгибалось все дальше и дальше, и, пройдя с четверть мили, я наконец понял, что целиком мне его никогда не увидеть, настолько оно было

велико.

Я уже решил было повернуть назад, но тут заметил, что чуть дальше места, до которого я дошел, здание практически не повреждено. В выглядящих нетронутыми секциях серых бетонных стен виднелось несколько совершенно целых окон. И чуть дальше виднелась даже дверь, которая была чуть приоткрыта так, что приглашала зайти.

Я двинулся к двери: тяжелая пожарная дверь открылась, когда я изо всех сил потянул ее на себя. За ней открылась голая бетонная лестница с перилами из железной трубы, ведущая наверх. Я медленно, стараясь не шуметь, двинулся по ступенькам, держа ружье наготове, хотя практичная часть моего ума убеждала меня, что все это просто смешно. Я попусту трачу время в этом заброшенном и разрушенном произведении рук человеческих, и мне самое время вернуться к Мэри и Уэнди, которые, должно быть, уже начали беспокоиться.

Добравшись до верхней площадки, я миновал еще одну дверь и оказался в длинном коридоре, по левую сторону которого тянулась голая белая стена с окнами, через которые ярко светило солнце, отражаясь в стеклах дверей и внутренних окон, тянущихся по правую сторону коридора,

за которыми виднелись какие-то кабинеты и лаборатории.

Я сделал шаг вперед и почувствовал, как моя левая нога за что-то зацепилась. Я посмотрел себе под ноги. Поперек коридора была натянута тоненькая черная нить, которую я разорвал.

— Кто здесь? — раздался голос у меня над головой. Я задрал голову и увидел решетку громкоговорителя.

— Привет! — продолжал голос-тенор, явно принадлежащий молодому человеку. — Кто здесь? Просто отвечайте. Я вас услышу.

Я аккуратно отступил на шаг назад. Поднимая ногу и ставя ее обратно на пол, я старался быть максимально осторожен. И все равно, стоило подошве моего ботинка коснуться пола, как послышался слабый шуршащий звук.

— Если вы собрались уйти, забудьте об этом. Двери уже заблокированы. Сработала система безопасности данного учреждения. У меня достаточно энергии, чтобы поддерживать ее в рабочем состоянии.

Я сделал два быстрых осторожных шага к двери, ведущей на лестницу. Но ручка осталась неподвижной, а сама дверь, несмотря на все мои попытки открыть ее, даже не шелохнулась.

— Убедились? — спросил голос. — Послушайте, я вовсе не собираюсь удерживать вас насильно. Если захотите уйти, я выпущу вас. Просто я подумал, что мы могли бы поболтать.

— Вы меня видите? — спросил я.

— Нет. Но у меня есть приборы. Так, сейчас посмотрим.., вы около ста девяноста сантиметров ростом и весите восемьдесят два и пятьдесят три сотых килограмма. Судя по характеристикам голоса и запахов, вы мужчина, температура тела примерно на полградуса выше нормы, частота пульса пятьдесят восемь ударов в минуту, — ясно, что вы человек чертовски хладнокровный, — кровяное давление сто восемь на восемьдесят семь. На вас надето немного синтетики, но в основном шерсть и кожа, судя по весу — верхняя одежда. Мой анализатор запахов сообщает, что от вас исходят запахи металла, дерева, масла и некоторые другие, говорящие о том, что у вас имеется ружье плюс еще какой-то металл, возможно — нож. Дальше — вы находились снаружи совсем недолго, потому что пришли из какого-то места, где много травы, мало деревьев и более теплый и влажный климат. Голос замолчал.

— Впечатляет, — отозвался я, чтобы подстегнуть его продолжать. Я не верил обещанию

выпустить меня по первому требованию и лихорадочно искал пути наружу помимо запертой двери. В здании было много окон, но вот сколько же этажей я одолел, поднимаясь по лестнице? Если бы мне удалось выбить окно, а высота оказалась бы не слишком большой...

— Благодарю за комплимент, — продолжил голос. — Но это не моя заслуга. Это все аппаратура. Короче говоря, судя по полученным мной данным, вы скорее исследуете местность, а не ищете приключений. У вас с собой нет снаряжения или припасов для жизни под открытым небом, хотя исходящие от вас запахи и говорят, что именно так вы и живете. Следовательно, такое снаряжение и припасы у вас есть, но где-то в другом месте. Вы вряд ли оставили бы их без присмотра, ведь на них может наткнуться какое-нибудь животное и уничтожить, а значит, с вами, возможно, есть кто-то еще. В пределах видимости вокруг здания никого нет, или я бы это заметил, а кроме меня внутри только вы один. Это означает, что вы практически наверняка прошли сквозь вон ту стационарную линию темпоральной неоднородности.

Я перестал разглядывать окна. Теперь ему действительно удалось произвести на меня впе-

чатление. Его оборудование уже и само по себе было достаточно интересным, судя по тому, что оно смогло рассказать ему обо мне, но сидеть и считывать показания датчиков и приборов может любой идиот, стоит лишь его как следует обучить. С другой стороны, то, как он разумно и логично трактовал эти показания, было уже чем-то совсем другим.

— Как вы это назвали — темпоральная неоднородность? — спросил я.

— Именно. А разве вы называете это как-то иначе? — спросил голос. — Впрочем, название особого значения не имеет. Мы ведь оба знаем, о чем говорим.

— А как вы называете это, когда оно движется? — спросил я. Последовала долгая секунда молчания.

— Движется? — переспросил голос. Я еле удержался от улыбки.

— Хорошо, — сказал я, — теперь позвольте заняться дедукцией мне. Насколько я понимаю, вы не покидали пределов этого здания с тех пор, как разразился шторм времени.

— Шторм времени?

— Ваша темпоральная неоднородность в широком смысле, как явление, — пояснил я. — Я

называю это штормом времени. А отдельные неоднородности вроде той, что возле вашего здания, — линиями времени. А дымку в воздухе на месте этих линий — туманной стеной.

Снова последовала пауза.

— Понятно, — ответил голос.

— И вы не покидали стен этого здания с тех пор, как там появилась туманная стена, или с тех пор, как нечто, не знаю, что это было, разрушило половину здания.

— Ну, не совсем так, — ответил голос. — Несколько раз наружу я все-таки выходил. Но в принципе вы правы. Я сижу здесь с тех пор, как прошла первая волна разрушений, и изучаю неоднородность, через которую вы прошли. Но вы — вы же видели гораздо больше. И, значит, утверждаете, что есть неоднородности, которые движутся?

— Некоторые из них передвигаются по поверхности земли, — сказал я. — И там, где они проходят, местность меняется. Она становится либо такой, какой должна была стать в будущем, либо такой, какой была когда-то в прошлом.

— Очень интересно... — Голос стал задумчивым. — А скажите, много людей остается там, где прошла движущаяся неод.., линия времени?

— Нет, — ответил я. — Прошло уже несколько недель, и за это время я преодолел весьма значительное расстояние. Но людей встретил лишь горстку. Кажется, дела неплохо обстоят на Гавайских островах. Они до сих пор регулярно ведут радиопередачи на коротких волнах.

— Да, знаю. — В голосе по-прежнему слышалась задумчивость. — Но я думал, что это неоднородности препятствуют приему большинства станций.

— Сомневаюсь, — сказал я. — По-моему, в мире осталось не так много людей. А что располагалось в здании?

— Исследовательский Федеральный центр, — рассеянно ответил голос. — И на что же теперь стал похож мир?

— На какое-то дурацкое, размером с целую планету, стеганое одеяло, разделенное на куски самых разных времен, отделенные друг от друга туманными стенами — линиями времени или неоднородностями. Но самая серьезная проблема в том, что обстановка продолжает меняться. Каждая движущаяся линия времени все меняет на своем пути.

Я замолчал. Судя по тону голоса, он отвлекся от разговора. Я же тем временем раздумывал над его словами «исследовательско-испытательный».

— Вы сказали, что, сидя здесь, изучали линию времени? — спросил я. — И что же вам удалось выяснить?

— Очень немногое. — Теперь голос казался далеким, как будто то ли «отодвинул» от себя микрофон, в который говорил, то ли занялся чем-то другим и теперь уделял мне лишь часть внимания. — То, что вы называете туманной стеной, кажется, является эффектом столкновения встречных воздушных потоков и результатом разницы температур между двумя зонами. Но никакого физического барьера как будто не существует.., значит, вы утверждаете, что они иногда движутся?

— Движутся, — подтвердил я. — А разве есть причины, препятствующие этому?

— Думаю, нет.., впрочем, да, — сказал он. — Одна причина есть. Насколько мне удалось установить, эти линии неоднородности простираются далеко за пределы чувствительности имеющихся у меня приборов. Иными словами, они уходят куда-то далеко в космос. Можно было бы предположить, что любая столь массивная сеть сил должна находиться в равновесии. Но раз некоторые из этих линий движутся, следовательно, равновесие должно быть динамическим, а не

статическим, а это означает...

— Что?

— Не знаю, — сказал он. — Возможно, я просто попадаю под влияние своих человеческих представлений о размерах и расстояниях. Но мне трудно представить себе нечто столь огромное и при этом движущееся внутри самого себя.

Голос замолчал. Я ждал, что он продолжит. Но этого не произошло.

— Послушайте, — наконец сказал я. — На протяжении первых нескольких недель я просто старался убежать от всего этого, ну, вроде как вы бы постарались убежать от грозы и найти какое-нибудь укрытие. Но в последнее время я пытаюсь выяснить, нет ли какого-нибудь способа оседлать ситуацию — чтобы получить возможность управлять ею...

— Управлять?

Я с секунду помолчал, но больше он ничего не спросил.

— Что произошло? — спросил я. — Я ненароком произнес грубость, которая вас оскорбила?

— Вы просто не понимаете, — ответил голос. — Если возмущение не ограничивается пределами нашей планеты, а возможно, и всей системы — и находится в некоего рода динамическом

равновесии, то сама идея каким-то образом контролировать его... — произнес он с сомнением. В первый раз в голосе послышалось что-то вроде чувства. — Как вы не понимаете, ведь к тому времени, когда э.., шторм впервые обрушился на нас, мы не умели управлять даже ураганом — впрочем, нет, даже грозой, которую вы только что упомянули. Вы хоть отдаете себе отчет, насколько мощны задействованные здесь силы, если все происходящее простирается за пределы Солнечной системы?

— Ас чего вы это взяли? — спросил я. Он ничего не ответил.

— Хорошо, — через некоторое время продолжил я. — Не хотите разговаривать, тогда отоприте двери, и мы распрощаемся. Я собирался пригласить вас отправиться со мной — туда, где вы могли бы изучать движущиеся линии так же, как вы изучали здесь эту статичную. Но мне начинает казаться, что такого рода работа вас не прельщает.

Я резко развернулся на каблуках, подошел к двери на лестницу и толкнул ее. Но она по-прежнему была заперта.

— Подождите, — сказал он. — С вами есть еще кто-нибудь?

— Да, — сказал я. — Ас вами? Вы здесь один?

— Верно, — сказал он. — До катастрофы в центре работало около двухсот человек. Когда я пришел в себя, оказалось, что, кроме меня, никого нет. В тот момент я находился в камере повышенного давления — впрочем, я все равно не понимаю, какое это могло иметь значение.

— У меня насчет этого есть идея, — сказал я. — Думаю, некоторые имеют природный иммунитет.

— Природный иммунитет?

— К сдвигам времени. Но это всего лишь предположение. Поэтому о деталях даже не спрашивайте.

— Интересная мысль...

Голос затих. В конце длинной внутренней стены коридора открылась одна из дверей, и из нее появился невысокий худощавый человек в белых брюках и рубашке и направился ко мне. Он был очень маленького роста, и сначала мне показалось, что ему, несмотря на вполне взрослый голос, никак не может быть больше двенадцати или четырнадцати лет. Но когда он подошел ближе, стало ясно, что передо мной молодой человек лет двадцати с небольшим. Юноша подошел ко мне и протянул руку.

— Билл Голт, — представился он. Мы пожали другу другу руки. Его рукопожатие, для человека столь хрупкого телосложения, было чересчур крепким.

— Марк Деспард, — в свою очередь представился я.

— Пожалуй, я все же не прочь отправиться с вами, — сказал он.

Я внимательно присматривался к нему. Он не выглядел болезненным или недоразвитым, просто был худощав и невысок. В то же время его малый рост и производимое им впечатление подростка заставили меня засомневаться — стоит ли брать его в нашу группу или нет. Я просто не ожидал, что человек, голос которого я слышал из громкоговорителя, окажется настолько.., физически несостоятельным. На мгновение меня охватило едва ли не отчаяние. Всю свою жизнь, до тех пор пока не встретил девочку и полоумного кота, я прекрасно справлялся с любыми проблемами и никогда ни за кого не отвечал, кроме себя самого. Но с тех пор, как начался этот треклятый шторм, я, казалось, только и делал, что выступал в роли опекуна и защитника — разным там девочкам, леопардам, женщинам и детям. По внешности Билла Голта тоже можно было

предположить, что и его мне придется опекать. Я отлично представлял, что случится, если этому парнишке в весе пера придется противостоять, к примеру, одному из людей Тека.

— Но не можете же вы вот так просто взять и уйти отсюда, — сказал я. — Неужели у вас нет какой-нибудь одежды потеплее и ботинок попрочнее? А если есть хоть какое-нибудь оружие, то лучше прихватить и его тоже, а заодно — рюкзак и какую-нибудь запасную одежду.

— У меня все приготовлено, — улыбнулся Билл Голт. — Я собрался заранее на случай, если все же решусь уйти отсюда.

Удивительно, но у него действительно оказалось все, что нужно. Он провел меня по коридору в комнату, где быстро переоделся в костюм из искусственного меха и кожи, при виде которого у меня просто слюнки потекли от зависти. Очевидно, в этом учреждении испытывали еще и разного рода армейскую экипировку. Когда он наконец был готов, то выглядел как командир отряда лыжников, разве что только лыж ему и не хватало. Его изрядно набитый рюкзак был настоящим чудом, кроме того, у него был и револьвер и легкий армейский карабин самой последней модели.

Особенно меня заинтересовал карабин.

— У вас случайно не завалялся где-нибудь еще один такой? — спросил я.

— Нет, такой только один, — ответил он. — Но если хотите, есть еще автомат.

Все это время я разглядывал его. В своей экипировке он выглядел абсолютно готовым к походу, и даже трудно было поверить, что он торчит здесь с тех самых пор, как разразился шторм времени. Но всего один хороший и совершенно невинный вопрос вроде этого быстро заставил меня вернуться к действительности.

— А патроны у вас есть?

— Полно, — ответил он.

— И что? — спросил я. — Неужели вы намерены уйти отсюда, не прихватив их? Собирались оставить их здесь?

— Но ведь у вас есть ружье, — сказал он, кивая на 30.06. — А автомат не слишком подходит для охоты. Я лишь покачал головой.

— Тащите свой автомат и столько патронов, сколько, на ваш взгляд, я могу унести.

Он притащил «узи»! Я едва не застонал, ведь этот дурак набитый собирался его оставить.

— Ну все, пошли, — сказал я, распихал часть принесенных им запасных обойм по карманам, а

остальные засовывал за пояс до тех пор, пока не почувствовал, что под их тяжестью смогу идти только на полусогнутых. — Если только вы не приготовили для меня еще каких-нибудь полезных сюрпризов.

— Да нет, вроде ничего такого, — сказал он. — Провизия...

— Провизия — не проблема, — сообщил я. — Консервов повсюду столько, что хватит для немногих уцелевших до конца жизней. Пошли.

Мы двинулись к выходу. На сей раз дверь сразу же распахнулась. Мы спустились по лестнице, вышли из здания, и я повел его обратно к туманной стене.

— Чего мне следует ожидать? — спросил он, когда мы подошли к ней.

Вопрос был задан настолько равнодушным тоном, что я не сразу врубился, о чем он спрашивает. И только взглянув на него, я заметил, что, внешне оставаясь спокойным, он сильно побледнел.

— Вспомнили, как хреново вам было, когда шторм накрыл вас в первый раз? — спросил я, и он кивнул. — На сей раз плохо не будет. Похоже, с каждым разом становится все легче и легче. Впрочем, можете держаться за мой пояс, и если

я почувствую, что вы теряете сознание, то брошу ружье и вытащу вас. Но лучше все же постарайтесь оставаться на ногах, поскольку оружие нам наверняка пригодится.

Он снова кивнул, протянул руку и уцепился пальцами за мой пояс.

— Когда мы подойдем вплотную — закройте глаза, а то их запорошит пылью, — посоветовал я. — И сосредоточьтесь на том, чтобы удержаться на ногах и не потерять меня.

После этого мы вошли в туманную стену. На сей раз для меня это оказалось делом совсем легким, но я мог представить, каково приходится ему. Как оказалось, мне настолько не составляло труда идти вперед, что, когда мы уже практически дошли до противоположного края, я даже позволил себе прислушаться к доносящемуся снаружи голосу Мэри.

— ..пристрелите его! — почти истерически кричала Мэри.

— Нет, — раздался еще чей-то голос. — Только попробуй упросить их причинить ему хоть какой-то вред, и я пристрелю тебя!

Голос принадлежал девочке, и это была самая длинная речь, которую я от нее слышал.

Глава 13

Я сделал еще несколько шагов вперед, миновал слой пыли и открыл глаза. Впечатление было такое, будто в лощинке, где я оставил Мэри, Уэнди и собак, кто-то протрубил общий сбор. Мэри с дочерью, разумеется, по-прежнему находились здесь. Собаки замерли в напряженных позах, не издавая ни звука. Уэнди плотно прижалась к матери, а Мэри смотрела в противоположную от меня сторону.

Там расположились Санди и девочка, которая, скрестив ноги, сидела на земле, нацелив на Мэри «двадцать второй». Спиной девочка прижималась к леопарду. Он тоже сидел и, казалось, страшно скучал, однако кончик его хвоста угрожающе подергивался. Он уставился на полукольцо фигур, наставивших на него ружья, но казавшихся немного растерянными. Тек со своей бандой явились навестить нас и, очевидно, неожиданно столкнулись с непредвиденной проблемой.

Наше с Биллом Голтом появление из туманной стены нисколько не ослабило напряженность

ситуации. Более того, оно явилось для них настоящим ударом. Они уставились на нас так, будто мы с Биллом были материализовавшимися прямо у них на глазах привидениями, и тут у меня в голове внезапно встало на место интуитивное заключение. Так же, как когда-то я, они, очевидно, предпочитали избегать туманных стен. Впрочем, вне всякого сомнения, все те, кто на сегодняшний день еще оставались на свете, тоже всячески избегали их, инстинктивно помня об эмоциональном ударе и ужасных ощущениях, которыми сопровождалось первое столкновение со штормом времени. И тут вдруг появляемся мы с Биллом, причем появляемся именно из этой самой пугающей туманной стены, с такой легкостью, будто пришли из соседней комнаты.

Не успел я понять все это, как тут же понял и еще кое-что. Мне вдруг стал совершенно ясен обрывок услышанного разговора. Совершенно очевидно, что «им», которого Мэри призывала Тека и его людей пристрелить, был Санди, и столь же очевидно и то, что Санди и девочка явились сюда, разыскивая меня, а следовательно. Тек и компания, возможно, все это время следили не только за собаками и всеми нами, но и за ними тоже.

Я как раз успел дойти в мыслях до этого места, когда немая сцена, участники которой — девочка и шайка Тека — растерянно пялились на меня, была неожиданно и весело прервана Санди. Даже сидя ко мне спиной, леопард явно услышал, унюхал или каким-то иным способом учуял мое появление. Он вскочил, развернулся и огромными скачками, как большой котенок, понесся ко мне, урча подобно лодочному мотору, и с необузданной радостью бросился мне на грудь.

На то, чтобы приготовиться к этой радостной встрече, у меня оставалось не больше секунды, но никакая подготовка тут помочь просто не могла. Когда стосорокафунтовый леопард любовно врезается вам в солнечное сплетение, вы сразу оцениваете все преимущества четырех ног перед двумя. Когда один кот изъявляет свою привязанность другому, у получателя подобных ласк остается по крайней мере еще две лапы, чтобы сохранить равновесие. Я же покачнулся и едва не упал. Тем временем Мэри, не понимающая, в чем дело, обернулась и увидела меня.

— Марк! — воскликнула она.

В ее голосе было столько отчаянного облегчения, что я был почти готов забыть, как она всего несколько мгновений назад, желая избавиться от

Санди и девочки, была готова перейти на сторону врага. Но мои проблемы все еще не закончились, поскольку теперь уже она кинулась ко мне с распростертыми объятиями.

— Тебя не было несколько часов! — воскликнула она. Времени доказывать, что я отсутствовал никак не более часа, у меня просто не было, поскольку Санди, заметив ее приближение, очевидно, уже классифицировал ее как потенциального противника и решил принять меры. Я успел оттолкнуть Мэри одной рукой, другой одновременно исхитрившись сильно шлепнуть Санди по носу, чтобы не допустить смертельного удара когтистой лапы, который превратил бы наше счастливое воссоединение в самую настоящую трагедию.

Мне удалось и то и другое — но, конечно же, в результате я получил одновременно и посчитавшую себя отвергнутой женщину, и посчитавшего себя отвергнутым леопарда. Мэри, которую я оттолкнул, была смертельно обижена. Санди же вообще был буквально раздавлен. Я попытался утешить сразу обоих — леопарда лаской, а женщину словами.

— Мэри — нет! — сказал я. — Ну что ты! Я люблю тебя — но только держись подальше, ладно?

А то Санди разорвет тебя пополам.

— Тогда зачем же ты его гладишь? — вскричала Мэри.

— Чтобы он не вырвался и не задрал кого-нибудь еще! Ради бога... — закричал я на нее, — стой где стоишь! И держи Уэнди...

Я начинал задыхаться. Санди, очевидно, уже простил меня и снова начал отчаянно с любовью прыгать на меня, едва не сбивая с ног.

— Санди, лежать! — Я ухитрился прижать леопарда к земле и навалился на него, а он ласково и любовно лизал те части моего тела, которые были в пределах досягаемости. Я поднял глаза и взглянул на девочку.

— Что вы делаете на этом берегу реки? — прорычал я.

— Он вырвался! — сообщила она.

Я молча посмотрел на нее, поскольку это была совершенно наглая ложь. Санди скорее задушил бы себя теми цепями, которыми я его привязал, но вырваться бы не смог никогда. Само собой, нахальная девчонка нарочно отпустила его, чтобы вместе с ним следовать за мной. Я знал это, и она знала, что я знаю, и я ясно видел, что ей ровным счетом наплевать на то, что я ее раскусил.

Девочка, леопард и женщина — и ни с кем

из них я буквально ничего не мог поделать. Я огляделся по сторонам, ища кого-нибудь в одной со мной весовой категории, и остановил взгляд на Теке. Здоровый парень, просто косая сажень в плечах, и лет на пять-шесть моложе меня; по тому, как непринужденно он двигался, поигрывая мышцами, было ясно, что он прирожденный атлет. Тек наверняка вполне мог бы удерживать меня одной рукой, а второй в это время выколачивать из меня дух, но в тот момент, не будь я так занят утихомириванием Санди, я бы, наверное, бросился на Тека просто ради того, чтобы иметь возможность хоть кого-то на законном основании ударить.

Поскольку, чтобы управиться с Санди и с Мэри, мне нужны были свободные руки, я бросил на землю и автомат, и ружье. Но автомат лежал на расстоянии вытянутой руки. Я схватил его, направил на Тека и заметил, что Билл Голт сохранил достаточно присутствия духа, чтобы взять свой армейский автоматический карабин наизготовку. В смысле чисто огневой мощи мы вдвоем намного превосходили охотничьи ружья Тека и его людей, а собаки компенсировали все наши прочие возможные недостатки. Но тут Тек вдруг сделал то, от чего я буквально лишился

дара речи.

— Стойте! — заорал он прежде, чем я успел произнести хоть слово. — Стойте... Я с вами!

К моему удивлению, он швырнул свое ружье к ногам Мэри, безоружным подошел к нам и повернулся лицом к своим прежним товарищам. Затем он улыбнулся Мэри и вежливо кивнул мне.

— Приказывайте, — сказал он мне. — Я больше не прикоснусь к ружью, если вы мне не разрешите.

Когда он столь неожиданно переметнулся на сторону противника, его приятели на мгновение буквально окаменели. Но вскоре они опомнились и яростно завопили:

— Тек!

— Тек, подлец, а как же мы?

— Тек, черт бы тебя побрал!

— Тек...

— Мне очень жаль, — отозвался он, пожимая плечами и улыбаясь. — Я всегда чувствую, когда встречаю лучшую команду, чем прежняя, вот и все. Если у вас хватает ума, вы тоже перейдете на их сторону. Если же нет, то нечего винить в этом меня.

Трое из пяти тут же начали с ним спорить. Но он ничего не отвечал, и они постепенно замол-

чали. Один из тех двоих, что не пытались его отговаривать, наконец тоже заговорил. Это был узкоплечий лысеющий мужчина лет под сорок, с костистым мрачным лицом.

— Уж больно все это было быстро и просто, — сказал он. — Он так быстро перебежал к ним, будто задумал это заранее. Слушайте, ребята, пошли отсюда. Сваливаем, а Тек пусть остается с этими, раз ему так этого хочется.

Остальные неловко переминались с ноги на ногу. Я взглянул на Тека, но тот уставился куда-то за горизонт, игнорируя происходящее с безразличием, которое до этого я замечал лишь у Санди. Тут вдруг подал голос второй из тех, что не пытались отговорить Тека.

— Ну да, Гарни, конечно, — сказал он. — Давайте все уйдем, и заправлять вместо Тека будешь ты — скажешь нет? Лично я остаюсь. И вам, ребята, советую сделать то же самое.

Он подошел к нам и положил свое ружье рядом с ружьем Тека. Но как я обратил внимание, положил он его очень аккуратно. Это было ружье с затвором, и он бережно положил его затвором вверх, а отступил от него всего на какую-нибудь пару футов, так что при необходимости мог прыгнуть и мгновенно схватить его.

Медленно, один за другим, стали подтягиваться и остальные. Все, кроме Гарни, который предложил бросить Тека и уйти. Когда все они оказались рядом с нами и Гарни остался в одиночестве, Тек посмотрел на него.

— Ну что ж, — ласково сказал он. — Будь здоров, Гарни. Думаю, будет лучше, если ты направишься в противоположную от нас сторону.

— Хорошо, Тек, — кивнул Гарни, — хорошо. Я и сам больше не желаю иметь ни с одним из вас ничего общего.

Он отступил на несколько шагов, не спуская с нас глаз. Затем, решив, что пятясь выходить из пределов досягаемости наших ружей слишком долго и просто непрактично, развернулся и быстро пошел прочь. Вскоре он перевалил за край лощины и исчез из виду.

После этого люди Тека, которые присоединились к нам, нагнулись, чтобы разобрать свои ружья.

— Пусть лежат! — сказал Тек.

Они остановились, недоуменно глядя на него, но он кивнул в мою сторону:

— Пусть лежат, пока шеф не скажет нам, что делать. Я вдруг осознал, что все они смотрят на меня и что я все еще лежу, распростершись на

Санди, одной рукой стараясь удержать его, а другой целюсь в них из «узи». К этому времени Санди уже почти успокоился, поэтому я поднялся на ноги, слегка шлепнул его, когда он попытался было возобновить свои приветствия, и повернулся к Теку и его товарищам.

— Ладно, — сказал я. — Давайте поговорим. Что-то не припомню, чтобы я давал объявление о наборе добровольцев. Тек пожал плечами.

— Попытка — не пытка, — сказал он.

— Марк! — резко сказала Мэри. Она с секунду смотрела на меня, будто собираясь что-то сказать, но, видимо, передумала и подошла ко мне вплотную. На сей раз я к своей вящей радости заметил, что она подошла так, что Санди оказался по другую сторону от меня. Она прижалась к моей груди, взяла меня за руки и зашептала на ухо:

— Марк, ты с ума сошел, что ли? Разве не лучше будет иметь этих людей в качестве друзей, а не врагов?

Я уже хотел ответить ей резкостью, но потом передумал. Я кивнул на Тека.

— Спроси его. Пусть он сам ответит на этот вопрос, — громко сказал я. — Давай, давай.

По лицу Мэри пробежала тень, и она как-то странно посмотрела на меня. Однако все же от-

ступила от меня и повернулась к Теку.

— Я спросила Марка, а не лучше ли иметь вас в качестве друзей, а не врагов, — сказала она громко и отчетливо. — Но он велел спросить об этом вас.

— Само собой, — ответил Тек, — будь я на его месте, я бы тоже захотел узнать, какие есть доказательства того, что на нас можно положиться.

Она недоуменно уставилась на него. Он улыбнулся в ответ.

— Ну что — убедились? — сказал он. — Я никому ничего не навязываю. Я вызвался присоединиться к вам по собственной воле. Так что решать главному — как, вы говорили, его зовут? Марк, что ли? Так вот, решать Марку.

— И мне тоже! — резко заметила Мэри.

— И, разумеется, вам тоже, мэм, — согласился Тек. — Не сочтите за неуважение к вам и вашим песикам — но, доведись мне выбирать, с кем из вас заводить ссору, то гораздо больше я бы беспокоился по поводу Марка. Его самого, его ручного леопарда и вон того его приятеля.

Он кивнул в сторону Билла Голта. А я про него чуть уже и не забыл. Я подозвал его, представил Мэри, Уэнди и девочке, не спуская при этом подозрительного взгляда с Тека и остальных. Все

это время мысль моя напряженно работала. Суть моих размышлений сводилась к следующему: если мы с Биллом и впрямь собираемся серьезно заняться проблемой шторма времени, нам понадобятся лишние руки, чтобы освободить нас от повседневной работы и необходимости обороняться от возможного неприятеля. Притом не следовало забывать и о том, что мы, пройдя сквозь одну из туманных стен, запросто можем оказаться в положении, где потребуется как можно больше вооруженных людей.

Кроме того, в словах Тека промелькнуло что-то, зажегшее какую-то искорку в моем сознании. Перечисляя причины, по которым ему не хотелось бы стать моим врагом, Тек в том числе упомянул и Санди. Я так привык к Санди, что практически забыл, насколько противоестественным зрелищем, с точки зрения других людей, является взрослый леопард, таскающийся за мной, как котенок. Как правило, окружающие считали, что я управляю им в гораздо большей степени, чем это было на самом деле, — равно как и то, что он гораздо умнее и восприимчивее, чем в принципе позволяет его кошачий мозг. На этом вполне можно было блефовать.

— Ладно, — сказал я, — так и сделаем. Возьмем

вас всех на испытательный срок и посмотрим, что из этого получится. Оставьте ружья там, где они лежат, а если кому-нибудь из вас придется покинуть лагерь и отправиться туда, где можно ожидать неприятностей, с вами пойдут одна или две собаки. Кроме того, я велю присматривать за вами леопарду. Может, конечно, он и не расскажет мне, о чем вы там между собой говорите, но если кто-нибудь из вас сделает хоть малейшее движение, которое можно будет истолковать так, будто вы хотите причинить кому-нибудь из нас вред, он разорвет вас на части так быстро, что вы даже не успеете понять, что с вами произошло.

Я обвел их взглядом.

— Ну? — спросил я. — Устраивает? Готовы присоединиться на таких условиях?

Они смотрели на меня и явно колебались — все, кроме Тека. Тогда они перевели взгляды на Тека.

— Марк... — начала было Мэри, но осеклась.

— Что? — Я взглянул на нее.

— Нет, ничего, — ответила она.

Я снова посмотрел на Тека и его приятелей:

— Ну так как?

— Что касается лично меня, — сказал Тек, — то, по-моему, это нормально — вполне нормально. Я в любом случае намерен быть вам всем только

добрым другом, поэтому ваш леопард нисколько меня не беспокоит. Но я говорю только от своего имени. А остальные пусть договариваются с вами сами.

— Хорошо, — сказал я. — Допустим, вы семеро найдете местечко ярдах в десяти от ваших ружей и от нас, посидите там и все обсудите. А мне тем временем надо кое-что сделать.

Тек отвел их в сторонку. Он уселся первым, и остальные последовали его примеру.

Я переключил внимание на девочку, которая как раз поднималась с земли. Все это время она продолжала мрачно держать ружье нацеленным на Мэри, но теперь наконец опустила его.

— Ты в порядке? — спросил я. — Тебя не ранили или что-нибудь в этом роде? Еды тебе хватило?

Она со странным выражением посмотрела на меня. В какой-то момент я готов был поклясться, что она собирается мне ответить. Но, видимо, привычка взяла верх. Она без единого слова отвернулась и пошла мимо меня к тому месту, где лежал Санди, и, повернувшись ко мне спиной, принялась его гладить.

— Насколько я понимаю, это означает «да»? — окликнул я ее. Она, конечно же, не ответила. У меня над ухом раздался негромкий, но напряжен-

ный голос Мэри:

— Марк, они не останутся — ни она, ни леопард. Я обернулся и взглянул на нее. Она была настроена по-боевому.

— Еще чего, конечно же, останутся, — сказал я.

— Тогда я уйду с Уэнди и собаками.

— А Тек со своими парнями следом за тобой, — сказал я, не стараясь, чтобы издевка прозвучала столь уж откровенно, просто у меня лопнуло терпение. — Так что давай.

Она несколько мгновений в бессильной ярости смотрела на меня, затем повернулась и отошла к Уэнди. Но никаких приготовлений к уходу затевать не стала.

Я осмотрелся, ища взглядом Билла Голта, увидел, что он стоит чуть поодаль, и подозвал его. Когда он подошел, я отвел его в сторонку так, чтобы никто из остальных не мог нас услышать.

— Извините, что из-за меня вы попали в столь напряженную ситуацию, — сказал я. — Если хотите, можете вернуться к себе в центр, мне будет трудно винить вас в этом.

— Нет, — сказал он. — Вы были абсолютно правы. Сидя там взаперти, я бы ничего особенного не узнал. Единственный способ понять происходящее — обследовать как можно больше

неоднородностей. Нам нужно постоянно находиться в движении, и каждый раз, когда мы будем встречать одну из них, мы должны тщательно ее изучать.

— Вот и отлично. Кстати, вы так и не сказали мне, в какой области специализируетесь. Вы исследователь, экспериментатор или еще кто-то?

— И да и нет. У меня есть диплом физика.., но на самом деле в центре я был всего лишь техническим редактором. Он смущенно взглянул на меня.

— Техническим редактором? — переспросил я.

— Ну да.

— Тогда, черт побери, на что вы способны? — возмущенно спросил я. У меня и так кончалось терпение, а от последнего разочарования я едва не сорвался окончательно. Я считал, как само собой разумеющееся, что он по меньшей мере специалист хоть в какой-то области.

— Я могу очень многое! — торопливо заговорил Билл. — Могу вести наблюдения, проводить испытания и фиксировать результаты — и о физике, как я уже говорил, тоже кое-что знаю.

Кроме того, на протяжении тех пяти лет, которые я провел в центре, я вплотную занимался всеми его проблемами. Так что я далеко не бес-

помощен.

— Хорошо, — согласился я. — Но вам придется это мне доказать.

И он доказал. За следующие две недели мое мнение о нем, если считать тот наш разговор нулевым уровнем, поднималось с этажа на этаж. В его рюкзаке обнаружились кое-какие удивительно миниатюрные, но надежные приборы дня измерения температуры, атмосферного давления, скорости ветра и влажности, для определения характеристик, вроде уровней напряженности электростатических полей и мощности магнитных потоков. Кроме того, он придумал и изготовил целый набор длинных прутов, с помощью которых все эти приборы можно было как засовывать внутрь туманной стены, так и просовывать сквозь нее на другую сторону, а мы в это время могли оставаться в полной безопасности рядом с ней.

Само собой, это вовсе не означало, что мы не проходили сквозь стены. В конечном итоге проходить сквозь них было просто необходимо. В дни, последовавшие за присоединением к нашей группе Тека и его людей, не говоря Билле и воссоединении с девочкой и Санди, и по мере нашего продвижения вперед мы каждый день на-

тыкались минимум на одну, а то и на несколько туманных стен. На каждой из них мы проводили столько исследований, сколько мог придумать Билл, но, как только он кончал записывать полученные результаты, мы с ним обязательно проходили сквозь каждую из них — то есть только в том случае, если стена не была движущейся. В этом случае мы издалека засекали их в бинокль и обходили сбоку, чтобы посмотреть, что там за ними.

Теперь мы уже не входили в них так слепо, как я входил в самые первые. Среди прочих придуманных Биллом приспособлений были шесты и веревки, которые можно было просовывать или забрасывать сквозь стены, а потом втягивать обратно. Это давало нам возможность судить о характере местности и атмосферы за стеной. На третий раз, когда мы использовали их, то, что нам удалось узнать с их помощью, удержало нас от падения с обрыва, начинавшегося прямо у подножия стены с противоположной стороны, которое непременно ожидало бы нас, иди мы сквозь стену с закрытыми глазами. Но в конце концов почти в каждом случае нам по-прежнему нужно было проходить сквозь стены лично.

По другие стороны стен мы оказывались в

самых различных ситуациях — от безводной пустыни до пустого города — и нашли много полезного. Через четырнадцать дней после того, как наша группа достигла своего нынешнего размера, мы уже передвигались на колесах, причем все, включая и собак. Наш транспорт состоял из пары совершенно новых трейлеров, в которых можно было спать и жить. Впереди них двигалась пара джипов, а замыкал колонну грузовичок-пикап. Все три машины поменьше были полноприводными, и во время переездов на них размещались вооруженные члены нашей группы. При наличии колес объезжать движущиеся стены стало не только проще, но и более надежно.

Начнем с того, что вооружены были только четверо — я сам, Мэри, Билл, а также девочка. Она буквально не расставалась со своим «двадцать вторым». Более того, она просто не желала отдавать его, а когда я попросил ее выстрелить из него, то обнаружил, что она не только содержит его в прекрасном состоянии, но и научилась неплохо стрелять. На ближних и средних расстояниях на пересеченной местности легкое ружье вроде «двадцать второго» может быть во всех отношениях — особенно если стрелок достаточно меткий — не менее эффективным, чем ружье для

охоты на слонов, и притом лишено его зверской отдачи, поэтому я был искренне рад, что она научилась им пользоваться.

К концу первой недели появился пятый стрелок — Тек. Парень изо всех сил старался делать все, что его просили, и со временем я начал доверять ему. Наконец я пришел к заключению, что какие бы цели он ни преследовал в действительности, на данный момент они требовали сотрудничества с нами. Вечером седьмого дня я отвел его в сторонку от разбитого на ночь лагеря и попросил рассказать о себе.

Он без колебаний согласился, и рассказ его оказался довольно любопытным. Полностью его звали Текнер Уилсон Эмбервой — родители окрестили его так в честь пары дедушек. В старших классах он достаточно хорошо играл в футбол и ухитрился получить стипендию в Университете Индианы, насколько я знал, там была футбольная команда, где игрокам средней руки делать было просто нечего. Однако учился он спустя рукава и вылетел со второго курса. К счастью — а Тек честно признался мне, что ему всегда необыкновенно везет, — он тут же получил работу у дяди, который держал магазин лакокрасочных товаров. Дядюшка не отличался крепким здоровьем, и

через полгода Тек уже управлял магазином. Примерно в это же время он занялся недвижимостью. Под гарантию своего лакокрасочного дядюшки Тек получил ссуду и купил двенадцатиквартирный дом. Управлять им он нанял своего приятеля по имени Рикки, пьющего парня примерно своего возраста, заядлого картежника, который в своей холостяцкой квартирке после закрытия баров устраивал всенощные покерные баталии.

Они с Теком объединили две квартиры в одну большую так, что получилась, как выразился Тек, «этакая внушительная пещерка», и ночные карточные баталии получили второе дыхание. Параллельно они сдали остальные квартиры многочисленным подружкам Тека, и многие из них тоже стали посещать карточные сессии, готовили сандвичи, разливали напитки и следили за игрой. Если запас девушек иссякал. Тек отправлялся на охоту и находил новых.

В результате вокруг их карточного стола всегда крутилось изрядное количество симпатичных девиц, и на огонек понемногу стали захаживать совершенно посторонние люди, не столько затем, чтобы сыграть партийку-другую, а чтобы познакомиться с девушкой. Приятель Тека неплохо играл и почти всегда был в выигрыше, исправно

платя Теку процент в качестве арендной платы за квартиру. Тем временем квартиры в доме начали пользоваться среди подружек Тека спросом, да таким, что он ухитрился несколько раз повышать квартплату и все равно все квартиры были заняты.

— ..Только поймите, — сказал мне Тек, — в карты никто не жульничал. Да и девушки были вовсе не профессионалки. Просто все приятно проводили время, причем для Рикки и меня это обходилось и вовсе бесплатно — ну, может, конечно, нам кое-что и вычищалось, но ведь мы все равно тут же тратили эти деньги на разные другие хорошие вещи...

А потом грянул шторм времени, во время которого Тек спал. А когда проснулся, оказалось, что, кроме него, в доме никого нет. Он остался один-одинешенек в пустом городе. Кончилось все тем, что он отправился на поиски приключений и одного за другим повстречал остальных членов своей группы, которых оставлял при себе из какого-то врожденного инстинкта предводителя.

— На самом деле мне вовсе не это было нужно, — признался мне Тек, когда мы прогуливались в сумерках на окраине какого-то городка, в стороне от лагеря и костра, который всегда раз-

водили на местах стоянок. — Понимаете, уже до шторма времени, или как вы его там называете, мне изрядно надоели и квартира, и забавы, и карты, и все остальное. Мне все больше и больше хотелось сделать что-нибудь.., но что — до сих пор не могу для себя решить. Но бродить куда глаза глядят и жить под открытым небом — тоже не по мне.

Тек остановился и в сгущающейся темноте взглянул на меня.

— Сами видите, умом они не блещут, — вздохнул он, — эти пятеро, которых я собрал. Самым толковым из всех был Гарни, но даже он, по большому счету, звезд с неба не хватал. Вот ваш малыш Билл Голт — настоящая умница. Да и вы тоже. Может, когда-нибудь расскажете, чем занимались до всего этого.., откуда сюда пришли. Держу пари, это будет интересно. Да и то, чем вы занимаетесь — вся эта возня с туманными стенами, — может что-нибудь дать. Вот это-то мне и нужно. Что-нибудь.

Он замолчал.

— Ладно, — сказал я. — Пора возвращаться. На полпути к лагерю я принял решение.

— Завтра можешь взять ружье, — сказал я. — Только не забудь, что ты по-прежнему под-

чиняешься приказам. Моим.

— Само собой, — ответил он. — Но я в любом случае буду на вашей стороне.

— Пока — да, — сухо согласился я. Он рассмеялся.

— Да будет вам, приятель, — сказал он. — Все может случиться, если заглядывать слишком далеко в будущее. Если случится что-нибудь, что сможет изменить положение, то вы узнаете об этом одновременно со мной.

После этого мы двигались дальше уже с пятью стрелками вместо четырех, и все шло даже как-то подозрительно хорошо. Разработанный мной и Биллом план основывался на нашей теории о том, что наилучшая для нас возможность одолеть шторм времени — найти сегмент наиболее отдаленного будущего, который нам только удастся найти. Мы надеялись, что на чем более удаленный в будущее район мы наткнемся, тем больше вероятность того, что мы обнаружим там оборудование или людей, которые помогут нам справиться со штормом времени. Раз уж мы действительно собираемся искать возможность что-то с ним поделать, то именно там мы скорее всего найдем какие-нибудь средства решения проблемы. Если же нам предстоит сосу-

ществовать с ним, то мы тоже скорее обнаружим необходимые нам технологии и приемы за пределами нашего нынешнего участка времени.

Однако, как я уже успел выяснить, смены времен скорее тяготели к прошлому, а не к будущему. За туманными стенами мы нашли три довольно футуристично выглядящие сегмента, но они, очевидно, либо лишились чего-либо или кого-либо полезного, либо просто не были участками будущего. Только через две недели и два дня мы обнаружили сегмент, который, несомненно, был частью города, относящегося к временам грядущим — к далекому будущему, как нам показалось вначале. Хотя, конечно, мы не имели возможности определить, к какому именно.

Сегмент обнаружился за второй встреченной нами в этот день стеной. За первой не оказалось ничего, кроме однообразного леса, уходящего по невысоким холмам за скрывающийся в дымке далекий горизонт. Такой ландшафт мог бы быть и частью сегмента будущего, но местность была практически непроходима для машин, да к тому же здесь, по-видимому, и рассчитывать особенно было не на что. Мы вернулись сквозь стену обратно — было около десяти утра, — остановились на ранний обед и продолжали путь.

Около половины третьего мы увидели вторую неподвижную туманную стену и направились к ней. В это время мы ехали по гравийной дороге по местности, где преобладали небольшие фермы. Туманная стена перерезала кукурузное поле и отхватила угол того, что в свое время было высоким белым и очень узким фермерским домом — своего рода американской готикой среди фермерских домов.

Мы с Биллом оставили машины на проселке и по ведущей к ферме дорожке вошли во двор, неся с собой большую часть приборов. Остальные подтянулись за нами, но старались держаться поодаль, как я им не раз повторял, футах в двадцати от того места, где мы расположились с аппаратурой.

Я сказал «остальные держались поодаль», а следовало бы сказать «остальные, за исключением Санди». Леопард смирился с тем, что я то и дело ухожу в туманные стены, дня через два после того, как они с девочкой снова присоединились к нам, и вынужден был утешаться возможностью радостно встречать меня, когда я возвращался обратно. Очевидно, в нем, как и в большинстве людей, глубоко угнездился страх перед линиями времени, хотя он и прошел сквозь одну из них

возле дома Мэри. Но после того, как мы с Биллом прошли сквозь третью встреченную нами стену, я услышал позади себя какие-то странные звуки и увидел плетущегося за нами сквозь туманную стену Санди. Он мотал головой, глаза его были закрыты, и он то и дело мяукал, как потерявшийся котенок. Наконец он миновал стену и сразу бросился ко мне, все еще с закрытыми глазами и, очевидно, полагаясь только на нюх, и мне пришлось минут пятнадцать успокаивать его. Однако, когда мы чуть позже возвращались сквозь стену обратно, он страдал гораздо меньше, а два дня спустя сопровождал нас с невозмутимостью ветерана. Разумеется, как только он начал ходить за нами, девочка последовала его примеру. Но ей еще как-то можно было велеть остаться, а Санди удержать было невозможно никакими силами.

Поэтому в данном случае Санди по привычке отправился вслед за мной и Биллом к туманной стене и принялся ждать, когда мы закончим наши замеры и тесты. Они показали, что эта стена мало чем отличается от тех, которые мы обследовали прежде. Но когда мы наконец прошли сквозь нее, то обнаружили нечто совершенно особенное.

Мы вышли наружу.., где? Во дворе, в сквере, на площади.., назовите как хотите. Это была

овальная площадка чисто белого цвета, а за ней и вокруг нее к небу возносился такой же белый город. Не того белого цвета, каким бывает свежий бетон, а белый, как однотонный молочного цвета мрамор. И еще вокруг царила полная тишина. Не было слышно ни птичьего пения, ни стрекота насекомых. Не было слышно вообще ничего.

Глава 14

"...И все заговорили вдруг,
Чтоб слышать хоть единый звук
В молчанье мертвых вод!"

— писал Сэмюель Тэйлор Кольридж в своем «Сказании о Старом Мореходе».

Если вам знакома эта поэма, если вы любите поэзию так же, как я, то вы сможете представить, какое чувство охватило Билла и меня, когда мы, пройдя сквозь туманную стену, оказались в этом городе. Строки Кольриджа позволят вам лучше понять, какое впечатление произвел на нас этот город из времени, неимоверно далеко отстоящего от нашего, впечатление, которое мертвые безмолвные воды произвели на Морехода. Перед нами раскинулся город такой тишины, с какой ни одному из нас до сих пор еще не приходилось сталкиваться. Мы оказались в ловушке этой тишины, попались в нее, остолбенев и замерев, как цветочные лепестки, залитые пластиком, боясь привнести хоть малейший звук в этот бескрайний, завораживающий и магический край безмолвия. Мы буквально окаменели, и страх

первыми нарушить безмолвие был подобен какому-то мгновенно лишившему нас способности мыслить гипнотическому тормозу, с которым мы не в силах были совладать.

Мы замерли, как вкопанные, и, возможно, так и стояли бы, пока не упали, лишившись сил, если бы наше спасение зависело лишь от нашей воли. Но тогда пришло спасение. Раздался громкий и совершенно неожиданный, отдающийся эхом и бесконечно перекатывающийся и повторяющийся среди белых башен и лежащих перед нами улиц скрежет когтей по твердой поверхности, и большущая твердая голова леопарда боднула меня под ребра, нарушая мое равновесие ледяной статуи, и я рухнул на мостовую с оглушительным стуком, уронив все оружие и оборудование.

Чары были мгновенно разрушены. С «оглушительной» силой на нас подействовали лишь самые первые моменты не правдоподобной тишины, но стоило ее единожды нарушить, и все встало на места. Наполненный эхом город вызывал трепет, напоминая огромную величественную гробницу. Но стоило нашему первоначальному оцепенению пройти, и он превратился просто в город.

— Давай осмотримся, — предложил я Биллу,

поднимаясь на ноги.

Он кивнул, и я с улыбкой посмотрел на него. Он любил бриться и за две недели, прошедшие с момента нашей встречи, несколько раз начинал отращивать бороду. Вот и сейчас скулы и подбородок покрывал темный пушок. В обычное время, да еще учитывая его юношеские черты лица, это выглядело смешнее не придумаешь. Но сейчас на фоне окружающей нас белизны и под безоблачным тишайшим небом его борода, униформа, ружье и приборы в совокупности придавали ему вид свирепого захватчика. Если уж он выглядел так из-за того, что несколько дней не брился, то я мог только догадываться, как выгляжу сам в этом противоестественно идеальном месте.

Мы двинулись вперед по гладкому покрытию «площади». Во все стороны отходили ведущие в город дорожки, и стоило нам ступить на одну из них, как она пришла в движение, унося нас вперед. Санди, стоило ему почувствовать, как дорожка шевельнулась под ним, мгновенно взвился в воздух, соскочив с нее. Но, увидев, что я удаляюсь от него, запрыгнул обратно и, плотно прижавшись ко мне, поехал. Точно так же он прижимался ко мне на плоту во время бури, перед тем как ему, мне и девчонке пришлось броситься

в воду и плыть к берегу.

Дорожка какое-то время несла нас вперед, двигаясь между зданиями, и теперь нас окружала практически абсолютная молочная белизна. Сначала я решил, что в зданиях отсутствуют окна, но ошибся. Их конструкция была необычной, и увидеть их можно было только глядя на здание под определенным углом. Мгновение назад мне казалось, будто я смотрю на совершенно глухую стену, а в следующее я уже видел как-то странно искаженное помещение за окном. Но ни единой живой души!

Город был абсолютно безжизненным. Причем такой вывод явился не просто результатом визуального наблюдения. Мы буквально ощущали отсутствие живого во всех строениях вокруг нас, и ощущение это напоминало ощущение пустоты в мозгу. Оно не было болезненным, просто неприятным из-за неестественности. Огромный организм, как этот город, ко всему готовый и чего-то ждущий, но пустой, являлся преступлением против человеческого духа. Кстати говоря, Санди реагировал на него так же, как и мы, все сильнее и сильнее прижимаясь ко мне. Наконец мы сошли с движущейся дорожки — стоило нам сделать это, как она тут же остановилась — и

окинули взглядом сплошную массу белых стен, в которых не было заметно ни окон, ни дверей.

— Похоже, здесь нам ничего не светит, — через некоторое время сказал Билл Голт. — Кажется, пора возвращаться.

— Нет, — возразил я. — Еще рано.

Я не мог объяснить ему, почему не могу сдаться. Это был все тот же старый рефлекс, обитающий на задворках моего сознания, вечно все обдумывающий и сейчас уверенный, что вот-вот найдет тот самый недостающий факт, который так долго искал. В этом пустом городе обязательно должно иметься нечто, связанное с нашими попытками разобраться в природе шторма времени, линий времени и желанием понять: можно ли ими управлять или нужно просто смириться и постараться научиться жить в новых условиях. Я нутром чувствовал, что уходить еще рано.

— Но ведь здесь никого нет, — констатировал Билл и без того очевидный факт.

Я же отрицательно помотал в ответ головой.

— Давай зайдем в одно из зданий. В первое попавшееся.

— Внутрь? Но как? — Он окинул взглядом окружающие нас мраморно-белые сплошные стены.

— Как-нибудь пробьемся, — сказал я и оглядел-

ся по сторонам в поисках какого-нибудь орудия взлома. — Если ничего не найдем, можно дать очередь из автомата, а потом как-нибудь расширить...

— Не стоит, — сказал он и вздохнул. Я обернулся и взглянул на него, но Билл уже рылся в своем рюкзаке. Наконец он вытащил из него что-то похожее на серую картонную коробочку дюймов десяти в длину и двух в ширину и в высоту. Он открыл ее с одного конца и наполовину вытащил из нее белый цилиндр, обернутый во что-то, похожее на вощеную бумагу.

Цилиндр имея консистенцию пластилина. Когда Билл содрал с него вощеную обертку, оказалось, что он размечен на отрезки примерно по два дюйма каждый. Билл отломил пару отрезков, остальное же снова завернул в бумагу, положил в коробочку и убрал обратно в рюкзак. Два отрезка он размял пальцами в тонкую лепешку, которую он, подойдя к ближайшей стене, и прилепил на высоте футов пяти над мостовой.

— Что это? — спросил я.

— Усовершенствованная разновидность пластита, — сказал он. — Не требует взрывателя. С ней можно делать что угодно и без всякого риска — можно даже пулю всадить. Ничего не произой-

дет, пока очень тонко не расплющишь, чтобы достаточная площадь вступила в соприкосновение с кислородом воздуха.

Он отошел от стены, на которую прилепил свой блин, потянув меня за собой. Я последовал за ним.

Мы остановились футах в тридцати и стали ждать. Несколько минут ничего не происходило. Затем послышалось едва слышное «пу-уф!», не сделавшее бы чести и обыкновенной хлопушке, но в белой стене появилось отверстие как минимум шести футов в диаметре. Создавалось впечатление, что кусок стены просто всосало внутрь и он исчез. Одно мгновение в отверстии царила чернота, а в следующее вдруг оказалось, что мы смотрим в ярко освещенное пространство комнаты, на полу которой высилось несколько массивных предметов слишком странной формы, чтобы быть предметами мебели, и слишком бессмысленно угловатыми, чтобы их можно было принять за оборудование.

Они были молочно-белые, как стены и сама комната. Но долго разглядывать их нам не пришлось.

Без какого-либо предупреждения поврежденная стена вдруг вспыхнула. Я просто не знаю,

как еще описать то, что произошло. Из белой она превратилась в кроваво-красную, причем особенно красными стали края проделанной нами дыры, а затем краснота начала распространяться с неимоверной скоростью. Буквально через мгновение она разлилась по всей стене, по мостовой вокруг нас, а потом ринулась окрашивать город, весь город, в красный цвет.

Где-то вдалеке послышался звук сирены. Я почувствовал себя неуютно, будто город являлся живым существом, которое мы ранили и теперь оно не только истекало кровью, но и плакало от боли.

Но это было лишь началом.

— Смотрите! — сказал Билл.

Я оторвался от зрелища раненого города и увидел, что Билл снова указывает на дыру в стене. Краснота вокруг ее рваного края стала темнеть и темнела до тех пор, пока не стала почти черной — это был густой и зловеще багровый черный цвет. Затем прямо на моих глазах по периметру этого темно-красного края начала проявляться волосяной толщины белая линия — раскаленно-белая полоска, окаймляющая багровую зону. Эта тоненькая белая полоска постепенно расширялась и утолщалась, подернувшись розовым в тех

местах, где она наложилась на темно-красный край дыры, но становясь все белее и белее там, где соприкасалась с воздухом.

— Она заживляет себя! — воскликнул Билл. Пока он не выразил это в словах, я никак не мог поверить, что именно это и происходило. Появившаяся и все расширяющаяся белая полоска была совершенно свежей белой поверхностью стены, растущей от периметра к центру и понемногу затягивающей отверстие, которое мы проделали в стене.

Едва я понял это, как тут же рванулся к стене, но одернул себя. Отверстие было уже слишком мало, чтобы в него пролезть. Тем более что мне совершенно не хотелось задевать раскаленные добела края.

— Давай попробуем в другом месте, — предложил я Биллу. — Только в следующий раз мы должны сразу проникнуть внутрь.

— Нет. Подождите-ка, — сказал он, поняв, что я направляюсь к соседнему участку стены, и схватил меня за руку. — Прислушайтесь.

Я замер и прислушался. Далекий и надрывный, напоминающий сирену звук не прекращался, но в то же время не было и никаких признаков того, что он становится ближе. Но теперь, когда Билл

привлек мое внимание, я услышал другой звук, накладывающийся на первый. Это был какой-то приглушенный, но ритмичный лязг. Такого рода звук мог производить при движении большой игрушечный трактор, движущиеся части которого сделаны не из металла, а из пластмассы. И этот звук явно приближался.

Я вскинул автомат и не задумываясь прицелился. Билл тоже взял оружие наизготовку. В этот момент то, что служило источником звука, наконец вывернуло из-за угла того самого здания, которое мы пытались взорвать. Оно приближалось к нам, очевидно, то ли не понимая, то ли понимая, но игнорируя возможную опасность. Я с недоверием разглядывал его, поскольку никак не мог решить — механизм это или живое существо.

К тому времени, когда я был вынужден признать, что скорее всего это все же живое существо, оно остановилось в дюжине футов от нас. В машину я рискнул бы всадить несколько пуль. Но создание из плоти и крови было совершенно другим делом. Во-первых, убийство другого живого существа претило мне эмоционально, а во-вторых, если оно живое, то наше враждебное отношение к нему в случае неудачи могло грозить

самыми разными неприятными последствиями. Поэтому мы просто стояли и разглядывали его, а оно в свою очередь рассматривало нас.

Выглядело оно.., поначалу даже трудно было сказать, как оно выглядело. Размером примерно с сенбернара, с очень короткими конечностями и невероятно массивной, похожей на бульдожью головой, из обоих плеч торчало по пучку из трех хвостов или щупалец примерно двух футов длиной. Все тело было покрыто прямоугольными костяными пластинками шириной не более двух дюймов, сгибающихся в местах соединения с соседними пластинками, позволяя тем самым скрытому под ними телу двигаться. Более мелкие пластинки покрывали и массивную голову. Два глаза были большими и карими.

— Не стреляй! — сказал я Биллу, не сводя взгляда с неизвестного существа.

Сам не знаю, что вызвало мою реакцию на существо. В тот момент я точно знал только две вещи. Во-первых, я с самого начала искал некий Х-фактор, недостающее звено в загадке шторма времени, и таящийся в глубинах моего сознания рефлекс, постоянно побуждающий меня искать ответы на все вопросы, буквально кричал мне, что скорее всего встреченное нами существо и

есть то, что я искал. А во-вторых — что было ничуть не менее важно для меня, — это невероятное создание прямо-таки излучало ауру невраждебности. Впечатление каким-то образом усиливали и внушительная броня, и страшная голова, несмотря ни на что не выглядевшие угрожающими, а скорее придававшие ему неуклюжий и даже комический вид, отдаленно напоминавший симпатичного бульдога.

Мне было бы трудно убедить в этом Билла, но в этот момент, совершенно неожиданного, Санди подтвердил мое предположение. Все предыдущее время леопард стоял абсолютно неподвижно, но вдруг двинулся мимо меня, приблизился к неизвестному созданию и дружелюбно потерся сначала об один его бок, а потом о другой. Затем он обнюхал его, несколько раз втянув в себя воздух, и с важным видом вернулся ко мне. Это возымело действие. Билл опустил автомат.

— Привет, — сказал я, обращаясь к созданию. В контексте нашей встречи в этом безмолвном странном месте такое приветствие прозвучало по-настоящему смешно. Создание ничего не ответило.

— Я — Марк Деспард. А это — Билл Голт.

Снова молчание.

— Марк, — с явным напряженние в голосе произнес Билл. — Давай-ка потихоньку отходить. Если оно не станет нам препятствовать, мы войдем обратно в туманную стену и оторвемся от него...

Он осекся, поскольку существо начало издавать какие-то звуки, напоминающие нечто среднее между бурчанием в желудке и скрипом давно не работавшего механизма.

— Дью... — произнесло создание глухим скрежещущим голосом. — Янглищь.

Оно смолкло. Мы ждали еще каких-нибудь звуков, но оно молчало.

— Если хочешь, можешь отходить, — ответил я Биллу, не спуская, однако, при этом глаз с существа. — Лично я остаюсь и попробую узнать о нем побольше.

Не успел Билл мне ответить, как существо снова заговорило.

— Я... — громко произнесло оно и опять смолкло. Мы продолжали ждать. — Меня... — сказало оно через секунду. Новая пауза. Затем оно продолжало, но как-то отрывисто, будто разговаривая само с собой, вот только паузы становились все короче и короче до тех пор, пока не стали звучать нормальной длины человеческие фразы. — Ме-

ня... — повторило существо, — ..зовут Порнярск. Порнярск. Я являюсь.., кого.., чего... Меня зовут Порнярск Прима Три, я.., аватара... Порнярска... Эксперта Общей Темпорологии. Я являюсь.., третьей.., аватарой Порнярска.., специалиста по Темпоральной Проблеме.

— По-моему, это какой-то робот, — сказал Билл, глядя на аватару Порнярска.

— Нет, — возразило оно. — Прежде всего я действительно Порнярск. И только потом аватара. Я живу.., живой. Как вы.

— Значит, нам называть тебя Порнярском? — спросил я. Наступила пауза, затем снова раздался скрип несмазанного механизма, и массивная голова начала кивать вверх и вниз, так медленно, неуклюже и с усилием, что существо по имени Порнярск стало еще более комичным на вид. Наконец, когда голова в очередной раз поднялась, кивки прекратились.

— Да, — согласилось оно. — Порнярск Прима Три — это.., полное имя. Зовите меня Порнярск. Кроме того, он. Я.., мужского пола.

— Учтем, — сказал я. — Порнярск, приношу свои извинения за то, что причинили вред твоему городу. Мы просто не думали, что здесь кто-нибудь есть.

— Это не...это не мой город, — сказал Порнярск. — Я хочу сказать, что он не принадлежит мне ни как аватаре, ни, в равной степени, как Порнярску. Я пришел...

Он было уже добился значительных успехов, но тут его снова заклинило. Мы ждали, пока он справится со своей языковой проблемой.

— Я пришел со многих.., звездных расстояний отсюда, — наконец сказал он. — И еще с большого темпорального.., временного.. расстояния. Но должен сказать, что при этом, по другим меркам, я.., обитаю совсем недалеко отсюда.

— Недалеко от этого мира? — спросил Билл.

— Не... — На сей раз Порнярск замолчал, чтобы отрицательно поводить головой из стороны в сторону. — Именно этого мира. Просто.., от этого места и нескольких других мест на вашей Земле.

— А это место — город или что тут... — спросил Билл, — из того же времени, из которого ты пришел?

— Нет, — ответил Порнярск. — Не может быть двух одинаковых времен — как не может быть двух совершенно одинаковых песчинок.

— В принципе, мы не такие уж тупые, — сказал Билл, и я в первый раз за время нашего знакомства заметил в его голосе раздражение. — Чем

нести всякую чушь, расскажи, чем ты тут занимаешься.

— Не тупые.., невежественные, — поправил себя Порнярск. — Может быть, попозже? Я издалека в пространственном смысле и издалека в темпоральном смысле, но из очень близкого места в смысле расстояния. Когда вы повредили эту стену, город дал сигнал. Я очень длительный период моего собственного времени ждал какого-нибудь подобного события в одном из многих мест, за которыми могу наблюдать, и, когда город дал сигнал, я пришел.

— А почему этот город так важен? — спросил я.

— Не город важен, — ответил Порнярск, поворачивая свою крупную голову, чтобы взглянуть на меня. — Мне кажется, важны вы. Если вы не будете возражать, то теперь я пойду с вами, и в конце концов, возможно, мы сможем стать полезными либо самим себе, либо вселенной.

Я взглянул на Билла. Билл взглянул на меня.

— Минуточку, — сказал я. — Сначала я хотел бы осмотреть это место. Если моя догадка верна, то он из нашего будущего. Возможно, здесь полно вещей, которые могли бы нам пригодиться.

— Здесь ничего нет, — сказал Порнярск. — Это музей, из которого давным-давно забрали все

экспонаты.

Я не заметил, чтобы он сделал хоть малейшее движение, но все стены вокруг нас вдруг как будто всосались внутрь, и в них появились круглые входные отверстия.

— Если хотите посмотреть, смотрите, — сказал Порнярск. Он поджал свои короткие ноги и брякнулся на землю, как большой кофейный столик на четырех ножках, которые одновременно отрубили четырьмя топорами. — Я подожду. Время — понятие относительное.

Я уже был наполовину готов поверить его словам о том, что «город» для нас бесполезен, но Билл поманил меня за собой. Я пошел следом за ним в сопровождении Санди, и мы свернули за угол, скрывшись из поля зрения Порнярска. Там Билл остановился. Остановился и я. Санди принялся обнюхивать открытый вход.

— Слушайте, — прошептал Билл. — Я этой штуке не верю.

— Ему, — рассеянно сказал я. — Порнярск сказал, что он мужского пола.

— А еще он сказал, что он аватара, — сказал Билл. — То есть воплощение божества.

Придирки Билла показались мне неубедительными.

— Или воплощение идеи, философии или мировоззрения! — добавил я. — Почему бы тебе в следующий раз не дочитать всю словарную статью до конца? — Тут я вдруг понял, что он перепуган и моя грубость едва ли поможет ему обрести уверенность в себе. — Послушай, он именно то, что мы все это время искали. Тот самый кто-то из будущего, способный помочь нам разобраться с проблемой шторма времени.

— А я ему.., не доверяю, — упрямо твердил Билл. — Лично я считаю, что он просто собирается нас как-то использовать.

— Он не может, — с ходу ответил я.

— Почему это? — уставился на меня Билл.

Тут он меня, конечно, поймал. Я ответил ему, основываясь почти исключительно на собственных ощущениях, а не на разумных доводах — или, честно говоря, на своем рефлексе, который все еще кричал мне, что, возможно, я нашел недостающий кусок головоломки. Не знаю уж почему я, не задумываясь, был уверен в возможности использовать Порнярска, в то время как он нас использовать не может. До сих пор мне казалось, что моя полная уверенность в том, что Свонни выжила, и то, чего она мне стоила, научило меня здоровому сомнению в себе. Но сейчас я опять

был совершенно уверен в своей правоте.

— Просто я это чувствую, — сказал я Биллу. — В любом случае мы не можем игнорировать его. По крайней мере, нужно попытаться выудить из него необходимую нам информацию. Уж это-то ты, надеюсь, не считаешь неразумным?

Он ответил не сразу, явно борясь с сомнениями. Я ударил его ниже пояса, попав в его веру в научную постановку проблемы и результаты эксперимента.

— Конечно же, не считаешь, — продолжал я. — Если мы возьмем да и пройдем мимо первой важной находки, которая, возможно, позволит нам понять происходящее, то все вообще теряет смысл. Давай вернемся, возьмем Порнярска и отведем его к остальным. В лагере у нас будет полно времени, чтобы выяснить, чего добивается он лично. Что бы ни было у него на уме, мне будет гораздо спокойнее, когда вокруг него будут собаки, Санди и все наши остальные стрелки. Что скажешь? Согласен?

Билл неохотно кивнул.

— Ладно. Но я все равно хочу осмотреть несколько зданий.

— Что ж, тогда этим и займемся. — Теперь, когда он согласился со мной, я готов был пойти ему

навстречу. — Но я чувствую — Порнярск прав, и мы ничего не найдем.

В сопровождении Санди мы обшарили пару открытых зданий. Но, как я и думал, Порнярск нам не солгал, и мы в этом убедились. Здания оказались анфиладами пустых помещений — в безупречном состоянии — без каких-либо следов пыли или разрушений, но пустыми. Настолько пустыми, что наполняло их только эхо.

В конце концов мы несолоно хлебавши вернулись к Порнярску. Когда мы подошли к нему, он тут же поднялся на ноги и, когда я сказал ему, что мы возвращаемся к остальным сквозь туманную стену, двинулся за нами. Однако, подойдя к краю стены, я остановился.

— Порнярск, лучше, если ты подождешь здесь, — сказал я. — Мы с Биллом пройдем первыми. Дай нам возможность рассказать о тебе остальным, тогда они не так удивятся твоему появлению. Не возражаешь?

— Хорошо, — сказал Порнярск, снова опускаясь на землю. — Когда можно будет идти, скажите.

— Обязательно, — сказал я.

Я провел Билла и Санди сквозь туманную стену. Когда мы вышли по другую ее сторону и открыли глаза, то увидели пустынный, пусть и уютно

выглядящий двор фермы. Там был сооружен навес для приготовления пищи, Мэри растопила угольные жаровни, но во дворе никого не было, за исключением собак. Ясно, что остальные находятся в доме — именно там, куда я строго-настрого запрещал входить, если нет полной уверенности в том, что это безопасно. Но даже и в этом случае в дома разрешалось входить лишь только после того, как пара наших людей с оружием сначала обойдет все комнаты. В таком месте, как пустующее здание, может оказаться много неприятных сюрпризов — от всякого рода ловушек до засад.

— Выходите! — закричал я. — А ну-ка все быстро выходите!

Я с удовлетворением наблюдал, как они выкатываются из дверей, а двое даже выскочили из окон, бледные, скорее всего решившие, что на нас напали или, возможно, надвигается еще одна туманная стена. Момент для чтения нотаций был не лучшим, но все же, когда все наконец оказались снаружи, я потратил несколько минут на то, чтобы отчитать их за нарушение правил.

— Послушай, но это же просто смешно! — возмутилась Мэри. — Мы же не с закрытыми глазами туда вошли. Тек и девчонка сначала взяли ружья и обыскали дом.

Разумеется, в таком случае ситуация представала в совершенно ином свете, но в тот момент я уже просто не мог этого признать. Я взглянул на Тека и девчонку. У него, конечно, хватило ума не начинать оправдываться, а девчонка просто придерживалась своей обычной практики не разговаривать вообще. Но сейчас я встретился с ней взглядом, и взгляд у нее был весьма мрачный и сердитый.

— Значит, обшарили, да? — сказал я. — А кто им приказал?

— Я их попросила, — сказала Мэри.

— Ты?

— Да, я! — сказала Мэри. — Ради Бога, Марк, все равно всем нам рано или поздно придется начать действовать самостоятельно, ведь так?

Я почувствовал, что начинаю вступать в публичный спор с подчиненными, — не лучший вариант для командира, который хочет сохранить свое положение.

— Верно! И это я скажу тебе, когда можно будет начинать. А тем временем... — продолжал я, не давая ей или еще кому-нибудь возможности что-нибудь сказать, — мы с Биллом нашли кое-кого, с кем вам предстоит познакомиться. Имейте в виду — это не человек. Билл, ну-ка позови его!

— Порнярск! — заорал Билл, повернувшись к туманной стене.

Мэри и остальные тоже повернулись к туманной стене, да так быстро, что я только порадовался. Говоря Порнярску о своем желании заранее подготовить их к предстоящему потрясению, я не шутил. Теперь же меня не отпускала мысль, что небольшое потрясение может им быть даже полезно. Ведь мы все же не были армией или завоевателями мира. И если мы не будем принимать мер предосторожности, то полдюжины решительных и прилично вооруженных взрослых людей запросто могут в одно мгновение перебить нас или сделать своими рабами.

Порнярск, цокая, появился из стены и остановился перед нами.

— Я — Порнярск Прима Три, — возвестил он тем же самым тоном, которым представлялся мне и Биллу. — Третья аватара Порнярска, специалиста по темпоральным проблемам. Надеюсь на сотрудничество с вами, от которого выиграет вся вселенная.

— Да, — сухо сказал Билл. — Только сначала нам хотелось бы хоть немножко помочь самим себе.

Порнярск повернул массивную голову и по-

смотрел на Билла.

— Это одно и то же, — сказал Порнярск.

— Да неужели? — сказал Билл.

Порнярск со скрипом кивнул.

— То, что вы считаете локальными явлениями, — сказал он, — на самом деле является микроэхом гораздо более обширных возмущений, которые по вашему летосчислению начались примерно миллиард лет назад.

— Вот как? — протянул Билл. Он старался выглядеть безразличным, но я заметил в его голосе нотки интереса, который он тщательно пытался скрыть. — За такое время можно бы было с этим и справиться.

— Нельзя, — сказал Порнярск. — Нет знаний, необходимых для того, чтобы справиться с этим.

— Неужели нет? — сказал я. — Тогда к чему все эти слова насчет помощи вселенной?

— Вся эта проблема выходит далеко за пределы как моей, так и любой другой известной мне временной системы, — сказал Порнярск. — И тем не менее мы ответственны за ее решение. Может быть, мы и не в состоянии будем решить проблему, но мы можем наброситься на нее — все мы, — как знакомые вам муравьи, пытающиеся сравнять с землей гору. И если мы будем сообща

наваливаться на каждое микроэхо, на каждый самый незначительный ее аспект, то будем постепенно приближаться к решению, пусть даже и не мы в конце концов его найдем.

— Минуточку... — начал Тек.

Ему явно не понравился мой «взрыв» по поводу того, что они вошли в дом без приказа, хотя вслух он ничего и не сказал. Теперь же в его голосе проскальзывали бунтарские нотки.

— Подожди, — поспешно прервал его я. — Давайте сначала разберемся с этой проблемой до конца. Порнярск, каковы вообще масштабы всей этой проблемы, последствия которой здесь у нас представляют собой всего лишь ее микроэхо?

— Мне казалось, — сказал Порнярск, — что я совершенно ясно ответил на этот вопрос. Темпоральные нарушения являются симптомами нарушения энтропийного равновесия, которые стали вездесущими. Хаос в темпоральной структуре вселенной носит всеобщий характер.

Мы все молчали. Порнярск подождал еще мгновение и только потом понял, что сказанное им находится за пределами нашего понимания.

— Иначе говоря, — продолжал он, — воздействию подверглись время и пространство. Прежде единое состояние вселенной раздробилось на

хаотическое множество более мелких порядков, каждый из которых обладает своим собственным направлением, а также скоростью развития и упадка. Мы не в состоянии справиться с этой проблемой, но можем бороться с ней. Более того, мы должны бороться с ней, в противном случае процесс будет развиваться и уровень фрагментации будет возрастать, порядки будут становиться все мельче и мельче до тех пор, пока каждая отдельная частица не станет отдельной вселенной.

Больше из сказанного им я не запомнил, поскольку как раз в этот момент мой мозг будто взорвался от того, что я внезапно понял: разум мой из-за открывшихся вдруг перспектив и возможностей, вытекающих из сказанного, вошел в запредельный режим. Масштаб их был столь грандиозен, что любые мои предыдущие размышления по сравнению с услышанным казались простейшими детскими игрушками. Наконец-то зубы голодной крысы нашли то, во что могли вцепиться по-настоящему.

Глава 15

Потом мне рассказали, что через некоторое время я пришел в себя и принялся отдавать всем, включая Порнярска, приказы собираться и двигаться дальше, а потом гнал всех практически без остановок большую часть следующих трех недель. Мы просто двигались вперед, уже не останавливаясь для выяснения того, что находится за очередной туманной стеной, или в домах, или в селениях, попадавшихся нам по пути. Я гнал всех вперед так, будто мы были участниками гонки, а за чертой далекого финиша нас ждала страна обетованная.

Кое-что из происходившего во время этой гонки я смутно помню. Но только кое-что. Меня слишком переполнял конечный результат всех моих размышлений по поводу шторма времени — он обрушился на меня как лавина. Время от времени бывали просветления, во время которых я начинал сознавать, что делаю и что происходит вокруг. Но все это было задним планом, несущественной декорацией того места, где я в действительности находился, и реального дела,

которое я делал, и имя всему этому было Мечта.

В своей Мечте я представлялся себе чем-то вроде паука. Я говорю «чем-то вроде» потому, что я по-прежнему оставался самим собой, просто я действовал подобно пауку. Если вам это ничего особенно не говорит, то прошу прощения, но это лучшее объяснение, которое я могу дать.

В своей Мечте я был похож на паука, который бесконечно и яростно карабкается по паутине нитей, протянувшихся от одного конца бесконечности до другого. Нити были расположены в определенном порядке и образовывали какое-то подобие паутины, хотя, чтобы иметь возможность охватить ее взглядом целиком, нужно было быть бесконечно огромным. И тем не менее, каким-то необъяснимым образом я знал, как она выглядит в целом. Моя работа была связана с этой паутиной и наполняла меня совершенно особенной дикой, ужасной и певучей радостью, которая в любое мгновение могла превратиться в агонию. Радость работы с паутиной, процесс приведения ее в порядок, посылала меня с невероятной скоростью на невообразимые расстояния вдоль заполняющих вселенную нитей, требуя от меня каждой унции моих сил, задействуя каждую клеточку моего мозга, натягивая каждый мой нерв

до предела. Это был буквально берсеркерский взрыв энергии, которому было все равно, пусть даже он и уничтожил бы собственный источник, которым являлся я, лишь бы с паутиной делалось то, что было необходимо. Притом все это каким-то образом было связано с моими воспоминаниями о том, как я собирался поставить на окружающем меня мире свое клеймо, так что энергия била из каких-то глубоко потаенных источников.

На самом деле переживаемое мной тогда просто невозможно описать словами. Паутина не имела названия. То, что я делал с ней, не поддавалось определению. Но в то же время я твердо знал, что это самая важная из всех когда-либо имевших место в мире работ. Она несла с собой нечто похожее на адреналиновое возбуждение, которое абсолютно не походило ни на одно из знакомых мне видов опьянения. Люди порой рассказывают, вернее, раньше рассказывали о наркотическом кайфе. Так вот это тоже был кайф, только вызванный не химическим воздействием, а физическим. Каждая молекула моего тела была заряжена и вибрировала в унисон с узором и работой, которой я занимался.

В то же время я с помощью какой-то независимой части своего сознания продолжал вести

и направлять свою маленькую группу паломников и, видимо, при этом действовал достаточно разумно, по крайней мере настолько, что они не сместили меня как безумца и не поставили на мое место другого. Впрочем, многие отметили для себя, что со мной что-то происходит. Каждый прореагировал на это по-своему, а кое-кто воспользовался новой ситуацией и в личных целях. Когда я полностью пришел в себя, то обнаружил, что многое изменилось.

Да и вообще то, что я в конце концов пришел в себя, могло быть просто счастливой случайностью, хотя я так не думаю. Скорее я все-таки был готов оторваться от паутины, по крайней мере на какое-то время. Моему возвращению способствовало то ли чисто случайное стечение обстоятельств, то ли к действительности меня вернул некий сигнал, оказавшийся способным преодолеть невероятное расстояние и добраться до той части моего сознания, которое было запутано в нитях вселенской паутины.

К жизни меня вернул Санди. По-видимому, он, как платная сиделка, все эти три недели не отходил от меня ни на шаг. Думаю, у леопарда хватило ума почувствовать, что значительная часть моего разума отсутствует, и он забеспоко-

ился. Большую часть времени я не обращал на него внимания. Но в те краткие периоды, когда я снова начинал воспринимать окружающее, меня страшно раздражало то, что я буквально спотыкаюсь об него на каждом шагу.

На сей раз, частично придя на какое-то время в сознание, я намеренно оставил остальных, отошел подальше от лагеря, чтобы никого не видеть и не слышать, и отыскал большой камень, где можно было посидеть и хоть немного побыть в одиночестве. Санди как обычно увязался за мной и, едва я уселся, начал приставать ко мне, чуть ли не залезая ко мне на колени. Сначала, пытаясь отогнать кота, я прикрикнул на него, а когда он меня не послушался, в отчаянии отвесил ему звонкий шлепок.

Удар был не сильным. Я никогда сильно не бил Санди, но иногда легкое рукоприкладство было единственным способом дать ему понять, что я не шучу. И все же, когда я ударил его, та небольшая часть моего сознания, которая вернулась, оторвавшись от паутины, испытала укол вины. Но почти тут же это пронзившее меня чувство вины растворилось в гораздо более глубоком ощущении потрясения. Я вдруг окончательно пришел в себя, в первый раз за три недели полно-

стью освободившись от паутины.

Потому что я промахнулся. Моя рука прошла сквозь пустоту, и по инерции я едва не свалился с камня.

Санди увернулся, а это было совершенно не правильно. То есть, само собой, я не имею в виду, что он неспособен был на это физически. Естественно, по сравнению с его кошачьими рефлексами мои человеческие выглядели просто смехотворно. Захоти он — и за то время, что мы были вместе, я ни разу и пальцем бы не смог его коснуться. Но до сих пор такого еще ни разу не случалось. Никогда раньше он даже не пытался уклоняться. Это было одним из результатов воздействия шторма времени. Если я время от времени выходил из себя и шлепал его, он только жмурился, прижимал уши и приникал к земле, как котенок, на которого сердится леопардиха-мама.

Но на сей раз он увернулся. И теперь сидел на расстоянии вытянутой руки от камня, впервые за несколько проведенных нами вместе месяцев глядя на меня с выражением, которое я не в состоянии был истолковать.

— Санди! — удивленно сказал я.

Тут он, выгибаясь, подошел, навалился всем телом и принялся лизать мне руки и лицо, урча

как моторная лодка. Точно так же как раньше он знал, что меня нет, теперь он точно знал, что я вернулся. И действительно, действительно я вернулся — и с моей точки зрения это было просто чудесно. Я обнял старого сукиного сына и в ответ на его ласки сам едва не расплакался.

Именно в этот момент на нас упала тень. Я поднял глаза и увидел девчонку. Откуда она появилась — то ли стояла где-то поодаль, наблюдая за Санди и за мной, — не знаю. Но теперь она оказалась рядом, и на лице у нее было то же выражение, что и на морде у Санди. Я едва не протянул руки, чтобы обнять и ее тоже, так же естественно и инстинктивно, как обнимал и одновременно отталкивал Санди. Но тут мое подсознание вдруг одернуло меня: «Стой! Что ты делаешь? Она же не полоумный леопард!» И я заколебался.

Это было лишь секундное колебание, но, очевидно, и его оказалось достаточно. Незнакомое выражение исчезло с ее лица, а потом я понял, что ее уже нет. Под влиянием безумного порыва я едва не вскочил и не бросился за ней. Но потом убедил себя, что это бессмысленно и надо дать ей время перебороть то, что заставило ее уйти.

Она ушла, оставив меня с ощущением пустоты. Я продолжал сидеть на камне и поглаживал

Санди до тех пор, пока не почувствовал себя нормально. Потом встал, и мы вдвоем направились к остальным, оставшимся в лагере. Я присоединился к остальным, никто, казалось, не заметил во мне никаких изменений.

Зато с этого самого момента и на протяжении следующих трех дней я начал замечать разного рода изменения в моих спутниках. Меня осенило, что те из них, кто был наиболее близок ко мне, отлично знали о моем ненормальном умственном состоянии — как, например, Санди и девчонка, — но по каким-то собственным причинам внушали всем остальным, что я в полном порядке.

Позиция Мэри была понятна. Как супруга вожака, она была больше всех заинтересована в том, чтобы меня не сместили «с должности» из-за психического расстройства. Тек, исходя из каких-то своих и достаточно веских причин, очевидно, был вполне доволен ролью моего заместителя. Складывалось впечатление, что он на время затих и чего-то выжидает, поскольку его время еще не пришло. Что касается Билла, то он мне сам выложил свое мнение о происходящем.

— Слава Богу, вы опять в норме, — сказал он мне, как только мы оказались с глазу на глаз в кабине патрульного пикапа и нас никто не мог

услышать. — Если бы вы еще на неделю остались в том же состоянии, когда разум большую часть времени пребывает где-то за тысячу миль отсюда, наш отряд несомненно распался бы.

— Не думаю, — я покачал головой. — Скорее всего, Тек и Мэри пришли бы к соглашению, чтобы наша группа не развалилась.

Он взглянул на меня довольно странно.

— Даже если и так, — сказал он, — это было бы равноценно тому, чтобы распасться. Ведь наша цель не просто выжить. Мы собирались выяснить причины возникновения темпоральных неоднородностей. И если бы вы перестали нами руководить, надежда была бы потеряна.

— Не обязательно, — пытался возражать я.

— Обязательно. Я ими управлять не в состоянии, а вы здесь, кроме меня, единственный интеллигентный человек. — Билл говорил совершенно серьезно.

— Не следует недооценивать Тека, — напомнил я.

— Он умен, — мрачно продолжал Билл. — Но не интеллигентен. Он не в состоянии оценить важность погони за знаниями ради самих знаний. Если он когда-нибудь попытается взять над вами верх, я убью его. Я ему так и сказал.

Я уставился на Билла. Было ясно, что он не шутит.

— Никакой опасности нет, — сказал я. — Но в любом случае, прежде чем соберешься убивать кого-нибудь, подожди, пока я не позову на помощь. Нельзя застрелить кого-то по ошибке!

— Хорошо, — согласился Билл. Причем приблизительно таким же тоном, как если бы он соглашался не предлагать мне за завтраком соль, пока я сам об этом не попрошу.

— Вот и отлично, — сказал я. — Теперь все будет, как раньше. Так что забудем об этом.

Только так уже не было — я имею в виду, как раньше. Во-первых, от меня ушла Мэри, причем таким образом, что мне этого даже не объяснить. Вела она себя точно так же, как и прежде, но создавалось впечатление, будто она потеряла надежду на перерастание наших отношений в нечто большее, чем просто обоюдовыгодный союз. В подобной интерпретации это звучит, как нечто не слишком серьезное. Однако в моей душе это породило какое-то чувство вины, хотя я и был совершенно убежден, что я ей ничего не должен, и к тому же я был совершенно бессилен как-то исправить положение.

Тек тоже изменился. Он, как и раньше, выпол-

нял все мои приказы, но я заметил, что, стоит создаться вакууму руководства, как он начинает командовать остальными, словно я назначил его своим заместителем. И наконец, была еще и девчонка...

Например, за то время, пока мой разум был занят паутиной, она, очевидно, получила имя. Все, похоже, звали ее Элли, но Мэри, когда я спросил ее, объяснила, что на самом деле — Эл-лен и что так назвал девчонку Тек. Ну, по крайней мере, это имело хоть какой-то смысл. Вряд ли она, после того как столько времени не могла вспомнить вообще ничего, вдруг вспомнила свое настоящее имя. Но когда я спросил Тека, с чего это он вдруг решил дать ей имя, он заявил, что, мол, ничего подобного не делал.

— Просто надо же мне было хоть как-то ее называть, — сказал он. — Ну я и спросил, какое имя она предпочитает, а она выбрала это.

Имя Эллен было удобоваримым. Интересно только, откуда она его выкопала. Но Элли, как они обычно кратко называли ее, почему-то казалось мне просто отвратительным. Я так и не смог заставить себя пользоваться им. Для меня она по-прежнему оставалась «девчонкой», но никто, кроме меня, ее так уже не называл.

Тек был к ней исключительно внимателен, и большую часть времени она проводила в его компании. Сам не знаю почему, но я вдруг понял, что мне это страшно не нравится. За время, прошедшее с тех первых дней, когда единственным, что на ней выглядело человеческим, были рубашка и джинсы, она, как я отметил, сильно повзрослела. Теперь она носила платья, которые — скорее всего с помощью Мэри — были подогнаны на нее, а ее волосы всегда были чисто вымыты и завязаны в конский хвост на затылке. Даже тело ее начало округляться.

Все это, конечно, пошло ей только на пользу. Она, как и всегда, была крайне скупа на слова, но в результате происшедших с ней изменений, она теперь казалась намного старше и, возможно, именно поэтому обратила на себя внимание Тека. Как я уже говорил, я понял, что не одобряю этого, хотя у меня и не было никаких резонных причин подойти к нему и велеть оставить ее в покое.

Во-первых, даже если бы он и согласился, я-то ведь прекрасно знал, что все дело в ней и она никогда не отстанет от него, в особенности, если инициатива станет исходить от меня. Во-вторых, раз я в свое время был готов оставить ее в одиночестве на берегу той реки, то кто я, такой, чтобы

решать за нее подобные вопросы? И наконец, что я имею против Тека? С тех пор как он присоединился к нам, парень был просто образцом послушания, а она будто вчера родилась. Так зачем мне лезть в их дела?

И все равно их отношения мне не нравились. Меня не отпускало какое-то неразумное, почти отцовское чувство, что он и в подметки ей не годится. К несчастью, я не имел возможности поговорить с ней наедине, чтобы сказать об этом. Я ошибался, думая, что со временем она переборет в себе чувство, оттолкнувшее ее 6т меня в тот момент, когда я сидел на камне, и где благодаря Санди ко мне вернулся рассудок. Она вела себя так, будто я для нее пустое место.

Ну и черт с ней, в конце концов решил я и предался размышлениям о том, какую следующую цель должно поставить перед собой наше немногочисленное племя. Было совершенно ясно, что до сих пор мы блуждали без какой-либо определенной цели, влекомые вперед лишь моей полубессознательной маниакальной решимостью. Вечером того же дня, когда я решил выкинуть из головы проблему отношений девчонки и Тека, я дождался окончания обеда и собрал Порнярска и Билла.

— Давайте-ка отъедем в одном из джипов, — сказал я. — Настало время обсудить проблему штормов времени. Хочу поговорить в вами двоими без посторонних.

— Нет, — сказал Порнярск. — Ты хочешь поговорить со мной.

Билл сначала вроде бы удивился. Но потом явно приуныл. По выражению его лица всегда трудно было судить, какие чувства он испытывает на самом деле, но к этому времени я уже научился довольно точно определять его душевное состояние и теперь понял, что слова Порнярска для него были равнозначны пощечине.

— Ты извини, Порнярск, — сказал я, — но здесь я решаю, кто и когда участвует в разговоре.

— Нет, — сказал Билл. — Лучше поговорите с глазу на глаз. Это может быть важно.

Он повернулся и ушел.

Я открыл рот, чтобы окликнуть его, но потом передумал. В этом мальчишеском теле и за этим невинным лицом скрывалась взрослая и разумная личность, и сейчас он проявил себя человеком, способным думать в категориях куда более широких, чем — если судить по моей реакции на слова Порнярска, — я сам.

Я повернулся и взглянул на пришельца. Был

еще ранний вечер, и окружающий пейзаж в розовеющем свете солнца казался мягким и нежным. На его фоне покрытое костяными пластинками неуклюжее тело Порнярска напоминало миниатюрного динозаврика из жестоких незапамятных времен. Порнярск молча стоял, смотрел на меня и ждал. Как я ни старался, я не мог догадаться, понял ли он то, что сейчас произошло между мной и Биллом, или остался совершенно равнодушен к человеческим чувствам.

На протяжении последних недель, полностью погруженный в Мечту, я вообще почти не обращал внимания на Порнярска. По правде говоря, от него, если он этого не хотел, все равно ничего невозможно было узнать. За это время его речь стала столь же членораздельной, как и речь большинства из нас, но мысли, скрывающиеся за его словами, по-прежнему не поддавались расшифровке. Он переходил от одного утверждения к другому, руководствуясь логикой, недоступной человеческому пониманию.

И все же он не лишен был своего рода чувств и даже какого-то душевного тепла. И хотя в его голосе, как и в действиях, чувств было не больше, чем у робота, он все же.., вызывал симпатию. Не знаю даже, каким еще словом описать произво-

димое им впечатление. Казалось, он излучает какую-то особого рода теплоту, которую мы все, включая и людей Тека, чувствовали и на которую откликались. Даже животные, казалось, ощущали ее. Я сам был свидетелем того, как Санди буквально с первого взгляда почувствовал к нему симпатию. Да и собаки в редкие моменты, когда ничем не были заняты или не сидели на привязи, частенько подбегали к нему, виляя хвостами и обнюхивая его с ног до головы, как будто каждый раз видели его впервые, а потом принимались лизать его бронированную шкуру. Порнярск удостаивал их не большим вниманием, чем Санди или кого-либо из нас, людей, разумеется, если только не обменивался с нами информацией. В пище он не нуждался. Когда не находилось крова для ночлега, он просто поджимал ноги и рушился на землю с грохотом, напоминавшим грохот кучи кирпичей, вываливающихся из кузова самосвала. Но спал ли он когда-нибудь или нет, я понять так и не смог. Во всяком случае, глаз он никогда не закрывал.

Итак... Порнярск оставался настоящей загадкой. Обычно он не оставлял нам выбора, поэтому приходилось принимать его таким, какой он есть. И теперь, когда Билл ушел, я понял, что мне

в очередной раз придется сделать то же самое.

— Хорошо, Порнярск, — сказал я. — Теперь мы с тобой остались вдвоем. Выкладывай.

Я забрался в стоящий по соседству джип. Порнярск совершил один из своих удивительных прыжков, которые совершал, едва заметно сгибая свои похожие на подпорки ноги, и рухнул на сиденье рядом со мной, застыв в сидячем положении. Джип закачался на амортизаторах, а я еще раньше прикинул, что Порнярск весит вполне прилично — что-то около трехсот фунтов, — но постепенно успокоился. Я включил зажигание, и мы отъехали от лагеря.

Мы отъехали, должно быть, не более чем на несколько сотен ярдов, ровно настолько, чтобы нас не было слышно в лагере. Я притормозил, заглушил двигатель и повернулся к Порнярску. Оказавшись нос к носу с этой массивной, похожей на бульдожью голову, я испытал странное чувство. Я в первый раз заметил, что его глаза были не просто карими, а настолько темно-коричневыми, что казались почти черными. Сейчас, на таком близком расстоянии, было видно, как по-кошачьи сжимаются и расширяются его зрачки.

— Ладно, Порнярск, — сказал я. — Мне нужна твоя помощь. Ты должен знать о свойствах

шторма времени гораздо больше, чем мы. Мне больше не хочется бродить наугад в надежде когда-нибудь наткнуться на кусок территории, относящейся к будущему достаточно далекому, чтобы там можно было найти что-нибудь, что помогло бы справиться с туманными стенами и со всем остальным. Мне нужна твоя помощь — помоги решить, куда двигаться дальше.

— Нет, — сказал Порнярск.

— Нет? — удивился я.

— Тебе не требуется моя помощь, чтобы найти инициирующий район, — сообщил Порнярск.

— Что это значит? — достаточно грубо спросил я: этой его фразы, вкупе с неприятием Билла, оказалось достаточно, чтобы я снова вспылил.

— Это значит, что тебе не требуется моя помощь, чтобы найти дорогу, ведущую к искомой цели. Ты уже стоишь на этом пути.

Я взял себя в руки, напомнив себе, что не следует очеловечивать его. Возможно, он просто пытается что-то мне объяснить, но ему мешает то, что он не способен рассуждать как человек.

— И давно? — как можно спокойнее спросил я.

— С того момента, как ты на время абстрагировался от происходящего и отчасти занялся общей проблемой — после того, как мои слова

наконец позволили тебе осознать грандиозность проблемы. Надеюсь, я достаточно... — Порнярск вдруг смолк на середине фразы, что было для него нехарактерно. — Я понятно излагаю?

— Не знаю, — сказал я. — Откуда тебе известно, почему я отключился и что со мной происходило потом?

— Я наблюдал за тобой, — ответил он, — и делал выводы из того, как ты себя вел. Заключения эти именно таковы.

— И что же я, по-твоему, делал?

— Шел, — повторил он без каких-либо признаков нетерпения в голосе. — К инициирующему району.

Меня вдруг охватило какое-то крайне тонкое чувство — инстинктивная настороженность. Он никак не мог знать, какая часть моего разума все эти последние несколько недель работала с Мечтой у меня в подсознании, но при этом говорил так, будто читал мои мысли.

— Это могло быть чистой случайностью, — возразил я. — Почему ты решил, что это не было просто случаем?

— Сначала ты погрузился в себя, — пояснил он. — Но потом оправился настолько, что оказался способен вести своих людей если и не по

прямой, то в определенном направлении самым удобным путем к месту, где, как мне известно, находятся вспомогательные технические устройства, которые могут помочь сделать первый шаг в деле остановки движущихся линий темпорального изменения — темпоральных неоднородностей, как называет их Билл, или туманных стен, как выражаешься ты.

Я уставился на него.

— Но если тебе известно о таком месте, — буквально взвился я, — то почему ты сам до сих пор ничего не сделал с этими темпоральными.., черт, в общем, все равно, как их называть — линиями?

— Эти устройства являются вспомогательными. Не аппаратурой, которая могла бы мне помочь. Как уже говорил, я являюсь аватарой Порнярска Прима Три. Устройства могли бы помочь самому Порнярску, но он занят другими делами.

— Так передай ему, чтобы бросил все остальные дела и мчался сюда.

— Он не явится, — ответил аватара. — Эта планета — ваша проблема. Проблема, стоящая перед Порнярском, гораздо обширнее. Она охватывает множество планет вроде этой. Поэтому у него есть такие аватары, как я, позволяющие ему

действовать с помощью нескольких манипулятивных копий самого себя. Но я всего лишь его аватара. Сам по себе я не могу влиять на действующие здесь силы независимо от того, насколько эффективны доступные мне вспомогательные устройства.

Я потряс головой.

— Ну хорошо, Порнярск — или аватара Порнярска... — начал я.

— "Порнярск" вполне достаточно, — перебил он меня. — Ты никогда не встретишься с самим Порнярском или с его другими аватарами, поэтому опасность ошибки отсутствует.

— Даже не знаю, что и сказать, — продолжал я. — Ты совсем меня запутал. Я почти ничего не понял.

— Само собой, — согласился Порнярск. — Ты необразован.

— Да неужели?

— А разве может быть иначе? У тебя просто не было возможности узнать что-либо о действующих здесь силах и их эффектах. Образовать тебя я не могу, но зато, когда ты будешь сталкиваться со специфическими аспектами ситуации, могу тебе их объяснять. Пытаться же объяснить их тебе до того, как ты с ними столкнешься, бессмысленно,

поскольку ты не владеешь ни концепциями, ни терминами, которые описывают эти концепции.

— Но овладею, когда столкнусь с этими явлениями? — спросил я.

— Встретившись с ними, ты сам почувствуешь необходимость в соответствующих терминах, с помощью которых будешь способен в достаточной степени понять основополагающие концепции, с которыми тебе придется работать.

— Да неужели? — повторил я, и в моем вопросе невольно проскользнули саркастические нотки, хотя я этого и не хотел, но такой разговор с Порнярском просто подталкивал меня к ехидству. — Значит, нет никакой гарантии, что я пойму все это?

— Имей же совесть, — произнес Порнярск, надо было слышать это разговорное выражение, исполненное на добротном английском, чтобы поверить, что его произнесла сидящая рядом со мной доброжелательная горгулья. — Сам посуди — как я могу гарантировать, что ты поймешь?

Действительно, как? В этом он был прав.

— Ладно, сдаюсь, — сказал я совершенно серьезно. — Ответь мне только еще на один вопрос. Откуда мне стало известно то, что позволило мне идти в правильном направлении?

— Не знаю, — ответил Порнярск. — В принципе, я ожидал, что рано или поздно ты спросишь меня, существуют ли районы будущего, где имеются средства, позволяющие как-то повлиять на локальные проявления шторма времени, то есть имеющие место здесь, на этой планете. В этом случае я мог бы направить тебя в такой район. Однако ты сам, без моей помощи направился к одному из них. И я не понимаю, как это могло случиться. Думаю, даже сам Порнярск не понял бы этого, хотя со временем, возможно, и смог бы найти ответ. Я же всего лишь аватара. Я не могу.

— Ну хорошо, тогда посоветуй, что мне делать дальше. Голова Порнярска со скрипом отрицательно покрутилась из стороны в сторону.

— Я не могу советовать до тех пор, пока ты не окажешься в ближайшем районе будущего, располагающем вспомогательными устройствами, — сказал он. — К тому же теперь, когда я увидел, сколько ты способен сделать самостоятельно, я вообще буду гораздо более осторожен со своими советами. Возможно, самостоятельно вы сможете узнать гораздо больше и куда быстрее.

— Отлично. Просто отлично. Тогда почему ты не дал Биллу поучаствовать в этом нашем с тобой разговоре, если все равно не собирался мне

ничего говорить?

— Билл бы мне не поверил, — ответил Порнярск. — Он мне не доверяет.

— А я доверяю, так?

Горгулья легонько, но доверительно кивнул мне.

— Тебе удалось узнать нечто, чего ты самостоятельно узнать был не должен, — сообщил Порнярск. — Ты коснулся безбрежной вселенной. Конечно, ты тоже мне не доверяешь. Ты слишком примитивен, чтобы доверять аватаре существа другого вида, вроде меня. Но в твоем случае доверие и не обязательно.

— Вот как? — сказал я. — Почему?

— Потому, что ты хочешь мне верить, — сказал Порнярск. — Если сказанное мной — правда, то ты сейчас направляешься к чему-то очень тебе нужному. Конечно, это совсем не то, что доверие, но ведь доверие может прийти и позже. А пока вполне достаточно и твоего желания мне верить.

Глава 16

На этом наш разговор завершился, и мы поехали обратно в лагерь. Уже почти совсем стемнело, и за всю обратную дорогу не было сказано ни слова. Напоследок я задал ему только один вопрос:

— Неужели тебе действительно есть до нас хоть какое-то дело, или по-настоящему тебя интересует лишь шторм времени?

— Порнярску есть дело до всего живого, — ответил он спокойно. — Будь это не так, ему не было бы дела и до шторма времени. А я и есть Порнярск, только в дополнительном теле.

Ответ был малоутешительным. Я вроде бы поверил ему, но у меня создалось впечатление, что он что-то от меня скрывает.

Как бы то ни было, нам ничего не оставалось, как продолжать двигаться вперед. Странно, но я верил ему. Со времени появления Мечты со мной что-то произошло, причем, как это ни странно, но по отношению к нему я начал испытывать ту же привязанность и ответственность, что и в отношении всех остальных. Как будто на одном из окон где-то в уголке дома моей души вдруг

подняли штору и туда заглянуло солнце.

На следующий день я отвел Билла в сторону и вкратце пересказал ему разговор с Порнярском. Как и предсказывал Порнярск, Билл крайне скептически отнесся к возможным мотивам и выводам аватары.

— Лично мне его поведение напоминает мошенническую игру, — признался он. — По-моему, это просто часть азартной игры, затеянной с тем, чтобы польстить вашему самолюбию. Скажите, а вы сами в последние три недели чувствовали, что направляетесь в некоем определенном направлении?

Я не спешил с ответом. Мне почему-то казалось, что Билл еще не созрел для того, чтобы я мог поведать ему о Мечте и о том, как она воздействовала на меня. Но, не рассказывая ему о работе моего подсознания с паутиной, невозможно было полностью ответить на его вопрос.

— У меня возникло чувство, будто я занимаюсь чем-то очень важным, — сказал я. — Вот, пожалуй, и все, что я могу сказать.

— Хмм, — протянул Билл скорее про себя, чем обращаясь ко мне. — Интересно, а Порнярск случаем не телепат?

— Ну, по-моему, это предположение так же при-

тянуто за уши, как и то, что я предположительно знал, куда мы направляемся, в то время как не имел об этом ни малейшего понятия.

Билл пожал плечами.

— Если мы все-таки вскоре действительно доберемся до инициирующего района, значит, вы знали, куда мы идем, — сказал он. — Да и телепатия вовсе не такое уж глупое предположение. И когда, по словам Порнярска, мы доберемся до такого района?

Разумеется, во время нашего разговора меня больше всего интересовало, что Порнярск может сказать обо мне лично, и я совершенно забыл спросить его об этом.

— Узнаю, — пообещал я и отправился на поиски аватары. Порнярск вежливо проинформировал меня, что, двигаясь с прежней скоростью, мы достигнем инициирующего района приблизительно через полтора дня. И он точно так же будет скрыт за туманной стеной, как и все те сегменты разных времен, которые мы встречали до сих пор. Что же до того, как именно он будет выглядеть, то лучше мне сначала самому его увидеть, а уж потом выслушать объяснения Порнярска.

***

Он не ошибся. К вечеру следующего дня прямо по курсу мы заметили неподвижную туманную стену и два часа спустя разбили лагерь в паре сотен ярдов от нее.

Местность представляла собой пастбищные луга, чередующиеся с поросшими редкими деревьями и зарослями кустов пологими холмами и болотистыми прудами. Тут и там виднелись фермерские изгороди. Кроме того, к туманной стене тянулась под углом и исчезала в ней гудронная дорога, которая взялась неизвестно откуда миль десять назад и по которой мы приехали сюда. День был прохладный, поэтому сидеть у костра было очень приятно. Неумолимо наступала осень, и я начал обдумывать, что делать зимой: то ли найти надежное укрытие где-нибудь поблизости, то ли двинуться на юг.

Я предпринял еще одну попытку выудить у Порнярска хоть какие-то сведения о том, что меня ждет по другую сторону туманной стены, но ничего от него не добился.

— Мог бы по крайней мере заранее предупредить, что мне угрожает падение с обрыва или в воду, — огрызнулся я.

— Тебя не ожидают ни обрывы, ни озера, ни реки, которых ты не успеешь заметить, — сказал Порнярск. — Что касается местности, то она практически не отличается от той, которая сейчас вокруг нас.

— Так почему же ты нам сразу об этом не сказал?

— Гештальт станет важен для тебя позднее.

Вот и все, что мне удалось из него вытянуть. После обеда я созвал всех на совет. Порнярск тоже явился. Я сказал остальным, что, по мнению Порнярска, именно за этой туманной стеной находится район, отличный от всех встреченных нами прежде. Там мы, возможно, найдем оборудование, которое позволит нам каким-то образом воздействовать на шторм времени и на движущиеся туманные стены. Как всем отлично известно, мы с Биллом давно искали подобную возможность. К тому же, если мы каким-то образом сможем остановить движущиеся туманные стены, нам будет легче найти место, где можно обосноваться. И тогда, возможно, мы сможем начать воссоздавать цивилизацию.

Речь была очень короткой. Когда я закончил, все сначала посмотрели на меня, потом на Порнярска, который за все это время не шевельнулся

и не вставил ни слова, а затем снова уставились на меня. Молча. Но при взгляде на них у меня создалось впечатление, что мнений было столько же, сколько и присутствующих.

— Ну что ж, хорошо, — сказал я, выдержав паузу достаточно длительную для того, чтобы все желающие имели возможность высказаться. — Утром мы отправляемся за стену. Поедут Билл, я и еще три человека в одном из джипов, все с ружьями и револьверами. Кто-нибудь хочет отправиться добровольно, или мне придется назначать самому?

— Я пойду, — сказал Тек.

— Нет, — возразил я. — Будет лучше, если ты останешься. Я обвел взглядом круг освещенных пламенем костра лиц, но других добровольцев не находилось.

— Что ж, в таком случае с нами пойдут Ричи, Алан и Уэйти. — Я начал перечисление с лучшего стрелка и пошел по ниспадающей.

Четвертый, Гектор Монсанто, которого все называли Зиг, похоже, не слишком огорчился тому, что его не взяли. Он был старшим из четверых, которые достались нам вместе с Теком, — невысокий жилистый, с жестким лицом человек лет под сорок, выглядевший так, словно большую часть

жизни он провел под открытым небом. На самом же деле, по словам Тека, он вырос в небольшом городке и был парикмахером, проводившим большую часть времени в тамошних барах. Он был старшим из четверых и самым медлительным. Остальным троим было от двадцати до двадцати пяти, и при необходимости они могли действовать достаточно быстро.

Итак, на следующее утро мы пошли на приступ. Биллу, чтобы удовлетворить любопытство, потребовалось около часа, на протяжении которого он закидывал в туманную стену веревку с грузиком и просовывал сквозь нее свинченные вместе трубки, чтобы убедиться, ровная ли за стеной местность и не таит ли она каких-либо непредвиденных опасностей. Затем мы подогнали джип, на котором собирались ехать, вплотную к стене и погрузились в него, прихватив оружие. Я уселся за руль, а рядом со мной на втором переднем сиденьи устроился Билл. Алан, Ричи и Уэйти расположились сзади. Машина была нагружена до предела.

И тут Санди, громко урча, как бы благодаря за разрешение ехать с нами, которого ему никто не давал, вскочил к Биллу на колени и приготовился отправляться в путь. Не успел я прогнать его,

как на заднее сиденье джипа полезла девчонка с ружьем.

— Стоп! — взревел я. — Ну-ка все вылезайте! Мы выгрузились — все, кроме девчонки и Санди, которые воспользовались освободившимся пространством, чтобы устроиться поудобнее.

— А теперь послушай... — обратился я к девчонке.

— Я с вами, — спокойно сказала она. Санди же громко заурчал и принялся вылизывать шерсть на передней лапе. Двойное проявление неподчинения.

Само собой, прогонять их было делом бесполезным. Я мог высадить их из машины, но они все равно запросто прошли бы сквозь стену на своих двоих следом за нами. Санди уже доказал это, причем бесчисленное множество раз. На самом деле я — да и все остальные — знал, что он отправится с нами. Но вот на появление девчонки я не рассчитывал.

Я огляделся. Наша экспедиция с самого начала проходила совершенно не так. Не знаю почему, но я был убежден, что по другую сторону стены нас подстерегает опасность. Ведь я до этого уверенно проходил сквозь множество других. Возможно, на меня подействовал отказ Порнярска рассказать,

чего именно следует ожидать за стеной. Как бы то ни было, я чувствовал, что беру с собой совершенно не тех, кого следовало бы взять, как и в лагере оставляю не тех, кого следовало бы оставить.

Идеальную группу составили бы я, Тек и пара мужчин. При этом потеря любого ее участника практически ровным счетом ничего бы не значила — кроме меня самого, разумеется, но я смотрел на вещи, как истинный эгоист, и не сомневался, что в состоянии справиться с любой проблемой или неожиданной опасностью. О Санди, девчонке. Билле, до определенной степени Мэри и маленькой Уэнди я в той или иной степени беспокоился и предпочел бы оставить их в относительной безопасности.

Рассуждая по справедливости, Билла не взять с собой было просто нельзя. Ведь он хотел понять, что собой представляет шторм времени, в не меньшей степени, чем я. Санди не взять было попросту невозможно, а теперь еще и девчонка заявила, что едет с нами, хочу я того или нет. В то же время Тек, единственный, кто кроме меня мог взять на себя руководство оставшимися, появись после нашего ухода незваные гости, обязательно должен был идти с нами. С тех самых пор как Мэри, Уэнди и я наткнулись на него и его группу,

я все время подсознательно ожидал, что мы в любой день можем наткнуться на другую такую же хорошо вооруженную и хищную банду.

— Ладно, — сказал я. — Если все твердо решили идти с нами, придется воспользоваться пикапом. Давайте разгрузим его!

Пикап был нашим основным транспортным средством. В его кузове хранилось все оборудование лагеря, продукты, горючее и прочие припасы. Частично мы разгрузили его накануне вечером, разбивая лагерь, но если его предстояло использовать в качестве боевой колесницы, следовало выгрузить и все остальное. Мы подошли к нему и приступили к работе.

Через двадцать минут мы снова подъехали к туманной стене. На сей раз в пикапе и очень медленно. Девчонка, Билл и я сидели впереди. Стекла были подняты. Я сидел за рулем. В открытом кузове позади нас сидели Алан, Уэйти и Ричи, держащий на поводке сердитого Санди. Незадолго до этого я выволок леопарда из кабины и, когда он снова попытался туда залезть, надел на него поводок. Стоило мне почувствовать первые уколы пыли туманной стены, как по крыше кабины что-то тяжело ударило. Я остановился, опустил окно и, выглянув, увидел Санди, лежащего на

крыше кабины. Я снова поднял окно и тронул машину с места.

Туман полностью окружил нас. Пыль шуршала по металлу кузова пикапа под аккомпанемент работающего на низкой передаче мотора. Вокруг нас была неизменная белизна, трудно было сказать, движемся мы или нет. Затем белизна начала становиться прозрачной, поредела, и мы снова выехали на солнечный свет. Я затормозил.

Мы оказались на холмистой равнине среди гор. Разреженный чистый воздух, в котором все предметы выглядели неожиданно резкими, говорил о том, что мы находимся на большей высоте, а редкая растительность — деревья отсутствовали вовсе, и только кое-где виднелись редкие зеленые кусты — свидетельствовала, что это высокогорное пустынное плато, вроде altiplano центральной Мексики. Почва была в основном каменистой — от мелкой щебенки до валунов всех размеров. Местность была пересеченной, но не настолько, чтобы стать непроходимой для наших джипов, если бы удалось найти дорогу между валунами, то, возможно, удалось бы провести и пикап.

Прямо перед нами земля была довольно ровной и свободной от камней, но слева и справа взды-

мались усеянные валунами склоны. Немного дальше ровное пространство спускалось в чашеобразную впадину, где виднелось нечто вроде небольшой деревеньки. Дома в ней были какими-то странными, с куполообразными крышами и с чем-то вроде навесов над входом, образованных поддерживаемыми столбами выступами крыш. Под этими навесами, прямо на улице виднелись то ли машины, то ли оборудование — короче, какие-то механизмы. Людей видно не было. За деревушкой местность начинала резко подниматься и переходила в небольшую гору — для холма она была слишком отвесной, — которую на середине опоясывали деревья. Один из склонов горы был практически голым и достаточно пологим, так что джипы, возможно, и могли бы на него вскарабкаться. Но все остальные склоны были усеяны валунами, и подняться по ним можно было только пешком.

На самой вершине виднелось венчающее гору большое круглое здание без окон, выглядящее так, будто его отлили из свежего белого бетона буквально за десять секунд до нашего появления. Только это я и успел заметить до того, как начали происходить всякие события.

В кузов и кабину пикапа, с шумом ударяясь

об него, полетели какие-то предметы, и один из них разбил окно рядом с Биллом. Тут же раздался яростный рев Санди, и я мельком увидел, как леопард прямо с крыши кабины бросается куда-то направо, а его поводок мелькает в воздухе за ним. Неожиданно на фоне окружающих нас скал появились покрытые темной шерстью фигуры каких-то обезьяноподобных созданий.

Из кузова заговорили ружья. Девчонка, сидящая между мной и Биллом, отчаянно выкрикивая имя Санди, перелезла через Билла, открыла дверцу пикапа с его стороны и исчезла. Билл выскочил следом за ней, и я услышал грохот его карабина. Я рывком распахнул свою дверцу, выкатился на твердую усыпанную щебенкой землю и начал пускать пулю за пулей в лохматые головы, которые попадали в поле моего зрения.

В какой-то момент было много шума и царило смятение, а потом без всяких видимых причин все вдруг резко прекратилось. В поле зрения не осталось обезьяноподобных созданий, в которых можно было бы стрелять, кроме, пожалуй, четырех или пяти, лежавших на земле либо совершенно неподвижно, либо едва шевелясь. Я по инерции выстрелил еще четыре или пять раз, а затем поднялся с земли. Я вновь увидел Санди

с высоко задранным от гордости хвостом. Он направился к одной из двух лохматых фигур, еще подававших признаки жизни. Я открыл было рот, чтобы отозвать его, но, не успел он дойти до неизвестного существа, как за моей спиной из кузова раздалось два выстрела и оба тела окончательно замерли.

— Прекратите! — закричал я, перекатившись на спину. — Один мне нужен живым.

Мой крик оборвался, поскольку я вдруг понял, что говорю с человеком, который меня не слушает. Ричи с исказившимся лицом скорчился за металлическим бортом пикапа и продолжал стрелять в обезьяноподобные фигуры до тех пор, пока не опустел его магазин.

Я залез в кузов и, когда он попытался перезарядить ружье, отобрал у него оружие.

— Успокойся! — приказал я.

Он взглянул на меня стеклянными глазами, но не пошевелился. На нем не было ни царапины. Зато двое оказались ранены: у Алана лицо заливала кровь из раны на голове. Он поддерживал Уэйти, который дышал как-то прерывисто, а лицо было белым как мел. Его правая рука находилась за спиной Алана, он все время пытался прижать к груди левую руку, но Алан не позволял ему

сделать этого.

Обрушившийся на нас град метательных объектов состоял не только из камней, но и из нескольких ножей без рукояток и с лезвием в форме листа. Один из таких ножей вонзился в нижнюю левую часть груди Уэйти. Нож погрузился примерно на треть длины лезвия и, очевидно, прошел между двумя ребрами.

Уэйти закашлялся, и в уголках рта появилась розоватая пена.

— Он просит, чтобы вытащили нож, — жалобно сообщил мне Алан. — Как вы думаете, стоит его вытащить или нет?

Я внимательно посмотрел на Уэйти. Совершенно ясно, что теперь уже без разницы — вытащим мы нож или нет. Лезвие пробило легкие, и они быстро наполнялись кровью. Уэйти взглянул на меня с выражением панического ужаса в глазах. Он был самым тихим из людей Тека и, возможно, самым молодым. Я так и не смог понять, действительно ли он был таким же, как остальные, или, попав в их компанию, старался быть как все.

Ни я, ни кто-либо другой ничего бы не смогли для него сделать. Я стоял, глядя на него и ощущая собственную беспомощность. Может быть, вытащи я лезвие из его груди, он умрет быстрее,

и это станет в определенном смысле благом для смертельно раненного.

— Если хочет вытащить нож, пусть вытаскивает, — кивнул я.

Алан отпустил Уэйти. Тот с трудом поднял руку, ухватился за рукоять, но сил вытащить нож уже не хватило. Алан протянул было руку, чтобы помочь товарищу, но заколебался, снова потянулся к ножу, но у него опять не хватило духу, и он жалобно взглянул на меня.

Тогда я протянул руку и ухватился за рукоять. Сначала лезвие не поддавалось, но потом неожиданно легко выдернулось. Уэйти вскрикнул — скорее, попытался вскрикнуть, — но крик больше всего напоминал хрип. Он чуть отодвинулся от Алана и нагнулся вперед, словно его вот-вот должно было вырвать. Но это была не тошнота. Он просто тяжело обвис на руках у подхватившего его Алана, взгляд его при этом оставался спокойным и сосредоточенным, а потом прямо у нас на глазах он начал умирать.

Впечатление было такое, будто он потихоньку уходит от нас. Его лицо все больше расслаблялось, а взгляд постепенно расфокусировывался, пока не стал окончательно бессмысленным, а потом Уэйти.., умер. Алан аккуратно опустил тело на

дно кузова.

Я отвернулся и спрыгнул вниз. Билл стоял рядом с грузовиком, а Санди с любопытством обнюхивал одно из мертвых тел. И тут до меня внезапно дошло.

— Девчонка! — крикнул я Биллу. — Где девчонка?!

— Не знаю, — ответил Билл.

Я обогнул пикап и бросился бежать по каменистому склону, начинающемуся по другую сторону пикапа, — туда где она исчезла.

— Девчонка! — кричал я. — Девчонка!

Ее нигде не было. Я нашел еще одно мертвое обезьяноподобное создание, но ее найти не мог. Я бегал взад и вперед среди валунов, поднимаясь все выше по склону, а потом совершенно неожиданно чуть не споткнулся о нее. Она сидела на небольшой площадке между валунами, прислонившись спиной к одному из них, и одна ее нога чуть выше колена была перетянута оторванным лоскутом рубашки.

На мгновение мне показалось, что она мертва, как и Уэйти. Мгновение, ставшее самым ужасным в моей жизни. Меня как будто переехали пополам. Но тут она повернула голову, взглянула на меня, и я понял — она жива.

— О, Господи! — воскликнул я.

Я опустился возле нее на колени и обхватил ее руками, твердя себе, что больше никогда не отпущу ее от себя. Никогда. Но, сжимая ее в объятиях, я чувствовал, что она напряжена и неподатлива, как пойманное в ловушку животное. Она не шевелилась, но и не расслаблялась, и в конце концов именно это более менее привело меня в чувство. Мне не хотелось отпускать ее, но и сжимал я ее уже не так сильно.

— Ты в порядке? — спросил я. — Почему не откликалась?

— Меня зовут Эллен, — напомнила она.

— И всего-то?! — Я снова крепко сжал ее. — Хорошо! Отныне ты будешь Эллен. Только так и буду тебя называть!

— Как ты меня будешь называть — не имеет никакого значения, — сказала она. — Я в любом случае не собираюсь оставаться.

Она все еще была напряжена и холодна. Я выпустил ее и выпрямился, чтобы видеть лицо, но выражение на нем было столь же неподатливым, как и ее тело.

— Что ты имеешь в виду? Как это — не собираешься оставаться? — Она явно несла какую-то чушь. Очевидно, повредила ногу или ее ранили,

но вряд ли это что-то серьезное.

— Мы с Теком уходим. Мы уже решили, — сказала она. — Мы только хотели дождаться, когда ты пройдешь сквозь эту туманную стену, и убедиться, что с тобой все в порядке. Санди можешь оставить себе. Все равно он вечно путается под ногами и мешает.

Она повернулась, ухватилась за край валуна, у которого сидела, и поднялась, стоя на одной ноге.

— Помоги добраться до пикапа, — попросила она.

От ее безумного сообщения у меня в голове все смешалось. Я уставился на ее перевязанную ногу.

— Что с ногой? — машинально спросил я.

— Попали камнем, немного ободрали кожу, так что ссадина слегка кровила. Я перевязала ее, но в принципе это обычный синяк.

— Ну-ка попробуй встать на нее. — Я поддерживал разговор чисто автоматически. — Может, она сломана.

— Нога не сломана. Я уже пробовала. — Она обеими руками ухватилась за мою руку. — Просто больно ходить. Помоги-ка.

Я обнял ее за талию и повел, прыгающую на

одной ноге, рядом с собой вниз по склону. В конце концов мы добрались до пикапа, и я помог ей забраться в кабину. Я все еще действовал рефлекторно, не в силах поверить в то, что она мне сказала, особенно теперь, когда я наконец осознал, насколько она мне дорога. Это было примерно то же чувство, которое я испытал по отношению к Уэйти, только усиленное, наверное, в миллион раз. Но были вещи, которые требовали от меня принятия решений.

Ричи и Алан все еще сидели в кузове рядом с мертвым Уэйти. Я взглянул на них. Кто-то должен был провести грузовик обратно сквозь туманную стену и доставить в лагерь девчонку и Уэйти. Ричи не был ранен, но взгляд у него оставался каким-то странным.

— Ты сильно ранен? — спросил я Алана.

— Ранен? — переспросил он. — Я вообще не ранен.

— Довольно меня дурить, — сухо сказал я. Он, кажется, ничего не понял. — Твоя голова! Что у тебя с головой?

— Голова? — удивленно переспросил он, приложил руку к голове, а когда снова взглянул на ладонь, то увидел, что она в крови. Лицо его побледнело.

— Что за черт? — воскликнул он. — Что... — Он снова протянул руку к окровавленной голове, чтобы ощупать рану, но спохватился, явно боясь обнаружить что-то страшное...

— Вот это-то я и имел в виду, — сказал я, забрался в кузов и, склонившись над ним, попытался определить глубину раны. Но волосы были в запекшейся крови, так что я ничего не увидел.

— Чувствуешь боль? — спросил я, ощупывая его голову пальцами.

— Нет.., нет.., да! — вдруг взвизгнул он. Я убрал руки.

— Очень больно? — спросил я. Он явно был растерян.

— Кажется. Не очень, — ответил он. — Но я почувствовал, когда вы коснулись раны.

— Ладно. Приготовься, потому что сейчас я дотронусь до нее еще раз.

Я еще раз прошелся пальцами по его голове, жалея о том, что не сообразил захватить с собой бинты и воду. На сей раз он не дергался, значит, я, похоже, ухитрился не сделать ему больно. Все, что мне удалось нащупать, так это большущую шишку и сравнительно неглубокий порез.

— Скорее всего, ничего серьезного, — застенчиво сказал он, когда я наконец закончил осмотр. —

Кажется, в меня просто попали камнем.

— Все в порядке, — подтвердил я. Теперь мои руки тоже были перемазаны кровью. Я как можно тщательнее вытер их об джинсы. — Похоже, всего лишь шишка и царапина. Просто много крови. Если не возражаешь, я бы хотел, чтобы ты остался.

— Если так, то я останусь, — согласился он.

— Тогда порядок. Ричи!

Ричи поднял на меня глаза так медленно, словно я звал его откуда-то издалека.

— Ричи! Я хочу, чтобы ты отвел грузовик обратно в лагерь за туманную стену. Отвезешь назад девчонку и Уэйти, потом возьмешь бинты, антибиотики и канистру с питьевой водой и привезешь все это нам сюда. Ты меня понял?

— Ага... — как-то невнятно ответил он.

— Тогда давай действуй.

Он вылез вслед за мной из кузова, и я увидел, что он забирается в кабину и усаживается за руль.

— Ричи отвезет тебя обратно в лагерь, — сказал я девчонке и захлопнул дверцу со стороны водителя прежде, чем она успела ответить, — если только она вообще собиралась мне отвечать. Двигатель пикапа, все это время работавший на

холостом ходу, взревел. Ричи развернул грузовик, и машина исчезла в туманной стене, направляясь обратно в лагерь.

Я осмотрелся. Билл стоял ярдах в двадцати от меня. Рядом с ним стоял Порнярск, который, должно быть, пока я бегал в поисках девчонки, пришел из-за туманной стены. Они о чем-то болтали, глядя в сторону деревеньки. На правой руке у Билла беззаботно болтался автомат на ремне. С его стороны крайне неосторожно так расслабляться, подумал я. Мы отразили одно нападение, но не было никакой гарантии, что в любую минуту не последует новое.

Я пошел к ним. Для этого мне пришлось обойти мертвое тело одного из нападавших, который, очевидно, пытался взять штурмом пикап. Он лежал так, что обезьяньего лица не было видно, поэтому почему-то напомнил мне Уэйти. На мгновение я задумался, были ли среди его соплеменников те, на кого его смерть произвела такое же тягостное впечатление, как на меня смерть Уэйти. Но тут мои мысли — в тот момент я еще не очень хорошо контролировал свои мысли — снова вернулись к девчонке. К Эллен — теперь я должен помнить, что надо думать о ней, как об Эллен.

Это было даже странно. Ведь она была такой маленькой, худой и вздорной. Как я мог так ее любить? Откуда они взялись, эти мои чувства? Видимо, пока я не обращал внимания на то, что творится у меня в душе, она медленно росла там и постепенно заняла все имеющееся свободное пространство. Потом в мой плохо управляемый мозг вплыла, подгоняемая мысленным ветерком, другая мысль. А как же Мэри? Не могу же я просто дать ей от ворот поворот? Впрочем, возможно, беспокоиться и не о чем. Все, чего когда-либо хотелось Мэри, так это вытекающей из нашего партнерства защиты. Возможно, ее вполне удовлетворит чисто формальный титул супруги лидера. Ведь не существовало никаких законов и никаких причин, по которым я не мог бы иметь двух жен вместо одной. И никому, кроме нас троих, совершенно незачем будет знать, что Мэри моя жена лишь по названию... Но, разумеется, девчонке придется согласиться на это...

Но тут я как раз дошел до Билла и Порнярска, и мои размышления были прерваны. Оба все еще смотрели на деревню. Я тоже взглянул туда и, к своему удивлению, увидел, что она населена и в ней кипит жизнь. Черные, покрытые шерстью и напоминающие обезьян фигуры заполняли

улицы, входили и выходили из куполообразных домов. Большинство, похоже, было занято теми агрегатами, которые стояли у них под крыльцеобразными выступами крыш перед домами. Но было довольно много и тех, кто просто сидел в пыли — поодиночке или парами, — ничего не делая, а небольшая группка двигалась куда-то по центральной улице.

Они находились на расстоянии прицельного выстрела от того места, где стояли мы, да и нас троих им тоже явно было отлично видно, но они, тем не менее, не обращали на нас никакого внимания.

— Какого черта? — спросил я. — Разве это то же самое племя, которое только что напало на нас?

— Да, — ответил Билл.

Я посмотрел на него, ожидая продолжения, но вместо этого он кивнул на Порнярска:

— Пусть он тебе скажет.

Порнярск со скрипом повернул голову и искоса посмотрел на меня.

— Это экспериментальные животные, — сказал Порнярск, — из времени, отстоящего в будущее менее чем на сто лет от того, в котором находился ты до того, как разразился шторм времени.

— Ты знал о них? — При мысли об Уэйти у меня

перехватило горло. — Ты знал, что они поджидают нас, чтобы убить, и не предупредил?

— Я знал только то, что они экспериментальные животные, — сказал Порнярск. — Очевидно, частью их обучения являлось стремление нападать. Но если нападение не приносит успеха, они переключаются на другой вид деятельности.

— Возможно, — задумчиво начал Билл, — рефлекс нападения был выработан для борьбы с животными, а не с людьми того времени, когда их вывели, и они просто решили, что мы не относимся к людям, которых их приучили распознавать.

— Такое вполне возможно, — сказал Порнярск. — Кроме того, их могли обучить и тому, что если они напали и их постигла неудача, то они должны переставать нападать. Нечто вроде инстинкта самосохранения.

— Все это очень здорово, — сказал я, взяв себя в руки. — Уэйти мертв, а вы тут ведете светскую беседу о возможных причинах его гибели.

Билл обиженно взглянул на меня.

— Ладно, ладно, — сказал я. — Забудьте, что я это сказал. Я все еще никак не могу окончательно прийти в себя. Итак, значит, они экспериментальные животные, да?

— Да, — подтвердил Порнярск, — экспери-

ментальные животные, созданные с помощью генной инженерии для изучения определенных моделей поведения. Там на горе за их поселением лабораторный корпус, из которого за ними вели наблюдение и изучали их. Имеющееся в этом здании оборудование изначально было создано для работы с ними, но, с некоторыми изменениями и усовершенствованиями, является тем самым, что может помочь в преодолении локальных проявлений шторма времени.

Билл смотрел на меня в упор. Лицо его оставалось спокойным, но я буквально чувствовал в ровном голосе, которым он пытался говорить, бьющее через край возбуждение.

— Давай посмотрим на него, а, Марк?

— Хорошо, — согласился я. — Как только вернется пикап, мы съездим за джипом и попытаемся проехать на нем вон по тому пологому склону справа.

Глава 17

Единственный пригодный для проезда путь к вершине пролегал через главную улицу деревни. Когда Алан наконец вернулся на джипе, я оставил его в одиночестве, а сам с Порнярском и Биллом отправился вниз по склону в деревню. Въехав на центральную улицу, мы обнаружили, что по обе стороны от машины оставалось, должно быть, не больше чем по двадцать футов, поскольку эта улица — центральная, если ее можно было так назвать — была всего в два раза шире, чем остальные улочки селения. Поросшие шерстью лица не удостаивали нас даже взглядом, правда, за одним исключением. Под навесом одного из домов сидел седой, крупный и, очевидно, мужского пола — никто из них не носил ничего, кроме какого-то подобия офицерского ремня с пристегнутыми к нему ножнами, в которых помещались их ножи и какие-то похожие на небольшие инструменты, — экземпляр, глядя на нас из-под густых косм волос, свисающих из тех мест, где должны были быть его брови, и играя длинными пальцами с лежащим на коленях ножом. Правда, при этом

он не делал никаких угрожающих движений ни ножом, ни чем-либо еще.

— Смотрите, какой старик! — указал Билл стволом автомата на наблюдающего за нами пожилого аборигена.

— Вижу, — отозвался я. — И что с того?

— Ничего, — сказал Порнярск. Мой вопрос, в принципе, и не требовал ответа, но, возможно, он этого просто не понял. — Это Альфа Прим мужской части сообщества. И имя «Старик» очень ему подходит. Поскольку он Альфа Прим, его рефлексы или обучение диктуют ему немного другой образ действий, чем остальным. Но я не думаю, что он или его соплеменники будут вести себя враждебно, если только вы намеренно не вызовете у них антагонистическую реакцию.

— А что они все делают? — спросил Билл.

Я посмотрел в том же направлении, что и он. По левую сторону улицы тянулся ряд навесов, под каждым из которых находилось по одному-два экспериментала. Мне в глаза бросился один, который вращал нечто вроде прялки. Другой резал большой лист похожего на кожу материала, из которого были сделаны их портупеи, явно занятый изготовлением поясов. Но остальные работали с машинами, назначения

которых я не мог распознать, и либо не получали видимых результатов, либо эти результаты не имели для меня никакого смысла. В частности, один из них самозабвенно печатал на чем-то вроде двойной клавиатуры, но единственным видимым результатом были небольшие красные ярлычки, которые машина выплевывала через неравные промежутки времени в проволочную корзину. Работник не обращал на накапливающиеся ярлычки ни малейшего внимания, будучи полностью погруженным в процесс печатания как таковой.

— В каком-то смысле они самообеспечиваемые, — сказал Порнярск. — Кое-что из того, что они делают, обеспечивает их всем необходимым для жизни. Прочие же специфические действия производятся исключительно для научных целей — для изучения людьми, которые их сюда поместили.

— А где эти самые люди? — спросил я. — Мы можем вступить с ними в контакт?

— Нет. — Порнярск снова повернул голову, чтобы посмотреть на меня. — Они не здесь.

— А куда они ушли?

— Их больше нет, — сообщил Порнярск. — В той же степени, что и людей, которых ты знал до

столкновения со штормом времени. Ты, и Билл, и все остальные здесь, включая этих экспериментальных существ, являются теми, кто отправился в разные другие места.

Я на мгновение оторвался от созерцания улицы и взглянул на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что ты и подобные тебе являются людьми, которых шторм времени скорее переместил, нежели уничтожил, — ответил Порнярск. — Мне очень жаль, что некто вроде меня не в состоянии пока все это должным образом тебе объяснить. Во всяком случае до того, как ты поймешь, какие силы приняли участие и до сих пор принимают участие в темпоральных перемещениях. Помнишь, я говорил тебе, что темпоральные возмущения начались приблизительно за миллион лет в твоем прошлом?

— Помню, — сказал я.

— И то же самое началось через несколько миллионов лет в вашем будущем, — продолжал Порнярск. — Возможно, хоть это на какое-то время позволит тебе думать о шторме времени как о волновом фронте, пересекающем известное вам линейное время, которое по вашим представлениям простирается из прошлого в будущее,

под углом, причем таким образом, что одно и то же воздействие сказывается одновременно на вашем прошлом, настоящем и будущем.

— Почему же ты не рассказал нам всего этого раньше? — возмутился Билл.

— К сожалению, описанная мной картина на самом деле не истинна, — сказал Порнярск. — Вы забываете о проблеме масштаба. Если шторм времени напоминает набегающий на пляж морской прибой, то мы и наши миры в сравнении с ним меньше отдельных атомов в составляющих этот пляж песчинках. То, что мы воспринимаем как локальные эффекты, представляет собой явления, в очень малой степени отражающие истинную картину волнового фронта в целом. Я пытаюсь объяснить это лишь постольку, поскольку теперь особенно важно, чтобы Марк был в состоянии хоть отчасти представлять масштаб задействованных здесь сил.

Передние колеса джипа подпрыгивали на камнях. Мы миновали деревню и теперь опять ехали по целине. Я снова стал внимательно следить за дорогой.

Подниматься в гору даже по пологому склону дело довольно нелегкое, но джип отлично справлялся с задачей. Можно было заранее выбирать

путь между по-настоящему крупными валунами, которые преграждали нам дорогу. Проехав чуть больше половины пути, мы выбрались на относительно ровный участок твердой почвы и увидели озерцо, наполненное водой бьющего из склона горы родника. Мы остановились, чтобы немного отдохнуть, а я решил заодно и напиться воды, которая оказалась настолько ледяной, что у меня заныли зубы. Видимо, я даже не сознавал, насколько мне хочется пить, ну разве только совершенно подсознательно велел Ричи, помимо всего прочего, привезти канистру с питьевой водой. Он привез ее, но тогда я забыл напиться. Теперь же я испытывал такую жажду, будто дня два бродил по раскаленной пустыне. Я пил до тех пор, пока у меня не заломило челюсти, потом оторвался от родника, потом снова пил, подождал еще немного и снова стал пить.

Через некоторое время мы продолжили путь и наконец добрались до вершины горы, где стояло здание. Вблизи оно оказалось строением футов шестидесяти в диаметре с единственным входом и совсем без окон. Что-то вроде блокгауза на артиллерийском полигоне, только больше.

Вход был забран дверью, которая, стоило нам оказаться в шаге от нее, скользнула в сторону.

За дверью царила темнота, но тут же зажглись лампы, и мы увидели ярко освещенный круглый зал: посреди высился помост, по периметру тянулись боксы, в каждом находился укрепленный на стене пульт, перед которым стояло мягкое развернутое спинкой к центру зала кресло.

— Что это? — едва ли не шепотом спросил Билл. Он стоял рядом со мной и Порнярском на помосте, но, в отличие от нас, оглядывался по сторонам так, как будто хотел охватить взглядом все помещение сразу.

— Здесь находится то, — сказал Порнярск, — что в ваших понятиях можно определить, как компьютер. Это многоцелевая установка для ученых, делающих выводы из наблюдений за обитателями деревни.

— Компьютер? — голос Билла стал громче и резче. — И всего-то?

— Он действует не так, как привычные вам компьютеры, — сказал Порнярск. — Они созданы на принципах, которые использовались и в далеком будущем — в устройствах, о которых я упоминал, как о вспомогательных. Вам придется довериться мне, и я перенастрою эту установку так, что она сможет функционировать в режиме уже упомянутых устройств будущего, и ее можно

будет использовать для наших целей.

— Это для каких же? — спросил Билл.

— Вас это не касается, — ответил Порнярск. — Использовать ее будет Марк.

Они оба посмотрели на меня.

— И ты научишь меня? — спросил я Порнярска.

— Нет. Вам придется учиться самому, — сообщил Порнярск. — Если не сможете вы, значит, не получится ни у кого.

— Если он не сможет, попробую я, — напряженно произнес Билл.

— Если с устройством не получится у Марка, то вряд ли получится у кого-то другого, — отозвался Порнярск. — Скажите, Билл, вы сейчас чувствуете что-нибудь? Что-нибудь необычное?

— В каком смысле? — уставился на него Билл.

— Значит, ничего не чувствуете, — сказал Порнярск. — Я был прав. Впрочем, Марк и должен быть настроен на установку. Марк, что вы чувствуете?

— Чувствую? — эхом отозвался я вслед за Биллом. Но на самом деле я уже понял, о чем он говорит.

Сначала я решил, что, должно быть, мое состояние — последствия столкновения с обитателями

деревушки. Затем я подумал, что каким-то внутренним образом меня подстегивает любопытство насчет того, что находится в здании, но теперь я знал, что здесь скрывается. И вот сейчас, стоя на помосте в центре зала, я понял, что мои ощущения — нечто совершенно иное: больше всего это напоминало поток возбуждения, вливающегося в меня.

— Я чувствую какое-то возбуждение, — сказал я.

— Думаю, это нечто большее, чем просто возбуждение, — уточнил Порнярск. — До сих пор я мог лишь строить предположения, основанные на том факте, что Марк направляется в этот район, но в конечном итоге оказался прав. Порнярск надеялся лишь на то, что на этой планете удастся создать только крошечный островок стабильности — здесь, на этой территории. С кем-нибудь другим, вроде вас, Билл, это и было бы все, на что мы могли рассчитывать Но с помощью Марка нам, возможно, удастся добиться гораздо более внушительных результатов. Не исключено, что у него особые способности, которые позволят максимально эффективно использовать вспомогательное устройство.

— Слушай, а ты не мог бы придумать для него

более подходящее название? — сказал Билл. В голосе чувствовалось напряжение — настолько сильное, что он даже слегка подрагивал.

— А что бы вы предложили? — спросил Порнярск. Недослушав, я повернулся и вышел из здания через дверь, которая открылась передо мной и снова закрылась за мной. Я был один, вдыхал разреженный прозрачный воздух и наслаждался висящим высоко в небе солнцем. Что-то происходило во мне, и я ненадолго выкинул из головы все, включая и Эллен. Мои ощущения были похожи на жгучую, хотя и благотворную лихорадку, сильный голод, который следовало как можно быстрее утолить. Я чувствовал себя так, будто стою на пороге пещеры, наполненной несметными сокровищами.

То, что я испытывал, одновременно напоминало все это, но в то же время точно передать мои ощущения было невозможно. Будущее еще окончательно не оформилось, но я уже почти мог коснуться его и ощутить его вкус. Теперь я знал, что все остальное — вопрос времени. Важнее всего было это понять. И сейчас я мог ждать. Я мог работать. Я был способен на все. Ключи к моему королевству были под рукой.

Глава 18

После этого для меня началось сладко-горькое время — несколько недель, на протяжении которых Порнярск занимался оборудованием внутри здания, которое мы теперь называли «депо». Сладким оно было, поскольку я с каждым днем все явственнее чувствовал, как благодаря прикосновениями трех пальцев-щупалец, растущих из плеч Порнярска, постепенно возвращается к жизни вспомогательное устройство. И насчет меня аватара оказался совершенно прав. Настоящий Порнярск и не подозревал, что на нашей Земле может найтись кто-нибудь, обладающий способностью использовать устройство, не будучи физически подключенным к нему. Но, очевидно, я оказался каким-то уродом. Мне уже приходилось, пусть и подсознательно, ощущать своего рода ментальную связь с этим местом во время тех дней, что я был погружен в Мечту, когда я, сам того не сознавая, вел нашу группу по направлению к этому месту. Однажды я так и сказал Порнярску.

— Нет, — он покачал головой, — думаю, это

началось гораздо раньше. Должно быть, ты догадывался о его существовании и искал его с тех самых пор, как пришел в себя и понял, что мир изменился.

— Да, искал, — подтвердил я, — только не имел ни малейшего представления, что именно ищу.

— Возможно, — сказал Порнярск. — Но когда устройство будет готово, ты сможешь это выяснить, получив возможность проанализировать все свои действия и понять, что ты с самого начала подсознательно направлял каждый свой шаг к этому месту и этому моменту.

Я покачал головой. Бесполезно было пытаться объяснять ему, что я и до того никогда не был способен оставить в покое нерешенную проблему. Но дальше спорить с ним не стал.

Я был слишком сильно захвачен нарастающим во мне чувством — ощущением, что устройство помогает мне с каждым днем все сильнее. Оно было механическим лишь отчасти. Порнярск не мог или не хотел объяснить мне принцип его действия, хотя я часто наблюдал за тем, как он возится с маленькими разноцветными кубиками, из которых состояли внутренности семи пультов. Размером каждый кубик был приблизительно в четверть обычного детского кубика, и все они

были сделаны из какого-то твердого полупрозрачного материала. Внутри пульта они соединялись вместе в определенном порядке, и работа Порнярска, по-видимому, заключалась в том, чтобы этот порядок изменить и снова соединить их вместе. Очевидно, в каждом из пультов последовательность их соединения отличалась, и Порнярску приходилось перебирать множество вариантов, прежде чем он находил нужную комбинацию. Со стороны казалось, что он действует наугад, но, похоже, это было не так, и, когда я спросил его об этом, Порнярск нарушил свое правило не выдавать мне никакой информации и объяснил, что он согласует порядки расположения кубиков в соответствии с «установками», заложенными в центре его памяти, и подбирает комбинации, которые будут резонировать с монадой, которой являюсь я. Из этого можно было сделать вывод, что рабочими элементами были не сами кубики, а их комбинации.

Что бы он там ни делал и как бы успешно ни продвигалась работа, стоило ему соединить кубики в очередной комбинации, я немедленно чувствовал эффект. Это было похоже на то, как если бы к моему мозгу подключался очередной психогенератор. С каждой такой очередной до-

бавкой энергии, или силы, или не знаю уж чего там еще я начинал понимать все, что меня окружало, гораздо более ясно и глубоко.

Включая людей. С этим пониманием к сладкой стороне моей жизни добавилась горечь. Поскольку, по мере того как шаг за шагом росла моя восприимчивость, я начал понимать, что Эл-лен действительно собиралась уйти с Теком, как только моя работа с устройством будет завершена. Пока же она оставалась с нами и уговорила остаться Тека только ради того, чтобы они с ним могли взять на себя два пульта, что, как сказал Порнярск, придется сделать всем взрослым членам нашей группы, когда я предприму попытку обуздать шторм времени. Но после этого они оба уйдут, и никакие мои уговоры не заставят ее отказаться от этого намерения.

Но я так и не понял причин столь сильной ее привязанности к Теку. Ее чувства находились за пределами моего восприятия. Что-то мешало мне разобраться в них. Когда же я наконец спросил об этом Порнярска, он сказал, что я не могу прочитать ее чувства, поскольку сам испытываю к ней слишком сильные чувства. Если бы я даже и смог заставить себя понять, я бы узнал не то, что есть на самом деле, а то, что мне хотелось бы узнать. Я

получил бы совершенно ложное представление, и поскольку все то, что я воспринимал и понимал с помощью устройства, было частью истинного отражения вселенной, устройство давало мне только точную информацию. Соответственно, там, где никакой точности просто быть не могло, оно ничего мне и не давало.

Поэтому я был как бы рассечен пополам, и грань между триумфом и отчаянием с активацией каждого очередного пульта становилась все острее. Окончив работу с четвертым пультом, аватара предупредил меня, что существует предел повышения восприимчивости, которое я способен выдержать.

— Если почувствуете, что это становится невыносимым, — сказал он, — сразу же скажите мне. При излишней стимуляции вы можете уничтожить себя прежде, чем получите шанс использовать устройство должным образом.

— Хорошо, — сказал я. — Я понимаю, о чем ты говоришь. — И это действительно так и было. С каждым днем я чувствовал, как меня буквально распирает изнутри, как я постепенно приближаюсь к точке взрыва. Этой точки я еще не достиг, но мне хотелось пройти весь путь до конца, независимо от того, что случится потом.

Сильнее всего меня подхлестывала боль из-за неминуемого ухода Эллен. Теперь, когда устройство начало действовать, я уже отчасти был оторван от обычного мира. Мне не нужно было проверять себя, втыкая под кожу горящие щепки, чтобы понять, насколько менее важной для меня в последнее время стала моя физическая сторона. Я бы легко мог забыть о том, что у меня вообще есть тело. Зато соответственно в несколько раз по сравнению с обычным усилилось ощущение духовной стороны. И именно этой нематериальной частью своего естества я ощущал неотвратимую потерю Эллен куда более остро, чем если бы мне одновременно ампутировали руку и ногу.

И единственным способом избавиться от этого чувства грядущей утраты было полностью сконцентрироваться на расширении сферы моего знания. Поэтому я все раздувался и раздувался психически, стараясь убежать от того, чего не мог вынести, — а потом без всякого предупреждения с совершенно неожиданной стороны вдруг пришло избавление.

Была вторая половина дня, лучи заходящего солнца заглядывали внутрь депо, дверь которого мы, пока Порнярск работал с последним пультом, держали открытой. Кроме него в здании нахо-

дились только мы с Биллом. Мы открыли дверь, чтобы хоть немного разбавить строго кондиционируемую атмосферу зала свежим ветерком и солнечным теплом. Я сразу вернулся к воспоминаниям о том, что происходит снаружи, и на какое-то мгновение мои мысли снова обратились к Эллен.

Когда я снова вернулся к окружающей действительности, то увидел, что Порнярск и Билл пристально смотрят на меня. Порнярск что-то сказал. Я еще ощущал в ушах эхо его слов, но смысла уловить не успел.

— Что? — спросил я.

— Все готово, — сказал Порнярск. — Как вы себя чувствуете — в состоянии справиться с седьмым блоком? Не забыли о том, что я говорил по поводу неограниченности уровня воздействия предыдущих блоков? Их общее воздействие усиливается с подключением каждого следующего. Если сейчас вы близки к пределу, то эффект этого последнего включения может оказаться во много крат сильнее того, что вы испытывали до сих пор. И вы можете быть искалечены в самой жизненно важной своей сфере, нефизической, прежде чем успеете из всего этого выбраться.

— Знаю, знаю, — кивнул я — Давай.

— Ну что ж, — сказал Порнярск. Он потянулся одним из своих плечевых щупалец к пульту сбоку от себя и коснулся цветного квадратика.

С секунду ничего не происходило. Затем все вдруг начало с неимоверной скоростью увеличиваться. Я имею в виду буквально. Мне вдруг стало казаться, что половинки моей головы стали расходиться в стороны, охватывая все вокруг меня.., депо, вершину горы, деревню, все пространство между окружающими меня туманными стенами, все соседние с этой территории, континент, планету.., этому не было конца. Мало того, я не только охватывал все это, но и оно в свою очередь тоже росло и расширялось. Не в физическом смысле, а в смысле своего значения — обретало множество новых необычных аспектов, свойств и ценностей. Причем я сразу начинал понимать их все в трех измерениях, даже в тех случаях, когда до сих пор я никогда не замечал ничего более одной-единственной стороны их истинного облика. Теперь же все то, что я видел в них, во всех них, во всех вещах, включая и меня самого, было взаимосвязано.

Итак, я нашел путь назад. Стоило появиться мысли о взаимосвязанности всего сущего, и я снова оказался в Мечте, снова попал в пронизы-

вающую всю вселенную паутину. Только теперь ее нити располагались определенным образом. Я ясно мог читать их, и впервые они принесли мне внутреннее умиротворение. Поскольку я наконец понял, что могу сделать и как это сделать, как утихомирить локальные проявления шторма времени. Не только на этом небольшом кусочке земли вокруг, но и вокруг всей нашей планеты и Луны, и далеко в космосе на колоссальном расстоянии отсюда. Я ясно видел, что мне понадобятся значительно большие силы, чем те, которыми я располагаю, а еще я прочел в паутине, что успех будет кое-чего стоить. И ценой ему будет смерть.

Безразличные ко всему законы философской вселенной в данной ситуации и в подобном уравнении могли дать что-то только будучи уравновешены потерей чего-то. И одна из частей уравнения включала в себя жизнь.

Но я не боюсь смерти, сказал я себе, если удастся добиться результата. Кроме всего прочего, с момента первого инфаркта я в каком-то смысле жил заимствованным временем. Я оторвался от комбинаций нитей, которые изучал, и глубже вгляделся в структуру самой паутины, стараясь понять законы, на основании которых она функционирует.

Постепенно понимание пришло ко мне. Порнярск использовал слово «гештальт», описывая то, что, как он надеялся, я восприму, если подойду ко всей этой ситуации, рассуждая свободно и непредвзято, но тогда это слово не вызвало у меня ничего, кроме раздражения. Как мы все решили, аватара был представителем расы гораздо более продвинутой, чем наша, — то ли во времени, то ли в каком-то ином отношении. Я считал само собой разумеющимся, что никакие понятия человека двадцатого века не годились для объяснения того, с чем приходилось иметь дело Порнярску, и что он избегает их из боязни быть не правильно понятым.

Кроме того, термин «гештальт» был практически одним из самых популярных понятий психологии двадцатого столетия, словом, которым, пожалуй, чересчур часто — как верно, так и неверно — пользовались знакомые мне люди, желавшие выглядеть сведущими в крайне специализированных вопросах, глубоко изучить и понять которые у них никогда просто не хватило бы времени. Даже склоняясь к мысли, что аватара, скорее всего, воспользовался самым близким по значению к тому, что он имел в виду, человеческим словом, я все равно чувствовал,

что он мог бы выразиться гораздо более точными техническими или научными терминами.

Но потом, немного позже, он употребил слово «монада», и, вспомнив об этом, я вдруг начал понимать один важный факт. Силы шторма времени и устройство, которое он перенастраивал, чтобы дать мне возможность совладать с ними, относились не столько к физической или даже психологической, сколько к философской вселенной. Я был еще крайне далек от понимания того, почему это именно так, а не иначе. На самом деле в отношении всего этого я все еще был подобен ребенку из детского сада, который узнает о существовании светофоров, не имея ни малейшего понятия о социальной и юридической стороне его существования. Но с помощью вспомогательного устройства из будущего я по крайней мере наконец начал хотя бы ориентироваться в нужном направлении.

Коротко и не совсем точно говоря, в том месте, где мне предстояло иметь дело со штормом времени, единственными монадами — то есть единственными основными, неуничтожимыми строительными блоками или операторами — были индивидуальные разумы. Каждая монада была способна отражать или выражать всю все-

ленную со своей индивидуальной точки зрения. В принципе, каждая монада всегда потенциально выражала ее, но сия способность всегда была лишь возможной функцией, если только индивидуальный разум-монада не располагал чем-то вроде вспомогательного устройства для внесения или осуществления изменений в том, что она выражает.

Разумеется, для выражения изменений во вселенной и осуществления этих изменений одного желания было недостаточно. С одной стороны, все монады, вовлеченные в то или иное выражение какой-то части вселенной в каждый конкретный момент времени, помимо этого еще и влияли друг на друга, а следовательно, должны были приходить к согласию по любому изменению, которое они хотели выразить. С другой стороны, изменение должно проистекать из точки зрения монады, способной отражать всю физическую, а не только философскую вселенную, как вещь податливую и управляемую.

Сам по себе шторм времени был явлением физической вселенной. Используя крайне ограниченный набор терминов, которым Порнярск был связан в рамках нашего языка, он все же постарался объяснить мне, что он стал резуль-

татом энтропической анархии. Расширяющаяся вселенная продолжала расширяться до момента, когда паутина образующих пространственно-временную ткань сил не достигнет я не минует точки избыточного напряжения. Тут-то и начался распад. Распадаться начал сам пространственно-временной пузырь. Некоторые из разлетающихся в разные стороны друг от друга и от центра вселенной галактик, которые, разбегаясь, способствовали уменьшению энтропии, теперь снова начали сближаться, сжимая тем самым вселенную и создавая изолированные участки возрастающей энтропии.

Конфликт между противоположными энтропическими состояниями и вызвал шторм времени. Как следовало из сказанного Порнярском, в целом шторм был явлением слишком необъятным, чтобы можно было взять его под контроль силами монад, принадлежащих к нашему или даже к его времени. Зато вполне возможно было предпринять определенные действия, чтобы оттянуть его. Силы, вырвавшиеся на свободу в результате конфликта энтропических состояний, кое-где можно было уравновесить и, таким образом, замедлить нарастание всеобщего хаоса, выигрывая время на передышку. За это время разумы тех, кто занят

борьбой, смогут ввести в игру через соединение философской и физической вселенных куда более могущественные силы.

Я представлял собой отдельную (хотя, конечно, и усиленную другими семью за их переделанными пультами) и в принципе не особенно могущественную монаду. Но в то же время я был чем-то вроде уродца, удачливого в том, что мое уродство очевидно соответствовало нуждам момента. Именно поэтому я и мог помышлять, чем и был занят сейчас, о создании внутри шторма времени анклава, включающего не только всю Землю, но и ее естественный спутник, а не просто крошечного анклава, занимающего всего несколько квадратных миль окружающей нас территории, — максимум, на что надеялся Порнярск.

— Мне потребуется еще один переделанный пульт, — заявил я Порнярску. — Впрочем, можешь не беспокоиться, я могу переделать его и сам.

— Но за ним некому будет сидеть, — вмешался Билл.

— Это верно, — терпеливо сказал Порнярск. — В вашей группе всего семеро взрослых людей. Я в качестве монады выступать не в состоянии.

Маленькая девчонка тоже.

— Разве? — Я взглянул на аватару.

— Нет.., вообще-то, — сказал он, в первый раз проявив неуверенность. — Монада должна обладать не только живым разумом и личностью. Она должна обладать способностью отражать вселенную. Уэнди для этого еще недостаточно зрелая личность. Если бы можно было ее спросить, а она в состоянии бы была ответить, то она сказала бы что-нибудь вроде того, что для нее вселенная не есть что-то определенное. Она, с ее точки зрения, аморфна, непредсказуема, способна изменяться и постоянно удивлять ее. Для нее вселенная, как она представляет ее сейчас, куда больше походит на бога или дьявола, чем на механизм, управляемый естественными законами, — это нечто такое, чего у нее нет надежды ни понять, ни тем более контролировать.

— Хорошо, — сказал я. — Мне будет вполне достаточно и того, что она хотя бы отчасти является монадой.

— Такого быть не может, — сказал Порнярск. — Монада либо есть, либо ее нет. Но в любом случае, даже будь она монадой отчасти, такая неполная монада неспособна тебе помочь.

— А что, если она объединена с другой непол-

ной монадой?

— С какой другой неполной монадой? — спросил Билл.

— Со Стариком из деревни.

— Эта идея еще хуже, чем идея использовать Уэнди, — сказал Порнярск. Впервые с момента, как мы встретились с ним, в тоне его проскользнули нотки, выдающие нечто близкое к раздражению. — Экспериментaлы под горой являются искусственно созданными животными. Концепция вселенной вообще выходит за пределы их разумения. Они выдрессированы и кое-чему обучены, но их разумы представляют собой просто наборы рефлексов.

— Все кроме одного, — возразил я. — Порнярск, прошу тебя, не забывай — с помощью семи пультов я понимаю гораздо больше даже теперь, когда к ним не подключены монады. И в частности я понял, что Старик, возможно, и выведен в пробирке — или откуда они все там появились, но все же владеет каким-то представлением о «вселенной», пусть даже оно и ограничено лишь его родной деревней и квадратной милей или около того окружающих ее скал. Когда мы явились сюда и прошли испытание нападением, все кроме него немедленно приняли это как само собой разуме-

ющееся. Но только не Старик. По замыслу или случайно, но он обладает способностью оценивать все новое плюс, на основании этой оценки, принимать новые решения. И вряд ли вы будете утверждать, что он не взрослый.

Несколько мгновений никто не произносил ни слова.

— Не думаю, — наконец заговорил Билл, — что Мэри понравится мысль объединить Уэнди с существом вроде Старика.

— На самом деле ничего подобного не будет. Просто они оба будут подключены к пультам вместе со всеми остальными. Во всяком случае Мэри я все объясню.

— А как вы заставите Старика сотрудничать?

— А ему и не придется сотрудничать, — сказал я. — Приведу его сюда, подключу к одному из пультов и привяжу к креслу цепью Санди. Затем дам ему день или два привыкнуть к мысли о том, что он помогает, и к тому, что он связан с моим мозгом. Стоит только ему почувствовать преимущества, которые все это дает, держу пари — он быстро преодолеет свой страх и заинтересуется.

— Если вы попытаетесь насильно притащишь его сюда, — сказал Порнярск, — то определенно вызовете враждебность его приятелей-экспери-

менталов.

— Думаю, что смогу обойтись без этого. У меня есть одна идея.

С этим я оставил их и спустился обратно в разбитый у подножия горы лагерь. Там я отвязал Санди и отправился на поиски Мэри. Санди можно было отпускать с привязи только когда я сам там находился. За все то время, что мы были вместе, он не проявлял особой тяги охотиться, но его почему-то страшно заинтересовали экспериментал ы. В первый же день после того, как мы разбили лагерь у подножия горы, я застиг его подкрадывающимся к одному из обитателей деревни, который охотился среди скал, поэтому теперь, пока я был наверху, он сидел на привязи. Может, он и не собирался причинять вреда эксперименталу, но слишком живо еще было воспоминание о том, как он мягко крадется вперед, практически волоча брюхо по земле и подергивая хвостом.

Однако сейчас я отпустил его, и все время, пока я искал Мэри, он то начинал тыкаться в меня головой, то терся о мои ноги. Занятую стиркой Мэри я нашел вместе с Уэнди возле ручья у подножия горы.

Было явно не время заводить разговор о том,

что я собирался усадить Уэнди за один из пультов. Малышка наконец научилась доверять мне, и — неважно, насколько вы взрослый и одинокий человек, — если ребенок решает привязаться к вам, то вы не испытываете хоть какого-то эмоционального отклика, только если ваши собственные инстинкты находятся где-то за пределами нормального человеческого спектра. Все неожиданное или новое вообще, как правило, пугало Уэнди, а стоило проявить хоть малейшую озабоченность или сомнение по этому поводу еще и ее матери, как испуг малышки становился вполне определенным. Поэтому мою идею следовало представить Уэнди как можно мягче и только при посредстве Мэри. Пока же я заговорил с Мэри на совсем другую, хотя тоже достаточно важную тему.

— У тебя не осталось того бренди? — спросил я. Она положила в таз джинсы Уэнди, которые как раз выжимала, и стряхнула с рук воду. Брюки она, чтобы иметь возможность зайти в ручей, закатала до колен. От работы лицо ее раскраснелось, а волосы разлохматились. От этого она выглядела не то чтобы моложе, но какой-то более расслабленной и счастливой, чем обычно, и на секунду я почувствовал сожаление от того, что в

конечном итоге не могу любить вместо Эллен ее.

— А по какому случаю? — спросила она.

— Ни по какому, — сказал я. — Надеюсь выманить Старика из деревни сюда, чтобы затащить его в депо. Хотим попробовать его за пультом. Так у тебя остался бренди или нет?

— Да, — сказала она. — Сколько тебе нужно?

— Думаю, одной полной бутылки будет более чем достаточно, — сказал я. — Столько есть?

— У меня несколько полных бутылок, — сказала она. — Тебе нужно прямо сейчас, или я могу закончить стирку?

— Я хотел сходить в деревню до того, как стемнеет.

— Тогда я буду готова через пять минут.

— Отлично, — сказал я, уселся на камень и стал ждать. Как оказалось, закончила она минут через пятнадцать, а не через пять, но до захода солнца оставалось еще не меньше часа. Мы отправились к трейлеру, она вынесла мне неоткупоренную бутылку бренди, и я отправился в деревню.

Вся затея была обычной азартной игрой. Я не имел ни малейшего понятия о химии обменных процессов в организмах экспериментало. Судя по тому, что говорил Порнярск, скорее всего, они были выведены людьми будущего из крупных

обезьян, предположительно шимпанзе. Большую часть их диеты, похоже, составляли какие-то искусственно приготовленные съедобные кубики, которые появлялись изнутри одного из куполообразных домов. Но поскольку дом с виду был относительно небольшим, а запас кубиков — практически неистощимым, я склонялся к мысли, что там имеется нечто вроде подземного склада, а здание является просто входом в него. Однако дополнением к кубикам служила и другая пища. Экспериментали были, по крайней мере отчасти, хищниками. Днем они уходили в скалы вокруг деревни, чтобы с помощью своих метательных ножей охотиться на маленьких, похожих на грызунов зверьков, а потом либо ели их сырыми прямо на месте, либо приносили домой в деревню, чтобы съесть на досуге.

Все это лишь подтверждало возможность того, что их пищеварительная система и обмен веществ сильно напоминают человеческие. Но я не был твердо в этом уверен. Единственное, что я мог, — попытаться.

Когда я вошел в деревню. Старика на улице не было, но не успел я сделать и дюжины шагов по главной улице, как он появился из своего жилища, уселся у входа и уставился на меня. По пути

я сделал небольшой крюк и прихватил пару то ли чашек без ручек, то ли небольших мисочек, которые делал один из здешних ремесленников. Сначала я подумывал прихватить с собой пару чашек из лагеря, но потом решил, что Старик скорее предпочтет знакомую ему посуду. Я остановился на расстоянии около десяти футов от него, сел скрестив ноги на плотно утрамбованную каменистую землю и вытащил из внутреннего кармана куртки бутылку.

Я поставил обе чашки перед собой, налил в обе немного бренди, поднял одну, отхлебнул из нее и уставился на него.

Пожалуй, это был не самый удачный из званых коктейлей. Я делал вид, что пью, наливая себе в чашку как можно меньше, а в его — немного больше, и она постепенно начала наполняться. Старик продолжал глазеть на меня, очевидно, он был способен смотреть не мигая до тех пор, пока не станет совсем темно. Постепенно даже те небольшие порции спиртного, которыми я едва смачивал язык, начали оказывать свое действие. Я понял, что начал болтать. Я рассказывал Старику, какую замечательную штуку я пью, и приглашал его присоединиться ко мне. Я размышлял вслух о тех интересных открытиях,

которые он для себя сделает, если присоединится ко мне и мы станем друзьями.

Он лишь продолжал таращить глаза.

Постепенно вторая чашка наполнилась почти до краев, а солнце почти зашло. Больше я ничего сделать не мог. Я оставил чашки и открытую бутылку и поднялся с земли.

— Приятных сновидений, — сказал я и ушел. Снова оказавшись среди скал на безопасном расстоянии от деревни, я вытащил полевой бинокль и направил его в сторону хижины Старика. Было уже почти темно, а единственное, чего не было в деревне экспериментaлов, так это искусственного освещения. В сумерках его обитатели просто расходились по хижинам и появлялись только утром. Но сейчас, изо всех сил напрягая зрение, я по-прежнему смутно видел фигуру Старика перед хижиной. От напряжения у меня начали слезиться глаза, и когда я уже совсем готов был сдаться, то заметил слабый отблеск света на чем-то движущемся.

Это была бутылка, запрокинутая над головой Старика. Я издал безмолвный радостный вопль. Если только Старик не использовал бренди вместо шампуня или если его организм не отреагирует на алкоголь, как на речную воду, то

он мой.

Я ждал до тех пор, пока не взошла луна, затем сел в пикап и при лунном свете доехал по главной улице деревни до жилища Старика. Прихватив с собой фонарик, я вошел в хижину. Оказавшись внутри, я включил фонарик и увидел Старика. Он свернулся калачиком на чем-то вроде толстой циновки в уголке единственной комнаты, занимавшей все внутреннее пространство хижины. От спящего буквально разило бренди — он был мертвецки пьян.

Оказалось, что он не такой уж и легкий. Все экспериментальы по человеческим меркам выглядели мелкими и худыми. Но, очевидно, они состояли из одних костей и мышц. Тем не менее я все же ухитрился оттащить его в пикап и уложить в кузов. Затем я сел за руль и поехал обратно в лагерь.

В лагере я вытащил его из пикапа, снял с Санди цепь и загнал леопарда в кабину пикапа. Потом надел на Старика ошейник, цепь и перенес в один из джипов. К этому времени меня уже окружили люди, желающие узнать, что я делаю.

— Хочу проверить на нем оборудовании в депо. Он выпил почти полную бутылку бренди и скорее всего проспит до утра, но если вы будете так

шуметь, то разбудите его. Так что позвольте мне сначала отвезти его на гору, а потом я вернусь и все вам объясню.

— А мы уже поужинали, — доложила Уэнди.

— Шшш, — сказала Мэри. — Марк поужинает, когда вернется. Ты ведь ненадолго?

— Вернусь максимум через двадцать минут, — ответил я.

Я включил дальний свет и медленно поехал вверх по склону. Перегородки между пультами были укреплены на уходящих в бетонный пол опорах, к одной из которых я и привязал спящего Старика. Потом спохватился, взял из джипа фляжку с питьевой водой, которые мы всегда держали в каждой из машин, и оставил ее возле него. Если он напился, как человек, то скорее всего и похмелье у него будет, как у людей.

Затем я снова вернулся в лагерь, чтобы выпустить Санди, ответить на вопросы и поужинать.

Всем, кроме Порнярска и Билла, которые уже знали, что у меня на уме, по поводу похищения Старика я сказал полуправду, что, мол, хочу посмотреть, нельзя ли послезавтра, когда мы собирались попробовать задействовать аппаратуру депо, использовать его как частичную монаду. И только поздно вечером в трейлере, когда Уэнди

наконец заснула, я рассказал Мэри о том, что хочу попробовать использовать девчонку за одним из пультов. К моему удивлению, по мнению Мэри, это очень хорошая идея. Она сказала, что Уэнди совсем не с кем играть, кроме собак, и ей очень хотелось бы поучаствовать в делах взрослых.

Глава 19

Ночью я вроде бы спал, но совсем не отдохнул. Стоило мне закрыть глаза, как я снова оказывался среди нитей паутины, управляя переменчивыми силами шторма времени в нашем мире.

Я перемещался по ним, изучая их. Я уже знал, что мне нужно сделать. Довольно часто силы в выбранном мной районе на какой-то недолгий момент приближались к состоянию внутреннего равновесия. И если в нужный момент я буду готов бросить все силы, контролируемые другими восемью монадами против клубка противоборствующих сил, которые представляет собой шторм, я бы, возможно, смог привести этот крошечный участок шторма в состояние динамического равновесия.

Почему я говорю «возможно»? Я знал, что сделаю это, если только Уэнди и Старик с помощью устройства смогут достаточно усилить меня в качестве восьмой монады. Потому что мне нужна была не мощь, а понимание. Хотя я и теперь видел все задействованные силы очень ясно, мне нужно было видеть их еще яснее и в гораздо

более мелких подробностях. Сейчас, когда я фокусировал внимание лишь на небольшом районе, который, по мнению Порнярска, только и должен был привести в равновесие, то я видел все достаточно отчетливо. Когда же я вглядывался в шторм времени в целом, мелкие детали терялись. Но еще одна монада, и я смогу прояснить для себя и эти отдаленные расплывчатые силы.

Наконец я сказал себе, что мне всего-то и нужно дождаться утра, и постарался выкинуть всю эту проблему из головы. На сей раз это мне удалось, хотя еще неделю назад подобная проблема ни за что не оставила бы меня в покое. Но тут же мне в сознание подобно черному ворону ворвалась другая мысль.

Я прекрасно сознавал, что никогда не относился к тем людям, которых принято называть высокоморальными или, как сказал бы мой дедушка, «хорошими». Я всегда позволял себе делать то, что мне хотелось, разумеется, в определенных пределах, и никогда особенно не задумывался о судьбе других людей и ни за кого не тревожился. Но этические законы являются частью любой философской вселенной — иначе просто и быть не может. Согласовывалось ли с этими законами то, что сейчас я собирался вовлечь восьмерых людей

— даже девятерых, если относить к человеческой категории и Старика — в противоборство с таким чудовищным явлением, как шторм времени, руководствуясь исключительно своим собственным желанием все знать и все мочь?

Допустим, по моему мнению, ничего плохого с ними случиться не должно. Насколько мне было известно, единственным, кто подвергался реальной опасности, был я сам. Но бывает понимание, находящееся за пределами понимания. Возможно, существовала какая-то информация, которой я просто не располагал.

С другой стороны, не это беспокоило меня на самом деле. Я заглянул в себя немного глубже и обнаружил застрявший у меня в совести настоящий рыболовный крючок — не получивший ответа вопрос о том, что, знай я об опасности, грозящей остальным, оказалось бы это достаточной причиной, чтобы остановиться? Может, я все равно продолжил бы начатое, готовый принести их в жертву собственным желаниям?

Подобный вопрос выкинуть из головы оказалось гораздо труднее, чем проблему шторма времени, но в конце концов мне это удалось. Я неподвижно лежал с открытыми глазами до тех пор, пока рассвет не окрасил розовым занавеску,

которой было задернуто окно напротив нашей с Мэри койки.

Я встал и тихо оделся. Мэри по-прежнему спала, зато Уэнди проснулась и смотрела на меня.

— Спи, спи, — сказал я, и она безропотно закрыла глаза. Одевшись, я бросил взгляд на Мэри. Меня так и подмывало разбудить ее и сказать ей хоть несколько слов на прощание. Сказать и оставить ее в тяжелых раздумьях над какой-нибудь загадочной, но важной фразой, которая врежется ей в память. Она будет с тревогой обдумывать мои слова, задаваясь вопросом: а не могла ли она сделать для меня еще что-нибудь, отчего все пошло бы по-иному? Мне стало немного стыдно за себя, и я, стараясь не шуметь, вышел из фургона.

Утренний воздух был сух и прохладен. Несмотря на кожаную куртку, я зябко поежился и зажег примус, чтобы сварить себе кофе. Занимаясь этим, я все время подсознательно ощущал присутствие Старика. Он был подключен к консоли, а это означало, что и ко мне. Я чувствовал, что он уже проснулся и страдает от похмелья, которое я предвидел. Страдания приводили его в ярость, что я тоже чувствовал. Но наряду с бешенством в нем начинал пробуждаться интерес: его разум начинал ощущать меня, а через меня — обшир-

ную вселенную.

Я сварил кофе, выпил его и, взяв один из джипов, поехал к круглому дому. В зале, вокруг лежащего на полу Старика, все было загажено. Его рвало — мне следовало предвидеть такую возможность. Кроме того, он несколько раз мочился во сне.

Я быстро прибрался. Теперь, когда он проснулся, я испытывал достаточное уважение к его обезьяньим ручищам, чтобы держаться от них подальше. Но он не мешал мне заниматься уборкой, даже когда я приближался к нему вплотную, и не делал ни малейших попыток коснуться меня. Он по-прежнему не сводил с меня взгляда, но теперь в его карих глазах был заметен задумчивый блеск. По-видимому, он наконец понял, с кем связан его разум. Я чувствовал его присутствие в своем сознании, чувствовал, что он исследует нашу связь и обдумывает ситуацию. Мое предположение было верным. Теперь он был заинтересован. Но его разум все равно оставался чуждым для меня, гораздо более чуждым, чем даже разум Порнярска.

Я решил рискнуть, отключил его от консоли, отвязал цепь от опоры и вывел наружу, чтобы, если ему снова потребуется, справить нужду. Я

нашел камень, который даже ему определенно не под силу было бы сдвинуть. Нижняя часть валуна была тоньше верхней, так что привязанную к нему цепь нельзя было бы снять через верх, и привязал его к нижней части. Валун находился с противоположной от деревни стороны депо, поэтому отсюда он не мог видеть деревню, как и его не видно было от деревни. Разумеется, при условии, что его соплеменники обладали зрением достаточно острым, чтобы разглядеть кого-нибудь на вершине горы. Затем я оставил ему немного хлеба, открытую банку тушенки, полную фляжку воды и отправился обратно в лагерь завтракать. Он отпустил меня без звука, но его глаза все так же задумчиво и неотрывно наблюдали за мной до тех пор, пока я не скрылся из вида. По пути с горы в лагерь я чувствовал, как его разум пытается исследовать мой.

В лагере я достал бинокль и осмотрел деревню. Ее обитатели уже повылезали из домов и теперь занимались своими обычными делами. Похоже, никто из них не хватился Старика и не удивился его отсутствию. Значит, все в порядке. Я убрал бинокль на место и приступил к завтраку. Все остальные уже встали и завтракали, но в атмосфере лагеря чувствовалось какое-то напряжение.

Мне не хотелось ни с кем разговаривать, и остальные, кажется, это понимали. Пока я ел, никто меня не трогал. Никто, кроме Санди, который явно чувствовал, что происходит что-то необычное. Он не терся об мои ноги, как обычно, а бродил и бродил вокруг меня, раздраженно подергивая хвостом так, будто его нервы были охвачены ярким пламенем. У него был такой зловещий вид, что, когда Билл наконец направился в мою сторону, я начал за него беспокоиться.

Но Санди относительно спокойно пропустил его и принялся расхаживать теперь уже вокруг нас обоих, неотрывно глядя на Билла, и время от времени из его глотки вырывались какие-то певучие звуки.

— Не хотел тебя беспокоить, — практически шепотом произнес Билл — он явно не хотел, чтобы его услышали остальные.

— Да ничего, — сказал я. — В чем дело?

— Просто хотел, чтобы ты знал, — чуть громче произнес он. — Можешь на меня рассчитывать.

— Что ж, спасибо.

— Да нет, я серьезно, ты действительно можешь рассчитывать на меня.

— Спасибо. Но сегодня от тебя требуется одно — сидеть у консоли, чтобы дать мне возможность

тебя использовать.

Он с секунду смотрел на меня взглядом почти столь же возбужденным и странным, как у Санди.

— Ладно, — кивнул он и ушел.

У меня не было времени раздумывать. Нужно было запихнуть Санди в кабину пикапа и надежно его запереть. Но сегодня леопард вдруг заартачился. В конце концов пришлось запихивать его туда насильно, честя на все корки. Одной рукой я ухватил его за загривок, а вторую подсунул под брюхо. Я не решился попросить кого-нибудь еще, даже девчонку, помочь мне, поскольку леопард явно был в дурном расположении духа. Хотя в этот момент девчонка была занята — они с Мэри что-то делали в трейлере — и, возможно, даже позови я ее, она бы не пришла.

Наконец мне удалось засадить Санди в кабину и захлопнуть дверцу. Он тут же понял, что угодил в ловушку, и начал метаться по кабине, жалобно взывая ко мне. Я постарался не обращать внимания на издаваемые им звуки и, посадив свою команду в джипы, повел колонну к вершине горы. Мое подсознание уже работало, оценивая взаимодействие сил шторма в той степени, в какой я способен был их воспринимать. Реальная

картина происходящего за пределами лунной орбиты могла подождать до тех пор, пока все остальные не окажутся за своими пультами, подсоединенными ко мне. Мне показалось, что я уже и теперь получаю благодаря им преимущество, что было очень хорошим признаком. Либо с тех пор, как были подсоединены два последних пульта, я начал намного быстрее наращивать психическую мускулатуру, либо Старик оказался куда полезнее, чем я рассчитывал. В общем-то, в одном отношении он уже и так превзошел мои ожидания, поскольку я и сейчас чувствовал, что по-прежнему связан с ним так же сильно, как тогда, когда он сидел привязанный в депо.

Уэнди весело щебетала на заднем сиденьи джипа, но, стоило нам выехать на ровное место, откуда был виден круглый дом и уставившийся на нас Старик, сразу неуверенно замолчала. Но он удостоил всех лишь беглого изучающего взгляда и сразу сконцентрировался на мне.

Он знал, куда я собираюсь его отвести. Когда я отвязал цепь и повел его к двери круглого дома, он пошел за мной едва ли не с охотой. Когда мы оказались на расстоянии вытянутой руки от нее, она автоматически скользнула в сторону, и он тут же мимо меня бросился через порог к своему

пульту. Я подвел его к предназначенному для него креслу и на всякий случай привязал, чтобы он не мог дотянуться до тех, кто будет сидеть за соседними пультами.

Билл вошел следом за мной и, как мы обычно делали в последнее время, подпер дверь так, чтобы зал проветривался. Появились остальные и начали занимать места и подключаться к пультам, согласно указаниям Порнярска. Полоски темного материала, стоило обмотать их вокруг горла, легко слипались. Другой же их конец исчезал под поверхностью пульта и подсоединялся к кубикам внутри. Это было настолько просто, что казалось просто невероятным, не считая того, что полоска на ощупь теплая. По словам Порнярска, она была полуживым существом. Все соединения в депо осуществлялись с помощью подобных же полуживых полосок. Они действовали как проводники психической энергии. Если представить себе, что трубка, с помощью которой осуществляется переливание крови, живая и способна самостоятельно подключаться к кровеносной системе как донора так и реципиента, получится примерно аналогичная картина.

Полоски создавали какое-то очень уютное ощущение — нечто вроде одеяльца, в которое

кутается испуганный ребенок. Я отметил, что Уэнди, впервые с момента, как увидела Старика, просветлела, стоило Биллу обмотать полоску вокруг ее шеи. В центре комнаты у мониторингового пульта точно такая же дожидалась и меня, но мне, прежде чем включиться в систему, хотелось посмотреть, какую связь я смогу установить с остальными монадами без нее.

Билл и Порнярск подключили остальных, потом Билл подключился сам, а Порнярск отправился к мониторинговой установке. Подойдя к ней, он потянулся щупальцем к цветному квадратику, активировавшему все соединения. Его щупальце метнулось вниз, коснулось квадратика, и тут мы со Стариком неожиданно оба поняли, что нас ждет, когда произойдет активация.

Старик взвыл.

Его голосовые возможности оказались просто чудовищными. Все, кто находился в депо, были оглушены воем, напоминающим пожарную сирену и разносящимся из открытой настежь двери далеко вокруг. В ту же самую секунду щупальце Порнярска коснулось поверхности квадратика, и все соединения были активированы. Во мне буквально взорвался полный контакт со всеми остальными монадами, и тут же подобно стене

воды обрушилось полное восприятие сил шторма времени за пределами орбиты Луны. Вопль Старика оборвался. Я опомнился только у самой двери депо.

Поскольку вместе с контактом пришло полное понимание того, что сделал Альфа Прим и зачем. Я выскочил из депо и окинул взглядом крутой, усеянный валунами склон горы, спускающийся к деревне. Внизу он буквально кишел черными карабкающимися вверх фигурами.

Как Старику удалось связаться с ними — я не знал. Очевидно было, что каким-то образом это стало возможным благодаря его связи со мной и с пультом, но кроме того он использовал какие-то другие каналы общения со своими соплеменниками. Я понял только, что на самом деле он не призывал их на помощь. Он оказался способен лишь вызвать у них чувство тревоги, которое и бросило их на поиски среди разбросанных внизу валунов и погнало в направлении вершины.

Но теперь они услышали его голос. Затерянный в гештальте монад, частью которой мы с ним являлись — Порнярск все же оказался прав, используя это слово, поскольку группа, я и это место теперь объединились в одно целое, — разум Старика торжествовал. Он знал, что послал

свой призыв вовремя, что он услышан и к нему идет помощь.

Я развернулся и посмотрел внутрь депо через открытую дверь, хотя заранее знал, что именно увижу. Все сидящие за пультами люди были неподвижны и безмолвны. Казалось, никто из них даже не дышал, поскольку сейчас все оказались заключены в безвременном моменте — моменте, когда мы все оказались в контакте со штормом, и я на несколько мгновений задержался, чтобы изучить картину вызывающих его сил. Даже Порнярск замер в неподвижности, по-прежнему держа щупальце на включающем систему квадратике на мониторинговом пульте. Сейчас квадратик светился мягким розовым светом.

Я же все еще не был присоединен и мог передвигаться. Но соплеменники Старика окажутся здесь через двадцать минут, а все наше оружие осталось внизу в лагере.

Я будто со стороны наблюдал за тем, как мое тело резко развернулось, кинулось к ближайшему джипу, бросилось в него, завело, развернуло и бросило вниз по склону по направлению к лагерю. У меня было преимущество в скорости, но расстояние до лагеря было вдвое больше, чем оставалось вскарабкаться по склону эксперимен-

талам, а ведь еще предстоял обратный путь. Джип подпрыгивал и скользил по пологому склону, уворачиваясь и виляя среди самых крупных из попадавшихся на пути валунов. Его вело мое тело, но разум мой не мог оставаться с ним, поскольку я видел уже достаточную часть картины настоящего момента, чтобы точно определить искомую мной точку возрастающего давления. И точка эта проявится не позже, чем жители деревни успеют добраться до депо, а может быть, и раньше. Поэтому у меня всего-то и оставалось времени, чтобы изучить все задействованные силовые линии и убедиться, что единственный шанс добиться состояния равновесия использован.

Глава 20

В этот короткий безвременный момент, когда я наконец получил возможность воспользоваться возможностями нашего полного, составленного из монад гештальта, я изучал скорее не саму картину расположения сил в шторме времени, а отражение этой картины в философской вселенной. Отражение это было больше всего похоже на трехмерную картинку, снятую камерой с неимоверной выдержкой. Конечно же, конфигурация сил в шторме уже прошла целую серию изменений, стала совершенно иной и все продолжала меняться. Но теперь, при поддержке гештальта и вспомогательного устройства, я мог изучить прежнюю конфигурацию и рассчитать, какой эта картина станет в любой следующий момент будущего.

Практически в каждой из этих картин — в прошлом, настоящем или будущем — силы шторма времени в каждом отдельно взятом районе рано или поздно должны были прийти в состояние динамического равновесия. Однако самой по себе этой возможности было недостаточно. Прежде

всего, задействованные силы должны были быть очень близки к равновесию, причем с крайне незначительным допуском. В противном же случае относительно незначительной силы моего гештальта просто не хватит, чтобы подтолкнуть их к равновесию.

Но прежде всего мне нужно было как можно более подробно изучить все подлежащие исправлению нарушения равновесия, которое представляет собой идеальное состояние, поэтому шансы на то, что оно возникнет само собой, были настолько же малы, насколько необъятен сам шторм. Единственной причиной, по которой вообще было возможно хоть чего-то достичь, являлись сами свойства шторма времени, его тенденция постепенно дробиться на все более и более мелкие участки, которые в свою очередь дробились на еще более мелкие и так далее. Это была та самая характерная особенность шторма времени, которую Порнярск представил как самую страшную его опасность. Постоянный распад будет продолжаться, порождая все более и более мелкие темпоральные аномалии до тех пор, пока каждая отдельная частица не начнет существовать в своем собственном темпоральном моменте, отличном от того, в котором

существует соседняя. На самом же деле такая схема обладала серьезным преимуществом: процесс распада порождал все более мелкие аномалии внутри аномалий побольше — вроде миниатюрных ураганчиков в спокойных водах, являющихся глазами более крупных ураганов, поэтому, выбирая подходящий момент для начала действий, было возможно уравновесить силы, действующие в небольшой замкнутой аномалии, без необходимости иметь дело с по-прежнему неуравновешенными силами более обширной области возмущений, в которую она входит.

Разумеется, слово «ураган» на самом деле даже в малой степени не передает всего того, что имеет место при темпоральной аномалии. Подобная аномалия представляла собой выброс чудовищных сил, высвобождающихся в межгалактическом пространстве вдоль границы соприкосновения расширяющихся и сжимающихся галактик. Здесь же, на Земле, в своем наислабейшем — пока! — проявлении они охватывали район вроде того, в котором сейчас находились мы и эксперименталы; противоборствующие же силы существовали лишь там, где их присутствие было отмечено туманными стенами. С темпоральной точки зрения туманные стены являлись

зонами бурной деятельности. С физической, как мы установили, они представляли собой лишь слои слегка возбужденного воздуха и взвешенной в нем пыли, простирающиеся от поверхности земли вверх до того места, где они вступают в противоборство с другими силами одного и того же «урагана».

В моем философском видении туманных стен, представлявших собой силовые линии шторма времени, они представали передо мной в поперечном сечении, так что казались паутиной реальных линий, заполняющих трехмерное пространство, а пересечения же их при этом являлись элементами заключенного в них четырехмерного пространства. Но при ближайшем рассмотрении эти линии больше походили не на нити, а на застывшие в момент удара молнии. Что бы подобный их вид ни говорил об их истинных свойствах в физической вселенной, ясно было одно: они пребывают в движении, и в движение их приводят другие силовые линии, с которыми они взаимодействуют. Таким образом, картина постоянно меняется, расположение линий под действием существующего дисбаланса сил постоянно меняется.

Я уже знал общее направление, в котором раз-

вивалось и изменялось расположение линий в интересующем меня районе. Но теперь я рассматривал эти изменения, изучая целый парад следующих одна за другой конфигураций с целью выявить их специфические детали, найти среди них одну, которая даст мне возможность уравновесить действующие в ней силы прежде, чем экспериментaлы доберутся до депо. Я не мог сделать этого до тех пор, пока не вернусь с оружием и не отгоню карабкающихся сейчас вверх по склону существ, потому что из увиденного знал, как будут развиваться события не только повсюду, но и здесь. В одиночку, даже с оружием, я не смогу отогнать приближающихся экспериментaлов. Их более сотни, и на сей раз они не откажутся от своих намерений так легко, как в первый раз. В свое время их приучили не обращать внимания на депо. Теперь же Старик каким-то образом ухитрился разрушить у них этот рефлекс. Единственным, что могло бы остановить их, мог стать испуг, вызванный каким-нибудь страшным природным катаклизмом. Извержением вулкана, землетрясением — или метеорологической реакцией, последовавшей, если бы туманная стена, через которую мы проникли сюда, вдруг внезапно исчезла и атмосфера

района по ее другую сторону внезапно смешалась со здешней атмосферой.

Короче говоря, я должен успеть добраться до лагеря, взять оружие, вернуться назад и сдерживать их столько, сколько потребуется, чтобы успеть результативно использовать гештальт для установления равновесия сил. Мой разум лихорадочно изучал меняющиеся картины, проверяя и проверяя, а тем временем джип грохоча и подпрыгивая несся к лагерю у подножия горы.

Наконец в туче пыли машина влетела в лагерь и остановилась между палатками. Я выскочил из джипа, отпер дверь трейлера и нырнул внутрь.

Нагревшееся от жаркого спертого "воздуха внутри трейлера оружие было там, где мы всегда его держали — в кладовке, и там же на полке лежали патроны. Я схватил два дробовика и два самых мощных ружья, прихватив заодно и кучу патронов. Но, когда я решил прихватить и автомат, увидел, что его нет на месте.

Я провел в лихорадочных поисках, наверное, не меньше двух минут, ища его в самых невероятных местах по всему фургону, пока наконец не был вынужден признать, что автомат исчез. Кто же, интересно, ухитрился забраться в фургон, который мы с Мэри всегда запирали, если только

внутри не находился кто-нибудь из нас двоих? Но сейчас просто не оставалось времени гадать. Учитывая откидной приклад, оружие становилось достаточно компактным, чтобы вынести его под верхней одеждой, будь то мужчина или женщина. А ведь большинство из нас по утрам, отправляясь в депо, надевали либо куртки, либо просторные свитера. Я поспешно выскочил из фургона, не побеспокоившись запереть его за собой, в один прыжок очутился на водительском кресле работающего на холостом ходу джипа, надавил на газ и помчался обратно на вершину горы.

Только отъехав от лагеря примерно ярдов на сто пятьдесят, я вдруг сообразил, что там было как-то подозрительно тихо. Ведь все то время, что я доставал оружие, Санди находился там, запертый в кабине пикапа. Но я не слышал ни звука, несмотря на то, что он наверняка засек, как подъехал джип, видел и, возможно, даже чуял меня. По идее, он должен бы был поднять ужасный шум, пытаясь привлечь мое внимание, чтобы я подошел и выпустил его. Но никакого шума я не слышал.

Я проехал наверное еще ярдов двадцать или около того, прежде чем внутри меня внезапно

разлилось какое-то пустое, неприятное чувство. Тогда я развернул джип и снова помчался вниз к лагерю.

Чтобы все понять, мне даже не потребовалось выходить из машины. Картина была совершенно ясной. С расстояния в двадцать футов я увидел, что лобовое стекло пикапа лежит на капоте, издали похожее на стекло очков, потерянное каким-то великаном. Санди каким-то образом ухитрился выдавить его из рамы. И убежал.

Я точно знал, куда. Я вытащил полевой бинокль и принялся осматривать ведущий к круглому дому крутой склон. Крошечные темные фигурки экспериментaлов были уже больше чем на полпути к вершине. Ниже их я сначала ничего не заметил — но потом мне в глаза бросилось какое-то движение. Это был Санди, мчащийся вверх по склону, чтобы присоединиться ко мне у депо, где, как он, должно быть, рассчитывал, находился я. Причем несся он не по более пологому, но и более длинному склону, по которому я спускался в джипе, а прямо вверх по кратчайшему маршруту, так что его путь вскоре должен был пересечься с путем, по которому двигались обитатели деревни.

И он продолжит взбираться наверх. Если экспериментaлы не станут ему препятствовать, он

просто пробежит мимо. Но если только они попытаются остановить его, он будет убивать их до тех пор, пока не убьют его самого. И все равно до последней минуты будет стремиться прорваться наверх.

Верный мой дурачок! Там, куда он направляется, его не ждет ничего, кроме гибели, но, даже и знай он это, он все равно ни за что не остановится. Но сейчас я ничего не мог для него сделать. У меня не было времени даже думать о нем. Мне следовало думать о восьми людях и о судьбах целого мира.

Я снова развернул джип и рванул вверх по склону. Лучшее, что я мог сделать. Учитывая отделяющее меня от депо расстояние, становилось проблематичным успеть туда раньше экспериментaлов.

Теперь мои мысли были полностью заняты текущими картинами расположения сил шторма времени. Я видел, что нужная мне картина как раз и начинает формироваться. Конечно, пока я этого наверняка сказать не мог, но расположение было настолько близко к желаемому, насколько я мог рассчитывать в такое ограниченное время, которым мы сейчас располагали. Картина полностью сформируется буквально через считанные

секунды после того, как я доберусь до вершины.

Пока же мне не оставалось ничего другого, кроме как мчаться к депо. В нем все, даже Старик, заключенный в гештальт, по-прежнему были неподвижны. Большую часть внимания мне приходилось уделять выбору дороги.

Я вел машину как никогда в жизни. Я выжимал из джипа все до последней капли, хотя мне только-то и требовалось, чтобы он дотянул до вершины. Да, я не потерял ни секунды, но и выиграл максимум того, что мог выиграть, — считанные мгновения. Когда я в конце концов добрался до вершины, то понял, что все же опередил экспериментало в.

Я остановил джип возле открытой двери депо и забросил внутрь одно ружье, один дробовик и большую часть патронов. Затем я вытащил камень, удерживающий дверь открытой, — все это время мое сознание следило за формирующейся картиной шторма, которой я дожидался, отступил внутрь — дверь автоматически закрылась. В хижинах экспериментало в дверей не было. Возможно, они даже не знают, что такое дверь, и решат, что в депо нет входа. Если же дверь случайно откроется, то у тех, кто находится внутри, будет два ружья, которыми они, придя

в себя, смогут воспользоваться, поскольку через мгновение я либо выиграю, либо проиграю, и члены гештальта снова окажутся свободны.

Я несколько мгновений наблюдал, как закрывается дверь, и, когда повернулся, увидел первую обезьяноподобную голову, появившуюся краем склона ярдах в сорока от меня. Я схватил ружье и уже почти поднес его к плечу, когда понял, что не смогу стрелять. У меня не оставалось времени на выстрел. Нужный момент и расположение линий, которых я дожидался, уже обрушивались на меня. Я просто не мог терять времени на убийство. Все еще стоя с полувскинутым к плечу ружьем, я мысленно вернулся обратно в картину переплетения вселенских сил, в то же время продолжая видеть происходящее как будто сквозь обратный конец телескопа. Я видел, как темная фигура поднимается во весь рост и приближается, а за ней одна за другой появляются другие, и вот в мою сторону направляются уже четверо, не замахиваясь ножами для броска, а держа их в руках, как бы желая прикончить меня наверняка.

Это был последний момент. Расположение, которого я дожидался, готово сформироваться. Я почувствовал силу своего гештальта монад, и наконец меня пронзило чувство уверенности в

том, что задуманное получится. Четверо экспериментало́в были уже на полпути ко мне, и теперь я ясно понимал, что правильно понял картину расположения линий. Я смогу осуществить то, что собирался, а буря, которая поднимется вслед за исчезновением туманных стен, приведет экспериментало́в в панику, и они разбегутся. Но ценой всего этого будет моя жизнь. Я ждал этого и был готов.

Я стоял в ожидании экспериментало́в, а тем временем нужная картина всецело захватила меня. В последнюю секунду из-за края обрыва показалась совсем другая голова и ко мне метнулось другое тело. Это был Санди, но подоспел он слишком поздно.

Картина, которую я ждал, наконец взорвалась в моей голове, и момент настал. Я нанес удар, подкрепленный силой всего стоящего за мной гештальта. Ткань шторма времени содрогнулась, затрепетала и наконец стала единым целым — сомкнутая воедино равновесием сил. В тот же миг все происходящее вокруг вдруг потухло подобно перегоревшей лампочке.

Глава 21

Мир возвращался постепенно, капля за каплей. Я чувствовал, как меня овевает теплый ветер. Я чувствовал его на лице и руках, чувствовал, как он шевелит мою одежду. Ветер был довольно сильным, но не ураганным. Я открыл глаза и увидел, как по голубому небу несутся клочья изорванных ветром облаков. Я почувствовал спиной и затылком твердую, усыпанную камешками землю, а на правое мое бедро тяжело, как гиря, давил какой-то груз.

Я сел. Я был жив — и невредим. Вдали за краем обрыва, из-за которого появились экспериментали, больше не было туманной стены — только небо и бескрайние просторы. Я огляделся и увидел на земле четыре черных тела, лежащие практически в ряд. Ни одно из них не подавало признаков жизни, и, приглядевшись, я понял, насколько сильно они изорваны когтями и клыками. И наконец я опустил глаза и увидел Санди.

Он лежал, вытянув голову так, что она лежала на моей ноге, и из-за его плеча торчал один из листовидных ножей. По земле тянулся, должно

быть, пятнадцатифутовый кровавый след, оставленный им, когда он полуполз-полутащился ко мне. Челюсти было приоткрыты, а зубы и десны вымазаны кровью, причем явно не его. Глаза леопарда были закрыты. Веки не шевелились, челюсти тоже. Он лежал совершенно неподвижно.

— Санди! — позвал я. Но, поскольку его уже не было, он меня не услышал.

Я ничего не мог сделать, но все же как-то ухитрился приподнять его израненную голову и прижать к себе. Я был совершенно обессилен. Я закрыл глаза и некоторое время сидел, обняв его голову. Наконец вокруг меня послышались какие-то звуки. Я открыл глаза и увидел, что остальные, когда гештальт распался, вышли из депо и стоят, разглядывая новый мир. Мэри стояла рядом со мной.

Тек и Эллен находились футах в тридцати от круглого дома. По-видимому, он развернул джип и уже немного отъехал, собираясь вернуться в лагерь. Но потом почему-то снова остановился и сейчас вылезал из машины, с правой руки его небрежно, дулом вниз, свисало ружье, возможно, одно из тех, что я забросил в депо. Эллен уже вылезла из джипа и стояла в нескольких футах поодаль, глядя на него.

— Уходи, — говорила она ему в этот момент. — А я пока не могу. Теперь у него нет даже Санди.

Я вспомнил, насколько много для нее значил Санди в первое время после того, как я нашел ее. И насколько больше, чем можно было ожидать, он от нее терпел. Но она всегда любила его. А я — я воспринимал его как должное. Потому что он был полоумный. Безумный, безумный котяра. Но какое имеет значение, почему тебя любят, если тебя действительно любят? Вот только я никогда не осознавал, сколь большую часть своей души, до этого дня и часа, я отдавал ему.

Тем временем Эллен пошла прочь от Тека и джипа.

— Вернись, — сказал Тек.

Она не ответила. Она прошла мимо меня в депо через дверь, которая открылась перед ней. В сравнительно неярко освещенном пространстве зала она будто растворилась.

Губы Тека искривились, а лицо приобрело дикое выражение.

— Только без глупостей, — послышался напряженный голос Билла.

Я повернул голову и увидел его. Он был бледен, но решителен, а в руках держал один из дробовиков. Расстояние для дробовика было, пожалуй,

чересчур большим, но сомневаться в серьезности намерений Билла не приходилось.

— Если хочешь, уходи, — сказал он Теку. — Но только без глупостей.

Тек, казалось, как-то съежился. Плечи его бессильно повисли, вся нарочитая дикость разом покинула его, и теперь он выглядел страшно беззащитным.

— Хорошо, — бесцветным голосом произнес он.

Сказав это, он начал поворачиваться к джипу. Билл вздохнул, опустил дробовик, поставив его прикладом на землю, и устало оперся на него. Тут Тек неожиданно резко развернулся, поднимая ружье, ствол которого уставился прямо на меня.

Билл попытался было снова вскинуть дробовик, хотя движения его были явно чересчур медленными. Но в ту же секунду из депо послышался грохот выстрелов, и в дверном проеме появилась Эллен, держа перед собой автомат и стреляя на ходу. Отброшенный назад ударами пуль Тек налетел на крыло джипа и сполз на землю, выронив ружье.

Эллен прошла еще с дюжину шагов, но потом замедлила шаг и остановилась. Тек был мертв. Она уронила автомат так, будто ее руки уже за-

были, что вообще держали его, повернулась и направилась ко мне.

Все это время Мэри неподвижно стояла возле меня. Но, когда Эллен была уже всего в одном-двух шагах, Мэри попятилась и исчезла из моего поля зрения. Эллен опустилась рядом со мной на колени и обняла руками и меня, и безмолвную голову, которую я все еще прижимал к себе.

— Все будет хорошо, — сказала она. — Все будет просто замечательно. Вот подожди, сам увидишь.

Глава 22

Мы выиграли. Впрочем, в сущности, выиграл весь мир, поскольку замораживание движения линий времени в положении динамического равновесия было завершено для всей планеты. Что же касается лично меня, то за этим последовал довольно странный период, во время которого я частично был не в себе, а потом совершенно искренне старался сойти с ума.

Учиться жить в новых условиях и переживать период приспособления к новому физическому положению вещей выпало на долю остальных, чем они и занимались. Отчетливых воспоминаний о месяцах, последовавших непосредственно за изменением положения, у меня не сохранилось. Это был период, когда дни и ночи переключались вокруг меня, как по воле электровыключателя: свет — тьма, свет — тьма, свет — тьма. Весна сменилась летом, лето — осенью, а осень — зимой, но все это не имело для меня никакого значения. Когда настали холода, я все равно сидел на улице в джинсах и куртке, если только девчонка или Мэри не одевали меня со-

образно погоде, не давая замерзнуть и не дать умереть с голоду, — ставили передо мной еду и следили, чтобы я ее съел.

Реальностью для меня все это время являлось то, что было сосредоточено у меня в голове, во вселенной, где серый туман безразличия ко всему лишь изредка поднимался, чтобы дать мне ощутить физическое страдание и испытать чувство вины. Ведь Санди любил меня — единственное в мире существо, которое когда-либо по-настоящему меня любило, — а я его убил.

Порнярск на основе существующих в его родном времени и месте знаний почти сразу же сотворил самое настоящее техническое чудо, хотя от этого мне не стало легче. Он создал нечто вроде силового пузыря, внутри которого в стасисе хранилось исколотое ножами изуродованное тело Санди, что-то вроде некриогенной анабиозной камеры. Порнярск сказал мне, что не может вернуть Санди к жизни, но, поскольку теперь время стало для нас переменной величиной, всегда существует вероятность, что со временем мы вступим в контакт с кем-то, кто будет знать, как это сделать. Он говорил мне это много раз, терпеливо повторяя одно и то же, чтобы информация, преодолев завесу тумана, все же достигла моего

сознания. Но я не верил ему и, однажды взглянув на его творение, отказывался даже близко подходить к стекловидной энергоскорлупе, в которой покоилось мохнатое неподвижное тело.

Источником моего чувства вины, хотя никто об этом не подозревал, было ощущение ответственности за смерть Санди. И еще частичное осознание того, что мне всегда не везло с теми, кто пытался со мной сблизиться. В этом я уже имел возможность убедиться на опыте, но в глубине моей души притаилось куда более мрачное подозрение, что в тех случаях, когда я не в состоянии был оттолкнуть чью-то любовь, я всегда ухитрялся по крайней мере уничтожить ее источник. И сейчас осознание ответственности за смерть Санди такое мое подозрение только подтверждало.

Это подтверждение было моим личным чистилищем. Никто, даже Порнярск, как будто не подозревал, что я способен подсознательно воспользоваться моментом обуздания шторма времени, чтобы избавиться от единственного существа, раздражавшего меня своей преданностью, ответить на которую у меня не хватало душевных сил. Но сам-то я знал правду. Знал — и каждое утро снова и снова просыпался с этим

знанием. Я проводил с ним долгие дни длинных последовавших за победой над штормом времени месяцев и каждую ночь засыпал с ним.

В моем понимании, я допустил не простой, а заранее рассчитанный промах. Что делало его заранее задуманным грехом. Это убийственное обвинение виделось мне написанным в облаках над моей головой днем и светилось, невидимое ни для кого, кроме меня, на темном потолке ночью. Если я был способен учитывать все факторы шторма времени, а это было именно так, сразу вставал вопрос, почему же я не уделил хоть малую толику времени выяснению влияния факторов взаимодействия человека и животного, приведших к гибели Тека и Санди.

А не сделал я этого потому, денно и нощно шепотом твердил мой внутренний голос, что желал их смерти. Особенно смерти Санди, поскольку, продолжай он жить и повсюду следовать за мной по пятам, со временем и другие смогли бы обнаружить, что у меня там, где у всех остальных людей находится сердце, царит полнейшая пустота. И тогда их осенит, что на них мне так же точно наплевать, и они отвернутся от меня, поскольку с подобным человеком никто не может чувствовать себя в безопасности.

Вот так я и повторял сам себе все это на протяжении полутора лет после шторма времени и, повторяя, постоянно балансировал на сером краю безумия, потому что теперь, наконец познав себя, я стал самому себе невыносим. Какая мрачная шутка судьбы, отправившей меня в жизнь без единственной необходимой, невидимой части, которая только и могла бы сделать меня человеком, а не роботом из плоти и крови. Внутренне я бешено кидался на стены своего разума, громкими воплями возмущаясь несправедливостью обстоятельств, сначала благополучно выведших меня из сложнейшего положения, когда я просто не сознавал, каким же эмоциональным калекой я был, а потом сведших меня с этим фактом лицом к лицу.

А именно это и произошло. Со времени внутреннего взрыва в моем сознании, происшедшего, когда я наконец понял, что Свонни больше нет — она умерла и исчезла, исчезла совсем, — последовала цепочка сравнительно более мелких озарений. Серия небольших поворотов, постепенно развернувших меня на сто восемьдесят градусов и наконец позволивших мне увидеть себя в мысленном зеркале во весь рост и разглядеть проступающие из-под пластиковой кожи

металлические кости, увидеть тусклый свет лампочек, освещающих мертвенным искусственным светом полированные впадины моих глазниц.

И только тогда я осознал, что происходило в моем подсознании все это время.

Только Свонни смогла понять, насколько мало во мне было человеческого. Поначалу мне казалось, что те двое, которых я подобрал, сумасшедшая девчонка и полоумный кот, не представляют для меня угрозы и моя тайна останется при мне. Никто бы не смог потребовать от меня проявлять к ним какие-либо чувства. Но потом появилась Мэри, а вместе с ней и смутное, но навязчивое подозрение, что она ощущает мой недостаток. Потом появился Билл — еще один нормальный человек, наблюдавший за мной и делавший свои выводы. Потом — Порнярск, который, возможно, тоже — пусть не по-человечески — почувствовал это. А после того, как мы столкнулись с эксперименталамиками, которые по определению также должны были быть существами без душ, любой из окружающих меня настоящих людей в любой момент мог вдруг сказать себе: смотри как он относится к Санди! Разве не кажется тебе, что такие проявления привязанности и доброты характерны для эксперименталамиков?

Но самая большая опасность исходила от переросшей свое безумие девчонки. Слишком долгое время она знала и меня, и Санди. Судя по некоторым признакам, она знала меня даже лучше, чем можно было предположить. С одной стороны, мне хотелось, чтобы она всегда была рядом, но если я чего-то не предприму, скорее всего именно она и окажется тем человеком, который, наблюдая за мной и Санди, в один прекрасный день сложит два и два, после чего я стану ей не нужен и потеряю ее навсегда.

Конечно, в принципе Тек и так грозился увести ее, тем самым решив бы все проблемы, пусть и не совсем желательным для меня образом. Внутренне я сознавал, что Тек мне не соперник. Он никогда не представлял собой настоящей угрозы. Была целая дюжина способов, как я мог исключить его из этой ситуации, вплоть до выслеживания, его убийства и ее насильного возвращения. Нет, единственным, кого следовало убрать, был Санди, и я позаботился об этом. Просиживая наедине со своими мыслями дни и ночи напролет, я скорбел — нет, не по нему, а скорее по себе самому: насколько же тяжело наконец осознать, что я представляю собой на самом деле, после того как я столь долго и успешно это от

себя скрывал!

Остальные относились ко мне с бесконечным терпением. На их месте я бы, наверное, пристрелил себя, вырыл могилу, закопал тело и тем самым избавился от лишнего рта, который нужно кормить, и от лишней одежды, которую нужно стирать. Но ведь они были не такими и терпели меня, позволяя мне делать все что угодно и приходя за мной только когда наставала пора есть или ложиться спать. Благодаря этому у меня было уединение, которого я жаждал.

Или, по крайней мере, оно было у меня очень долго. Но потом его стали нарушать. Даже не знаю, когда я впервые заметил это, возможно, я и прежде видел невдалеке темную поджарую фигуру, но некоторое время просто не обращал на нее внимания. Однако настал день, когда я заметил, что Старик сидит в тени большого валуна, тогда уже снова наступило лето, ярдах в тридцати выше по склону от того места, где сидел я, и пристально смотрит на меня.

Помню, тогда я удивился, как ему удалось освободиться. В моем подсознании, он все это время сидел на привязи в круглом зале депо. Вероятно, решил я, через какое-то время его отпустили, чтобы он мог вернуться к своим собратьям экс-

периментaлам. Но мне страшно не хотелось выползать из окутывающего мое сознание серого тумана и спрашивать кого-нибудь, поэтому я решил просто не обращать на него внимания. Он просто сидел и смотрел на меня, а его ограниченному мозгу, думал я, это занятие очень скоро надоест, и я избавлюсь от него.

Я решил игнорировать его.

Но ему все никак не надоедало глазеть на меня, и он не уходил. Постепенно я начал сознавать, что если я даже и не вижу его, он все равно постоянно находится где-то поблизости от меня. Причем он не только всегда находился поблизости, но и расстояние между нами, на котором он усаживался, все сокращалось.

Я понятия не имел, зачем ему это нужно, мне просто хотелось, чтобы его не было. Мне хотелось, чтобы меня оставили в покое все, в том числе и это жалкое подобие человека. Однажды — теперь он обычно усаживался не далее чем в двадцати футах от меня — я как можно незаметнее положил руку, скрытую от него моим телом, на камень размером со среднее куриное яйцо, стиснул его в кулаке и стал ждать. Через некоторое время, заметив, что его внимание на мгновение отвлеклось — как выяснилось, я

оказался не прав, — я замахнулся и изо всех сил швырнул в него камень.

Он поднял руку и поймал его на лету.

Причем поймал с такой легкостью, что больше я никогда даже не пытался чем-нибудь в него кинуть. Двинулась только его рука, даже плечо не шевельнулось. Длинная жилистая рука поднялась и позволила камню влететь в ладонь. А потом он уронил его, избавился от него, просто разжав пальцы, и все это время его глаза неотрывно смотрели на меня.

Когда это случилось, я почувствовал, как во мне закипает какая-то темная злоба, и ее оказалось достаточно, чтобы частично вернуть меня к жизни. Моим первым порывом было сказать Биллу или кому-нибудь из остальных, чтобы его снова посадили на цепь. Но потом меня осенило: ведь если я таким образом выдам, что уже не так погружен в себя, остальным захочется, чтобы я окончательно вернулся и снова стал человеком, а это снова могло бы привести к тому, что мой секрет рано или поздно будет раскрыт.

Я решил избавиться от Старика самостоятельно и принялся строить планы, как лучше это сделать. В конце концов я разработал сравнительно простой, но эффективный план. Как-нибудь,

оставшись один, я возьму один из револьверов и буду прятать под рубашкой до тех пор, пока не представится случай пристрелить его. А потом, когда все сбегутся выяснить, кто устроил пальбу, я скажу, что Старик давно собирался напасть на меня, и в конце концов мне не оставалось ничего другого, как убить его в порядке самозащиты.

Достать оружие никакого труда не составило. Револьверы и большая часть ружей хранились в трейлере, где жили я, девчонка, Мэри и маленькая Уэнди. На следующее же утро после того, как я разработал свой план, я взял короткоствольный револьвер 32-го калибра и засунул под рубашку за пояс брюк. Рубашка была довольно просторной и скрывала очертания спрятанного под ней оружия. Потом я, как обычно, едва поковыряв завтрак, покинул остальных и отправился в скалы на свое обычное место примерно в полумиле от лагеря.

Возникло искушение отойти от лагеря дальше чем обычно, так далеко, чтобы звук выстрела не услышали остальные. Но теперь, когда я окончательно решил убить Старика, я побоялся вести себя не как всегда, поскольку это могло вызвать подозрения. Поэтому я отправился на свое обычное место и уселся, привалившись спиной к

валуну и греясь на утреннем солнышке. Вскоре я заметил устроившегося менее чем в тридцати ярдах от меня Старика.

Я сидел, как сидел, делая вид, будто не замечаю его. Через некоторое время я под каким-то предлогом взглянул в его сторону и увидел, что теперь он сидит гораздо ближе, чем раньше, возможно, раза в два ближе. Забавно, но мне ни разу не удавалось заметить, как он перемещается. Когда бы я ни смотрел на него, он всегда уже сидел и был неподвижен, будто пребывал в такой позе несколько часов.

Утро понемногу приближалось к дню. Он переместился еще ближе ко мне, но и этого «ближе» было для меня недостаточно. Наконец Старик оказался менее чем в пятнадцати футах от меня и вряд ли рискнул бы еще сократить дистанцию между нами, но он находился слева и чуть позади меня, поэтому для осуществления своего намерения мне пришлось бы одновременно повернуться к нему и вытащить револьвер. Два движения, которые, как я был уверен, вспугнут его, и он мгновенно спрячется за одним из раскиданных вокруг валунов.

Этот день так ничем и не закончился. Я сидел. Он сидел.

Единственное, чем этот день отличался от проведенных нами, так это тем, что впервые мои мысли не были погружены во внутренний туман. Я то и дело исподтишка поглядывал на него и прикидывал, существует ли возможность подманить его настолько близко, чтобы не промахнуться.

Однако он никак не желал помочь мне осуществить задуманное. На следующий день все повторилось. Как и на следующий тоже. Наконец я понял, что он либо слишком осторожен, либо не доверяет мне и поэтому старается приближаться ко мне только когда я не смотрю. Значит, мне придется выжидать до тех пор, пока он не окажется на расстоянии вытянутой руки или как-либо иначе подставит себя под выстрел. Я утешался тем, что мне требуется только терпение. В один прекрасный день он все равно окажется достаточно близко, поскольку расстояние между нами с каждым днем сокращалось. В конечном итоге, чтобы стать подходящей для меня мишенью, ему потребовалось три недели, и за эти три недели со мной стало происходить что-то странное. Я вдруг понял, что мне даже начинает нравиться положение, в котором мы с ним оказались. Я по-прежнему находился в плену собственных несчастий, как муха, заблудившаяся в лесу липу-

чек, но теперь, движимый охотничьим азартом, я научился проскальзывать между липкими полосками. В один из дней у меня в памяти вдруг всплыло стихотворение, которое я читал еще ребенком и о котором не вспоминал много лет. Это было стихотворение Редьярда Киплинга «Баллада о Бо Да Тхоне» — разбойнике, которого вот уже несколько недель преследуют английские солдаты, и пара строк из него отлично подходила к тому, что происходило между мной и Стариком:

И уж конечно, кабы не было погони,
То не было бы закадычнее друзей,
Чем Бо и эти парни, что в погонах...

И тут я впервые почувствовал, что Старик начинает мне нравиться, пусть лишь постольку, поскольку заставляет меня хоть чего-то желать.

Однако в конце концов настал день, когда — уголком глаза — я скорее даже не увидел, а почувствовал, что он сидит на корточках едва ли не на расстоянии одной из моих вытянутых рук и уж точно — одной из своих.

С такого расстояния я не должен был промахнуться, стреляя в него из револьвера, а у него вроде бы не оставалось ни малейшей возможности уклониться от пули. Но, как ни странно,

теперь, когда он оказался именно там, где мне хотелось, я более чем когда-либо боялся спугнуть его или каким-нибудь образом промахнуться. Я был застенчив, как мальчишка во время первого свидания. Мне страшно хотелось повернуться и взглянуть на него, но, чтобы сделать это, мне потребовалось бы напрячь всю свою волю. Долгое время я не мог заставить себя повернуть голову в его сторону. Потом, когда солнце поднялось выше, я начал поворачивать голову, но так медленно, будто был каменной статуей, которой на это движение требовались долгие столетия. Солнце уже висело над нашими головами, а я все еще не смотрел прямо на него, хотя краешком левого глаза уже смутно видел контуры его похожей на какое-то темное облако или пятно фигуры.

Все это время я медленно просовывал руку между двумя нижними пуговицами рубашки до тех пор, пока мои холодные пальцы не легли на теплую кожу живота, а кончики тех же самых пальцев не коснулись твердого изгиба полированной рукояти револьвера.

Стоял полдень, время обеда, но мне было страшно нарушить захватывающее чувство момента. Поэтому я продолжал сидеть на месте, не возвращаясь в лагерь, и Старик продолжал сидеть,

и солнце продолжало ползти по небу, и я продолжал медленно, болезненно, почти против своей воли поворачивать голову. Я был похож на человека, захваченного какими-то чарами. Я уже начал бояться, что день закончится, а я так и не успею повернуть голову настолько, чтобы встретиться с ним взглядом и приковать его внимание на те считанные секунды, за которые я успел бы выхватить револьвер и пристрелить его. Довольно странно, но в этот момент у меня из головы вдруг вылетели все причины, по которым я собирался убить его. Я почему-то чувствовал, что просто обязан сделать это, как канатоходец, который просто должен перейти пропасть по тонкой проволоке, и все.

Потом, сам не знаю почему, напряжение вдруг ослабло, и я запросто повернул голову, причем так быстро, как мне хотелось.

Я резко повернулся и взглянул прямо на него.

Это оказалось настоящим потрясением. Я совершенно забыл, что никогда раньше не разглядывал его лицо. На меня столь же внимательно уставилось заросшее черной шерстью антропоидное лицо, с застывшим на нем выражением невозмутимой печали гориллы. Оно находилось от меня на таком же расстоянии, на каком могло бы

находиться лицо приятеля, сидящего напротив меня за ресторанным столиком. Но лицо Старика было сплошь покрыто черной шерстью, на нем резко выделялись красные ноздри, желтоватые зубы и желтые глаза — такие же желтые, как и глаза Санди.

На мгновение взгляд этих глаз буквально парализовал меня. Они как-то по-новому сковали мою душу, и на мгновение мне показалось, что этого оцепенения мне никогда не стряхнуть. Но затем я сделал отчаянное усилие и сказал себе, что это вовсе не Санди, даже не что-либо подобное ему, и тут же почувствовал, как рука снова автоматически потянулась к револьверу.

Мои пальцы сжались на рукояти. Я вытянул оружие из-за пояса брюк, все это время глядя ему прямо в глаза, которые не меняли своего выражения и по-прежнему были устремлены прямо на меня.

Это был момент вне времени. Мы оба застыли в неподвижности, как мухи в куске янтаря, замершие и неспособные шевелиться, только моя рука с оружием продолжала жить своей жизнью, все сильнее сжимая рукоять и начиная поднимать револьвер, чтобы нацелить в маячащее передо мной лицо. В этих движениях была какая-то

неизбежность. Даже окажись я связанным на пути движения гигантской жертвенной колесницы-джаг-гернаута, я и то не чувствовал бы себя в столь обволакивающем плену обстоятельств.

Через секунду все будет кончено.., но в эту самую секунду Старик потянулся и положил ладонь мне на рубашку и на сжимающую револьвер руку, лишая меня таким образом возможности двигаться.

Давление руки было умеренным, можно сказать — ласковым прикосновением. Я сразу почувствовал таящуюся в его пальцах силу, однако он не схватил меня за руку, а просто положил свою поверх моей движением, каким я в свое время мог бы остановить делового гостя, пытающегося выписать чек за обед, на который его пригласил. Этот жест вряд ли помешал бы мне вытащить револьвер и застрелить его, реши я твердо довести дело до конца. Но, по неизвестной мне причине, ему удалось легко меня остановить.

И вот тогда-то я впервые посмотрел, нет — глубоко заглянул прямо ему в глаза.

Я несколько раз бывал в зоопарках и пытался посмотреть в глаза животным. Теперь в мире больше не осталось зоопарков, да и вряд ли им суждено когда-нибудь появиться вновь. Но тем

не менее когда-то они существовали, и я глядел с расстояния всего каких-то нескольких футов в глаза сидящим в клетках животным, особенно большим кошкам, человекообразным обезьянам, медведям и волкам. Было в этих глазах нечто, напрочь отсутствующее в глазах моих собратьев-людей. Животные взирали на меня с «другого края вселенной». Возможно, что взгляд их мог быть любящим, возможно, что в отчаянных ситуациях он мог сверкать яростью и гневом, но теперь мне, человеку, он казался страшно далекими — отделенным от меня пропастью, преодолеть которую не под силу ни человеку, ни зверю. Глаза их не оценивали меня и были исполнены безнадежности.

Продолжай они жить и сведи нас судьба лицом к лицу, они расправились бы со мной, использовав всю свою силу. Умирай я у них на глазах, они бы попросту смотрели, как я умираю. Вне зависимости от того, кто я — их заклятый враг или лучший друг, — они все равно не в силах были мне помочь. Их глаза были глазами созданий, запертых в одиночной камере своего собственного черепа на протяжении всей жизни. Оставаясь животными, они не знали о существовании разума и не ведали о возможности общения,

которую любой человек принимает как должное, даже если он или она окружены смертельными врагами.

Глаза Старика были именно глазами плененного животного. Но к этому примешивалось кое-что большее, предназначенное для меня одного. Это не было любовью, какую испытывал ко мне Санди; своеобразное, но не менее сильное чувство.

Старик и его племя, рожденное в пробирках, были созданы так, что находились на грани человечности. Они балансировали на зыбком краю обладания душами. И ближе всего к пониманию этого был Альфа Прима, сам Старик, поскольку именно он был самым умным, самым сильным и самым любознательным. К тому же ему довелось составлять единую со мной монаду в тот момент, когда остановили локальные проявления шторма времени. На самом деле он разделил эти переживания со мной одним еще до того, как включились остальные люди. Тогда он впервые в жизни познал возможность общения, и это, должно быть, породило в нем неутолимый голод. Я понял, что все это время он пытался вновь установить со мной связь.

Вот почему он искал встречи со мной, малопомалу, день за днем приближаясь — до тех пор

пока наконец не оказался от меня на расстоянии вытянутой руки. И он не только сидел на расстоянии вытянутой руки от меня, но и сделал сейчас умоляющий жест, остановив руку с револьвером, из которого, как он наверняка знал, я собирался его убить.

В моей душе все перевернулось. Потому что я вдруг понял то же, что понял и он. С самого начала, благодаря тому что мы с ним пережили в момент укрощения шторма времени, он понимал меня гораздо лучше, чем я мог подозревать. Он знал, что я не хочу его видеть рядом с собой. Он знал, что мое желание освободиться от его присутствия может грозить ему гибелью. И он отлично знал, что я собираюсь сделать, когда моя рука исчезла под рубашкой.

Я знал его достаточно, чтобы понимать, насколько ничтожна моя сила по сравнению с его, — при том, что весили мы примерно одинаково. Ему не составило бы ни малейшего труда отнять у меня револьвер. Он легко мог сломать мою руку или придушить меня одной левой. Но ничего этого он не сделал. Вместо этого он, как никогда в своей жизни, был близок к тому, чтобы просить меня не убивать его, просить принять его, стать его другом.

В этот самый момент я осознал, что он — насколько бы странным это ни казалось и насколько бы ни было невероятным, что он может оказаться способным на такое после одного-единственного разделенного со мной в составе монады момента, — лучше всех остальных понял, какие чувства испытывал ко мне Санди и какие чувства испытывал к нему я. Я прочитал это в его глазах, и тут меня наконец озарило.

Я был прав в том, что являлся человеком, не знающим, как любить. Но, несмотря на это, я ошибался, когда говорил себе, что не любил полоумного кота. И все это я понял совершенно внезапно, в тот момент, когда передо мной сидел на корточках Старик, рука которого лежала на моей рубашке, на том месте, где я держал револьвер, из которого собирался его застрелить. Шлюзы в моей души не выдержали, и прорвавший их поток понес меня к берегам человечности.

Глава 23

Потом я долго сидел и плакал, а Старик пережидал сотрясающую меня бурю эмоций, как, наверное, сидя на корточках в пещере, пережидал бы грозу. Рассудок, стоило мне прекратить рыдания, вернулся ко мне. Во всяком случае, вернулся настолько, насколько его, при данных обстоятельствах, можно было ожидать. В лагерь мы спустились вместе со Стариком, и с этого момента большую часть дневного времени он открыто проводил со мной.

Я долго размышлял над тем, что произошло, и наконец понял: ему удалось расколоть ту толстую скорлупу, которой я окружил себя. Она явилась реакцией на душевное перенапряжение, потребовавшееся от меня, чтобы справиться с силами, задействованными при использовании монад. После гибели Санди мой мозг, пытаясь уберечься от безумия и распада, отключился от действительности до того времени, когда заживут душевные раны. Самое главное, я пришел к выводу, что, если хочу продолжить борьбу со штормом времени, мне предстоит сделать еще

очень многое.

Вернувшись в окружающий мир живых людей, я, к своему удовольствию, но некоторой внутренней растерянности, обнаружил, что окружающие люди все это время прекрасно обходились без моей направляющей руки. Более того, за это время я стал правителем некоего маленького королевства — но это было лишь первым из поджидавших меня открытий.

За те полтора года, на протяжении которых я был всецело погружен в себя, произошло очень многое. Во-первых, мир снова стал миром. С исчезновением вызываемой движущимися линиями времени интерференции люди на разных континентах снова получили возможность общаться при помощи коротковолновой радиосвязи, в результате чего те, кто пережил шторм, выяснили, что людей осталось значительно больше, чем предполагали. Северная Америка теперь представляла собой лоскутное одеяло, наспех скроенное из сравнительно небольших королевств, вроде моего собственного. Исключением являлось лишь западное побережье, от Калифорнийского залива до Британской Колумбии в Канаде. Эти западные земли, протянувшиеся на восток до самого Денвера, а в некоторых ме-

стах и еще дальше, теперь представляли собой монархию, во главе которой стояла женщина, называвшая себя Императрицей. Императрица была родом с Гавайских островов, которые пострадали от движущихся туманных стен и сдвигов времени значительно меньше остальных районов планеты. В отличие от девяноста восьми или даже девяноста девяти процентов потерь, в среднем понесенных всем остальным миром, острова лишились не более чем двух третей своего населения. Императрица была уроженкой острова Гавайи и с помощью разношерстной, наспех сколоченной армии установила контроль сначала над островом, а затем захватила все остальные острова и западное побережье Северной Америки.

Англия и Ирландия практически обезлюдели. Большая часть Северной Европы также превратилась в пустыню из-за недолгого, вызванного сдвигами времени ледникового периода. Большую часть континента покрыл надвинувшийся из-за Полярного круга и дошедший до центральной части Франции ледяной панцирь. Сейчас льдов уже не было, но население сохранилось лишь там, куда льды не дошли. Вокруг Средиземного моря и на побережье Северной Африки

существовали разрозненые, практически не связанные друг с другом семейные общины. С остальной Африкой, как и с Южной Америкой, связь установить не удавалось, из чего Билл заключил, что эти районы планеты скорее всего полностью опустошены.

Россия, Индия и весь остальной Восток также понесли колоссальный ущерб. В результате существовавшие там государства, по-видимому, вернулись в мирное, близкое к средневековому аграрное состояние, и на этих бескрайних просторах сохранились лишь отдельные деревушки. Австралия и Новая Зеландия потеряли практически все свои города, зато сохранили на удивление большое количество людей, проживавших во внутренних районах островного континента. Однако все эти люди, даже при том, что они имели возможность общаться с остальным миром при помощи многочисленных радиопередатчиков, были так рассеяны, что, в сущности, представляли собой лишь отдельные семьи, живущие в полной изоляции.

Билл даже нарисовал большую карту сохранившегося мира, теперь красовавшуюся на стене в одной из комнат выстроенного без какого-либо плана и постоянно достраиваемого здания, ко-

торое члены моей группы привыкли называть летним дворцом. Сооружение было довольно странным на вид, а при строительстве были использованы самые разные материалы: дерево, камень и бетонные блоки, которые грузовиками доставили из полуразрушенного городка милях в тридцати отсюда, где имелся бетонный завод. Внутренние помещения дворца в основном представляли собой цементные полы и голые стены, но Билл оказался достаточно искусным архитектором и предусмотрел системы освещения, отопления и вентиляции. Думаю, мне было известно о существовании карты во дворце и раньше, но прежде, до того дня, когда Старик извлек меня из моей скорлупы, я не проявлял к ней ни малейшего интереса. Я был действительно поражен тем, как представители человечества сумели так быстро связать свои рассеянные по самым далеким уголкам мира остатки, да еще за столь короткий срок.

Побочным продуктом моего возвращения к реальной жизни явилось и еще одно открытие. Наш новый мир был сам не свой до любых новостей, и одной из главных тем этих новостей являлся я сам. К этому времени все те немногие сохранившиеся обитатели планеты, у кого

имелись радиоприемники, знали, кто именно привел в равновесие локальные проявления шторма времени. Было известно как я выгляжу, кто мои заместители и как у нас идут дела. Меня считали, с удивлением понял я, своего рода симбиозом Эйнштейна и Наполеона. И кроме того, общепланетной знаменитостью номер один. Такое внимание в обычное время изрядно польстило бы моему самолюбию. Однако, при данных обстоятельствах, все это казалось пустым звуком. Все равно что я короновался бы Владыкой всея Земли на практически пустом стадионе, где лишь на первом ряду сидят человек пять и горячо аплодируют. Осознав это, я выкинул из головы свою мировую известность и полностью сосредоточился на делах насущных.

Как ни забавно, но я, всегда считавший, что брак для меня — состояние совершенно невыносимое, теперь оказался обладателем сразу двух жен. Разумеется, формально я не состоял в браке ни с той, ни с другой, но во всех практических отношениях они были самыми настоящими моими женами, в том числе и в глазах окружающих. Мэри и Эллен — я был готов побиться об заклад с кем угодно, что не было прежде таких двух женщин, которые смогли бы ужиться друг

с другом. Мэри была разговорчивой, самой обыкновенной и, возможно — она так и не сказала мне, сколько ей лет, — старше меня. Девчонке все еще было явно меньше двадцати, она была почти до ненормальности молчаливой и не признавала никаких условностей или правил, кроме своих собственных. Я не понимал, что у них может быть общего, и не раз ломал голову над этой загадкой, но ответа так и не нашел.

Однако они умудрялись удивительным образом объединяться, когда действовали против меня. Одним из типичных тому примеров могло послужить то, как они повели себя вскоре после моего воссоединения с миром живых. Все то время, пока я был более или менее не в себе, они заботились обо мне буквально как о трехлетнем ребенке. Теперь же, когда разум вернулся ко мне, они, вместо того чтобы попросту вести себя так же, как и раньше, по-видимому, решили дать мне понять, что дни, когда за мной ухаживали, кончились.

Все бы ничего, реши они попросту вернуться к образу жизни, который мы вели до того, как удалось обуздать шторм времени. Но теперь они почти настолько же предоставили меня самому себе, насколько раньше не спускали с меня глаз,

что зачастую доходило просто до смешного.

Например, на протяжении всего периода полного погружения в свои внутренние проблемы я, кроме редких случаев, был существом практически бесполым, вроде евнуха. Когда же я снова стал нормальным, ситуация, разумеется, совершенно изменилась. В тот день, когда Старик помог мне вернуться к жизни, я поймал себя на том, что с нетерпением жду ночи и возможности уединиться в трейлере. Я никогда не стремился оказаться в постели более чем с одной женщиной и был не совсем уверен, с кем мне больше хотелось бы провести ночь — с девчонкой или с Мэри. Но я знал совершенно точно, что одна из них мне нужна. У них было более чем достаточно времени договориться между собой, но, когда я пришел в трейлер, Эллен там не было, а укрытая одеялом Мэри лежала на кровати спиной ко мне.

Я нежно подул ей в ухо, чтобы разбудить, повернул к себе лицом. Она проснулась, но ничего хорошего из этого не вышло.

— Не сегодня, — сонно пробормотала она и, накрывшись одеялом едва ли не с головой, снова заснула.

Раздраженный, я вышел из трейлера и отправился искать Эллен. Вскоре я обнаружил ее в

спальном мешке под деревом, к которому на расстоянии вытянутой руки было прислонено ее ружье. После неудачи с Мэри часть розовой пелены с моих глаз уже спала. Я коснулся рукой спального мешка, она тут же открыла глаза и приподнялась.

— Что ты тут делаешь? — спросил я.

— Сплю, — ответила Эллен. — Спокойной ночи.

Она закрыла глаза и опустила голову обратно на подушку.

Сердитый и по-мужски уязвленный, я отправился восвояси. Неужели я им настолько безразличен? Ведь я снова стал нормальным, а и той и другой на это, похоже, ровным счетом наплевать. Как будто они предпочли бы, чтобы я оставался тем же безмозглым полуидиотом, что и на протяжении последних восемнадцати месяцев.

Я вернулся в трейлер, открыл шкафчик, в котором хранилось спиртное, и вытащил бутылку самогона. Прихватив ее, я отправился к лесу на дальнем краю полянки, возле которой стоял трейлер и высился полудостроенный летний дворец, и решил устроить себе маленький праздник, напившись в одиночестве. Но у меня ничего не

вышло. Чем больше я пил, тем больше у меня тяжелела голова, но лучше я себя не чувствовал. Наконец я сдался, вернулся в трейлер и буквально рухнул на свою холостяцкую койку, даже не удосужившись разуться.

Неужели они так же относились ко мне все эти полтора года, обиженно думал я до тех пор, пока не отключился.

На следующий день я проснулся поздним утром, во рту у меня пересохло, голова раскалывалась, и тут мне впервые пришла в голову мысль, что им, наверное, все это время тоже приходилось несладко. Если я все это время был без женщины, то им тоже приходилось обходиться без мужчины. Или нет? Но, как я понял, думать об этом мне не хотелось, хотя на всякий случай я мысленно и сделал пометку со временем найти ответ на свой вопрос. Я встал, умылся, побрился, переоделся и вышел наружу.

Они не только не захотели разделить со мной постель, но я и не обнаружил никаких признаков приготовленного для меня завтрака. Само собой, я сам мог себе его приготовить, просто я привык к тому, что меня кормят едва ли не с ложечки, и переход к нынешнему состоянию полной заброшенности оказался для меня резким и излишне

грубым. Однако в холодильнике трейлера, питавшегося от стоящего на улице бензинового генератора, оказался ледяной сок, яйца и консервированная колбаса. Я приготовил себе вполне приличный завтрак, поел и тщательно прибрал за собой — пусть не думают, что я не могу быть самостоятельным, — и снова вышел: оглядеться и понять что к чему.

Возле летнего дворца никого не было, ни девчонки, ни Мэри, ни даже Уэнди. От прошедших месяцев у меня осталось смутное впечатление, что Уэнди из робкого маленького создания превратилась в живую юную и все дни напролет чем-то занятую особу.

Я вернулся во дворец, прошелся по комнатам; в той, где на стене висела карта, находился Билл, увлеченно склонившийся над чертежной доской. Не считая карты и кульмана, в комнате было еще три больших картотечных куба, самый обычный заваленный бумагами письменный стол, да вдоль одной из стен тянулись книжные стеллажи.

— Привет, — сказал я Биллу.

Он оторвался от работы, отложил карандаш и линейку и слез с высокого табурета, на котором сидел. Мы обменялись торжественным рукопожатием.

— Как дела? — спросил он.

— Отлично, — ответил я, оглядывая комнату. — Просто отлично. Смотрю, вы без дела не сидели, — заметил я.

— Само собой, — ответил Билл, — дело всегда находится.

— Насколько я понимаю, большая часть работы легла на ваши плечи.

— Ну что вы, — помотал он головой, — я при всем желании не смог бы взвалить всю работу на свои плечи. На самом деле, чем я занимался, так это обучением, обслуживанием техники, снабжением и тому подобным. А большую часть повседневной работы взяли на себя Мэри и Эллен. Мэри просто прирожденный руководитель, а Эллен...

Он замолчал.

— Продолжайте, — заинтересовался я. — Вы хотели сказать, что Эллен...

— Ну, по-моему, она — прирожденный генерал, — осторожно сообщил он. — Или, возможно, следовало сказать — прирожденный полководец. Именно благодаря ей все наши умеют обращаться с оружием и никто из соседей не осмеливается прийти к нам и отобрать у нас то, что мы имеем.

— Соседи? Какие соседи? — спросил я.

— Ну, — сказал он, — к северу и северо-западу от нас это Райаны и Потерянное Колено. К западу это Уоллинстадт. К югу и немного к востоку — Билли Проджек и его племя. Впрочем, беспокоиться нам нечего, даже если они все и объединятся против нас.

Он мельком взглянул на меня.

— Теперь с нами почти шестьсот человек, — сказал он.

— Шестьсот!

Я ушам своим не верил. На протяжении последних полутора лет я, конечно, смутно представлял, что ряды нашей небольшой коммуны пополняются, но всегда считал, что нас все равно не более тридцати, максимум пятидесяти. Шестьсот же человек в нынешних условиях представляли собой маленькую нацию.

— Откуда же они все появились? — спросил я.

— Некоторые слышали о нас еще до исчезновения туманных стен, — сказал Билл. — Или узнали от других, странствуя по континенту. Наша группа по тем временам была довольно большой — и, кроме того, сравнительно неплохо обеспеченной. Поэтому, после того как прекратились сдвиги времени, желающие постепенно начали примыкать к нам. Некоторыми двигало любопытство, а

кое-кто давно хотел присоединиться к нам.

Он указал на картотеку.

— Все зарегистрированы, данные на них хранятся здесь, — отчитался он. — Если захотите, можете прочитать биографию любого из этих людей до того момента, когда он присоединился к нам. Месяцев девять назад я заставил всех заполнить анкеты с полным набором сведений, и теперь, прежде чем принять нового человека, мы заставляем его делать то же самое. Здесь у меня не только биографии, но и группа крови, сведения о здоровье, о профессии и разная другая информация, которая может представлять интерес.

Я покачал головой. Насколько все же по-разному мы с ним мыслили. Последнее, о чем бы я подумал, имея на руках такую большую группу людей, так это об их прошлых профессиях и о группе крови. Но Билл думал именно об этом, поскольку его мышление было исключительно упорядоченным.

— Я здесь не нужен, — сказал я. — Вы прекрасно справляетесь сами.

Теперь уже он покачал головой.

— Мы лишь поддерживали машину на ходу — на холостом ходу — с тем чтобы вы, придя в себя, куда-нибудь ее направили, — сказал он. — Хотите

посмотреть, как мы тут живем?

— Да, — ответил я.

Мы вышли из комнаты, и он повел меня по коридору летнего дворца, в котором я еще не успел побывать — или просто этого не помнил. Мы пересекли коридор и вышли на улицу. На площадке у выхода стояли джип и фургончик. Билл уселся за руль джипа, я устроился рядом с ним.

— Порнярск устроил лабораторию позади летнего дворца, — сообщил Билл, задом вырулил с площадки, развернул джип и погнал вниз по склону холма. — Думаю, визит к нему стоит оставить на сладкое. А сначала я покажу вам все остальное.

Мы миновали рощу и оказались там, где раньше была деревня экспериментало. Я не был здесь с тех пор, как мы остановили шторм времени, и теперь моим глазам открылось удивительное зрелище. Деревня была обнесена проволочной изгородью с широкими воротами, в которые запросто мог проехать грузовик. Сейчас эти ворота были распахнуты настежь. На равнине за деревней виднелся поселок, который в нынешних условиях можно было назвать настоящим городом — вновь отстроенным городом, где было все — от блочных домов до палаток.

— Со временем, — громко рассказывал Билл, стараясь перекричать шум двигателя, пока мы ехали по проселочной дороге, — со временем мы собираемся перейти к единообразной застройке. Но пока приходится предоставлять новичкам при строительстве полную свободу. Единственное условие — их жилище и образ жизни не должны противоречить нашим санитарным нормам и местным законам.

— А кто следит за порядком? — спросил я.

— Все служат в милиции и, соответственно, по очереди исполняют полицейские функции, — ответил Билл. — Это вотчина Эллен. Лучше спросите у нее. Она с самого начала следит за порядком, и у нее все идет без сучка без задоринки. Насколько я понимаю, у нас намного более организованная община, чем где-либо еще. Впрочем, это и неудивительно, ведь у нас здесь только те, кто очень хотел к нам примкнуть. Люди уверены, что вы и дальше будете творить чудеса и что все они в конце концов либо станут хозяевами нового мира, либо получат возможность пользоваться всеми благами прежней цивилизации.

— И все это потому, что нам удалось остановить шторм времени? — спросил я.

— Скорее сказывается влияние ситуации, —

сказал Билл, как всегда отчетливо выговаривая каждое слово. — Лучше представьте это себе таким образом: вы — великий колдун, а Порнярск — ваш демонический помощник.

— Значит, вы мой Великий Визирь, Эллен — генерал армии, а Мэри — Первая Королева — так? — спросил я.

— Вроде того, — рассмеялся Билл.

Глава 24

К этому времени мы почти поравнялись с воротами, ведущими в деревню экспериментало́в.

— Почему вы изолировали их? — поинтересовался я.

— Никто их не изолировал, — ответил Билл. — Ограда сооружена для их собственной безопасности, на тот случай, чтобы к ним случайно не забрел кто-нибудь из новеньких. А если на нас кто-нибудь внезапно нападет, экспериментало́м могут запереть ворота и отсиживаться за оградой до тех пор, пока мы не отобьем нападение. Они вроде бы отлично это понимают. Билл искоса взглянул на меня.

— Похоже, это Старик улаживает все проблемы с ними, — сказал он. — Во всяком случае, с, тех пор как мы остановили шторм времени, все идет удивительно гладко.

Перед хижинами виднелось несколько экспериментало́в, провожавших нас угрюмыми взглядами, но ни один из них не попытался ни приблизиться к нам, ни скрыться в доме. Джип катил дальше, и вскоре мы въехали на улицу,

которая, по-видимому, являлась центральной улицей поселка и была застроена практически одинаковыми зданиями. На окраине поселка восемь или девять ребятишек запускали воздушных змеев на полянке, которую почти полностью окружали деревья. Картина столь сильно напоминала прежние времена, что мне стало не по себе.

— Откуда взялись дети? — спросил я.

— Кое-кто из новоприбывших пришел с детьми, — сказал Билл, останавливая джип перед большим сборным строением из гофрированного железа. — А за последний год несколько детей родилось прямо здесь. Но, само собой, они еще слишком малы, чтобы играть. Однако взрослых по-прежнему гораздо больше, чем детей. Думаю, у нас не больше двадцати ребятишек.

Я прикрыл глаза рукой и попытался разглядеть среди мелькающих детских тел знакомую фигурку.

— А вот там случаем не Уэнди? — спросил я.

— Вряд ли, — не оборачиваясь сказал Билл. — Она, скорее всего, бродит где-нибудь с собаками. Теперь с ними в основном занимается она, а не Мэри, и они так к ней привыкли, что сопровождают ее повсюду, куда бы она ни пошла. Мэри

считает, что это неплохо, и я в принципе с ней согласен. Собаки для нее — лучшая защита. А вот и наше административное здание. Давайте зайдем.

Он остановил джип у входа и вылез. Я последовал его примеру, и мы, поднявшись по трем деревянным ступенькам, вошли в здание. Внутри обстановка была точно такой же, как и в любом официальном учреждении. Большой зал был перегорожен невысоким деревянным барьером. За пятью письменными столами сидели трое мужчин и две женщины. Некоторые что-то печатали на пишущих машинках, другие работали с какими-то бумагами. Вдоль одной из стен тянулся ряд картотечных шкафов, а в углу стояла большая копировальная машина.

— Интересно, откуда вы берете на все это энергию? — спросил я Билла, поскольку все пишущие машинки были электрическими, а копировальный аппарат явно требовал не менее 220 вольт.

— У нас есть большой бензогенератор, — ответил Билл, приглашая меня пройти за деревянный барьерчик. — А к осени мы собираемся достроить плотину на реке и тогда будем получать энергию от гидротурбины, которая вполне обеспечит все наши нужды на ближайшие пять лет.

Он привел меня в коридор, с каждой стороны которого было по две двери, и тут же приоткрыл первую из них.

— Наш склад, — сказал он.

Я заглянул внутрь. Как Билл и сказал, это действительно была кладовая. В основном здесь хранились канцелярские принадлежности, но кроме того я заметил стопку одеял и других предметов домашнего обихода. У дальней стены виднелась ружейная стойка, в которой стояли несколько ружей, а под ними лежало несколько револьверов. Я закрыл дверь и повернулся к двери в комнату напротив.

— Узел связи, — кратко пояснил Билл. Он завел меня в радиорубку, где сидели две женщины — одна совсем молодая, а другая средних лет. Комната была буквально забита радиоаппаратурой, которая произвела на меня отличное впечатление.

— Это Биб и Джилл, — представил женщин Билл. — А это Марк Деспард.

Обе оторвались от своих переключателей, взглянули на меня, улыбнулись и кивнули мне. Билл снова вывел меня в коридор.

— А теперь, — сказал он, подойдя ко второй двери слева и постучавшись, — мы навестим...

Билл улыбнулся мне и открыл дверь, приглашая меня войти. В очень деловом на вид кабинете за большим заваленным бумагами письменным столом сидела Мэри. Она смотрела поверх лежащих на столе бумаг на худощавого широкоплечего мужчину в белой рубашке и чем-то вроде белых парусиновых брюк, который сидел на стуле напротив Мэри.

— Сейчас освобожусь, Марк, — сказала она и продолжила разговор:

— Ты должен им втолковать, Эйб, что если они хотят получать продукты и готовить себе пищу сами, то должны следовать нашим правилам. И учти, я забочусь обо всех нас. Я не собираюсь мириться с тем, что кто-то тратит продукты понапрасну или недоедает. Но я и не допущу, чтобы кто-то нарушал законы. То есть они должны заранее представлять тебе свое меню на следующую неделю, ты должен одобрить его, а потом — только после этого — ты поручаешь одному из своих людей выдать им продукты ровно на то количество порций, которое они планируют приготовить. Ты все понял?

— Конечно, — медленно сказал Эйб. У него был низкий голос, и говорил он с каким-то легким восточноевропейским акцентом.

Мэри снова перевела взгляд с него на меня.

— Марк, познакомься — сказала она, — это Эйб Баднер, наш начальник продовольственной службы и по совместительству шеф-повар. Правда, я очень надеюсь, что вскоре нам удастся научить готовить кого-нибудь другого и снять эти обязанности с Эйба.

Баднер так же неторопливо, как говорил, поднялся со стула, обменялся со мной рукопожатием и снова уселся.

— Мы просто осматриваем хозяйство, — сказал Билл.

— Вот и отлично, — коротко кивнула Мэри. — Потому что сейчас у меня нет времени заниматься с вами. Знаешь, Марк, давай я все расскажу тебе вечером после работы.

Таким образом она явно давала нам понять, что больше нас не задерживает. Мы с Биллом вышли.

— А это, — сказал Билл, стучась в последнюю дверь, — кабинет Эллен.

Мы подождали, но на стук никто не отвечал. Открылась одна из дверей позади нас.

— В чем дело? — спросил чей-то голос.

Мы обернулись, и я увидел парнишку лет восемнадцати в темных штанах и камуфляжной

куртке. Палевом уголке воротничка были нашиты две медные пуговицы.

— Эллен отправилась на границу с Райанами, — сообщил парнишка. — Может быть, я могу быть чем-нибудь полезен? Он вопросительно взглянул на меня.

— Знакомься, Док, это Марк Деспард, — сказал Билл.

— Неужели сам Марк Деспард? Рад познакомиться с вами, сэр. — Док энергично начал трясти мою руку. — Давно мечтал познакомиться.

— Ну вот ваша мечта и сбылась, — сказал я. Он не произвел на меня большого впечатления.

— Док — заместитель Эллен, — пояснил Билл. — Его полное имя Курт Доквиллер, но мы зовем его просто Док. Он в чине капитана милиции.

— Вот как! — заметил я.

— Я собирался показать Марку кабинет Эллен, — пояснил Билл.

— Отлично. Прошу, — сказал Док. Он прошел мимо нас, отпер дверь кабинета и пригласил внутрь. Я вошел следом за ним, а за мной — Билл.

Не знаю, что я ожидал увидеть; кабинет Эллен был очень чистым, аккуратным помещением с обычными картотечными шкафами, абсолютно

пустым столом и несколькими стульями, стоящими перед столом так, будто здесь совсем недавно проходило какое-то совещание.

— Если вы не против немного подождать, — сказал Док, — то в принципе она должна вернуться минут через двадцать. Я могу послать кого-нибудь на кухню за кофе — или еще за чем-нибудь.

— Нет. Я просто осматриваюсь, — сказал я. — Лучше встречусь с ней вечером.

— Разумеется! — Док проводил нас с Биллом обратно в коридор и вывел на улицу. — Если я могу хоть чем-нибудь быть вам полезен, мистер Деспард, то немедленно известите меня в любое время.

— Буду иметь в виду, — отозвался я, залезая в джип. Билл завел машину, и мы поехали дальше.

— Кстати, а сколько ему лет? — спросил я.

— Точно не знаю, — ответил Билл. — Думаю, двадцать или двадцать один.

— Он выглядит ровесником Эллен.

— А что в этом такого? — спросил Билл. Я взглянул на его лицо, но оно было совершенно невозмутимым.

— Меня удивляет, что для такой работы не нашлось людей постарше, — уточнил я. — Вот

и все.

— Само собой, у нас есть мужчины и постарше, — подтвердил Билл. Сейчас он вел джип обратно через рощу по направлению к летнему дворцу. — Но у большинства из них семьи, иждивенцы на шее, поэтому они не подходят для работы, связанной с постоянным риском. Да и трудно найти такого специалиста, как Док.

— Специалиста? — с искренним удивлением спросил я.

— Его отец был кадровым военным, — характеризовал молодого человека Билл. — Очень многие премудрости военного искусства он усвоил просто потому, что рос на военных базах. Кроме того, у него черный пояс по дзюдо, он прошел курс выживания и несколько лет занимался альпинизмом.

Ответить на это было нечего. Остаток пути до летнего дворца я просидел молча и пришел к выводу, что несправедлив к Доку.

— А теперь навестим Порнярска, — сказал Билл, останавливая джип возле дворца. — Я не повел вас к нему потому, что подумал, а вдруг Мэри или Эллен захотят показать вам свое хозяйство. У них ведь плотный рабочий график. Порнярска же можно навестить в любое время.

Я испытал прилив теплого чувства при мысли об инопланетной аватаре. Порнярск, с его уродливой бульдожьей головой и бесстрастной манерой общения, являлся одним из немногих островков стабильности в моей бурной и изменчивой вселенной. Идя следом за Биллом через помещения дворца, я с удивлением думал о том, что за последние полтора года ни разу не навещал Порнярска и в общей сложности видел его, должно быть, не более дюжины раз.

Лаборатория, куда привел меня Билл, площадью не уступала административному зданию в поселке: прямоугольное помещение, пол, стены и потолок которого были выкрашены в белый цвет. Вдоль одной стены тянулся ряд окон. Другие три стены были заставлены оборудованием, которое когда-то помещалось в депо.

Однако мое внимание сразу же привлекла не аппаратура и даже не знакомая фигура самого Порнярска, а прямоугольное сооружение с полупрозрачными гранями примерно двадцати футов в длину, шести в ширину и трех в высоту, почти доверху заполненное каким-то серовато-голубым веществом. Подойдя ближе, я понял, что, скорее всего, вещество это является жидкостью. Поверхность ее чуть выдавалась над краями заметным

мениском, а то, как преломлялся уходящий в жидкость черный шланг, свидетельствовало о высоком коэффициенте преломления. Порнярск что-то делал с резервуаром, но стоило нам появиться на пороге, он тут же оторвался от своего занятия и подошел, чтобы поприветствовать нас.

— Как себя чувствуешь, Марк? — осведомился он. Его слова, как всегда, резко контрастировали с забавным механическим тембром его голоса и характерной манерой выговаривать слова.

— Теперь — отлично, — ответил я. — А как ты?

— У меня нет причины изменяться, как тебе, — сказал Порнярск.

— Разумеется, — с улыбкой кивнул я. — Тогда как идут дела?

— Я занимаюсь несколькими проблемами, — сообщил Порнярск. — Но успеха пока не добился. Хотя подлинный прогресс не всегда сопровождается крупными успехами, а скорее представляет собой целую цепочку небольших последовательных шажков, которые со временем приводят к крупному достижению.

— Да, — подтвердил я, вспоминая полтора года, которые я потратил на то, чтобы прийти к согласию с самим собой. — Нам многое следует

обсудить.

— Рад это слышать, — сказал Порнярск. — Со своей стороны, могу сказать, что мне тоже не терпелось поговорить с тобой. Работа продвигалась бы гораздо быстрее, имей я в распоряжении базисный разум, а единственным таковым является только твой.

— Неужели только мой? — сказал я. Услышанное слегка задело меня, но в то же время я ощутил какое-то эгоистичное удовольствие.

— Базисные разумы могут возникнуть или быть обнаружены лишь с помощью монад, — сказал он. — Все остальные разумы в гештальте лишь резонировали и усиливали твой. Поэтому в работе я мог использовать лишь резонирующие разумы. Но фактически мне в основном приходилось обходиться единственным резонирующим разумом, поскольку остальные были постоянно заняты чем-то другим.

Он повернул голову и неуклюже кивнул головой в угол. Я взглянул туда и увидел в кресле перед одним из перевезенных из депо пультов Старика, на голове которого был укреплен шлем.

— Альфа Прим, — сказал Порнярск. — Все это время я работал исключительно с ним. К счастью, он с удовольствием подключается к аппаратуре.

В дневное время его обычно не бывает. Насколько я понимаю, дни он проводит с тобой. Зато вечерами приходит сюда по собственной инициативе и работает со мной.

Я уставился на Старика. Он восседал в кресле перед пультом в совершенно неподвижной позе и выглядел довольно забавно — как король на троне.

— Что ты можешь от него узнать? — удивленно спросил я.

— Дело не в том, что я могу узнать от него, — неторопливо сказал Порнярск, — а что я могу узнать через него. Равным образом я хочу учиться и решать проблемы через тебя — хотя, поскольку ты являешься базисным разумом, то вполне можно ожидать, что ты и сам будешь учиться в процессе и сможешь добавлять узнанное тобой к тому, что удастся узнать мне. Он на секунду смолк, затем снова заговорил:

— Вообще-то, следует заметить, что мои способности получать знания ограничиваются возможностями прибора, который я представляю, — я имею в виду себя лично. Будучи аватарой Порнярска, я обладаю довольно ограниченными возможностями. С другой стороны, твои возможности, Марк, мне принципиально неизвестны.

Они могут оказаться гораздо меньшими, нежели возможности Порнярска, как мои, или гораздо большими. Кроме того, вовсе не исключено, что они могут быть значительно развиты, конечно, если только у тебя есть желание их развивать. И вот здесь наступает самое важное.

Он снова замолчал. Но на сей раз молчание было долгим.

— Что именно? — наконец не выдержал Билл.

— Очень важно знать, — заговорил Порнярск с неизменным акцентом, — захочет ли Марк после того, что он пережил с монадой, продолжать исследования в сфере, где мысль становится реальностью, причем четко определить границу, за которой наступает изменение, четко определить невозможно.

— Что ж, готов ответить, — вроде бы согласился я, но понял, что, хотя с одной стороны я никогда в сущности не сомневался в стремлении и дальше заниматься проблемой шторма времени и всего с ним связанного, последние полтора года я на самом деле в каком-то смысле пытался спрятаться от необходимости рано или поздно снова вернуться к этой работе.

— У меня нет заднего хода, — признался я. — Могу двигаться только вперед. Даже стоять на

месте не в состоянии.

— В таком случае у нас впереди большая работа.

— Лично я этому только рад.

— Я так и думал, — сказал Порнярск. — Тогда, может быть, мы прямо сейчас и обсудим основные принципы дальнейшей работы и как в ней можно будет задействовать тебя?

— Полностью согласен, — сказал я совершенно серьезно. — Это совпадает с тем, что мне хочется делать — что я намерен делать.

— Ты знаешь, — сказал Порнярск, — но я так с самого начала и подумал. Однако не следует забывать: вселенная — нечто гораздо большее, чем ты или твои современники, похоже, считают. Не будь ты столь необычным человеком, я бы сказал, что ты, со своими амбициями, чересчур самонадеян.

— Я же сказал, что должен кое-что сделать, — заметил я. — В конечном итоге, нам обоим хочется одного и того же, верно? Взять под контроль эту пошедшую вразнос ситуацию со временем.

— Совершенно верно. Но помни — не будь ты столь необычной личностью, я бы не тратил на тебя столько усилий. И не потому, что мне не было бы интересно, а просто потому, что это

было бы пустой тратой времени. Даже по твоим стандартам ты чересчур самоуверен. Отчасти это результат трезвой оценки возможностей. Отчасти — вспыльчивость, ты всегда готов к драке, поскольку другие люди никак не желают понять того, что понимаешь ты. С этим я могу согласиться. Но все равно, если ты собираешься достичь состояния полноценной базисной личности, тебе придется преодолеть это в себе.

— Там видно будет, — усмехнулся я.

Я с нетерпением дожидался нашего с ним разговора. Мне столько нужно было ему рассказать. Больше всего мне хотелось обсудить с Порнярском то, что мне хотелось ухватить в шторме времени. Но его неожиданная критика сбила меня с мысли.

— Ты сказал, это вроде некоей демонстрации шторма? — спросил я, поворачиваясь к прозрачному контейнеру.

— Да, — ответил он.

— Но я ничего не вижу.

— Просто сейчас установка выключена, — произнес Порнярск. — Но если хочешь, я могу ее включить.

Он подошел к пульту управления у стены и коснулся кончиками своих плечевых щупалец

нескольких кнопок и тумблеров.

— То, что ты увидишь, на самом деле не является изображением шторма времени. В действительности это его отображение, производимое оборудованием из депо. Посмотри в контейнер. Только смотри не на него, а внутрь него.

Теперь я понял свою ошибку. Я смотрел на него так же, как разглядывал бы аквариум с рыбками. Но установка, очевидно, требовала — а она действительно требовала, поскольку сейчас она, очевидно, уже разогревалась, и я чувствовал, как она буквально физически, как веревкой притягивает меня, — чтобы наблюдатель смотрел в глубины наполняющей ее жидкости.

Первые мгновения активации установки были ничем не примечательны. Все, что я видел, — миниатюрные вспышки, мельчайшие искорки света, когда закрываешь глаза и надавливаешь пальцами на глазные яблоки. Эти крохотные огоньки мелькали в толще серовато-синеватой жидкости — или уж не знаю что это там было, — наполнявшей танк, и тут я совершенно неожиданно сделал для себя открытие: то, что я поначалу принял за жидкость, на самом деле таковой вовсе не является. Это было нечто совсем другое, скорее — какой-то тяжелый газ. Кроме

того, субстанция была совершенно бесцветной. Точнее, она была такого цвета, какой воспринимал ее смотрящий. Например, для меня она сейчас выглядела совершенно черной, как беззвездная ночь, и я внезапно полностью затерялся в этой черноте, как будто это была бескрайняя вселенная, а я, невидимый, стоял в самом ее центре.

Крошечные огоньки представляли собой силы шторма времени в действии. Чем пристальнее я вглядывался в глубины контейнера, тем больше их становилось, и теперь они заполняли всю его толщу целиком, перемещаясь в самых разных направлениях. Число их, разумеется, было конечным, но таким большим, что я не в состоянии был охватить взглядом их все. И тогда я понял, что наблюдаю сразу все векторы полномасштабного шторма времени за работой, и, вглядываясь в них, я постепенно начал замечать закономерности их движения.

Я напоминал дикаря, наблюдающего, как на стене пещеры возникает текст послания, и мало-помалу обретающего способность читать и понимать язык, на котором он написан. Бессмысленные закорючки начали превращаться в несущий информацию код. Наблюдая за карти-

ной шторма времени, я понял, что она начинает приобретать смысл, но я не мог постичь его целиком. Я мог теперь прочитать послание, но в нем говорилось о вещах, выходящих за рамки моего разумения и опыта.

Насколько я мог понять, имели место два процесса. По-прежнему распространяющийся шторм характеризовался двумя разными видами движения. Одно представляло собой нечто вроде волнового фронта и было похоже на расходящиеся по воде круги от брошенного камня, которые взаимонакладывались и расходились во все стороны, другое же — на трещины, разбегающиеся по какой-то кристаллической матрице. Оба процесса происходили одновременно, и оба имели чрезвычайно сложный характер. Волновые фронты были многочисленными и проявлялись на нескольких уровнях и с разной интенсивностью. В определенных точках вдоль их собственной оси движения — там, где они сталкивались с массами твердого веществ или им встречались на пути космические тела с высоким уровнем гравитации, вроде звезд или планет, — образовывались силовые вихри, как вокруг Земли. Нам удалось привести в динамическое равновесие силовые линии только на этом небольшом участке.

Эффект растрескивания также усиливался вокруг гравитационных колодцев. Именно это явление и могло привести к страшному результату, о котором предупреждал Порнярск, — к ситуации, когда каждая частица оказывается в своем собственном времени, отличном от того, в котором находится каждая из всех остальных. Растрескивание пространства продолжалось, деля вселенную на все меньшие и меньшие участки, и со временем всей материи предстояло распасться на неделимые элементы.

Вот то, что я сумел увидеть и понять. Но, стараясь понять происходящее, мое сознание, очевидно, столкнулось с непосильной проблемой и дало сбой. Меня внезапно пронзило ощущение, что вселенную охватывает пламя и она начинает вращаться вокруг меня все быстрее и быстрее... А потом я очнулся уже на полу, чувствуя себя так, будто меня отходили железным прутом. В нескольких дюймах от моего лица маячила массивная уродливая голова Порнярска.

— Теперь ты понимаешь, почему следует развивать свои способности? — спросил он. Я попытался привстать.

— Лежите спокойно, — тут же раздался голос Билла, и, скосив глаза, я увидел, что он стоит

возле меня. — Теперь у нас есть настоящий врач. Я могу вызвать его по радио из центра связи, и через двадцать минут он будет здесь.

— Я в полном порядке...

На ноги я поднялся с большим трудом, тут же обернулся на пульты и увидел скорчившуюся на полу груду черной шерсти. На голове лежащего Старика по-прежнему был надет шлем.

— Старик! — Я бросился к нему. Порнярск и Билл поспешили за мной.

Когда я подбежал к Старику, он все еще находился без сознания. Я нагнулся, стащил с него шлем — он уже приходил в себя. Его карие глаза открылись и были устремлены на меня.

— Ну да, — сказал Порнярск, — естественно. Ведь он сейчас был одной монадой с тобой.

После того как я снял со Старика шлем, он еще с секунду непонимающе смотрел на меня, затем вскочил так, будто ничего и не случилось. Я легонько покачал головой — если он и вправду перенес то же, что и я, что легко «отключило» нас обоих от окружающего мира, значит. Старик сколочен из более крепкого материала, чем я. Лично у меня до сих пор дрожали колени.

— Мне необходимо присесть, — сказал я.

— Пойдемте, — отозвался Билл.

Поддерживая меня под руку, он вывел меня в коридор, Старик потащился следом за нами без посторонней помощи. Мы подошли к массивной, на вид очень тяжелой, двери. Прежде я ее не замечал. Билл вытащил ключ, застенчиво на меня посмотрел, отпер дверь, распахнул.

— Прошу, — сказал он.

Я вошел — Старик следовал за мной буквально по пятам — и остановился как вкопанный.

Комната, куда привел меня Билл, была длинной и узкой. Одна из длинных стен представляла собой сплошное окно. То есть это были двойные окна, протянувшиеся в два ряда и создававшие впечатление, что стена целиком стеклянная. За ней открывался просто захватывающий вид. Конечно, я все это уже видел, но сейчас был просто поражен.

Стоя посреди комнаты, я мог охватить одним взглядом начинающийся почти от самого дворца склон, верхушки окружающих деревню экспериментален деревьев и раскинувшийся чуть дальше поселок. Но за всем эти открывались необозримые просторы, простирающиеся до самого горизонта и рассеченные дорогой, которой полтора года назад не было. Теперь же дорога, похожая на проведенную по линейке коричневую

линию, уходила вдаль, исчезая за горизонтом — там, где встречались земля и небо. Вдалеке виднелась совсем крошечной машина, движущаяся по направлению к поселку. Поднимаемые ею клубы пыли походили на беличий хвост, который она тащила за собой.

— Как вам? — спросил Билл, стоявший за моей спиной.

— Великолепно! — абсолютно искренне ответил я. С этими словами я повернулся и внимательно изучил обстановку комнаты. Пол был застелен ковром, а вдоль стен стояло с полдюжины кресел, мягких и удобных. Мне стало до боли в пояснице понятно, что я уже много месяцев не видел удобной мебели. До сих пор в окрестных городках искали и привозили в поселок лишь самые легкие и практичные для седалищ стулья с прямыми спинками; или деревянные, а лучше металлические столы. Одним словом, везли то, что легче было возить. Кресла же, стоящие в этой комнате, были массивными, пышными и явно предназначенными для долгих часов приятного вре-мя-про-вож-де-ни-я.

Но было здесь и еще кое-что помимо мебели. Большая часть свободного пространства была завалена книгами или заставлена коробками

с книгами. В общей сложности здесь было, наверное, несколько тысяч томов. Стопки книг высились между креслами, тянулись до находящегося у стены напротив окон камина. Камин, как я мог судить, пока еще ни разу не топили, но заготовленная впрок растопка и явно сухие дрова лежали наготове. Тут я увидел, где предстоит расположиться книгам: за камином были установлены два первых вертикальных — от пола до потолка — стеллажа и частично заставлены книгами. Рядом стояли заготовки, говорящие о том, что и остальные три стены будут полностью заставлены книгами.

— Присаживайтесь, — сказал Билл.

Я выбрал кресло — одно из тех, которые стояли лицом к стене с окнами, чтобы и дальше иметь возможность наслаждаться открывающимся видом. Машина, небольшой пикап, уже добралась до поселка. И тут комнату наполнила музыка — «Великие Киевские ворота» из «Картинок с выставки» Мусоргского.

— Я подумал, — объяснил Билл, — что совсем неплохо обустроить место, где можно просто посидеть...

Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. В его голосе слышались то ли извиняющиеся нотки,

то ли невысказанная вслух просьба похвалить его за проделанную работу, вслух подтвердить, что мне понравилось увиденное.

— Это просто замечательно, Билл, — признался я и, повернувшись, увидел, что он подошел к одному из окон и смотрит куда-то вдаль. — Кто же все это строил?

— Я все делал сам, — ответил он.

Я бросил на него внимательный взгляд. Я знал, что он был человеком разносторонним, но никогда не считал его способным выступать в роли плотника, каменщика или любого другого человека, умеющего хоть что-то делать своими руками.

— Я хотел устроить сюрприз нашим людям, — сообщил он. — Но вы только что пережили серьезное потрясение, вот я и решил... Видите ли, я не собирался ничего никому не говорить до тех пор, пока не закончу — не расставлю книги по полкам и все такое.

— Честное слово, Билл, я считаю, что эта комната — лучшее, что только можно.

И я не шутил. Господи, если кто и любил читать, так это я. Сейчас, забыв о пейзаже за окнами, я жадно разглядывал книги, чувствуя, как при одном их виде во мне поднимается волна возбуж-

дения, чего со мной не случалась очень давно. Книги сулили мне миллион разных разностей, звали меня миллионом голосов. Возможно, лишь горстка голосов могла поведать о вещах, которые мне по-настоящему необходимо было знать, но это ровным счетом ничего не значило. Я противостоял шторму времени, и я был частью человечества, и в этих строчках черных значков на белой бумаге, которые когда-то наполняли библиотеки по всему миру, тоже были частички человечества.

Неожиданно я почувствовал, что мне хочется узнать миллион вещей, притом желание это было совершенно неодолимым. В горле у меня пересохло, а в голове появилась лихорадочная легкость, как у путника, умирающего от жажды в пустыне.

Глава 25

Я читал последний абзац рассказа Джойса «Мертвые» из сборника «Дублинцы»:

«...Снег шел по всей Ирландии. Он ложился повсюду — на темной центральной равнине, на лысых холмах, ложился мягко на Алленских болотах и летел дальше, к западу, мягко ложась на темные мятежные волны Шаннона. Снег шел над одиноким кладбищем на холме, где лежал Майкл Фюрей. Снег густо намело на покосившиеся кресты, на памятники, на прутья невысокой ограды, на голые кусты терна. Его душа медленно меркла под шелест снега, и снег часто ложился по всему миру, приближая последний час, ложился легко на живых и мертвых».

В этом, сказал я себе, есть какая-то окончательная определенность. В этом что-то есть. Нечто очень важное о человечестве и обо всем. Нечто, возможно, и крайне незначительное, но все же нечто.

Я отложил книгу, нашел томик Хемингуэя, и в первом абзаце его «Прощай, оружие» прочел:

«В тот год поздним летом мы стояли в деревне,

в домике, откуда видны были река и равнина, а за ними горы. Русло реки устилали голыш и галька, сухие и белые на солнце, а вода была прозрачная и быстрая и совсем голубая в протоках. По дороге мимо домика шли войска, и пыль, которую они поднимали, садилась на листья деревьев. Стволы деревьев тоже были покрыты пылью, и листья рано начали опадать в тот год...»

Что-то. Я продолжал искать.

Хю Нандзу за двести лет до Рождества Христова писал:

«До того как Небо и Земля обрели форму, все было неопределенным и бесформенным. А посему и называлось Великим Началом. Великое Начало породило пустоту, а пустота породила вселенную... Объединенные сущности небес и земли стали Инь и Ян...»

Зигмунд Фрейд:

«Ни один из тех, кто, подобно мне, вызывает самых злобных из полуприрученных демонов, обитающих в человеческой груди...»

И наконец...

Эйнштейн, «Во что я верю»:

«Недостаточно овладеть прикладной наукой, имея целью расширить горизонты человеческих возможностей. Целью всех технических дости-

жений должна являться забота о человеке и его судьбе.., чтобы плоды нашего ума были благословением, а не проклятием человечества. Никогда не забывайте об этом, зарывшись в свои чертежи и уравнения...»

— Чувствуешь? — спросил я, взглянув на Старика, с которым мы сидели в библиотеке Билла. — Ты тоже чувствуешь, что это где-то.., здесь?

Он, естественно, ничего не ответил, а лишь взглянул на меня своими бездонными дикими карими глазами. Разумеется, он не был мне товарищем в моих поисках. Старик лишь тянулся за мной, как на буксире, или, возможно, скакал на мне верхом в надежде, что я когда-нибудь доставлю его в такое место, где он сможет наконец-то удовлетворить свой интеллектуальный голод — голод, проснувшийся в нем с тех пор, как он стал частью монады. Его проклятием стало то, что он был не совсем человеком — и, в то же время, не просто животным, как, например, Санди, который способен был без всяких вопросов любить, страдать и даже умереть. И, насколько я видел, осознание того, что в этом отношении он полностью зависит от меня, давило на него тяжелым грузом. Но через секунду он легко дотронулся своей длинной рукой до моего колена тем едва

ли не умоляющим жестом, который в последнее время стал привычным для него и каждый раз трогал меня до глубины души.

Поэтому мы продолжали: он просто находился при мне, а я копался в книгах, уже стоящих на полках в библиотеке и в тех, что Билл постоянно привозил из экспедиций по окружающим территориям. Что именно мне следует искать, я точно пока так и не определил, поэтому руководствовался исключительно ощущением того, что в них обязательно должно найтись нечто, таящееся в обширной кладовой человеческой философии и литературы. Вот я и продолжал искать отдельные намеки, обрывки и кусочки мыслей, подобные крупицам золота и драгоценным камням, просыпающимся на дорогу из каравана знаний, за которым я следовал.

В первые дни после своего возвращения я особенно не задумывался о своей роли в жизни нашего маленького сообщества. Но через неделю или две мне вдруг с удивлением пришло в голову, что почему-то никто — ни Мэри, ни Билл, ни даже Эл-лен — не просит меня снова взять на себя руководство коммуной. Вместе с удивлением пришло и беспокойство, но в то же время и чувство тайного облегчения. Меня, конечно, беспокоило, что

они больше не нуждаются в моей помощи, но в то же время я нутром чувствовал: то, чем я занят, во всех отношениях является гораздо более важным, чем административная деятельность. Поэтому летние цвета за окном постепенно выцвели и превратились в яркие цвета осени, сменившиеся бурым цветом жухлой травы и белым цветом снега, оживляемого лишь отдельными мазками вечнозеленых растений, и я наконец понял, что мое присутствие в основном необходимо, так сказать, лишь на торжественных мероприятиях.

Одним из них было празднование так называемого Дня Благодарения, который для удобства устраивали десятого декабря, а после него начинались три недели общего веселья, заканчивающиеся в Новый год. На обеде в честь Дня Благодарения, как почетные гости, у нас в летнем дворце присутствовали руководители и предводители соседствующих с нами групп, которые перечислял мне Билл.

Сами вожаки являли собой весьма разношерстную компанию. Весельчаку Уотеру из Потерянного Колена было двадцать с небольшим; он был худым и сутулым негром и всегда оставался настороже. Уотер производил впечатление человека, который в любой момент может легко

впасть в ярость, действительно — три его жены и пятеро детей, которых он прихватил с собой, буквально ходили вокруг него на цыпочках. Он был единственным по-настоящему молодым человеком среди присутствующих лидеров, и, по словам Билла, все остальные члены его полукоммуны были его ровесниками.

Биллу Проджеку было под сорок. Он утверждал, что он — чистокровный индеец сиу из резервации Роузбад в Южной Дакоте, хотя и не был похож на тех сиу, которых мне доводилось видеть в Миннесоте. В остальном же он, несомненно, выглядел как индеец. У него было лицо человека, способного, не меняя выражения, пройти сквозь стальную стену. На самом деле он был исключительно идеологическим лидером своей колонии, среди обитателей которой было лишь несколько индейцев. Петру Уоллинстадту, высоченному седовласому человеку, с крупными руками и костистым лицом, было около сорока пяти. Он был довольно ограниченным человеком и мог руководить людьми лишь благодаря своей непреклонной воле и непоколебимому стремлению к цели. Что бы ни обещал Уоллинстадт, он непременно это исполнял, рассказал мне Билл, кратко информируя меня о вожаках накануне

их приезда. Старик Райан, его еще называли Дед, был самым настоящим патриархом: седоволосый, широченный как стена, умный, хитрый, деспотичный и крайне вспыльчивый человек. Они с Весельчаком Уотером не скрывали обоюдной неприязни — в остальных группах даже заключали пари по поводу того, когда эти двое наконец схлестнутся и что послужит для этого поводом. Одной из возможных причин, почему конфликт до сих пор не вступил в активную фазу, было то, что молодые Райаны (любой из членов группы Деда назывался Райаном, независимо от кровного родства) втайне восхищались более свободными порядками, царящими среди членов Потерянного Колена, и между членами этих двух групп существовали довольно тесные контакты. Между тем оба лидера в основном сидели по домам и встречались друг с другом только в самых редких случаях, таких, как наша гулянка по случаю Дня Благодарения.

Не успели четверо лидеров появиться во дворце, как между ними разгорелась нешуточная борьба за то, кто завладеет моим вниманием. Неудивительно, что явным победителем вышел Старик Райан. Конечно, полностью изолировать меня от коллег он не смог, но в его обществе я

провел времени раза в полтора больше, чем со всеми остальными. Я поймал себя на том, что в душе даже симпатизирую старому ублюдку — звание, которого он заслуживал и в прямом и переносном смысле и, похоже, очень гордился этим. Прежде всего, у него были мозги и опыт, он не был маньяком, как Весельчак, или упрямым фермером, вроде Петра Уоллинстадта, или таким подозрительным и вздорным типом, как Билл. С Райаном о многом можно было поговорить, он был довольно разговорчив, с хорошо развитым чувством юмора, хотя все его шутки и были невероятно похабными.

Именно он впервые заговорил об Императрице — примерно на вторую неделю празднеств. Мы стояли в библиотеке, держа в руках стаканы с пивом и глядя в окно на уходящий вдаль и освещенный вечерним зимним солнцем склон, на реку, где у берега был устроен каток и где было полно катающихся.

— Что ты станешь делать, если она все же придет? — неожиданно спросил Райан во время разговора о весеннем севе.

— Кто? — рассеянно спросил я.

Мое внимание и мысли были лишь частично сосредоточены на нашем с ним разговоре

о хранении корнеплодов, и мне показалось, что я пропустил что-то из сказанного им. Я был полностью поглощен зрелищем катающихся на коньках людей. Некоторые из них нацепили шахтерские шлемы с укрепленными на них фонарями и теперь, в наступающих сумерках, благодаря фонарям были похожи на мелькающих светлячков. Крошечные огоньки кружились и рисовали на фоне сереющего льда замысловатые фигуры. Разного рода узоры захватывали меня с самого детства. Например, я видел своеобразные узоры даже в колебаниях рынка ценных бумаг, именно это и стало основой моих успехов на бирже. Таким же образом я управлял своей компанией снегоходов, и так же было со всем остальным, вплоть до нашей дуэли со штормом времени, во время которой решающую роль снова сыграла моя способность видеть узоры переплетающихся силовых линий. Теперь я начинал видеть своего рода узоры в кружащихся вдали огоньках: хрупкий, оригинальный, постепенно усложняющийся узор, который формировали и пространство катка, и социальный аспект происходящего, и взаимные симпатии или антипатии катающихся.

— Кто? — переспросил я.

— Кто-кто? Императрица! Видать, пива перебрал, Деспард! Я спрашиваю: что ты будешь делать, если она явится сюда? А явится она точно, если только доживет, поскольку твердо решила завоевать весь мир. Слов нет, у тебя очень неплохая добровольческая армия, но вряд ли она остановит три сотни профессиональных солдат, располагающих транспортом, самолетами, вертолетами и самым разнообразным оружием, вплоть до легкой артиллерии.

— А что намерен делать ты? — спросил я, все еще не вернувшись к сути разговора.

— Я? Само собой — изворачиваться и договариваться, — проворчал он и сделал основательный глоток. — Я-то знаю, что мне с ней не совладать. Зато ты можешь оказаться достаточно глупым, чтобы попытаться оказать ей сопротивление.

Он развеселил меня. Я наконец оторвался от световых узоров, рисуемых катающимися на фоне льда.

— Вот как? — сказал я, копируя его собственный прием ведения спора. Когда он становился так серьезен, то делался вспыльчивым, как выхлопная труба машины двадцатых годов. — Значит, если я окажусь достаточно безумным, чтобы попытаться дать ей отпор, на твою помощь рассчитывать

не приходится? Так, что ли?

— Чертовски верно! — Он неожиданно успокоился, повернулся лицом ко мне и вдруг замурлыкал, как бродячий кот-астматик:

— Ты же умный. И не хуже меня знаешь, что существует куча способов мирно договориться. Так вот, если ты позволишь старому Деду вести переговоры — только насчет моих и твоих людей, — поверь, я знаю, как разговаривать с такими, как она...

— Не сомневаюсь. И пока ты будешь договариваться только от нашего имени, остальным группам ради самосохранения волей-неволей придется присоединиться к нам. А это сразу наведет ее на мысль — особенно если в ходе переговоров тебе удастся ее на эту мысль навести, — что именно ты и являешься единственной реальной силой в этом районе, что говорить нужно только с тобой, а я, как и все остальные, у тебя в кармане.

— Да пошел ты! — Он отвернулся и уставился в окно. Холодный день быстро катился к вечеру; жирный профиль Деда на фоне темнеющего неба был тосклив и сердит. — В таком случае пусть она покажет тебе, где раки зимуют. Второй раз ты от меня столь выгодного соседского предложения

не дождешься!

Я улыбнулся. Он ничего не мог с собой поделать. Уж таким он уродился: не мог не добиваться любого рода преимуществ. Видимо, он остановится только тогда, когда его окончательно оставят силы. Одно я знал совершенно точно: если потребуется союз с ним, он, при малейшем намеке, с радостью кинется мне в объятия. Я верил Биллу, который сказал, что — возникни у нас такое желание — мы без труда завоюем всех своих соседей, включая и Деда с его кланом.

Но это не означало, что Императрица не представляет собой реальной угрозы. У старика все же была голова на плечах. Я мгновенно протрезвел.

— Что ты там говорил насчет трехсот профессиональных солдат, авиации и артиллерии? — спросил я. — Откуда такие сведения?

— Один из моих ребятишек недавно вернулся с западного побережья.

— Вернулся с западного побережья? — переспросил я. — И когда же, интересно, он туда отправился?

— Да.., некоторое время назад, — ответил он, отхлебывая пиво. Он лгал, и мне это было известно, но я просто не мог тратить полчаса, вытягивая из него правду. — Он был в Сан-Луис-Обиспо. Это

бывший военный лагерь на окраине города, и она использует его как учебно-тренировочную базу. Все жители города знают о самолетах, вертолетах и пушках. А солдаты каждый вечер навещают Сан-Луис-Обиспо, чтобы пошататься по барам. У них там четыре самых настоящих бара.

— У нее полмира к югу — вся Южная Америка, и еще полмира к северу — до самой Аляски, — заметил я. — Почему ты считаешь, что она направится именно сюда?

— Не будь дураком, — буркнул Райан. — В наши дни самое главное не территория, которую ты захватываешь. Главное — люди. И места, представляющие особую важность. А это место достаточно важное. Потому что здесь ты.

К сожалению, он был прав. С тех пор как я начал существовать не только внутри, но и вне своего собственного черепа, я постепенно осознал, что считаюсь чем-то вроде победившего шторм времени колдуна, причем не только среди членов нашего сообщества, но и по всему миру. Почему они приписали эту роль мни, а не Порнярску или, если уж на то пошло, не Биллу, по-прежнему оставалось для меня загадкой. Возможно, Билл был недостаточно колоритной для создания мифов и легенд фигурой, а Порнярск — слишком непохо-

жим на человека, чтобы считаться колдуном, а не помощником колдуна. Но факт оставался фактом: такое представление обо мне, судя по тому, что говорилось в коротковолновых радиопередачах, было распространено, и наверняка, чем дальше от нас, тем более диким и не правдоподобным оно становилось.

Учитывая все это, было более чем вероятно, что Императрица может организовать экспедицию в наши края. Она ничем не рисковала. Если я и вправду окажусь таким могучим волшебником, каким являлся по слухам, она приобретала полезного для себя Мерлина. Если же я окажусь совсем не тем, кем меня считают, она все равно сможет держать меня при себе и поддерживать легенды, запугивая людей моей магической силой и получая те выгоды, которые получает каждый, у кого в распоряжении имеется ручной волшебник.

Поначалу мне казалось, что я загнан в угол, но потом понял, что у меня появилось множество новых возможностей, которые можно будет использовать к собственной выгоде.

Райан все еще что-то говорил.

— Что? — спросил я.

— Ну что, дошло до тебя наконец или нет? — спросил он.

— Точно, Дед, — ответил я, — теперь дошло. Я резко повернулся к нему.

— Хотелось бы поговорить с твоим парнишкой. Пусть он расскажет мне обо всем, что видел.

— Ну, я даже не знаю...

— Знаешь, давай обсудим твою цену за мой с ним разговор попозже. Он здесь — среди тех, кого ты привел с собой, или нет?

— Нет, — нахмурившись ответил Райан. — Погоди-ка, куда же это он, говорил, собирается? Кажется, поговаривал, будто на этот раз двинет на восток...

Его ответ был отличным способом намекнуть, что он ни с чем не расстается бесплатно. Пришлось пообещать ему прислать кого-нибудь для сварочных работ на мельнице, которую он строил, — ни один из его членов не умел варить, и, разумеется, тут же выяснилось, что побывавший на западном по-бережьи родственник сейчас катается на коньках вместе с остальными.

Я распорядился привести паренька, ему было всего восемнадцать, и мы с Райаном, Биллом и Эллен постарались вытрясти из него все, что он помнил об Императрице и ее вооруженных силах. Прежде всего он крайне неохотно рассказывал о причинах, побудивших его отправиться

за тридевять земель на тихоокеанское побережье. У меня создалось впечатление, что он поссорился с Дедом и сбежал, прежде чем старик с помощью более верных ему сыновей и дочерей клана успел его высечь. Он уходил все дальше и дальше, поскольку, как выяснилось, ему не удалось встретить никого, кто согласился бы принять его к себе, и в конце концов дошел примерно до Сан-Бернардино, где устроился работать возницей (на западном побережье ощущался серьезный топливный дефицит, и разведение лошадей стало вопросом выживания). Однажды в составе обоза ему довелось везти груз куда-то севернее Сан-Луис-Обиспо, и он провел в этом городке с неделю или чуть больше — пока, вместо того чтобы доставить груз по назначению, не продал его кому-то другому, а потом присвоил денежки и сбежал.

Удалившись на безопасное расстояние от Сан-Луис-Обиспо, он решил вернуться домой. Не только потому, что Сан-Бернардино теперь стал для него местом крайне нездоровым, но и поскольку решил, что теперь сможет снова завоевать расположение Деда рассказами об увиденном, а то и столь неожиданно приобретенным богатством, поскольку истратил не праведно

нажитое на покупку самых лучших лошади, седла и ружья, которые только смог найти. Кроме того, как он признался нам, к этому времени его начала одолевать тоска по дому.

Однако выяснилось, что добавить чего-либо ценного к тому, что рассказал мне Дед, он не мог. Лишь судя по его описанию самолетов, которые Императрица использовала для переброски войск, я сделал вывод, что это самолеты с вертикальным взлетом-посадкой. Это вполне объясняло то, почему Императрица могла с такой легкостью планировать переброску своих солдат па потенциальные поля битв в любой район, где аэропортов или взлетно-посадочных полос либо вообще не существовало, либо они были в непригодном состоянии. С такими самолетами она могла высадиться практически где угодно.

Но в то же самое время в колоде имелся и джокер. В голове у меня как будто раздался щелчок, и мой разум наконец свел воедино проблему топливного дефицита и разведения лошадей в военном контексте. Ее авиации для ведения военных действий требуется горючее. Следовательно, чтобы отправиться к нам на восток, она либо должна быть уверена, что по дороге найдет места для дозаправки, либо прихватить все топливо с

собой. Переброска топлива самолетами исключалась, так как просто не оставалось бы места для войск. Эта проблема снабжения имела лишь одно решение. Ее солдатам придется весь путь проделать пешком и остановиться, не доходя до конечной цели несколько миль. Тем временем пилоты самолетов будут перегонять их порожняком, за исключением, возможно, самолета самой Императрицы и ее штаба, до места расположения войск.

Я отправил Деда и его блудного родственника прочь и изложил свои соображения Биллу и Эллен.

— А это означает, — сказал я, — что между моментом, когда она решит отправиться сюда, и моментом, когда она сюда доберется, у нас в распоряжении будет несколько месяцев. Кроме того, нам придется заключить с общинами к западу от нас что-то вроде соглашения — чтобы они предупредили нас, когда появятся ее солдаты и повозки. Есть у нас кто-нибудь, кого можно было бы послать с таким поручением?

Билл взглянул на Эллен.

— У нас есть Док. Он должен справиться, — сказал Билл, — если ты не против отпустить его на пару недель.

— Док? — эхом отозвался я и тут заметил, что они оба смотрят на меня. — Ладно, ладно. Я просто все никак не могу забыть, насколько он еще молод.

Не следовало мне этого говорить. На лице Эллен не дрогнул ни один мускул, но я почувствовал, что она возмущена.

— Когда они познакомятся с Доком поближе, — сказал Билл, — то наверняка его зауважают. К тому же подобное путешествие в наши дни вовсе не увеселительная прогулка. Марк, ты бы изрядно удивился, узнав, сколько опасностей могло подстерегать юного Райана и насколько удивительно то, что он вернулся целым и невредимым. Посылая же Дока, мы имеем максимум шансов надеяться, что наш посланец вернется.

— Хорошо, — сказал я. Похоже, пришло время сдаваться. — Просто я подумал, какое впечатление он произведет на незнакомых с ним людей. Ведь они, скорее всего, будут воспринимать его так же, как и я — чересчур юным. Думаю, мне и самому стоит познакомиться с ним получше.

Эллен улыбнулась, что случалось чрезвычайно редко.

— Да, тебе это пойдет только на пользу, — сказала она.

У меня осталось ощущение, что, хотя я и прощен, однако очко ей проиграл.

Впрочем, сказал я себе после того, как они ушли, все это относилось к ее, Билла и Мэри ведению. Я же сейчас должен заниматься тем, чем занимался и раньше, а именно постараться определить, что именно я хочу найти в библиотеке и в своей голове. Пока длились праздники и кругом крутились гости, мне мало удалось продвинуться в поисках, но, как только вся эта чепуха закончилась, я снова взялся за дело.

Поиски, к которым я вернулся, давали те же результаты, что и раньше, только теперь их стало больше. Я продолжал находить намеки, кусочки, указания, проблески — называйте как хотите. Однако мои находки со всей очевидностью доказывали: то, что я ищу, не просто плод моего воображения. В то же время они были лишь доказательством существования искомого. Теперь по ночам я частенько лежал без сна, слушая дыхание спящей возле меня женщины, глядя на залитый лунным светом потолок над кроватью и пытаясь заставить свое сознание конкретизировать, что именно я пытаюсь найти. Но в конце концов я лишь оказался способен прийти к выводу, что, чем бы это ни было, оно каким-то образом связано

со штормом времени. Не родственно ему, но все же неким образом относится к тому же аспекту вселенной.

То, что я искал, обязательно должно было иметь отношение ко всей вселенной в целом, независимо от того, чем оно являлось помимо этого.

Я стал жадным, мне не терпелось добиться желаемого результата, за которым я так долго охотился. Скорость моего чтения, и без того немалая, увеличилась в четыре или пять раз. Я яростно продирался сквозь книги, огромными порциями поглощая содержащуюся в них информацию, каждое утро складывая справа от своего кресла в библиотеке кучу непрочитанных книг, глазами алчно вырывая куски содержащейся в них информации и отбрасывая пустые по левую сторону кресла в ту же секунду, как брал следующую книгу. По мере того как зима продвигалась к весне, я стал похож на какого-то пещерного великана-людоеда — я превратился в Полифема, опьяненного Одиссеем и требовавшего книг, еще и еще книг.

Однако я не растворился в этом так, как в свое время растворился в смерти Санди. Я продолжал одеваться, принимать душ, бриться и вовремя принимать пищу. Я даже время от

времени отрывался от своих поисков, когда по административным или общественным поводам требовалось присутствие Марка Деспарда. Но, в сущности, зимние снега и расцветающая весна, проходившие за окнами, казались мне какими-то пейзажами, которые чья-то невидимая кисть каждый день рисует на окне и на которые я почти не обращал внимания. Поэтому я испытал настоящее потрясение, когда в одно прекрасное утро взглянул в окно и вдруг увидел, что за окном апрель, снег стаял и повсюду пробивается новая зелень.

В конце предыдущего дня я сложил справа от кресла очередную стопку книг, но в то утро, заметив свежую зелень, я не потянулся, как обычно, за верхним томиком, чтобы начать поглощать его. По какой-то причине Старика в этот день со мной не было. В последние дни солнце так пригревало, что я даже перестал растапливать камин. В это утро в библиотеке, казалось, воцарились какие-то необычные спокойствие и мир, громоздившиеся все выше и выше подобно книгам, которые я просматривал и откладывал, так что библиотека стала похожа на склад.

Но снаружи за окном ярко светило солнце, а в помещении, где находился я, как будто образовал-

ся какой-то пузырь безвременья, некий момент вечности, позволяющий перевести дух, не думая о том, что напрасно потрачен момент жизни. Я вдруг поймал себя на том, что вместо того, чтобы продолжать читать, я просто сижу, смотрю на склон холма за окном, городок и равнину за ним.

В последние две недели я читал очень много религиозной литературы, книг по йоге, дзену и по боевым искусствам, пытаясь понять, что именно китайцы называли «чи», а японцы — «ки» и что по-английски обычно переводилось как «дух». Пока я так сидел, глядя в окно, вдруг появился самец птички-кардинала и уселся на краю кормушки, которую зимой установил Билл и на которую я до сих пор практически не обращал внимания. Я уставился на кардинала, и мне вдруг пришло в голову, что я еще никогда раньше не видел столь великолепного алого цвета, в который были окрашены его перышки, переходящие в черные на горлышке. Он устроился в кормушке поудобнее, склевал несколько зернышек, которые насыпал туда Билл, затем поднял головку и замер на фоне голубого весеннего неба.

Что-то случилось.

Без какого-либо предупреждения окружавший меня момент безвременья распространился за

пределы комнаты, захватив и кардинала. Это было не физическое явление, это явно было чем-то происходящим в моем сознании — и тем не менее это было реальностью. Неожиданно мы с кардиналом стали единым целым. Мы стали одним и тем же, мы стали идентичны.

Я протянул руку и взял не одну из еще непрочитанных книг, а томик, который последним держал в руках накануне вечером. Он раскрылся почти в самом начале — на том самом месте, на котором я вчера на минуту оставил его раскрытым. И вдруг под влиянием момента безвременья со мной голосом величественным как мир вдруг заговорили строчки, которые я читал накануне. Это были первые фразы первого параграфа главы 2: ЦЕННОСТЬ НАШЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ книга «Айкидо в повседневной жизни» Коити Тохи, организовавшего в свое время Международное общество Ки и учившегося под руководством самого мастера Морихеи Уэсиба, родоначальника и создателя искусства айкидо.

«Наши жизни являются частью жизни вселенной. Если мы понимаем, что наша жизнь родом из вселенной и что мы появились, чтобы существовать в этом мире, то мы должны спросить себя: почему же вселенная даровала нам жизнь?

В японском языке существует выражение сюисей-муси, которое означает „родиться пьяным и умереть, так и не протрезвев“. Оно употребляется для описания состояния, когда человек рождается, не понимания значения этого события, и умирает, так ничего и не поняв...»

И вдруг в голове у меня все встало на место — не внезапно, а сразу, так, будто я и раньше всегда это понимал. Прежде я был подобен человеку, родившемуся пьяным и обреченному пьяным же и умереть, — но теперь я протрезвел. Кардинал по-прежнему сидел на кормушке, момент безвременья все еще царил в библиотеке, но мне вдруг показалось, что все вокруг окутывает какое-то странное золотое свечение. И тут я понял, что то, за чем я гоняюсь, содержится не просто в обрывках прочитанных мной строк из множества прошедших через мои руки книг. Вовсе не какие-то обрывки мыслей, клочки изученной мной мудрости являлись ценными фрагментами того, что я искал, — нет, тем, за чем я так долго охотился и что должен был ухватить, было абсолютно все, что я прочитал, все, что я пережил, весь мир и все, что в нем было: все время и все пространство. И вот теперь я мог ухватить это, причем не делая руки такими большими, чтобы в ладонях могла

уместиться вселенная, а получив возможность ухватиться за что угодно, где угодно, даже за нечто столь ничтожное, как мгновение, фраза или зрелище птицы, сидящей в кормушке.

Стоило мне осознать это, как золотой свет внезапно разлился повсюду и я неожиданно ощутил биение окружающей жизни, причем мой мозг способен был воспринять ее практически на любом удалении. Я мог чувствовать частое биение сердечка сидящего на кормушке кардинала. Я чувствовал биение сердец экспериментало и людей, живущих в поселке у подножия холма. Я чувствовал медленную неспешную жизнь елей, дубов, трав и цветов. Я мог чувствовать слепое шевеление земляных червей в только что согревшейся земле. Мои новые ощущения простирались бесконечно далеко, уходя за горизонт и охватывая целый мир. Я чувствовал движение жизни повсюду — от акулы, бороздящей теплые тропические моря, до тюленя Уэдделла, загорающего на антарктическом льду. Весь земной шар пульсировал в ритмах бытия, а за этими ритмами можно было различить не такие громкие, зато более гулкие ритмы бытия неодушевленных объектов: земли, камней, воды, ветра и солнечного света. Гравитация притягивала. Кориолисова

сила действовала по часовой стрелке к северу, а против часовой стрелки — к югу. Взаимоперемешивающиеся типы погоды звучали согласно, как дисциплинированные инструменты оркестра, исполняющего симфонию.

Я не помню, когда наконец исчезло это золотое свечение и когда я вернулся в обычное состояние. Но через некоторое время свечение ушло, и кардинала на кормушке больше не было. Я снова остался лишь со своими чувствами, но в сознании и в теле я теперь, как никогда раньше, ощущал необыкновенную силу. Окружающее представало видимым будто в ярком свете, чистом и резком. Разум работал просто неистово. Из меня буквально била энергия. Мне не терпелось испробовать на практике то, что я только что обнаружил. Я вскочил с кресла и вышел из летнего дворца туда, где были припаркованы машины. На стоянке как раз стоял свободный джип. Я уселся за руль, тронул его с места и погнал подпрыгивающую на ухабах машину вниз по склону по направлению к городку. Я точно не знал, где или как я, пользуясь своей новообретенной способностью, смогу ухватить вселенную, но теперь казалось просто невозможным, что я так или иначе не смогу найти для этого подходящего

места и средств.

Но, как ни странно, по мере приближения к концу склона, равнине и домам на ней меня все больше охватывало какое-то смущение. До сих пор я наведывался сюда лишь с очень короткими визитами, не более дюжины раз, да и то каждый раз заходил прямо в мэрию, чтобы поговорить с Эллен, Мэри или с кем-нибудь еще, а затем, обычно пробыв не более часа, уезжал обратно. Меня вдруг осенило, что в сущности я не знаком ни с кем из жителей городка и что я для них совсем чужой — вроде как школьник, пришедший в новую школу.

Я оставил джип в нескольких сотнях футов от ближайшего здания, в кустах, которые полностью скрывали его, и дальше отправился пешком.

Первый же дом, к которому я, как выяснилось, направлялся, был временной постройкой с высоко поднятым над землей полом, дощатыми стенами и брезентовым навесом вместо крыши. К этой времянке примыкало более основательное, хотя и незаконченное еще строение со стенами, сложенными из бетонных блоков, и двускатной крышей, уже покрытой дранкой. В оконных проемах еще не было стекол, а у зияющего дверного проема стоял белый грузовичок-пикап, из

которого мужчина в голубых джинсах и свитере перетаскивал в дом длинные доски.

Я подошел к пикапу, когда он в очередной раз скрылся в доме, и дождался, пока он снова не выйдет за очередной порцией досок. Это был худощавый темноволосый человек лет около тридцати или тридцати с небольшим.

— Добрый день, — поздоровался я. Мужчина бросил на меня равнодушный взгляд.

— Здорово, — сказал он, подошел к грузовичку и начал вытягивать из него очередную порцию двенадцатифутовых досок два на четыре дюйма в сечении.

— Давайте я вам помогу.

Он снова взглянул на меня, на сей раз уже не так равнодушно.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо.

Я подошел к грузовичку, и, когда он утащил в дом очередную порцию своих два на четыре, я тоже вытянул несколько досок и последовал за ним.

Внутри дом освещали лишь солнечные лучи, проникавшие сквозь оконные проемы, но было ясно, что в доме, когда его достроят, будет достаточно светло, даже в пасмурные дни. Доски два на четыре, очевидно, предназначались для стен,

поскольку их внутренние каркасы уже были готовы.

Я подтащил доски туда же, где он уже начал их складывать. Полы были залиты цементом, но заглажены непрофессионально-грубо, и под ногами чувствовалась шершавая, а местами и просто неровная поверхность. Но полы, как каркасы стен и наружная кладка, явно вполне обеспечивали безопасность и удобства. Мы еще некоторое время вместе разгружали грузовичок, так и не обменявшись при этом ни единым словом.

Я испытывал какое-то странное удовольствие от этой «тупой» работы. Оно перекрывало и дополняло приятное чувство физической усталости, которое обычно вызывает подобная работа. Я заметил, что незнакомец то и дело поглядывает на меня, но до тех пор, пока мы не закончили переносить все доски в дом, больше никакого интереса ко мне не выказывал. Отнеся в дом последние две доски, я вышел на улицу и увидел, как он стоит возле грузовика и смотрит, что еще осталось в кузове — в основном гвозди, всякая всячина и разные железяки.

— Что дальше? — спросил я.

— Забыл прихватить изоляционные трубки для проводки, — сказал он, не поворачивая го-

ловы. — Ладно, давайте разгрузим остальное. Ящики с гвоздями лучше носить вдвоем. Очень уж они тяжелые.

Мы вытащили из кузова ящик с гвоздями, взялись за него с двух сторон и внесли в дом. Когда мы подошли к двери, он наконец заговорил:

— А вы случаем не Марк Деспард?

— Да, — ответил я.

— Да нет, быть того не может, — сказал он, когда мы оказались в полумраке дома.

— Боюсь, все-таки может.

— Шутите небось.

— Должен вас огорчить — это чистая правда.

— Послушайте, да ведь всем известно, что у него длинная борода, к тому же он дюймов на шесть выше вас.

Мы поставили ящик с гвоздями на пол и отправились за следующим.

— Говорю же вам, — продолжал он, когда мы взялись за второй ящик, — этого просто не может быть. Уж я-то знаю. Я абсолютно точно знаю, какой из себя Деспард.

Я улыбнулся. Просто не смог удержаться.

— Я тоже, — ответил я.

— Тогда вы должны признать, что вы — не он.

— Нет, — сказал я. — Все-таки я — это он. С чего

вы взяли, что у меня борода и я на шесть дюймов выше?

— Да кто ж этого не знает? И потом, вы ведь никогда не спускаетесь с горы.

— А теперь вот спустился.

— Черт!

Остальные ящики мы перенесли без разговоров. Мне внезапно пришло в голову, что он может решить, будто я смеюсь над ним. От этой мысли я расстроился.

— Но если я не похож на Марка Деспарда, почему же вы спросили меня, не он ли я?

Он ответил не сразу. Только после того как мы отнесли еще один ящик в дом и снова вышли на солнце, он опять заговорил, стараясь не смотреть на меня.

— Не понимаю, с чего это вы решили мне помочь.

— Так ведь вам нужно было разгрузить машину, — сказал я. — А вдвоем это сделать быстрее, чем в одиночку, вот и все.

— Нет, тут дело в чем-то другом. — Он остановился как вкопанный и уставился на меня. — В чем дело? Что такое? Что случилось? Может, я какой-нибудь закон нарушил?

— Дружище, — начал я, но замолчал. — Послу-

шайте, я даже не знаю, как вас зовут.

— Оррин Элшер.

— Оррин, — я протянул руку:

— Марк Деспард. Рад познакомиться.

Он уставился на мою руку так, будто я держал в ней мышеловку, затем медленно протянул свою, и мы обменялись рукопожатием.

— Оррин, — сказал я, — сегодня настолько хороший день, что я решил съездить сюда, а оказавшись здесь, увидел, как вы разгружаете машину, вот и решил предложить помощь. Все очень просто.

Он ничего не ответил, лишь убрал свою руку.

Мы закончили разгрузку. Как ни странно, но раньше бы меня наверняка встревожила его обеспокоенность. И я был бы внутренне готов отозваться на его эмоции. Сейчас же я был способен думать лишь о том, какой прекрасный стоит день и как приятно чувствовать, что используешь тело для какой-то практичной и полезной цели. От разгрузки машины я получал такое же удовольствие, какое мог бы получить от занятий любимым спортом, и был благодарен Оррину Элшеру за предоставленную возможность это удовольствие получить. Что же касается его озабоченности по поводу того, кто я такой, я просто

не испытывал необходимости объясняться. В свое время он все поймет, а если такое время никогда не придет, для мира это никакой разницы не составит. Единственное, что имело значение, так это то, что пикап был разгружен, Оррин был избавлен от лишней работы, а я получил удовольствие.

Я как раз дошел в своих размышлениях до этого места, когда вдруг вспомнил: ведь я отправился сюда из летнего дворца в надежде лучше понять, что за работа мне предстоит, и как будто совершенно забыл об этом.

На самом деле я, конечно, ничего не забыл. Напротив, я увидел связь между вселенским пониманием и тем, чем только что занимался. Я решил ухватить вселенную за хвост, и я это сделал. Просто не существовало такой вещи, как ни с чем не связанное и ни на что не влияющее действие, и моя помощь Оррину в разгрузке пикапа была связана с необходимостью достройки его дома, с развитием всего поселка, с будущим живущих здесь людей, с их влиянием на всех остальных населяющих мир людей и их взаимоотношениями с ними. Более того, это, в свою очередь, было связано со всей картиной будущего, которая, развиваясь и усложняясь,

простирается все дальше и дальше, до тех пор пока не становится частью неимоверной паутины взаимодействующих сил, составляющих уже сам шторм времени. Признав наличие подобной связи тем, что сам стал ее частью и распознал ее, я немного расширил круг своих собственных знаний, что было совершенно необходимо сделать до того, как я сделаю следующий шаг в борьбе против шторма.

Наконец мы закончили разгрузку.

— Остальное доделаете сами, — сказал я Орри-ну и повернулся, чтобы уйти.

Не успел я сделать и пяти шагов в сторону оставленного в кустах джипа, когда услышал его голос:

— Мистер Деспард...

Я обернулся и увидел, что он догоняет меня.

— Я.., спасибо вам.

— Честное слово, не за что меня благодарить, — ответил я. — С удовольствием поработал. Надеюсь, как-нибудь еще увидимся, да?

— Конечно, — сказал он и более уверенно добавил:

— Наверняка!

— Вот и отлично.

Я повернулся и пошел дальше. Знакомство

с ним вызвало в моей душе какой-то очень хороший отклик, похожий на чистый звон безупречного металла, который раздается, если постучать ногтем по бронзе. Я дошел до джипа, уселся за руль и после минутного размышления поехал к мэрии.

Но, когда приехал, никого не застал. Даже машинисток за столами не было. Я взглянул на часы и увидел, что еще только начало одиннадцатого. Должно быть, перерыв и все пьют кофе. Я вышел на улицу, снова сел в джип и поехал обратно к летнему дворцу, наслаждаясь солнечным днем, видом зданий и людей, мимо которых проезжал, так, будто весь мир был каким-то чудом, изобретенным лишь вчера и которого я никогда до сих пор не видел.

Подъехав к летнему дворцу, я увидел, что возле него стоят восемь разных автомобилей. Не успел я вылезти из джипа, как в дверях появился встревоженный Билл.

— Ну, наконец-то, — вздохнул он. — Мы вас везде ищем. Императрица на марше. Нам только что сообщили.

Глава 26

Нас ничуть не удивило, когда вертолеты, минуя городок, направились прямо к летнему дворцу. Вертолетов было три, и размером они напоминали те, что раньше обычно перевозили в Нью-Йорке транзитных пассажиров из аэропорта в аэропорт, например из Ла Гардиа в Кеннеди. В каждом из них могло с удобствами разместиться человек по тридцать.

Мы стояли на площадке для парковки машин и наблюдали за их приближением — нас была чертова дюжина, включая Старика и Порнярска, поскольку больше нам ничего не оставалось. Предупреждения, поступившие чуть раньше из расположенных к западу от нас общин, подтверждали тот факт, что Пола Мирадор. Императрица, приближалась к нам по меньшей мере с пятью сотнями солдат (приблизительно одну треть которых составляли женщины) и с тремя 155-миллиметровыми гаубицами. Очевидно, она прошла через эти общины, лишь ненадолго задерживаясь, чтобы принять их капитуляции и формальное признание ее власти. Все они

поступили мудро, не оказывая ей никакого сопротивления, да и мы едва ли могли отважиться на это, даже при том, что мы, вероятно, были самым сильным сообществом в центральной части континента.

Следуя своему обычному плану ведения кампании, что подтвердили и наши разведчики, она оставила свои основные силы за линией горизонта, держа наготове транспортные самолеты. Гаубицы были загружены в них заранее, с тем чтобы в случае надобности быстро перебросить их поближе и сровнять с землей все наши потенциальные оборонительные сооружения, после чего солдаты могли бы спокойно перебить оставшихся в живых защитников. Да, у нее действительно имелись серьезные военные аргументы.

Мы не сдавались — пока. Все население нашего городка было эвакуировано, люди оставались только на полудюжине укрепленных позиций между домами с установленными на них пулеметами 50-го калибра. Эти позиции, переживи они артобстрел, могли бы превратить наступление войск Императрицы на разрушенный городок вовсе не в пикник.

Знала Императрица о наших пулеметах или нет — оставалось вопросом. Очевидно, ей было

известно о нас довольно много, но, возможно, она не располагала слишком уж подробными сведениями о нашем вооружении и припасах.

Большинство же членов нашей общины с личным оружием, достаточным количеством продовольствия и других необходимых припасов, которых по нашим подсчетам должно было хватить по меньшей мере на год, рассеялись в близлежащих холмах под прикрытием небольшого легковооруженного отряда. Императрице вряд ли удалось бы выследить их всех, даже и реши она потратить на это драгоценное время. Помимо этого у нас были три пулеметные точки, оборудованные и замаскированные на склоне между валунами и деревьями, задачей которых было прикрывать летний дворец, и пулеметное гнездо в самом дворце. Поэтому, даже если сейчас в ее вертолетах было шестьдесят или восемьдесят солдат, с ее стороны было бы не очень мудро попытаться взять нашу чертову дюжину в плен, используя грубую силу.

Но, конечно же, на самом деле все должно было происходить совсем не так. Ей наверняка не хотелось расходовать на нас обученных людей и боеприпасы, равно как и нам совершенно ни к чему было начинать с ней войну. Просто и мы

и она выдвигали на линию фронта имеющиеся ресурсы, чтобы иметь повод поторговаться. Вертолеты, выглядящие очень внушительно на фоне голубого неба и высоко висящих в нем облачков, развернулись и наконец под громкий рев турбин и в тучах пыли приземлились.

Двери тех двух машин, что оказались дальше всего от нас, распахнулись, из них посыпались люди в мундирах, вооруженные автоматами, гранатометами и парой легких пулеметов, и сразу образовали что-то вроде периметра, внимательно разглядывая окружающую местность. Однако они старались не отходить слишком далеко от своих машин, отчего создавалось впечатление, что их основная задача — оборонять вертолеты и самих себя.

Минуты через две-три после того, как они образовали кольцо, открылась дверь ближнего к нам вертолета, оттуда выкинули трап, по которому спустилось около дюжины мужчин и женщин в партикулярном платье. Они выстроились в две шеренги, образовав нечто вроде почетного караула.

Снова недолгое ожидание, и наконец на трапе появилась одинокая фигура. Если даже все происходившее до того и могло вызывать какие-то

сомнения, то сейчас сомневаться не приходилось: перед нами была сама Пола Мирадор. Даже я поймал себя на том, что буквально пялюсь на нее. Такого мне не приходилось видеть, наверное, со времен начала шторма времени, да и, держу пари, никому из нас. Мы так привыкли практично и удобно жить и одеваться, что совсем забыли, как было принято одеваться раньше, что существует совсем другая одежда.

На Поле Мирадор был костюм пажа из какого-то призрачного журнала мод — от изящных кремовых сапожек на высоком каблуке до изысканно-легкомысленной прически. Она выглядела так, словно только что побывала в салоне красоты. Но все это служило лишь обрамлением для высокой изящной женщины, назвать которую красивой нельзя было, пожалуй, только из-за ее носа, который для этого был чуть коротковат и чуть более островат, чем нужно. Помимо сапожек и светло-каштановых волос ее украшал отлично скроенный белый брючный костюм, под которым виднелась открытая блузка в крапинку с отложным воротничком, лежащим поверх воротника пиджака. На плече висела серая замшевая сумочка с искусной работы серебряной застежкой.

При виде ее у меня буквально захватило дух

— и не только из-за того, что она выглядела как картинка. Волосы ее были не такими светлыми, лицо не столь безукоризненным, но что-то в ее облике сразу напомнило мне о Свонни.

Она сошла по ступенькам трапа, даже не удостоив взглядом нас, деревенщину, оглядела окрестности, затем что-то отрывисто бросила одному из своих придворных в штатском, который тут же развил кипучую деятельность — подбежал к солдатам и, во главе группы из восьми человек с оружием, направился в нашу сторону.

Поняв, что он направляется прямо ко мне, я бы скорее всего решил, будто помощник заранее знает, как я выгляжу. Однако в последнее время я начал понимать, что люди инстинктивно располагаются определенным образом и это само по себе является сигналом. Группа вокруг меня была похожа на указатель с указывающей прямо на меня стрелкой и надписью «это наш лидер».

Как бы то ни было, посланец Императрицы, круглолицый молодой человек лет двадцати пяти, похожий на Билла, только разве что чуточку повыше ростом, подошел к нам и остановился в дюжине футов от меня. Солдаты тоже остановились.

— Мистер Деспард? — сказал он. — Вы ведь

мистер Деспард, не так ли, сэр? Меня зовут Инехо Джонсон. Императрица хотела бы поговорить с вами. Будьте добры следовать за мной.

Я продолжал стоять, как стоял.

— Значит, наше желание обоюдно, — сказал я. — Мне бы тоже хотелось переговорить с ней. Я бы хотел узнать, какого черта она делает здесь на моей земле без моего приглашения. Буду ждать еще пять минут. Если за это время она лично не явится для дачи объяснений, я разнесу в клочья всю вашу банду. Вы стоите на хреновой куче закопанной взрывчатки, и от вас не останется ничего, кроме пыли.

Он заморгал. Трудно сказать, что на него подействовало сильнее — мой тон и манера поведения или упоминание о динамите. Возможно, и то и другое. Динамит, разумеется, был блефом. Чтобы хоть мало-мальски реально заминировать такую территорию, потребовалось бы грузовиков двадцать взрывчатки. Но ни он, ни остальные члены делегации Полы никак не могли быть твердо уверены, что мы не располагаем таким ее количеством.

Да и в любом случае они все равно во всех отношениях превосходили нас, поэтому, блефуя, я ничего не терял. Он явно колебался. Я повернулся

к Биллу:

— Проследи, чтобы он не терял времени понапрасну. Я сделал несколько шагов по направлению к дворцу и услышал за спиной голос Билла.

— Вы уже потеряли пятнадцать секунд, — говорил Билл. — Ну что, так и будете стоять?

Я обернулся и увидел, как Джонсон со всем эскортом поспешно ретируется к своей хозяйке. Подбежав к ней, он начал что-то оживленно ей говорить. Она же, насколько мы могли судить на таком расстоянии, напротив, являла собой картину полной холодной бесстрастности. Наконец она изящно взмахнула венчающей тоненькое запястье ладошкой, и он со своими телохранителями снова направился к нам.

— Мистер Деспард, — сказал он. — Императрица предупреждает вас. Если вы блефуете, наши солдаты перестреляют вас, как только истекут пять минут. Если же это не блеф, то, независимо от того, убьете вы нас или нет, ее солдаты, которые любят ее, все равно схватят вас и поджарят на медленном огне. И учтите, она никогда не блефует.

Я повернулся к Доку.

— Док, — сказал я, — пристрели его. Док сдернул с правого плеча автомат.

— Подождите! — закричал Инехо Джонсон. — Я сейчас вернусь!

— Осталось чуть меньше двух минут, — напомнил я, и он галопом помчался обратно к своей Императрице. Минуту спустя они все еще разговаривали.

— Прошло четыре минуты, — сказал стоящий позади меня Билл.

— Подождем еще тридцать секунд, — сказал я. Мы продолжали ждать.

— Почти четыре с половиной минуты, — сказал Билл. Я сделал шаг вперед и стал с показным вниманием смотреть на часы.

— Давай, — вполголоса сказал я Биллу.

У того в кармане был маленький детонатор, провод от которого тянулся во дворец, а оттуда снова на площадку — к ее западному краю. Он сунул руку в карман и нажал кнопку. Раздался взрыв, и в воздух футов на тридцать взметнулся вполне удовлетворительный фонтан земли, что лишило нас почти всех запасов динамита — причем не промышленного динамита, а взрывчатки, которая в свое время повсеместно применялась в горнодобывающих районах. Я снова демонстративно посмотрел на часы.

— Может, они не поняли, что это предупрежде-

ние, — напряженно произнесла Мэри.

— Поймут, — сказала Эллен.

И они действительно поняли. Императрица наконец двинулась ко мне, но не одна, а в окружении всей своей свиты. Мысленно я лишил ее пары баллов за то, что она не сдалась раньше. Она с самого начала должна была понимать: если где и есть место, которое скорее всего не было заминировано, то там, где стоит наша группа. Наконец высокая делегация подошла почти вплотную к нам, и Императрица остановилась прямо напротив меня, улыбаясь.

— Марк, — сказала она, — нам нужно поговорить с глазу на глаз.

— Я могу говорить и здесь.

— Вполне вероятно. — Она по-прежнему приятно улыбалась. — Но мне всегда легче, когда во время переговоров со мной нет помощников, которым я не склонна рассказывать все. К тому же разве вам не кажется, что если мы останемся вдвоем, то будем чувствовать себя более раскованно и свободно?

Довод был довольно справедливый, и я уже громогласно заявил, что не собираюсь заключать никаких сделок за спиной своих товарищей. Поэтому теперь я мог позволить себе великодушно

согласиться.

— Хорошо. Прошу, — сказал я.

Я провел ее во дворец. Оказавшись в неподвижном воздухе помещения, я уловил исходящий от нее легкий аромат духов, которого не заметил на открытом воздухе. Я вдруг физически остро ощутил ее — как ее женственность, так и щегольский наряд. Между нами снова на какое-то мгновение возник призрак Свонни. Под влиянием порыва я провел ее в библиотеку, освободил для нее от книг кресло, и мы сели друг напротив друга.

— Похоже, у вас есть человек, который занимается хранением информации, — заметила она, обводя взглядом комнату.

— Да, — ответил я. — Так о чем вы хотели поговорить? Она положила ногу на ногу.

— Мне нужна ваша помощь, Марк.

— В таком случае, Пола, вы могли бы написать мне письмо.

— Разумеется, — рассмеялась она. — В случае, если бы это было нашим с вами личным делом. Но я Императрица, а вы — Марк Деспард, человек, управляющий штормом времени. Встреча двоих людей вроде нас считается государственным визитом.

— Если отбросить тот факт, что я еще не начал

контролировать шторм времени, — сказал я, — то что же это за государственный визит? С армией и тремя гаубицами?

— Не пытайтесь казаться глупее, чем вы есть на самом деле. Я ведь знаю, что вы разумный человек, — ответила она. — Вся эта игра мускулами должна лишь послужить оправданием для вас, Марк, — оправданием вашего согласия работать на меня, поскольку только так вы сможете обеспечить безопасность близких вам людей.

— Неужели я представляю такую ценность?

— Я же просила вас не строить из себя глупца. Разумеется, представляете.

— Хорошо. Но тогда зачем эти ваши оправдания? Почему я вообще должен соглашаться работать с вами?

— Разве вы не предпочтете иметь в распоряжении возможности всего мира, а не только те, до которых можете дотянуться, сидя здесь?

— Мне не требуется больше того, что у меня есть, — возразил я.

Она чуть наклонилась ко мне. В выражении ее лица и в позе чувствовалась какая-то напряженность, чуть ли не дрожь, которые должны были свидетельствовать, что все это крайне волнует ее. Но при этом она наверняка понимала: я знаю,

она нарочно использует этот прием, чтобы повлиять на меня.

— Марк, в этом мире еще много людей, и их нужно снова объединить в одно дееспособное общество. И не говорите мне, что вы не хотели бы принять в этом участие. Вы же прирожденный лидер. Это очевидно, не говоря даже о шторме времени и о том, что вы с ним сделали. Неужели вы действительно способны заявить, что откажетесь воспользоваться шансом привести мир в порядок?

То ли она обладала сверхъестественными способностями, то ли могла угадывать мысли людей по их поведению, причем почти с такой же точностью, как и я сам. К моему сильнейшему желанию победить шторм времени вдруг добавилось естественное человеческое стремление завоевывать и властвовать. Мысленно я вернул ей те два балла, которых лишил ее чуть раньше И даже добавил еще два. Но сразу отвечать ей не стал, а она, как хороший торговец, сама знала, когда прекратить торг.

— Пообещайте хотя бы, что мы с вами обсудим все это еще раз через несколько дней, — добавила она.

— Думаю, это пообещать я могу.

Таким вот образом ее присутствие действительно превратилось в государственный визит. Основные силы ее армии и гаубицы по-прежнему оставались за горизонтом, хотя никто из нас, включая и меня, ни на секунду не забывал о них, а она и ее свита легко вошли в роль гостей, почти так же как старый Райан и прочие во время празднований Дня Благодарения.

С ней было гораздо интереснее, чем с нашими соседями, и она гораздо лучше их умела убеждать в своей правоте. Ум ее был подобен острому ножу. Но самым убедительным ее аргументом, которым она исподволь воздействовала на меня на протяжении всех следующих пяти дней, оказалось то, что она делала вид, будто совершенно не рассчитывала на свою военную силу, а пыталась убедить меня исключительно разумными доводами. Я знал, что это не так. Как я уже сказал, никто из нас не мог забыть о ее войсках и артиллерии, располагающихся сразу за горизонтом. Но ее отказ использовать в качестве аргумента в нашем споре военную мощь заставлял меня продолжать спорить с собственной совестью. Я раз за разом спрашивал себя: а не гордость и упрямство подталкивали меня к тому, чтобы поставить на карту жизнь и здоровье моих жен

и друзей, вместо того чтобы объединить силы с Императрицей?

Был у нее и еще один рычаг воздействия на меня, хотя в то время я еще не воспринимал его в качестве серьезного аргумента. Пола славилась своей буквально ставшей легендарной сексуальностью, заставлявшей ее солдат ночами напролет мечтать о ней и считать всех остальных женщин жалкими надувными куклами, но по отношению ко мне она ее совершенно не применяла. За исключением тех редких моментов, когда она напоминала мне Свонни, в ее компании было приятно и интересно, вот и все. В то же время, по контрасту, Мэри в сравнении с ней выглядела какой-то ограниченной и слегка не от мира сего, а Эл-лен — слишком юной.

Разумеется, все эти дни мы с ней почти не расставались. Мы оба являлись главами государств, и, поскольку кому-то из нас все равно нужно было занимать ее, обычно брать на себя эту роль приходилось мне. Со своими же я проводил лишь то время, которое оставалось после нее, обычно либо рано утром, до того как Пола появлялась из комнат — я не решился бы назвать их апартаментами, — которые мы отвели ей и ее личной прислуге, или поздно вечером, после того как

она, устав за день, удалялась на покой.

Это была ситуация, которая немного отдалила Эллен и особенно Мэри от Полы и меня, но, возможно, это было даже и неплохо. Она страшно не нравилась ни той ни другой из моих жен, и ни та ни другая не ожидали от сотрудничества с ней ничего, кроме серьезных неприятностей.

— Ты, кстати, ей тоже не нравишься, — сказала мне Мэри вечером на третий день пребывания Полы у нас. — Ей никто не нравится.

— Она может себе это позволить. Ведь она правительница. Ей не пристало забивать голову симпатиями и антипатиями к отдельным личностям, чтобы иметь возможность принимать решения строго на основе того, хорошо что-либо для ее народа или плохо.

— То есть, ты хочешь сказать, для нее самой, да? — сказала Мэри.

Мэри была необычно красноречива. Но чем больше я обдумывал то, что сказал ей, тем больше мне нравились собственные слова. Я отправился в комнату Эллен и завел с ней тот же самый разговор.

Эллен только фыркнула.

— Я должен считать это ответом? Ладно, скажи мне, что в Поле не так?

— Да все в ней так, — ответила Эллен.

— Нет, ты ее за что-то недолюбливаешь, иначе бы так себя не вела. В чем тут дело?

— В тебе.

— Во мне?

— Если тебе нравится быть дураком, ради Бога, никто тебя не удерживает.

— Почему это я дурак? — разозлился я. — Мне нужно найти способ договориться с ней и сделать это крайне аккуратно. В противном случае она вообще легко может стереть нас с карты!

Эллен выбралась из постели, оделась и отправилась на прогулку — в три часа утра! Никто, кроме нее, не сделал бы этого столь решительно и выразительно. Со спины она была похожа на покидающий комнату восклицательный знак.

Биллу Пола тоже не нравилась. Равно как и Доку. Более того, не по сердцу она явно пришлась и Старику, который при ее появлении мгновенно исчезал. Я начал чувствовать себя этаким героем греческой трагедии, по ходу которой хор то и дело предупреждает меня о несчастье. Конечно, ничего этого Поле я не говорил, но она, по крайней мере отчасти, это чувствовала, поскольку к концу недели заговорила о том, что ввиду складывающейся ситуации было более чем своевременно.

— Я так одинока, — сказала она в ответ на что-то сказанное мной. Мы ранним утром прогуливались по лесу неподалеку от летнего дворца. — Титул не просто изолирует человека от общества. Представляете, Марк, вы практически единственный человек на свете, с которым я могу говорить, если можно так выразиться, как с равным. В обществе всех остальных мне постоянно приходится помнить, что я — Императрица. Но даже это не так донимает меня, как то, что порой, принимая решение, приходится идти против мнения всех, кто меня окружает. Довольно часто советы, которые я получаю, весьма однобоки, поэтому мне приходится собираться с силами и поступать прямо противоположным образом, поскольку в серьезных вопросах я полагаюсь на собственные решения, а не на советы, ведь я же как-никак правительница.

— Понимаю, что вы имеете в виду, — кивнул я.

— Еще бы! — Она быстро взглянула на меня, а затем снова уставилась вперед — туда, куда мы направлялись. — Нельзя принять на себя ответственность, не принимая и всего остального, что с ней связано.

Она остановилась и повернулась ко мне лицом. Я тоже вынужден был остановиться.

— Вот почему для меня так важно иметь вас при себе, Марк, — сказала она. — Я знаю, вы работаете со штормом времени. Я только в последние несколько дней начала осознавать, насколько это важно и для меня. Но самое главное, для чего вы мне особенно сейчас нужны, так это для того, чтобы помочь мне объединить нашу раздробленную Землю и превратить ее в единое работоспособное сообщество. Эта задача на данный момент и для вас должна стать первоочередной.

— А если я не с вами, то, значит, против вас?

— Господи, Марк! — грустно сказала она. — Я отнюдь не чудовище.

Мне стало немного стыдно за себя. Ведь я и в самом деле до сих пор так и не заметил в ней ничего, кроме едва ли не вызывающей восхищение рассудительности. Единственным, что могло как-то вступать в противоречие с этим моим впечатлением, были многочисленные слухи о ней, а со слухами я и сам имел дело, не раз слыша то, что болтают обо мне.

— Сколько времени отнимет у меня эта работа?

— Максимум пару лет. — Теперь мы снова шли вперед, и она искоса взглянула на меня. — Никак не больше.

— Вы рассчитываете завоевать мир всего за два года? Такого не планировал даже Александр Македонский, а он собирался завоевать лишь азиатский континент.

— Теперь в мире гораздо меньше людей. Вы знаете это не хуже меня, — сказала она. — Поэтому проблема только в том, чтобы объединить крупные населенные центры. А когда они будут организованы, маленькие общины и отдельные люди сами захотят воспользоваться ситуацией.

— Два года... — повторил я, прикидывая, что весь этот срок буду находиться вдали от библиотеки и от лаборатории Порнярска. Этот срок почему-то показался мне страшно долгим, почти бесконечным.

— Послушайте, — сказала она, вновь останавливаясь. Мы опять повернулись лицом друг к другу, и в первый раз со времени нашего знакомства она коснулась меня, легко дотронувшись пальцами до моей руки. — Давайте на сегодня забудем об этом. Почему бы нам не заняться чем-нибудь другим? Позвольте теперь для разнообразия мне развлечь вас.

— Как?

— Мы слетаем в мой базовый лагерь и там пообедаем. Сами посмотрите, какие у меня солдаты

и почему я думаю, что на наведение порядка в мире мне не потребуется даже и двух лет.

— Трудно сказать. Остальные могут забеспокоиться...

— Ничего страшного, даже если и так. Им это пойдет только на пользу, — заверила она. — Когда вы вернетесь целым и невредимым, все поймут, что меня можно не опасаться.

— Хорошо.

Мы вернулись во дворец. Мне не хотелось говорить Мэри и Эллен, что я собираюсь в одиночку посетить военный лагерь Полы, поэтому я отправился искать Билла или Дока. Первым мне попался Док, и мою идею посетить вотчину Полы он воспринял довольно спокойно. Более того, мне показалось, что у него загорелись глаза.

— Хотите, чтобы я сопровождал вас? — спросил он.

— Необязательно... — Я замолчал на полуслове. — Впрочем, почему бы и нет? Возможно, заметишь то, что не бросится в глаза мне.

Я послал его сообщить Биллу, что мы решили лететь вдвоем, а сам отправился к Поле сообщить, что нас будет двое. Я был очень доволен собой, поскольку теперь остальным будет нечего возразить.

— Конечно, пусть летит, — милостиво согласилась Пола, когда я намекнул, что вообще не смогу полететь с ней, если при мне не будет кого-нибудь, вроде Дока. Мне пришло в голову, что она, как в свое время и я сам, возможно, недооценит Дока из-за его молодости. Сам я, правда, за последние несколько месяцев полностью изменил свое мнение о нем, но если она впадет в то же заблуждение, что в свое время и я, вреда от этого не будет, наоборот — весьма возможно, что мы извлечем из этого пользу.

Во время полета до ее лагеря я внимательно следил за ней, пытаясь понять, раскусила она Дока или нет, но так и не пришел к заключению. Она вела себя в отношении его вполне дружелюбно, хотя и немного снисходительно. Это могло означать либо то, что она не представляет, чего он стоит, либо то, что она просто заведомо свалила его в одну кучу со всеми остальными смертными, на которых, будучи Императрицей, смотрела исключительно сверху вниз.

Лагерь являл собой довольно внушительное зрелище. Солдаты Полы могли быть влюблены в нее, как следовало из слухов, а могли и не быть, но они были прекрасно экипированы, отлично вооружены и дисциплинированы. Их палат-

ки располагались по периметру площадки, в центре которой стояло несколько палаток большего размера, где помещалась Пола и ее свита, обеспечивая таким образом круговую оборону. Доставивший нас в лагерь вертолет высадил нас на площадке внутри периметра рядом с центральной группой палаток. Если Пола собиралась сразу же по прибытии сюда сделать меня своим пленником, то после приземления это не составило бы для нее ни малейшего труда. Со всех четырех сторон мы были окружены вооруженной охраной.

Но, как оказалось, наш визит был просто приятной прогулкой. Пола, очевидно, путешествовала с полным штатом личной прислуги — я насчитал по меньшей мере два полных вертолета, а это означало, что она, возможно, не так остро нуждается в горючем, как я предполагал. Большая часть штата состояла из молодых женщин, которые не были столь же красивы, как их Императрица, но и ненамного ей уступали. Одеты они были столь же непрактично, как и она, что озадачило меня, но я быстро понял, что основной их задачей или, по меньшей мере, второй по важности работой было выступать в качестве украшения и гейш. Когда мы перед обедом пили коктейли, они сразу

облепили Дока и меня, а потом за обедом одновременно и обслуживали и развлекали нас.

Я был не против, что вокруг меня такие симпатичные женщины, а у Дока с непривычки и от смущения аж уши шевелились. То есть я, конечно, не видел, как они шевелятся. На самом деле они не шевелились, наоборот, у него было такое непроницаемое выражение лица, и он выглядел настолько безразличным к оказываемому ему вниманию, что на него просто больно было смотреть. Как человек более солидного возраста и более искушенный в подобных делах, я сумел сохранить нетронутым небольшой кусочек ума, который справедливо отметил, что Пола со знанием дела окружила себя фрейлинами. Они не только удачно оттеняли ее красоту и подчеркивали власть, они еще и создавали дополнительный уровень, отделяющий ее от женской половины человечества. Возможно, ее войска, видя ее в таком пышном окружении, действительно поклонялись ей так же, как могли бы поклоняться богу или полубогу.

После обеда Пола вызвала командующего армией, невысокого худощавого седоволосого человека по имени Аруба, на погонах безукоризненного мундира которого красовалось по три

звезды. Генерал Аруба и Пола вместе повели нас посмотреть лагерь и войска. Большинство солдат были едва ли не подростками. Я заметил несколько юношей и девушек, которым на вид было никак не больше четырнадцати или пятнадцати. Все они были жизнерадостными, на вид умными и производили впечатление людей, относящих себя к элите общества. Они были чем-то забавно похожи друг на друга, и лишь через некоторое время я понял, что не вижу среди них — ни среди мужчин, ни среди женщин — людей высокого роста. Как и их генерал, все они были низкорослыми и коренастыми.

Не считая же роста, во всем остальном они производили довольно внушительное впечатление. Очевидно, ожидая результатов переговоров Полы с нами, они неустанно и активно тренировались. Рядом с лагерем они оборудовали полосу препятствий, и мы имели возможность наблюдать, как тридцать или сорок человек — явно первоклассно тренированные атлеты — преодолевали ее. Как и предупреждал Дед Райан, они разительно отличались от бойцов моей добровольческой милиции.

После инспекционного тура мы еще раз зашли в большую палатку Полы, чтобы еще выпить, а

потом нас доставили обратно в летний дворец. Мне не терпелось узнать, какова реакция Дока на все увиденное, но я снова был в положении хозяина и не мог, оставив Полу в одиночестве, немедленно обсудить результаты поездки со своим штабом.

Возможность встретиться с Доком и остальными появилась у меня только часов в девять вечера. Совещание мы устроили в мэрии. Она располагалась на безопасном удалении от летнего дворца, и никто из свиты Полы не мог нас там ни увидеть, ни подслушать.

— Ну, — обратился я к Доку, когда мы — он, я, Эллен, Мэри и Билл — расселись с чашками кофе в кабинете Эллен, — и как тебе? Что скажешь по поводу ее солдат?

— Они в хорошей физической форме, — ответил Док, теребя мочку правого уха. — Хорошо обучены, молоды, подвижны и умеют подчиняться приказам. Думаю, они знают свое дело...

— Значит, правду говорят, что они отличные бойцы, — заметила Эллен.

— Возможно, — уклончиво произнес Док.

— Почему — возможно? — с нескрываемым интересом поинтересовался я.

— Дело в том, — Док прокашлял горло, — что

они необстрелянные. Мой отец и другие офицеры часто обсуждали, что этот вопрос крайне существен. Кстати говоря, я и сам не раз имел возможность убедиться, насколько это важно. Те бойцы, которые побывали под огнем на фронте, знают, каково это, у тех же, кому не довелось принять участие в боевых действиях, просто нет возможности узнать, на что это похоже. Отец и его сослуживцы обычно говорили, что никогда нельзя предвидеть, как поведет себя необстрелянный человек, первый раз попавший под огонь.

— А почему ты считаешь, что те солдаты, которых вы видели, необстрелянные? — спросил Билл. Док пожал плечами.

— Они так выглядят. Я это сразу заметил.

— В чем это выражается? — спросил я. — Какой-нибудь пример?

— Ну... — Он с секунду хмурясь смотрел в чашку, потом взглянул на меня. — Слишком уж у них блестят глаза и чересчур высоко задраны хвосты. Больно уж они веселые. Понимаете? Будь они ветеранами, то просто не тратили бы силы попусту. Например, в свободное от службы время они бы обязательно отдыхали, сидели или лежали где-нибудь. В общем, что-то в этом роде.

Мы помолчали, обдумывая услышанное.

— Да вы и сами попытайтесь вспомнить, — продолжал говорить Док, — когда в последний раз слышали, что Императрица по-настоящему с кем-то воюет. Может, на островах, в самом начале, проходили какие-то бои. Но с тех пор, как она высадилась на западном побережье, складывается впечатление, что, стоит ей просто появиться где-нибудь со всеми этими пушками, и любой, с кем она имеет дело, тут же сдается.

— Думаешь, мы в принципе могли бы попробовать отбиться от нее? — спросил Билл. — Так, что ли?

— Может, у нас и был бы шанс, — ответил Док. — Но я уверен в одном: те из наших, у кого есть оружие, наверняка при случае не преминут им воспользоваться и, если начнется бой, так легко не сдадутся.

Наступило очередное глубокомысленное молчание.

— Лично мне это не нравится, — наконец сказала Мэри. — Все равно их слишком много.

— Я придерживаюсь того же мнения, — сказал я. — Даже будь мы уверены в победе, я вовсе не хотел бы, чтобы был разрушен наш городок и убит хоть один наш человек. Кроме того, Пола уговаривает меня присоединиться к ней на следующий

год или два — до тех пор пока она не установит контроль над всем остальным миром...

Тут все заговорили одновременно.

— Ладно, ладно, подождите, дайте мне досказать! — прервал я их. — Если я решу отправиться с ней, это вовсе не означает, что я обязательно пробуду с ней два года или даже год. Но если это лучший или единственный способ обеспечить безопасность всех остальных живущих здесь, то нет ничего страшного в том, что я некоторое время проведу с ней. Это самый дешевый способ откупиться от нее.

— Но как же мы здесь будем без тебя? — горячо возразила Мэри.

— Да будет тебе, — сказал я. — Все равно ведь всем здесь управляете вы. А я просто сижу да читаю книжки. Вы вполне можете обойтись без меня.

— Марк, — настоятельно произнес Билл, — вы нужны здесь отнюдь не потому, что исполняете какие-то конкретные обязанности. Вы просто необходимы нам — вы ось всей нашей общины.

— Да пусть катится на все четыре стороны, — высказалась Эллен. — Если ему этого так хочется. Билл недоуменно уставился на нее.

— Надеюсь, ты это не серьезно?

— Ладно, шучу, — скривив рот, пояснила Эллен. — Но все равно меня это раздражает.

Она сложила руки на груди и сердито посмотрела на меня.

— А как же шторм времени? — спросил Билл. — Как вы сможете продолжать работать над тем, чтобы раз и навсегда покончить с ним, если уйдете с Полой? Что, если баланс темпоральных сил, который нам удалось установить, нарушится в то время, когда вы будете отсутствовать? Что, если это случится прямо завтра?

— Если баланс нарушится завтра, я смогу лишь снова попробовать восстановить его так же, как и в первый раз.

— Но ты не сможешь этого сделать, если тебя здесь не будет, — по-своему справедливо заметила Мэри.

— Не говори чепухи, Мэри, — решительно возразил я. — Пола нуждается в стабильной Земле не меньше, чем мы. Если баланс нарушится и снова появятся движущиеся туманные стены, она тут же отправит меня обратно, чтобы я восстановил равновесие.

— Порнярск говорит, что в следующий раз равновесие так легко восстановить не удастся, — вмешался Билл. — Что вы на это скажете?

— Ну что ж, не так легко, значит, не так легко, — ответил я, обращаясь ко всем. — Говорю вам, я сейчас еще не в том состоянии, чтобы сделать со штормом времени что-нибудь более существенное, чем в прошлый раз.

Несколько секунд никто и ничего не говорил. Молчание было колючим как пригоршня иголок.

— Кстати, — спросила Эллен, — ты советовался с Порнярском? Думаю, ты кое-чем ему обязан и не можешь уехать, не поговорив с ним.

Должен признаться, я совершенно забыл о Порнярске. Аватара никогда особенно не интересовался и не участвовал в наших чисто человеческих совещаниях по проблемам поселка, и в результате, когда предстояло принимать какие-либо решения, я совершенно забывал о нем. Эллен была совершенно права. Лишившись помощи Порнярска, я вообще ничего не смогу поделать со штормом времени. Если я просто уеду с Полой и он решит, что я плюнул на шторм...

— Я еще не советовался с ним, — признался я. — Но, конечно, не премину сделать это. Думаю, прямо сейчас и поговорю. Он у себя в лаборатории?

— Скорее всего, — кивнул Билл.

— Он там, — подтвердила Эллен. — Я только что его видела.

Ее слова обратили на себя мое внимание. Насколько я помнил, Эллен никогда не обращала внимания на Порнярска. Я вернулся во дворец и длинными коридорами отправился в лабораторию. Проходя мимо маленького внутреннего дворика, где хранилось тело Санди, я под влиянием порыва остановился и решил взглянуть на него.

Я не был здесь уже несколько месяцев. Долгое время мне было больно даже вспоминать о леопарде, хотя теперь наконец причина боли стала понятна, а сама боль практически ушла, но привычка избегать его все еще была сильна. Но сейчас у меня вдруг возникло ощущение, будто я непременно должен сказать полоумному коту, как будто он по-прежнему был жив и, если меня долго не будет, может забеспокоиться, что я уезжаю. Во дворике под открытым небом, куда я вышел, царила почти полная темнота, и освещал его только свет звезд. Весенний вечер был прохладен, и я невольно поежился. Я прикрыл дверь, через которую вышел сюда, и включил освещение. Дворик внезапно залил свет, да такой яркий, что стало больно глазам. Справа от себя я увидел

прозрачный саркофаг, в котором лежал Санди.

Он напоминал прямоугольный аквариум высотой фута в три, установленный на деревянном постаменте, размерами напоминающем кофейный столик. Саркофаг был заполнен тем же похожим на жидкость веществом, которым была заполнена имитирующая вселенную установка Порнярска и которое, как я понял со слов аватары, на самом деле являлось чем-то вроде измененного состояния пространства — если только вообще можно себе представить, что ничто может пребывать в разных состояниях. Как бы то ни было, по словам Порнярска, оно предохраняло тело Санди от течения времени, любого времени. В результате тело леопарда и сейчас находилось абсолютно в том же состоянии, в каком пребывало через два часа после его гибели, когда Порнярск поспешно поместил его в быстро сооруженную им модификацию экстратемпорального контейнера.

Конечно же, два часа — это слишком много, если надеяться на какое-то биологическое воскрешение. Даже если бы и было возможно заживить его раны и возобновить жизненные процессы в его нынешнем мертвом теле, возвращать к жизни было бы просто нечего. Лишенные кислорода клетки его мозга погибли через считанные

минуты после смерти, и хранившаяся в них информация была безвозвратно потеряна.

Но Порнярск рассчитывал на нечто совсем иное. По его мнению, если бы мы научились хоть немного управлять штормом времени, мы могли бы либо получить необходимые знания непосредственно, либо вступить в контакт с теми, кто живет на темпоральных линиях будущего и знает, как это сделать. Тогда мы сможем вернуть тело Санди в момент, на несколько секунд предшествующий его гибели. Конечно, надежды эти были более чем надуманными, да я, впрочем, никогда их всерьез особенно и не воспринимал. Но раз Порнярск верил в такую возможность, я готов был следовать за ним, куда бы нас это ни привело.

Видимо, думал я, стоя у саркофага и глядя на неподвижное тело Санди, глаза которого были закрыты, а раны скрыты повязками, в душе я все же питаю какую-то тайную подсознательную надежду на благополучный исход. И надежда эта была мне просто необходима. Санди по-прежнему торчал в моем мозгу как острая льдинка, которая никак не хотела таять. Для меня он был незаконченным делом. Ведь он умер прежде, чем я успел дать ему понять, как я ценю то, что

получил от него. И хотя я получил этот подарок от бессловесного животного, это ничуть не умаляло его ценности и не снимало моих обязательств по отношению к нему. Всем остальным — Эллен, отчасти Мэри и Биллу, а возможно, даже и самому Порнярску — у меня еще оставалось время заплатить, поскольку все они были живы и находились рядом. Но вот неоплаченный счет Санди за его беззаветную любовь и гибель, ставшую результатом того, что он бросился защищать меня, все еще висел на моей душе, пришпиленный кинжалом моей столь поздно проснувшейся совести.

Я чувствовал себя в долгу перед ним не из-за того, как он погиб. Самое главное то, что ему удалось разбить твердую скорлупу, в которой были заперты мои эмоции, и теперь я жил, ощущая все, что меня окружает, вне зависимости от своего желания. Иногда это причиняло боль, но в то же время и являлось частью жизни. Независимо от того, как пойдут дела с Полой, я никогда насовсем не откажусь от работы с проблемой шторма времени — хотя бы ради надежды снова когда-нибудь увидеть Санди живым и получить возможность выразить ему свои чувства.

Я выключил свет. В неожиданно наступившей темноте и при свете звезд я почувствовал,

что дрожу крупной мучительной дрожью. Оказывается, стоя во дворе прохладным весенним вечером в одной футболке с короткими рукавами, я промерз до костей. Я вернулся в теплые объятия дворца, прошел через холл и оказался у двери в лабораторию Порнярска.

Когда я вошел, он был там вместе со Стариком, тихо сидевшим на корточках у стены и наблюдавшим за аватарой, который стоял возле своей установки и глядел в нее. Когда я вошел, они оба взглянули на меня.

— Решил зайти, — сказал я, и эти самые обычные слова, произнесенные в лаборатории, где никогда не прекращалась работа, вдруг показались мне ужасно глупыми, особенно учитывая то, что обращены они были к пришельцу-аватаре и экспериментальному получеловеку-полуживотному. Я решил, что нужно срочно добавить что-нибудь еще, дабы замаскировать первую дурацкую фразу. — Ну как, выяснил что-нибудь новенькое?

— Я не совершил каких-либо серьезных прорывов в области познания или восприятия, — ответил Порнярск так, словно я разговаривал с ним всего какой-нибудь час или два, а не несколько месяцев назад.

— Думаешь, удастся? — спросил я.

— На этот счет у меня есть определенные сомнения, — ответил он. — Мои возможности ограничены тем, чем я являюсь, равно как и он, — Порнярск указал на Старика, который на секунду перевел взгляд на него, а потом снова уставился на меня, — ограничен тем, чем является он. Сам Порнярск мог бы добиться несравненно больших результатов. Или даже ты.

— Нет никакой надежды завлечь сюда Порнярска? — спросил я, наверное, в сотый уже раз, потому что не мог удержаться, надеясь, что на сей раз ответ окажется иным.

— Уверен. Конечно, существует возможность, что и здесь удастся добиться каких-либо результатов. Но в то же время практически определенно будет достигнуто нечто возможное, не столь большое, но тем не менее весьма важное там, где Порнярск находится сейчас. И он ни в коем случае не променяет эту определенность на возможность.

— И ты даже не можешь объяснить, где он находится?

— Нет, — сказал аватара. — Во всяком случае, в понятных тебе терминах.

— Что, если ситуация изменится? Тогда смо-

жешь?

— Если что-либо изменится, то все возможно. — Да, — кивнул я и почувствовал, что позади длинный, наполненный событиями день. Я бы с удовольствием присел, если бы рядом был стул. Но поскольку ни Порнярск, ни Старик стульями не пользовались, ближайший сейчас находился на противоположном конце комнаты и не стоило идти туда и приносить его. — Боюсь, и мне пока ничего не удалось достичь, — признался я и, едва договорив, вспомнил, что это не совсем так. Я засомневался, вспоминая о происшедшем несколько дней назад, когда на кормушку прилетел подкормиться кардинал, и о том, что последовало за этим. Интересно, придаст ли этому какое-нибудь значение аватара. — Впрочем, нет, кое-что было.

Он ждал. Старик тоже ждал. Если бы они оба были просто двумя людьми, по крайней мере один из них наверняка спросил бы меня, что означает это кое-что.

— Все это время я довольно много читал... — через несколько секунд снова заговорил я и принялся рассказывать Порнярску о том, как Старик помог мне выбраться из умственного тумана, в котором я находился с момента гибели Санди,

и как я пустился в свои поиски, жадно поглощая все, что находил между книжными корешками. До этого я никогда ему об этом не рассказывал, и сейчас, слыша, как слова срываются с моих губ, я сам недоумевал, почему я этого не сделал раньше.

Порнярск молча слушал меня, и Старик тоже слушал. Сколько из сказанного мной понимал Старик, я не знал. Но из того, о чем говорили между собой мы, люди, он определенно понимал довольно много, очевидно, будучи ограничен не столько скудностью словаря, сколько недостаточными возможностями восприятия абстрактных понятий.

Он явно сознавал, что часть времени я говорю о нем, и почти наверняка понимал, о чем идет речь, когда я рассказывал о том моменте на склоне горы, о своей решимости убить его и о том, как меня остановило прикосновение его руки.

Порнярск дал мне рассказать все до конца, до того места, где я стал описывать золотистый свет и то, как помогал Оррину Элшеру разгружать пикап. Рассказав все до конца, я ждал, что он что-нибудь скажет, но он по-прежнему молчал.

— Ну, — не выдержал я. — Что ты обо всем этом думаешь? Я действительно прорвался к чему-то

или нет?

— Не располагаю возможностью ответить на вопрос, — сказал Порнярск. — Любое открытие может представлять ценность. Я не знаю, представляет ли это какую-нибудь ценность для нас в плане того, чем мы занимаемся, поможет ли это нам приблизиться к пониманию, как контролировать шторм времени. Но, в принципе, могу сказать тебе, что все, расширяющее границы знаний, рано или поздно окажется полезным.

Я был сильно огорчен его словами. Для меня тот эпизод с кардиналом, золотистым светом и встречей с Элшером явился великим откровением, и то, что аватара отнесся к нему столь прохладно, оставило у меня в душе неприятный осадок. Я едва не рявкнул на него, но потом вдруг понял, что испытываю одно из самых сомнительных чувств — гнев.

Итак — почему я рассердился? Я задал себе этот вопрос, и ответ пришел мне в голову очень быстро, причем совершенно недвусмысленный. Я рассердился, поскольку ожидал, что меня ободряюще похлопают по спине. Подсознательно я все это время готовился к небольшому спокойному разговору с Порнярском по поводу того, что я сумел совершить этот серьезный прорыв

вперед, работая совершенно самостоятельно, поэтому мой отъезд с Полой никак не будет потерей времени, поскольку и будучи в отъезде я смогу продолжать работать и продвигаться вперед. А Порнярск походя нарушил все мои планы, не выказывая ожидаемого восторга и восхищения моими достижениями и оставляя меня таким образом без необходимого трамплина.

Что ж, ладно. Значит, мне предстоит начинать все сызнова, только на сей раз совершенно честно.

— Ситуация складывается следующим образом: скорее всего мне придется на время уехать. На какой именно срок — не знаю.

— Уехать? — спросил Порнярск.

Я рассказал ему о Поле.

— Понимаешь? — спросил я, закончив рассказ. — Единственный безопасный выход для живущих здесь людей, и если уж на то пошло, то и возможность сохранить все то, что находится в этой лаборатории, и продолжать работу со штормом времени — отправиться с ней, хотя бы на некоторое время. Ненадолго. Я скоро вернусь. И хочу, чтобы ты это знал.

— Я могу понять твои намерения, — сказал Порнярск. — Могу ли я спросить тебя, хорошо ли

ты взвесил ценность того, что ты собираешься защитить, и сравнима ли она с ценностью того, чего ты со временем мог бы достичь в борьбе со штормом времени? Ведь помимо всего прочего с тобой может произойти и просто несчастный случай.

— Но несчастный случай может уничтожить меня и здесь.

— Согласись, что здесь — куда как менее вероятно. А с этой Полой ты оказываешься в области более высокого физического риска.

— Скорее всего, ты прав. Впрочем, почти наверняка это так и есть. Ты, конечно же, прав.

— Тогда, возможно, тебе не следует уезжать.

— Помоги мне Бог, Порнярск! — воскликнул я. — Я должен ехать! Как ты не понимаешь. Мы не можем начать с ней войну и уцелеть. А нам прежде всего надо выжить, а уже потом продолжить работу со штормом времени, поскольку другого пути у нас просто нет.

— А ты уверен, что мы не сможем выжить, если ты останешься?

— Абсолютно уверен.

Он встал, и с секунду его тяжелая массивная маска лица пристально смотрела на меня.

— Сделай, пожалуйста, одну вещь, — попро-

сил он. — Ты уже довольно давно не смотрел в контейнер. Посмотри в него сейчас и скажи мне, будет ли увиденное сейчас отличаться от того, что ты видел в первый раз.

— Конечно...

Я подошел к установке и заглянул в прозрачный контейнер. Сосредоточившись, я снова увидел мириады перемещающихся в нем крошечных огоньков. Глядя на них, я испытывал какое-то странное разочарование и лишь через секунду или две понял его причину. Я подсознательно купился на собственную же историю насчет совершенного мной прорыва в понимании взаимосвязанности всего сущего, о том моменте с кардиналом. Я искренне ожидал, что, когда снова загляну в контейнер, увижу гораздо больше, чем раньше, и сейчас был разочарован.

Теперь, когда я осознал причину своего разочарования, оно перешло в мучительную душевную боль. Непонятно почему. Я совершенно не хотел обнаруживать что-либо, могущее воспрепятствовать моему отъезду с Полой. Напротив, я хотел получить подтверждение необходимости поездки, и именно его я и получил. Но в то же время я понимал, что на самом деле хочу вовсе не этого — мое сердце жаждало совсем другого.

Я порылся в памяти, пытаясь восстановить момент с кардиналом и заливающим все вокруг золотистым светом. Но у меня ничего не получалось. Я не мог восстановить его. Во мне начала закипать горечь. Мой разум принялся колотиться о железные прутья собственного бессилия. То, к чему я так стремился, уходило от меня все дальше и дальше.

Возможно, я что-то сказал. Возможно, проворчал что-то, выругался или издал еще какой-то звук. Точно не помню. Но тут кто-то внезапно коснулся моей левой руки. Мой разум мгновенно очистился. Я оглянулся и увидел рядом с собой Старика. Он держал меня за пальцы и смотрел на меня.

В голове у меня прояснилось. Внезапно и Санди, и кардинал, и все остальное снова слилось воедино. Горечь и гнев на самого себя куда-то испарились, и я вспомнил, что смог нащупать это связавшее меня со всем сущим нечто, именно стараясь не охватить все это внешне, а, наоборот, впитать в себя и сделать частью своего естества. Тут я сдался, распахнул свой разум настежь и еще раз заглянул в контейнер.

Там, как и раньше, мелькали огоньки. Но теперь, глядя на них, я начал улавливать ритм

их движений и подмечать закономерности. Их движения вызывались некими силами, и теперь я мог следить за этими силами по расположению огоньков. Чем отчетливее я их видел, тем больше становилось их число и усложнялось взаимодействие, и наконец все большие и большие скопления огоньков также начали взаимосвязанное движение. На сей раз вокруг меня не было золотистого света, но была какая-то сила — не напряжение, а именно сила, которая нарастала, как становящаяся все громче музыка, до тех пор пока не достигла какого-то пика, и тут я прорвался. Я мгновенно оказался там, где хотел.

***

Я больше не стоял, глядя в обзорное устройство. Я плавал в реальной вселенной. Я был одной бескрайней точкой зрения — настолько необъятной, что мог охватить взглядом всю вселенную сразу, но в то же время мог и сосредоточиться на отдельных звездах, отдельных планетах. Сейчас передо мной была не картинка, а реальность, и впервые я воспринимал ее как единое работающее целое. От частицы до атома, до звезды, до галактики, до целой вселенной — я видел все части, работающие сообща, как один большой живой организм,

реагирующий на давление энтропии...

— Боже мой! — воскликнул я и услышал собственный голос лишь через кости черепа, он казался очень слабым и далеким, потому что я еще пребывал во вселенной. — Боже мой, она рушится! Она сжимается!

Поскольку так оно и было. То, на что я смотрел, было картиной вселенной, которая равномерно расширялась, ее галактики разбегались во все стороны, создавая плавно уменьшающуюся энтропию. Теперь же расширение зашло слишком далеко. Ткань вселенной чрезмерно растянулась, стала слишком тонкой и кое-где начала рваться. Тут и там галактики начинали спадаться обратно к центру, сближаясь друг с другом, и там, где это происходило, процесс энтропии повернул вспять. Эти районы возрастающей энтропии граничили и соответственно вступали в коллизию с теми по-прежнему расширяющимися участками, где энтропия продолжала уменьшаться.

Результатом являлось все усиливающееся напряжение, хаос вступивших в противоречие законов природы, распространяющийся подобно прорезающим кристалл трещинам, распространяющимся по всему пространству вселенной, подгоняемыми приливными волнами движения

космических тел. Это напряжение концентрировалось и порождало все новые и новые трещины пространства в точках с наибольшей массой, и прежде всего в центрах галактик. В тех местах, где проходили эти линии трещин, изменялось состояние времени, и оно начинало двигаться вперед или назад, туда или обратно.

Первая трещина пробежала через нашу галактику четыре миллиарда лет назад. Мое сознание развернуло время вспять, к тому моменту, и я увидел, как это случилось. Нарастание энтропической коллизии около центра галактики. Массивная звезда, которая стала новой, но, в отличие от обычной новой, она не взорвалась, а стала спадаться внутрь себя.

Происходил коллапс огромной массы. Коллапс пространства и времени, за которым последовал шквал распространяющихся во все стороны провалов во времени, и наконец шторм времени достиг самых отдаленных рукавов Галактики и затронул нашу Солнечную систему.

Таким образом, пошло вразнос буквально все. Распадалась не только Галактика, но и сама вселенная. Не было на что опереться, не оставалось места, на котором бы можно было закрепиться до тех пор, пока не удалось бы остановить

этот процесс и восполнить ущерб. Уж слишком непомерны были масштабы происходящего. Это было всеобъемлюще, и притом буквально все в этом процессе было взаимосвязано — от частиц, составляющих мое тело, до всеохватывающей вселенной. Ни я, ни кто-либо еще просто не располагали возможностями остановить такое. Тут ничем не мог помочь ни я, ни все человечество, ни все разумные обитатели вселенной сообща. По сравнению с этим мы были меньше пылинок, угодивших в торнадо, мы не могли даже мечтать обуздать то, что бушевало вокруг нас и могло уничтожить нас в мгновение ока...

Глава 27

Проснулся я в своей постели с таким чувством, будто когда-то уже проходил через подобное. Несколько мгновений я никак не мог сообразить, когда это было, но потом вспомнил о своем первом опыте с установкой Порнярска и о том, как потерял сознание, потрясенный увиденным. Я испытал мгновенный приступ раздражения. Если я буду вот так отключаться каждый раз, когда загляну в этот аквариум...

Но стоило мне вспомнить, что я видел, раздражение угасло. Сейчас, лежа в знакомой постели, в знакомой комнате, окруженный самыми простыми и обычными вещами, то, что я пережил, казалось просто невозможным, похожим на какой-то дурной сон. Но это был вовсе не сон. Это была реальность, и, несмотря на уютную безопасность привычной обстановки, картина шторма времени, какой я ее видел, казалась мне чем-то вроде гигантской безразличной нависшей над нами горы, которая может в любой момент обрушиться и погрести нас под собой, а может и позволить нам спокойно прожить еще тысячу

лет.

И все-таки.., несмотря на нависшую над всеми нами грозную темную тень шторма, я был вовсе не так раздавлен, как в тот раз, когда я впервые осознал ее масштабы. Это была реакция моего разума, упрямый рефлекс, в очередной раз восставший против отчаяния и безнадежности. Я не мог даже мечтать, как мечтал давно, одолеть шторм. И все же.., и все же.., что-то во мне отказывалось сдаваться. Какая-то странная потаенная часть моего естества продолжала настаивать, что положение все еще можно попытаться исправить и даже, не исключено, преодолеть все препятствия.

Это было просто нереально. Разве что тысяча подобных мне людей, обладающих могуществом, превосходящим могущество богов, и имела бы шанс, но ведь я был один и такими силами не располагал. И все же упрямство не давало так просто сдаться. Что-то во мне не позволяло мне этого сделать.

Вошла Эллен, неся стакан воды.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— В порядке, — ответил я.

Единственное окно спальни было задернуто шторой, и в спальне горел свет. Но, бросив взгляд

в сторону окна, я увидел, что из-за шторы пробивается бледноватый, но более резкий свет дня.

— Сколько я уже здесь? — спросил я, когда она подошла ко мне.

Вместо ответа она протянула мне стакан воды и две белые таблетки.

— Прими, — настойчиво произнесла она.

— Что это? — спросил я, глядя на лежащие у меня на ладони таблетки.

— Не знаю, но Мэри сказала, что ты должен принять их, когда проснешься.

— Черт побери, не собираюсь я пить невесть какое лекарство только потому, что так велела Мэри.

— Думаю, это самый обычный аспирин.

— Аспирин?

Я присмотрелся к таблеткам повнимательнее. И точно, с одной стороны на них были выдавлены маленькие крестики, бывшие отличительным признаком аспирина, видимо, в свое время производившегося в этих краях, а поднеся их к носу, я почувствовал слабый кисловатый характерный запах. Просроченные лекарства были одной из наших серьезных проблем, поскольку мы располагали лишь медикаментами, произведенными еще до шторма времени. Эти две таблетки были

явно свежее, чем большинство им подобных, которые мне приходилось видеть в последние полгода. Должно быть, Мэри приберегала их на крайний случай. Мне стало стыдно за себя. Мне не нужны были эти таблетки, но если я сейчас не приму их, то они и дальше будут просто стареть, в то время как проглотив их, я не причиню себе вреда и дам Мэри почувствовать, что ее усилия не пропали понапрасну.

И я проглотил их.

— Если ты в состоянии, то Порнярск хотел бы поговорить с тобой.

— Вполне.

Я отбросил одеяло и сел на краю кровати. Оказалось, я был раздет.

— Где мои брюки?

— В шкафу, — ответила Эллен. — Думаю, тебе лучше пока не вставать.

— Да нет же, все в порядке, — начал спорить я. Но, по-моему, она мне не поверила, и тогда я решился на маленькую ложь:

— У меня болела голова, но, кажется, уже проходит.

— Ну, если ты так уверен, я пойду позову его. Она вышла, и я успел одеться до того, как в комнату притрусил Порнярск.

— Хорошо ли ты себя чувствуешь? — спросил он меня.

— Прекрасно, — ответил я. — Никаких проблем. Даже ничуть не устал.

— Я рад это слышать. Помнишь, что ты сказал перед тем, как потерял сознание?

— Не совсем уверен...

— Ты воскликнул: «Боже мой...», а потом сказал: «Это невозможно. Мне такое не под силу. Это невозможно сделать...» Ты можешь мне объяснить, что имел в виду, что заставило тебя сказать это?

— То, что я увидел, — ответил я.

Я рассказал ему обо всем. Когда я закончил, он с секунду постоял молча, а затем со скрипом совершил один из своих неуклюжих кивков головой.

— Следовательно, теперь ты уверен, что дальнейшие попытки справиться со штормом бесполезны? — спросил он.

— Во всяком случае, так все это выглядело, — подтвердил я. — Но теперь.., нет, я не уверен. Кажется, никакой надежды нет, и в то же время я вроде бы так и не смог заставить себя сдаться.

— Меня это радует, — сказал аватара. — Не имея желания продолжать, ты бы потерпел неудачу, даже если бы можно было ожидать успеха. А при

наличии желания всегда остается надежда. Сам Порнярск всегда считал, что очевидное — это всего лишь возможное. Поэтому неудача, как и успех, всегда могут оказаться лишь возможностью, а не определенностью.

— Что нам делать дальше?

— Вот это-то я и хотел у тебя спросить, — сказал Порнярск. — Мое прежнее предположение оказалось верным. Твои возможности намного превосходят мои. Так что ответ предстоит найти тебе.

На протяжении следующих трех дней я тем и занимался, одновременно в меру своих способностей пудря мозги Поле, чтобы протянуть время. Но вечером четвертого дня ее нетерпение наконец прорвалось наружу.

— Ответ нужен мне завтра, Марк, — настойчиво произнесла она, удаляясь в свои комнаты. — Я провела здесь гораздо больше времени, чем планировала.

Был одиннадцатый час. Я прикинул, не собрать ли мне вместе Порнярска, Эллен и Мэри для мозгового штурма, но потом отказался от этой идеи. Они ничем не смогут мне помочь. Как и сказал Порнярск, найти ответ предстояло именно мне.

Я отправился в библиотеку, походил из угла в

угол, но абсолютно ничего не придумал. Мысли продолжали соскальзывать с проблемы, как жук с оконного стекла. В конце концов я сдался и отправился спать, надеясь, что придумаю что-нибудь во сне.

Проснулся я часа через три, так и не найдя решения.

Что станется с Эллен и Мэри, да и со всей нашей общиной, если я, покинув их в качестве полупленника-полуслуги Полы, либо погибну, либо не вернусь обратно в обозначенные сроки или в случае крайней необходимости? Что станет с миром, если локальные силы шторма снова выйдут из равновесия? Но ответа я не находил. Оставалось лишь надеяться, что мне удастся что-то сделать со штормом и, пользуясь его силами, каким-то образом лишить Полу превосходства, которое давала ее армия.

Но и такой надежды практически не было. Любая возможность казалась выцветшей, сухой и изношенной. Оставался только один способ: отпереть «ключом» дверь, преграждавшую мне путь. Но ключа-то как раз и не было. Мои мысли мчались кругами так долго, что запас их сил истощился. Я накинул плащ, который использовал вместо халата, и отправился обратно в

библиотеку, чтобы вырваться из пустопорожнего коловращения утомленных мыслей.

В искусственном свете ламп библиотека показалась мне пустой и неуютной. Я плюхнулся в кресло и закрыл глаза. Мысли перескакивали с одного на другое, в голове всплывали образы всех тех, за кого я чувствовал себя ответственным... Мэри, Уэнди, Эллен, аватара...

Их лица проносились одно за другим, как в кинофильме. Вспоминались даже те, кого не было рядом. Я видел Тека, падающего под ударами пуль из автомата Эллен, Сэмуэлсона, с его гранатометом, расстреливающего игрушки-переростки, атакующие его родной городок, Санди, таким, каким я увидел его впервые, снова Санди, с Эллен, еще в те времена, когда я называл ее девчонкой, Санди...

Санди.

При мысли о нем все встало на свои места. Мой разум раскрылся как цветок на рассвете, и жизнь хлынула обратно в мое тело. Свет и вся обстановка комнаты, секунду назад казавшаяся совершенно безжизненной, стала совершенно иной. Я снова испытал чувство единения со всеми и сразу понял, что принципиально можно будет сделать, если только хватит времени.

Окрыленный прозрением, я вскочил и бросился в лабораторию Порнярска.

Я включил свет в темном помещении и увидел, что Порнярск неподвижно стоит около установки, а взгляд его устремлен куда-то в пространство. Невозможно было сказать, спит ли он в подобные моменты, да и вообще неизвестно было, спит он когда-нибудь или нет. Мы все не раз спрашивали его об этом, но он всегда отвечал, что в его терминах вопрос не имеет смысла, а в наших не имеет ответа. И сейчас, когда зажегся свет, он еще с секунду пребывал в неподвижности, а потом повернул голову и посмотрел на меня.

— Что такое, Марк? — спросил он.

— Кажется, я знаю, что делать! — воскликнул я. — Мне только сейчас пришло в голову. Послушай, ты ведь можешь использовать установку в качестве компьютера, да? Я имею в виду, ты можешь экстраполировать картину шторма в прошлое и в будущее?

— Конечно.

— Как далеко в будущее?

— До момента, пока экстраполяция не перестанет быть возможной, — сказал он. — До тех пор, пока шторм времени не уничтожит вселенную или не будут исчерпаны возможности установки

строить логические последовательности.

— Послушай, — голос мой эхом отражался от голых, выкрашенных белой краской бетонных стен. — Всегда имелся шанс, что мы сможем получить помощь в борьбе со штормом времени в будущем, но я никогда не задумывался об этом в плане достаточно отдаленного будущего. Теперь я вспоминаю, что, глядя в контейнер, подумал: вот если бы нашлась еще тысяча подобных мне! Тогда кое-что, возможно, только возможно, и удалось бы сделать. Нам никогда не найти ничего подобного в недалеком будущем, но если бы мы продвинулись в будущее насколько это возможно, может, там и нашлась бы тысяча таких, как я. Там — далеко в грядущем. Так далеко, насколько нам удастся проникнуть.

— Но если они даже и существуют, — сказал Порнярск, — то как нам вступить с ними в контакт?

— Возможно, мы могли бы отправиться к ним. — Слова буквально лились из меня, и у меня было ощущение, будто мозг мой объят пламенем. — Если бы только мне удалось увидеть, какой станет картина шторма в те времена, как он воздействует на наш район — территорию вокруг дворца, а то и вокруг одной только

лаборатории, — думаю, я смог бы снова разбалансировать силы шторма. И тогда мне, возможно, удалось бы создать линию сдвига времени, всего одну туманную стену, которая перенесла бы нас к ним в будущее.

Он не шевелился и не издавал ни звука, должно быть, секунд пять или шесть, и все это время мое сердце гулко билось внутри грудной клетки, поднимая и опуская грудь.

— Да, такое возможно, — сказал он.

— Дыхание, которое, как выяснилось, я все это время сдерживал, вырвалось из меня со звуком, похожим на ворчание.

— Мы можем сделать это?

— Я могу показать тебе самую последнюю из доступных этому устройству картин шторма, — сказал он. — Если я сделаю это, ты уверен, что сможешь?

— Нет, но могу попытаться.

— Да, — сказал он. Его голова приподнялась, а потом опустилась в одном из редких кивков. — Чтобы получить столь отдаленные картины шторма, мне потребуется время.

— Сколько?

Он пристально посмотрел на меня.

— Не знаю. Возможно, несколько дней, а может

быть и лет.

— Лет! — повторил я вслед за ними. Но потом до меня наконец дошло. Ведь самая отдаленная из доступных картин шторма в будущем может быть получена только в результате последовательного прохождения через все предыдущие.

— Когда я доберусь до предела возможностей устройства, — сказал он, — то позову тебя посмотреть.

— Значит, мы должны купить себе столько времени, сколько его потребуется. Решено. Я скажу Поле, что отправляюсь с ней.

— Возможно, это самое разумное. Но учти, ты должен будешь иметь возможность вернуться, когда я получу окончательную картину.

— Вернусь, — пообещал я. — Уж об этом не беспокойся. Я чувствовал себя просто великолепно. Угнетенное состояние, сметенное всплеском энергии и уверенности в собственных силах, исчезло как по волшебству. Я не вернулся бы в постель, даже если бы и чувствовал себя в состоянии заснуть. Я взглянул на часы — была уже половина шестого утра.

— Пойду разбужу всех, кто должен об этом узнать, и все им расскажу. Прямо сейчас. Ты со мной?

— Я тебе не нужен, — сказал он. — К тому же любая напрасная трата времени сейчас будет оттягивать момент достижения цели.

— Хорошо.

Я отправился будить остальных. Чуть меньше чем через час все они сидели в столовой летнего дворца с чашками кофе, продирая глаза и ожидая разъяснений. Я созвал на совет всех, кто, по моему мнению, должен был знать, что нам предстоит. За столом были Эллен, Мэри, Билл, Док и Уэнди. Последняя выглядела особенно мрачной. Она была уже достаточно взрослой, чтобы завести четырнадцатилетнего приятеля. Мне лично казалось, что десять лет слишком мало для подобных дел, но она действительно уже начинала физически развиваться. Более того, она попросила, чтобы к участию в этом совете допустили и ее дружка. Естественно, я ей отказал. Это была очередная, из целой серии ее попыток, заставить мать и всех нас принять ее возлюбленного в нашу внутреннюю семью.

Что до остальных, то Док выглядел совершенно невозмутимым, будто из всех присутствующих только у нас с ним сна не было ни в одном глазу. Эллен выглядела озабоченной, Мэри — усталой и как будто постаревшей, а Билл все еще был

бледен — он явно никак не мог прийти в себя из-за внезапно прерванного сна.

— Я намерен сегодня сообщить Поле, что готов последовать за ней, — без всякого вступления сообщил я. — Возможно, мы улетим прямо сегодня.

Я рассказал им о вспыхнувшей во мне надежде, о своем разговоре с Порнярском, о том, что он уже принялся за работу.

— Главное, — подытожил я, — что Порнярск и вы, скорее всего, пока Пола считает меня другом и соратником, будете здесь в полной безопасности. Если положение изменится, она может взять кого-нибудь из вас в заложники, чтобы удерживать меня под контролем или чтобы я хорошо себя вел. Поэтому, если наши с ней отношения вдруг ухудшатся, я немедленно извещу вас об этом, и в этом случае вы все должны немедленно убраться отсюда и рассеяться по округе. Рассеяться на как можно большей территории, причем каждый сам по себе. И самое главное, чтобы никто не знал, кто и куда собирается исчезнуть и где осесть.

Уэнди явно помрачнела.

— Я не шучу, — сурово произнес я, глядя на нее в упор. — Никто. Уэнди, ты можешь оставаться с матерью, но все остальные должны скрываться поодиночке.

— Марк, — спросила Мэри, — неужели так необходимо, чтобы, если у тебя получится, все остальные тоже отправлялись с тобой в будущее? Разве ты не можешь отправиться туда один, рассказать тамошним людям то, что собирался, а потом вернуться?

— Как же я смогу? — возразил я. — Ты же знаешь, что для контроля сил шторма мне необходим гештальт монад, а для него потребуетесь все вы. Поэтому слушайте. Что я сделаю, так это возьму с собой Старика. Если я отошлю его обратно или он каким угодно образом вернется сюда, знайте — это сигнал. Тут же уходите.

— Марк, — сказал Док, — вам обязательно потребуется какой-нибудь способ быстро получить от нас сообщение, когда Порнярск найдет то, что ищет. Как насчет того, чтобы я регулярно навещал вас просто якобы для того, чтобы передать письма от друзей, коробочку печенья и все такое прочее? В этом случае, когда я привезу вам известие, люди Полы ничего не заподозрят.

Я с благодарностью посмотрел на него. В такое утро, как сегодня, и за этим столом было так приятно видеть хоть одну голову за работой.

— Правильно, — согласилась Эллен. — Тогда, если для побега тебе потребуется помощь, Док

заодно сможет тебе помочь. Еще одна умная головушка.

— Отличная идея, Док, — легко улыбнулся я. — И ты права, Эллен. Есть еще предложения?

— Сколько времени будешь отсутствовать? — спросила Мэри.

— Не могу сказать точно. Все зависит от того, насколько быстро Порнярск дойдет до картины самого отдаленного будущего.

Я не стал спрашивать, что кроется в ее вопросе, поскольку знал ответ. Мэри было все труднее справляться с Уэнди, и она все больше и больше полагалась в этом на мою поддержку. Когда она начала говорить, то я понял, что оказался абсолютно прав.

— Может быть, Уэнди отправится с тобой? Хоть посмотрит, как живут в других местах.

— Нет! — одновременно воскликнули мы с Уэнди. Этого мне только не хватало — иметь на руках Уэнди, когда я старался, чтобы Пола была довольна и ничего не заподозрила. Я быстро придумал:

— Слишком опасно для нее.

— Да я и не хочу! — захныкала Уэнди, которая быстро схватывала намеки. Мэри беспомощно переводила взгляд с меня на дочку. Она знала, что ее обыграли, но была бессильна что-либо с

этим поделать.

— Тогда, если предложений ни у кого больше нет, можешь заняться сборами всего необходимого для поездки. Да, нужно сообщить всем остальным, что я уезжаю. А Поле я скажу сам через час или около того, за завтраком.

Глава 28

Пола отнеслась к новости довольно прохладно. Может, потому, что кто-то из ее людей уже слышал об этом, поскольку слух очень быстро распространился среди наших людей, или просто потому, что такова была ее стратегия — делать вид, будто она никогда и не сомневалась в моем согласии, — сказать трудно. В любом случае мне на это было просто наплевать.

— Сколько времени у тебя займут сборы? — спросила она за завтраком.

— Думаю, часов шесть.

— В таком случае я подожду, и ты присоединишься к моей свите здесь. Если не успеешь, придется тебе догонять меня. Я отдам своим офицерам соответствующие распоряжения. Ты уж извини, Марк, не хочется обижать твоих поваров, но я с радостью вернусь в штаб и выпью приличного кофе.

Мне предстояло лететь вместе с Полой, а я никак не мог найти Старика. Он явно недолюбливал Императрицу и сейчас, по всей видимости, просто сбежал. Наконец его обнаружил Док в

полумиле от летнего дворца среди валунов на склоне. Чтобы заставить экспериментала вернуться к вертолетам, ему пришлось буквально приставить к виску пистолет. Старик знал, что такое оружие, поэтому неохотно, но все же пошел обратно.

Увидев, как он недовольно скрючился рядом с Доком на переднем сиденьи джипа, я раздумал брать его с собой.

— Послушай, — вполголоса сказал я Доку, когда джип подъехал и остановился у трапа, — ничего хорошего из этого не выйдет. Если он и впредь каждый раз, когда я отведу от него взгляд, будет смываться, у нас ничего не получится. Давай-ка вместо него со мной полетишь ты, и по пути мы все обсудим. А потом я могу послать тебя обратно с известием.

— Ладно, — кивнул Док, вылезая из джипа. — У меня есть время прихватить что-нибудь с собой, или...

Но в этот момент нашу проблему решил сам Старик. Он смотрел то на вертолет, то на меня все то время, пока джип приближался к взлетно-посадочной площадке. Он был достаточно разумен и, должно быть, наконец понял, что я действительно улетаю — с ним или без него. Во всяком

случае, он вдруг перескочил из машины прямо на нижнюю ступеньку трапа, схватил меня за руку и потянул за собой.

— Ну, тогда все в порядке, — сказал я Доку. — Но почему бы тебе и в самом деле не остаться со мной — по крайней мере до тех пор, пока все не устроится. Вот только времени на сборы у тебя не осталось. Оружие с собой?

— Пистолет.

— Отлично. А все, что тебе может потребоваться кроме этого, я вытрясу из ее помощников. Давай в вертолет.

Он поднялся по трапу следом за мной, а Старик запрыгнул в салон впереди нас.

— Это еще что такое? — спросила Пола, когда мы уже находились внутри, трап был втянут, а люк закрыт. Она переводила взгляд с Дока на меня.

— Есть одно незаконченное дело, — сообщил я. — Необходимо принять кое-какие решения. Там, где мы остановимся, через пару дней, не больше, я сообщу ему свое решение, и он вернется. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Разумеется. Почему бы и нет? — Она переключила внимание на Старика, который по-прежнему держался за мою руку. — А это то

самое создание? Кажется, я уже видела его раньше. Оно приручено?

— Задолго до того, как мы с ним познакомились, — ответил я. — Все люди его племени учатся, пока растут, как обычные человеческие дети.

— Люди? — Она усмехнулась. — Ладно, только пусть держится подальше от меня. А теперь рассаживайтесь.

Она отвернулась.

Очевидно, мы летели не туда, где находился ее военный лагерь, в который мы летали с визитом. Она уже отдала приказ, и войска двинулись в путь примерно через час после того, как я сообщил ей о своем решении. Мы полетели на восток и приземлились примерно через двадцать пять миль, куда уже прибыли солдаты на грузовиках и где уже установили ее личные палатки. Ближе к вечеру подтянулись основные силы и обоз.

Док пробыл со мной четыре дня, чтобы побродить по лагерю и познакомиться с тем, как живут люди Полы. После этого я отправил его домой, пока они не успели разглядеть, что за человек в действительности скрывается под маской любопытного подростка, которую он постоянно «носил» в присутствии и ее самой, и ее людей.

Старик большую часть времени проводил в палатке, которую я затребовал лично для себя, и особого беспокойства не доставлял. Кроме всего прочего, он служил для меня хоть каким-то напоминанием о доме.

Мы продолжали продвигаться на восток. Штаб Полы по три дня с удобствами отдыхал на месте, пока армия продолжала маршировать вперед. Затем колонна грузовиков перевозила штабные палатки и оборудование дальше. Тем временем Пола, ее главнокомандующий и горстка людей, стоявших на верхних иерархических ступенях, остаток дня отдыхали, затем покидали большую палатку-павильон и совершали примерно тридцати– или сорокапятиминутный перелет в одном вертолете к месту следующего лагеря в сопровождении двух пустых вертолетов, на борту которых находились лишь по два ведущих их пилота.

Жизнь была приятная, но монотонная. Мне очень скоро стало ясно, что Пола отнюдь не нуждается в моих услугах, а возит меня в качестве спутника, чтобы производить внушительное впечатление на возможных противников и несговорчивых союзников. У меня было полно свободного времени, но, как оказалось, из-за предусмотрительности Полы. Я быстро понял,

в чем заключаются основные обязанности ее многочисленных фрейлин и служанок.

Их задачей было сделать так, чтобы все, начиная с меня и кончая самым младшим армейским офицером, были счастливы, и еще чтобы мы не путались у Полы под ногами и вообще пореже попадались ей на глаза, за исключением тех случаев, когда ей требовался кто-либо из нас. Большую часть этих выводов я сделал сам, но окончательно расставил все точки над "i" генерал Пьер де Куси Аруба.

Генерал был не дурак выпить. Впрочем, пьяницей его назвать тоже было трудно, поскольку алкоголь не оказывал на него видимого действия и он, как правило, никогда не выпивал больше трех или четырех порций. Но эти три-четыре стаканчика были обязательны за завтраком, обедом, коктейлем и поздним ужином, то есть всякий раз, когда мы с ним встречались.

— В принципе, можно сказать, что я философ, — заявил он мне как-то вечером в своей палатке после того, как закончилось совещание штаба.

Офицеры ушли, а мне он предложил остаться и поговорить с глазу на глаз.

— Вы можете подумать, что я мог бы сколотить свою собственную армию и образовать свою

собственную маленькую империю, — продолжал он. — И действительно, мог бы. Но я не из тех людей, которые желают завести собственную империю для себя. «Все вокруг немного сумасшедшие, кроме тебя и меня, и даже насчет тебя у меня есть сомнения». Люди интригуют меня. Мне нравится жить с удобствами и наблюдать за ними. Поэтому я для нашей Императрицы просто идеальный командующий. Она знает, что, пока ее войсками командую я, она может не беспокоиться по поводу возможного военного переворота.

— Насколько я понимаю, она ценит это.

— Да. В самом деле. — Он улыбнулся мне — это была именно улыбка, а не усмешка, с морщинками, собравшимися в уголках его глаз, и кончиками аккуратных чуть седоватых усов, приподнявшимися над уголками рта. — А будь вы на ее месте, разве не ценили бы?

— Думаю, она хороший босс, да? — спросил я.

— Вы хотели сказать, хорошая Императрица. — Он погрозил мне указательным пальцем. — Никогда не забывайте об этом. Императрица должна всегда оставаться Императрицей. Вот зачем нужны юные дамы.

— Юные дамы?

— Конечно. Близкое знакомство порождает

презрение. — Он снова улыбнулся. — Разве можно представить знакомство более близкое, чем в постели, а?

— В общем-то верно, — мрачно кивнул я, думая о двух своих женщинах.

— Большинству королев постель не приносила ничего, кроме проблем, — говорил он. — И большинству императриц тоже. Королева Елизавета... Екатерина Великая... К тому же, обратите внимание, ни одна из фрейлин не так хороша, как сама Императрица.

— Да, я заметил.

— Не сомневаюсь. Так вот, искусство управлять мужчиной с помощью своего женского естества заключается в том, чтобы постоянно находиться почти на грани досягаемости и все же оставаться недосягаемой. Понимаете?

Я понял. И не только понял — во мне вдруг взыграл какой-то демонический импульс, ведь был брошен вызов моему инстинкту торговца. В те дни, когда Пола уговаривала меня отправиться с ней по дороге завоеваний, она постоянно посылала вполне недвусмысленные сигналы, говорящие о моей привлекательности для нее, как мужчины. И я считал само собой разумеющимся, что по большей части, если не целиком, все это

было заранее рассчитанным ходом для достижения собственных целей. Но, как выяснилось, ей не требовались ни мои услуги как волшебника, ни я сам. Она попросту купила себе достопримечательность практически по цене нескольких обещаний, вместо того чтобы захватывать меня, теряя при этом людей и ресурсы. Типичный случай, поэтому я не особенно удивился тому, что со мной еще и расплатились фальшивыми деньгами. Но и для нее увидеть, как я, после того как меня так ловко провели, спокойно утешился тем, что получил эквивалент двух центов за доллар, наверняка было чем-то вроде оскорбления.

Соответственно, я играл в игру с женской частью свиты, дабы не вызывать каких-либо подозрений, но в то же время старался не выпускать из виду Полу. Я был терпелив. Ведь у меня по-прежнему имелась способность, работавшая в мою пользу, видеть картины развития будущего. Где-то там, в будущем, меня определенно ожидал успех.

Между тем благодаря новым способностям я нашел и другое развлечение, позволяющее убивать время. Теперь, когда я уже дважды сумел прорваться к состоянию осознания единства вселенной, у меня не оставалось ни тени сомнения,

что подобное состояние разума совершенно реально. А если так, то возможно все, даже полное уничтожение шторма времени. Я начал постоянно практиковаться в незаметном со стороны упражнении по развитию своих возможностей восприятия, стараясь довести их до такой степени, чтобы восприятие, узнавание и понимание конфигураций и закономерностей развития всех аспектов бытия стало единовременным процессом.

Эти упражнения сделали свое дело. Теперь я видел самые разные закономерности, они постоянно окружали меня. Они были во взаимоотношениях людей, в их физических перемещениях, в их словах, в их реакциях и мыслях, равно как и во всем остальном: во флоре, фауне, в земле и в небе. Постепенно мои способности развились, пока не достигли настоящего волшебства телепатии и ясновидения. Теперь я мог играть в шахматы лучше, чем кто-либо из знакомых мне людей, но я вынужден был с горечью отметить, что картины развития шахматных партий, пусть удивительные и бесконечные, все же были мертвы. Я же предпочитал живые картины, порождаемые окружающими меня мужчинами и женщинами.

Итак, я наблюдал, учился и, как это ни забавно,

чувствовал, что через меня учится и Старик.

Тем временем мы продолжали приближаться к атлантическому побережью. Пункты, которые мы обследовали по дороге, представляли собой остатки городов или городков, где все еще можно было найти припасы или необходимое оборудование, а порой это оказывались населенные пункты вроде моей собственной общины, которые не существовали до того, как были сбалансированы силы шторма времени, а образовались позже вокруг сохранившихся центров связи или военных частей.

Однако во всех без исключения случаях эти поселения и живущие в них люди явно не были способны сопротивляться армии Императрицы. Разве что иногда они, прежде чем сдаться, день или два пытались блефовать, но в конце концов всегда признавали ее своей правительницей. И вот наконец мы встретили сопротивление.

Мы вышли к океану и наткнулись на место, которое его обитатели называли Капитолией. Раньше оно представляло собой примерно половину Вашингтонского международного аэропорта, а теперь стало наполовину аэропортом, наполовину чем-то еще, поскольку о подножие утесов, которые неожиданно перерезали дорогу

в аэропорт, бились океанские волны. На воде покачивались принайтовленные к сооруженному на скорую руку причалу несколько небольших океанских яхт. В ангарах рядом с аэропортом стояло несколько коммерческих пассажирских реактивных самолетов выпуска 1980 года и — на той части поля, которая теперь обрывалась у океана, — несколько легких пятиместных летательных аппаратов, похожих на пузыри с короткими крыльями и с энергетическими установками, которые, казалось, обладали совершенно неистощимым запасом энергии.

Они принадлежали к какому-то далеко отстоящему от двадцатого века в будущее периоду и, с точки зрения Полы, являлись настоящим сокровищем. Эти самолеты были в своем роде почти так же знамениты, как и я. Дело было в том, что, хотя в портах атлантического побережья до сих пор оставались большие круизные суда и другие морские транспортные средства, у сохранившейся горстки людей не было никакой возможности поддерживать их на плаву и обслуживать их. Атлантику все еще было можно пересечь на самых разных плавсредствах размером до небольших яхт. Но такое путешествие было бы неудобным и заняло бы несколько недель. С этими легкими

самолетами из будущего океан можно было пересечь за считанные часы.

Снова Пола отправилась вперед, отважно полетев с небольшим эскортом на переговоры и одновременно готовя своих солдат и артиллерию позади. Но на сей раз капитуляции не произошло, и ей пришлось драться за желаемое.

Кроме того, эти люди отчаянно сопротивлялись. Арубе и его солдатам потребовалась почти неделя, чтобы захватить городок и подавить сопротивление обитателей, что вылилось в потерю более половины личного состава убитыми и ранеными. Требовалось срочно перебросить подкрепление с западного побережья через весь континент, поскольку Императрица не могла рисковать, рассчитывая, что недавно завоеванные по пути общины поставят ей надежных бойцов. А такая переброска наверняка потребовала бы нескольких месяцев. Задолго до того, как прибыли бы и прошли подготовку подкрепления, на нас обрушились бы осенняя распутица и зимние холода. Сама Пола и офицеры ее штаба могли бы пересечь океан в любое время, но имеющиеся в ее распоряжении небольшие суденышки не могли перевезти ее армию через Атлантику при плохой погоде. Таким образом, мы застряли здесь

до весны.

Я видел подобную картину развития ситуации еще за десять дней до того, как это поняли остальные. Она вырисовалась у меня в голове в первый же день упорных боев, когда солдаты Императрицы основательно обстреляли позиции противника из пушек и уверенно двинулись вперед, но только для того, чтобы полечь под кинжальным огнем пулеметов. Все это произошло у меня на глазах, и меня привела в ярость неизбежная задержка, нарушавшая планы Полы по завоеванию мира. Дока все не было, он серьезно запаздывал со своим очередным визитом, и я в первый раз поймал себя на том, что скорее боюсь, чем надеюсь, услышать от него о том, что Порнярск получил окончательно доступную его установке картину будущей вселенной. Если аватара получил ее, то выбора у меня не оставалось. Я просто не имел бы права откладывать возвращение домой, рискуя за это время погибнуть, покалечиться или из-за любой другой причины не иметь возможности вернуться.

С другой стороны, я не хотел сбегать от Полы в тот момент, когда она все еще находится на Североамериканском континенте. Я бы предпочел, чтобы она оказалась на другом конце света или

по крайней мере по другую сторону Атлантики, чтобы затраты вернуть меня обратно стали настолько значительными, что потеряли бы всякий смысл. С моей точки зрения, вполне разумно было пожелать ей успеха. Поэтому, когда бои затянулись на неделю, а потерь становилось все больше, я мрачнел, как и все остальные в лагере Императрицы, но.., по личным причинам.

В четверг наконец появился Док.

— Ну как, Порнярск нашел ее? — спросил я, стоило нам найти укромное местечко, где никто не мог нас услышать. Сейчас, в середине солнечного дня, этим местом оказалась тренировочная площадка за полевым госпиталем. Никого в пределах слышимости от нас не было видно.

— Нет, — ответил он. — Пока нет.

— Хорошо! — сказал я.

Он бросил на меня короткий взгляд.

— Не обращай внимания. Позже объясню. А что еще нового?

— Я как раз собирался сказать, — продолжал он. — Порнярск еще не получил ее, но он думает, что уже близок...

— Десять тысяч дьяволов!

Вот теперь-то он уже прямо уставился на меня, а его загорелое мальчишеское лицо просто-таки

вытянулось от озадаченности.

— Есть веская причина, — сообщил я. — Продолжай.

— Вот я и говорю: Порнярску пока не удалось получить самую последнюю возможную конфигурацию будущего, которую может показать устройство, но он нашел что-то вроде камня преткновения — некую точку, где он по какой-то причине застрял. Он совершенно уверен, что, поработав еще немного, сможет заставить танк продвинуться дальше, но велел передать вам, что этот самый камень преткновения, по его мнению, скорее всего является свидетельством того, что он близок к завершению работы.

Я глубоко вздохнул.

— Ладно. Близок так близок. Обсудим это через минуту. Еще что-нибудь важное есть? Как там все наши? Коммуна функционирует нормально?

— Ничего особенного. У меня для вас несколько писем. — Он похлопал по кожаной сумке, которая висела у него на плече. Он всегда привозил мне кипу личной почты, что в общем-то якобы и являлось причиной его визитов. — Но все живы и здоровы. Все идет как по маслу.

— Отлично. Давай вернемся обратно в мою палатку. Мы двинулись к палатке. Говорить с

ним не дольше нескольких секунд было мерой элементарной предосторожности, чтобы не вызывать ненужных подозрений. При получении же важных и существенных новостей мы вполне могли обсудить их языком гиперболы, пока я просматривал домашнюю почту.

Стоило нам войти в палатку, как Старик тут же бросился ко мне, схватил меня за руку, а потом ухватил за руку и Дока. Он отправился с нами к паре кресел и уселся между нами. Поскольку мы с ним теперь были далеко от дома, он стал особенно зависим не только от меня, но и от Дока, даже во время его кратких визитов.

— Налей себе выпить, — предложил я Доку. — Пока я просмотрю почту.

— Спасибо, — оживленно отозвался он, высвободился из цепких пальцев Старика и подошел к столику, служившему мне баром. На самом деле Док не пил и не курил. Но он всегда таскал с собой сигареты и всегда очень умело делал вид, что пьет и курит. Два эти трюка были далеко не единственными, которые он практиковал, очевидно, на тот случай, если заблуждение других на его счет в один прекрасный день может оказаться полезным. Я вскрыл письма и принялся их читать.

Письма оказались совершенно обычными —

личной почтой из дома, и несмотря на то, что они служили в основном камуфляжем, я поймал себя на том, что читаю их с такой же жадностью, что и любой другой, против воли оказавшийся вдали от дома и семьи. Мэри по-прежнему беспокоилась об Уэнди, которая тоже черкнула мне несколько строк сущей чепухи — очевидно, под давлением матери. Эллен написала почти столь же короткое послание, что все в порядке и я могу ни о чем не беспокоиться. Последнюю фразу я понял как намек на то, что на материнское беспокойство Мэри следует отреагировать с некоторой долей обсуждения. Язык Эллен не мог бы быть более лаконичным и сдержанным, даже будь она солдатом на поле битвы, поэтому слово «люблю» в конце выглядело каким-то неуместным. Но я ее знал.

Билл писал, что он доволен тем, как идут дела. Эти слова означали, что он имеет в виду работу Порнярска. Кроме того, он упомянул, что наконец усовершенствовал «план экстренной уборки», под которыми подразумевались мои приказы разделиться и рассеяться, если Пола вдруг решит взять кого-нибудь из них заложниками в качестве гарантии моего сотрудничества. Порнярск ничего не прислал.

— Отлично, — сказал я Доку, дочитав последнее письмо. — Кажется, дома все действительно в порядке.

— Так оно и есть, — ответил он. — У вас есть письма, которые нужно доставить обратно?

— На письменном столе. — Он встал, чтобы забрать их. — Ты планируешь пуститься в обратный путь прямо сейчас?

— Если только меня ничто не задержит. Он сунул написанные мной письма в сумку, вернулся и снова уселся в кресло. Старик снова взял его за руку.

— Я просто подумал — почему бы тебе не побыть здесь денек-другой, до тех пор пока мы не захватим этот район? Они отчаянно сопротивляются, и если ты задержишься, то сможешь вернуться и рассказать женщинам, что я не пострадал в военных действиях.

— С удовольствием, — согласился Док. — Вы тут неплохо живете. Насколько я представляю, у вас здесь настоящие каникулы со всеми оплаченными расходами.

Он сказал это приятным легким тоном. Но его глаза были устремлены на меня — он явно пытался понять, зачем я прошу его задержаться. Я едва заметно отрицательно покачал головой,

давая ему понять: не сейчас, и начал описывать ситуацию, стараясь не говорить ничего такого, что могло бы быть неприятно Поле и выражать полную уверенность в том, что она добьется здесь успеха, но сообщая ему факт за фактом данные о действительном положении вещей. Когда я закончил, он узнал все самое важное, но так и не понял, какова связь между ходом военных действий и тем, что я хочу, чтобы он задержался.

Это был третий день сражения за контроль над районом. Только в воскресенье армия Полы захватила большую часть укреплений защитников, и только во второй половине дня в понедельник они завершили зачистку территории.

— Раз уж ты пробыл здесь так долго, то вполне можешь остаться на празднование победы, — предложил я Доку.

— Запросто, — ответил он. Его голос звучал немного невнятно. Он лежал на диване в моей палатке со стаканом в руке. Но его взгляд был столь же ясным и твердым, что и взгляд снайпера, устремленный в оптический прицел винтовки.

Оказалось, что я рад его присутствию здесь больше, чем ожидал. Я всю неделю наблюдал за тем, как развивается картина сражения. Пола и Аруба, возможно, видели то же самое, и теперь,

когда сражение было позади, можно было подводить некоторые итоги. Поэтому, пока уцелевшие солдаты и офицеры праздновали победу, Пола и ее ближайшее окружение теперь пожинали горькие плоды победы. По их реакции я смогу сказать о дальнейшем развитии событий куда больше, и то, что я узнаю, может послужить ценной информацией, которую я отправлю с Доком.

Поле уже пришлось смириться с одним крайне неприятным открытием: оказывается, существовала грань, за которой ее отлично вымуштрованные солдаты перестанут ей подчиняться. Пройдя кровавую баню последних семи дней, они из расфранченных новобранцев превратились в ветеранов, и командиры, начиная с самых ранних времен истории, могли бы рассказать ей, что бывает, когда такие солдаты наконец одолевают врага, который нанес им значительный урон. Ее ребята превратились в убийц. В понедельник вечером, зачищая завоеванные земли, они убивали налево и направо.

Это стало первой неудачей Полы. Среди ее врагов были авиа– и судомеханики, равно как и многие другие специалисты, которые были бы для нее ценнее целого полка. Но теперь уже не в ее власти было сдержать опьяненных жаждой

убивать солдат. Понедельник обошелся ей очень дорого.

Тем не менее ей пришлось состроить хорошую мину при плохой игре и появиться на диком, последовавшем тем же вечером торжестве. Оно началось во второй половине дня и продолжалось до рассвета. К этому времени почти все за исключением нескольких особо стойких участников валялись под столами. И на рассвете ко мне явился Аруба.

Уже то, что он явился ко мне лично, а не послал за мной, служило показателем того, насколько он не в своей тарелке. Он вошел в мою палатку, с секунду смотрел на неподвижную фигуру Дока, лежащего на диване и делающего вид, что крепко спит, затем снова взглянул на меня. В лучах восходящего солнца, пробивающихся сквозь пластиковые окна палатки, его лицо казалось землистым, оттенка свежей ливерной колбасы.

— Она хочет вас видеть, — сообщил он.

— Пола? — спросил я.

Он кивнул. Я сел на койке, поскольку еще не успел раздеться. Прошедшей ночью могло случиться что угодно, и сна у меня не было ни в одном глазу.

— Насчет чего? — спросил я, выходя вместе с

ним на утренний прохладный воздух. С океана дул легкий бриз.

— Она хочет сказать вам об этом сама, — буркнул он и облизнул губы. Он явно был сильно потрясен, и я не сомневался, что, как только окажется у себя, тут же потянется за бутылкой.

Я достаточно равнодушно кивнул, но внутри весь подобрался. То, что она хотела видеть меня в такое утро, вряд ли сулило что-нибудь хорошее. Я дошел с Арубой до входа в палатку-павильон, где сейчас стояли два офицера с автоматами в роли часовых. Он остановился у входа.

— Входите, — кивнул он. — Она вас ждет.

Я вошел. Пола была одна. На ней был полупрозрачный желтый халат, и выглядела она так, словно только что встала с постели, но лицо ее оставалось напряженным и усталым. Так выглядит лицо человека, который много часов подряд находился в постоянном напряжении и не смыкал глаз.

— Марк, — произнесла она, тон ее голоса был тверд, как чистый промышленный алмаз. — Там на столе лежит бумага. Подпиши ее.

— Подписать?.. — Я подошел к ее письменному столу и взглянул на бумагу, о которой она говорила. Это был аккуратно отпечатанный документ

на нескольких страницах. Бумага была именная, из той, которую она выделила лично мне, как одному из членов своего штаба.

— Просто подпиши и все, — сказала она.

— Сначала я ее прочту, — ответил я.

Наши взгляды встретились, она пожала плечами и отвела глаза, но я почти четко отметил, что она делает для себя мысленную пометку, поскольку я не подчинился ее приказу беспрекословно. Придет время, и она мне это припомнит.

— Разумеется, — сказала она.

Я склонился над письмом и принялся его читать. Содержание было подобно удару в солнечное сплетение. Или, если быть совсем уж точным, непредвиденному столкновению в темноте, когда на всем ходу налетаешь на бетонную стену, о которой ты всегда знал, что она там, но факт существования которой просто вылетел у тебя из головы, — удар столь неожиданный и жестокий, что оставляет у тебя ощущение тошноты. Потому что я внезапно понял Полу, увидел ее такой, какая она есть и совершенно нагой в ярком флюоресцентном свете того, подо что она собиралась меня подставить.

Я прочитал, что был потрясен безответственным поведением некоторых из ее солдат во

время захвата вражеской территории. Но еще более сильное потрясение я испытал, когда с ужасом стал свидетелем преступного убийства нескольких ни в чем не повинных защитников — ремесленников и механиков, а также других ценных специалистов, которые оказались в стане неприятеля, будучи загнаны туда насильно. Убийство этих невинных явилось не только ужасным преступлением против них как личностей, но и граничило с изменой Империи, поскольку теперь Императрица лишилась возможности использовать знания этих людей, готовых стать ее верными подданными. Соответственно, я письменно обратился к ней с просьбой принять соответствующие меры к виновным в этом преступлении и проследить, чтобы над ними свершилось правосудие, поскольку я, учитывая свои способности, позволившие мне остановить разрушительный шторм времени, гораздо лучше остальных понимаю, какую ужасную цену нам всем придется платить в результате гибели всех этих невинных людей.

Внезапно, пока я читал, картина Полы, которая складывалась в моей голове, стала законченной. Я увидел гнев, который она испытывала в душе не только к солдатам, виновным в том, что ей

придется пережидать здесь наступающую зиму, но и к любому, кто был свидетелем того, что с ней произошла такое. И это сказало мне о ней больше, чем она выдала бы мне за два года наблюдений за ней.

Я подписал.

— Я выполняю это с гордостью, — признался я, протягивая ей письмо. — В нем не говорится ничего, что я не чувствовал бы сам. Ничего удивительного, что ты Императрица, Пола. Ты можешь даже читать мысли.

Она улыбнулась и взяла у меня письмо. Я ни в коем случае не был прощен за то, что пожелал прочитать его, перед тем как подписать, но на нынешний короткий момент улыбка была искренней. До того как этим утром переступить порог ее палатки, я никогда не рискнул бы так явно ей льстить, но теперь я знал, где и когда она уязвима.

— Дорогой Марк, — вздохнула она. — Ты меня понимаешь. Она посмотрела на меня, и я действительно понял. По иронии судьбы, именно сейчас совершенно неожиданно у меня в руках оказался момент, которого я так терпеливо ждал, в который я мог обрести над ней контроль, овладев ею физически. В этот момент полного опустошения

она была доступна, если бы я все еще хотел ее. Но дело было в том, что, прочитав письмо, я теперь не прикоснулся бы к ней и бейсбольной битой.

— Больше чем когда-либо, — ответил я. — Ты хочешь, чтобы я сообщил остальным, что действительно написал письмо?

Она колебалась, но явно просто под влиянием привычки к осторожности. И опять же, будь она сама собой, я бы несколько раз подумал, прежде чем продемонстрировать ей столь скорое свое согласие. Но сейчас она была не в себе. Это была решающая правда, которая наконец вырвалась наружу вместе с только что завершившейся в моем мозгу ее картиной. У нее имелся изъян, которого я до сих пор практически не замечал, серьезнейший недостаток, который будет стоить ей власти над миром, казавшейся столь близкой и возможной. Она уже приспосабливалась к моему намеку, что я готов принять на себя авторство письма, которое она держала в руках. Она уже старалась заставить себя поверить в привлекательную идею, что это действительно написал я сам по своей собственной инициативе.

— Если я оставлю письмо у тебя, а сам пойду рассказывать о нем, я уверен, что твои офицеры с радостью меня поддержат. Я в этом просто уве-

рен. После чего мы сможем арестовать виновных и предать их суду до того, как они успеют забить головы своих товарищей потоками лжи.

— Да. — Она мягко положила письмо на стол рядом с собой. — Конечно. Считай, что ты получил мое разрешение рассказать остальным то, что ты мне написал. Правосудие должно быть скорым.

— Тогда я прямо сейчас и начну. Хотя одну секунду. Может быть, если ты дашь мне письменный приказ, позволяющий делать все, что необходимо, я смогу сделать так, что никто из них не сбежит. Или даже, если уж на то пошло, с таким приказом на руках я смогу делать вообще все, что потребуется в связи этим делом...

Она ослепительно улыбнулась, представив, как я снимаю петлю ответственности с нее и крепко стягиваю ею собственную шею.

— Разумеется, — сказала она.

Она подошла к столу, что-то написала на верхнем из стопки чистых бланков приказов и отложила в сторону второй написанный под копирку экземпляр.

— Вот.

— Благодарю. — Я взял его, даже не взглянув, что там написано, и направился к выходу. — Наверное, лучше мне не терять времени понапрасну...

— Конечно. Разумеется, не мешкай. А мне надо отдохнуть, но.., давай увидимся после обеда, Марк. Милый Марк... Что бы я без тебя делала?

— Да будет вам. Вы же Императрица. Вы можете что угодно.

Она снова ослепительно улыбнулась.

Я вышел. Арубы, как я и ожидал, уже не было, и я направился прямо к себе в палатку. Стоило входному пологу упасть за моей спиной, как Док мгновенно соскочил с дивана.

— Мы убираемся домой, и прямо сейчас, — быстро произнес я. — Все объясню по дороге. Ты вооружен?

— Ружье осталось в джипе. — Он похлопал себя по талии спереди и сзади. — Только пистолет и нож.

— Отлично. Мне нужна твоя помощь, чтобы совершить правосудие над несколькими кровавыми убийцами, — сообщил я. — Императрица наделила меня особыми полномочиями, чтобы арестовать солдат, виновных в зверских убийствах людей среди гражданского населения, сопротивлявшегося нам до вчерашнего вечера.

Его брови иронически поползли кверху. Я полез в нагрудный карман рубашки, куда, так и не читая, сунул сложенный приказ. Я развернул его

и прочитал, а потом передал ему.

— "Марк Деспард попросил у меня полномочий, и я наделила его таковыми, делать все, что потребуется..." — Он медленно кивнул. — А-а-атлично!

Я забрал у него приказ и сунул его обратно в карман.

— Для начала надо проверить самолеты из будущего, которые мы захватили, чтобы убедиться, что никто из виновных в убийствах не планирует воспользоваться ими для побега. Возможно, они попытаются взорвать летательные аппараты, которыми не могут воспользоваться. Ты специалист по взрывчатке. Какую взрывчатку они могут использовать?

Он улыбнулся и похлопал себя по талии.

— Детонирующий шнур. С его помощью очень просто нанести серьезный ущерб — особенно если знаешь, что делаешь.

— В таком случае его и будем искать. Пошли. Мы вышли из палатки. Старик последовал за нами.

— Давай-ка я загоню его обратно в палатку, — предложил Док, остановившись у входа в палатку.

— Зачем? Никто не подумает, что я занят чем-то важным, когда увидит его рядом. Это отведет от

меня подозрения... Майор!

Я окликнул невысокого смуглолицего коренастого офицера лет двадцати с небольшим, который как раз проходил мимо. То, что он вообще стоял на ногах в это утро, означало, что он не принимал серьезного участия в ночном празднестве. Майор подошел, и я узнал его.

— Майор Деброу? Простите, что отвлекаю вас, но у меня специальное поручение, и мне придется просить вашей помощи. Взгляните на это.

Я протянул ему приказ Полы.

— Понимаете смысл? — настойчиво спрашивал я, пока он дочитывал документ. — Нужно действовать быстро, пока преступники не сбежали, — не так ли, майор?

На лице его было написано явное несогласие. Беспристрастный человек увидел бы в нем презрение ко мне, как к лицу гражданскому, который назвал побывавших в тяжелых боях солдат «преступниками».

— Так точно, мистер Деспард.

— Отлично. Я знал, что могу рассчитывать на вас, майор. У нас есть предположение, что некоторые из них могут попытаться воспользоваться для побега бесценными самолетами из будущего. Мы собираемся пойти и все проверить. Я хочу,

чтобы вы пошли вместе с нами.

— Но эти самолеты закрыты и, кроме того, находятся под охраной, — возразил Деброу. — Никто не может угнать один из них.

— Давайте в этом лишний раз удостоверимся. Мы прошли в ту часть бывшего аэропорта, где стояли самолеты из будущего. Расстояние было неблизким, но в конце концов мы перебрались через невысокое заграждение из мешков с песком и оказались не более чем в сорока футах от входа в отдельно стоящий ангар, вокруг которого несли охрану с дюжину очевидно трезвых и опытных солдат.

— Пойдите и незаметно приведите сюда их командира, чтобы мы могли все ему объяснить. Вам понятно, майор?

— Что вы хотите? — спросил Деброу. — Что он должен сделать?

— Я хочу проверить, кто именно охраняет ангар, и заглянуть внутрь, — настойчиво произнес я. — И хочу, чтобы при этом нас сопровождал офицер.

Деброу пошел вперед к двум часовым у входа в ангар, и они тут же спросили у него пароль. Когда он назвал его, я взглянул на Дока и увидел, что тот вопросительно смотрит на меня.

— Нам надо улететь с тобой на одном из этих стоящих внутри самолетов, — вполголоса сказал я. — Остальные самолеты необходимо вывести из строя и каким-то образом нейтрализовать часовых. Попытаюсь устроить все так, чтобы ты получил возможность заниматься ими по одному.

— Улетим только мы с вами? Без майора?

— Без майора.

Док кивнул. Вернулся Деброу и повел нас к воротам ангара, а потом внутрь через небольшую дверь для обслуживающего персонала. Мы очутились в огромном тускло освещенном чреве ангара, где стояли небольшие, в полумраке отблескивающие перламутром самолеты будущего. Справа от нас располагался застекленный офис, ярко освещенный лампами дневного света, которые имели источник автономного питания.

В офисе за письменным столом сидел молодой офицер с серебряными планками лейтенанта на погонах форменной кожаной куртки. Когда мы вошли, он тут же вскочил.

— Майор? — сказал он.

— Лейтенант, — представил Деброу. — Это Марк Деспард.

— Я знаю мистера Деспарда, — ответил лей-

тенант.

— И его... — Деброу взглянул на Дока и Старика, — слуги. У мистера Деспарда специальный приказ Императрицы, с которым вам надлежит ознакомиться.

Я передал приказ Полы лейтенанту. Его светлые брови несколько раз недоуменно приподнялись, хотя в остальном худощавое лицо оставалось невозмутимым.

— Есть, сэр, — отчеканил он, возвращая мне бумагу. — Что вам угодно, мистер Деспард?

— Во-первых, — сказал я, — проверить самолеты будущего, только тихо, не поднимая шума. Вы, майор и мы с Доком. Я кивнул на Дока.

— У Дока имеется большой опыт по борьбе с диверсиями. Если мы обнаружим, что один или несколько самолетов заминированы, он может помочь нам разминировать их. А вот это экспериментальное существо зовется Старик. Его обоняние гораздо более острое, чем у нас, и он отлично помогает Доку в подобных делах. Сколько здесь всего самолетов будущего?

— Девять, — ответил лейтенант.

— Кто-нибудь знает, как ими управлять?

— Летать пока никто не пытался, — сказал лейтенант. — Кажется, для начала мы собирались

поговорить с людьми, которые их охраняют.

— Сдается мне, я слышал, что управлять ими нетрудно, — сказал я. — Преступники, которых мы разыскиваем, возможно, тоже слышали об этом. Если им удастся успешно угнать самолеты у Императрицы, за них они смогут получить что угодно в любой точке земного шара.

Я заметил, что оба офицера смотрят на меня как-то странно, и решил, что я, должно быть, напускаю на себя излишнюю важность.

— Хорошо, — продолжал я. — Тогда пошли. Майор, лейтенант, мы с вами возьмем по три самолета каждый. На первый осмотр Старика брать не будем. Док и Старик будут со мной до тех пор, пока нам не понадобится их помощь. У вас есть фонарики?

— Вы имеете в виду ручные фонарики? — переспросил лейтенант. — Так точно, сэр. — Он подошел к стоящему у стены офиса шкафу, вынул оттуда три фонарика и передал их мне и Деброу. Оставив Старика в офисе, мы вышли в ангар и разделились.

Я выбрал три ближайших самолета, вынудив других двух офицеров заняться теми, что стояли дальше. В свете фонарика первый самолет, к которому я подошел, казалось, светился своим

собственным внутренним светом. Его корпус был сделан из какого-то молочно-белого полупрозрачного пластика и на вид казался достаточно легким, чтобы взмыть в воздух, если на него слишком сильно дунуть. Но, несмотря на такой внешний вид, когда я потянул на себя дверцу в его изогнутом боку и забрался внутрь, самолет оказался прочным и твердым. Внутри, возможно из-за почти яйцеобразного корпуса, места оказалось больше, чем мне показалось сначала. Я подошел к пульту управления.

На вид он выглядел совсем простым: в пульт был встроен небольшой похожий на телевизионный экранчик, под которым виднелось пять кнопок. Я нажал одну из них наугад, и сразу зажглись огни — не только на пульте, но и во всем самолете.

— Готов, — сообщил голос.

Я улыбнулся. Когда я входил в самолет, я не видел вообще никакой связанной с ним картины развития событий, теперь же она вдруг стала абсолютно полной.

— Как мне взлететь? — спросил я.

— Можете пилотировать сами, а можете дать команду на взлет и лететь.

— Благодарю. Спи спокойно. — Я снова нажал

ту же самую кнопку, и огни погасли. Решив продолжить эксперимент в свете фонарика, я ткнул в другую кнопку.

— Готов, — снова раздался голос, когда вновь зажглись огни.

— Спи спокойно.

Вот и все. Вот и весь секрет управления этими штуками. Он заключался в том, что никакого секрета попросту не было. Я снова нажал на кнопку, и освещение отключилось. Я сделал Доку знак следовать за мной. Мы вместе покинули самолет.

— Все в порядке, — шепнул я ему, — займись остальными самолетами. А я немного повожусь со своими двумя. Встретимся у последнего — того, третьего, который вон в том конце ангара. Я буду продвигаться по возможности медленно, но постарайся, чтобы те двое тебя не видели.

— Не увидят, — заверил Док, испаряясь в полутьме.

Я взял Старика и двинулся к следующему самолету. Забравшись в него, я сразу сел перед пультом управления и включил. Во втором самолете с компьютером, или уж не знаю что это было, у меня состоялся целый разговор, и к тому времени, когда я исчерпал все свои вопросы, я знал об

этом типе летательных аппаратов так много, как будто пользовался одним из них несколько лет. Они были до смешного, по-детски элементарными в управлении и полностью готовы к работе.

После того как я провел в самолете еще столько минут, сколько, по моему мнению, и должен был провести, я перебрался в третий самолет, покрутился там некоторое время и снова выбрался наружу. Ни Дока, ни других двоих пока видно не было. Я зашел за самолет и стал ждать. Меня почти тут же кто-то постучал пальцем по плечу.

Я мгновенно обернулся, инстинктивно отступив назад, но увидел перед собой улыбающееся лицо Дока.

— Все в порядке, — сказал он.

— Отлично. Тогда пошли.

Мы пошли к следующему самолету и обнаружили возле него лейтенанта, который добросовестно осматривал его днище, подсвечивая себе фонариком.

— Ну как, нашли что-нибудь, лейтенант?

Он выпрямился.

— Никак нет. А вы, сэр?

— Тоже не сподобился. Может быть, майор Деброу что-нибудь обнаружил. Пойдемте, узнаем.

Мы отправились дальше и нашли Деброу,

осматривающего салон своего последнего самолета. Через несколько мгновений он выбрался наружу.

— Ничего, — сообщил он.

— Просто камень с души, — вздохнул я. — А теперь, если вы не против, лейтенант, я хочу проверить людей, которые охраняют ангар.

— Но зачем, сэр? Мы ведь ничего не нашли.

— Именно поэтому. Мы должны быть уверены. Императрица хочет, чтобы мы были уверены. Не так ли, майор?

— Лейтенант! — одернул его Деброу.

— Есть, майор. Есть, мистер Деспард. Если вы соблаговолите пройти в офис, я сначала приведу вам тех, что охраняют ворота...

— Приглашайте их по одному, лейтенант, — попросил я. — В этот ангар есть еще какой-нибудь вход кроме ворот?

— В задней стене есть небольшой служебный вход.

— Отлично. — Я повернулся к Доку. — После того как мы проверим очередного, выводи его через заднюю дверь и отправляй обратно на пост. Следи, чтобы он не разговаривал с остальными, особенно с теми, кого еще не проверили. Сейчас выйди с лейтенантом, чтобы он показал тебе,

куда их потом разводить. Лейтенант!

— Слушаю, мистер Деспард?

— Мне кажется, вы должны замещать каждого из своих часовых на то время, пока они будут отсутствовать. Если Док вернется к вам без часового, которого он забрал последним, если он придет только за вами, это будет означать, что мы нашли одного из них. В этом случае я бы хотел, чтобы вы вернулись с Доком как можно естественнее, чтобы не настораживать остальных, которых мы можем обнаружить.

Лейтенант раскрыл было рот, но, взглянув на майора, снова закрыл его.

— Возможно, — сказал Деброу, — будет лучше, если лейтенант просто останется здесь, мистер Деспард. А то будет несколько необычно, если он начнет заменять на посту рядовых. К тому же...

— Ничего, если я перебью вас, майор?

— Никак нет, — медленно сказал Деброу. — Ничего, сэр — Тогда, думаю, мы все сделаем так, как предлагаю я. Лейтенант, будьте добры отвести Дока к первому часовому. Они выпили. Я повернулся к Деброу:

— Майор, а вы хорошо знаете лейтенанта?

— Мы знакомы уже несколько лет. Точнее, более трех лет.

— Но вы действительно хорошо его знаете? Деброу вдруг посмотрел на меня с откровенной опаской. Через несколько секунд он медленно ответил:

— Нет, не могу сказать, что очень.., хорошо, мистер Деспард.

— Понятно. — сказал я.

Добавлять я ничего не стал. После того как мы оба несколько минут молчали, вернулся Док с первым часовым — коренастым уланом ростом в пять с половиной футов и на вид ровесником лейтенанта.

— Ваше имя? — спросил я.

— Младший капрал Чарлз Онаши, сэр. Третий взвод, четвертая рота. Голубой полк.

— Вам когда-нибудь доводилось ездить на мотоцикле, капрал Онаши?

— Никак нет, сэр.

— Отлично. Можете идти. Отведи его обратно, Док. Выяснилось, что и следующему не доводилось кататься на мотоцикле. И следующим троим тоже. Пятому часовому, которого мы проверяли, как выяснилось, на мотоцикле ездить доводилось. Пришлось мне задавать ему еще один загадочный вопрос:

— А на планере вам летать не доводилось, ря-

довой Манд?

— Вообще-то да, сэр.

— А как насчет гидроплана?

— Так точно, сэр.

Деброу беспокойно заерзал на стоявшем за одним из столов стуле. Я почувствовал, что угодил в собственную ловушку.

— А как у вас с санскритом?

— Прошу прощения, сэр?

— Я спрашиваю, вы знаете санскрит?

— Никак нет, сэр.

— Отлично, — вздохнул я с облегчением, — отведи его обратно. Док.

— Сэр? — робко сказал Деброу, после того как рядовой Мани ушел. — Боюсь, я не совсем понимаю...

— В свое время поймете.

Он замолчал. Еще семеро часовых, охранявших ангар, прошли проверку, и я ухитрился всех их отправить назад, после того как каждому из них пришлось сознаться, что он не умеет того или другого.

— Мистер Деспард, — заговорил Деброу после того, как ушел последний. — Это все наши часовые. Означает ли это...

— Это означает, что положение куда серьезнее,

чем я думал. Вы вооружены, майор?

— Никак нет, сэр.

— Очень жаль. Что ж, постараемся сделать все, что в наших силах. Я останусь здесь. А вы пока тихонечко подойдите к служебному входу, через который мы попали сюда, и постойте возле него. Если можете. Заприте дверь и слушайте, что происходит снаружи. Если кто-нибудь попытается взломать ее, не мешайте, но старайтесь, чтобы вас не заметили, а когда они окажутся внутри ангара, бегите за помощью.

— Понял, сэр. Но ради Бога, скажите, что происходит?

— Пока не могу. У меня есть обязанности перед Полой — перед Императрицей, о которых я не должен забывать. А теперь приступайте. Я же тем временем постою в тени возле офиса и предупрежу вас, если с заднего входа в ангар проникнет кто-нибудь посторонний.

Он отправился к воротам. Я взял Старика за руку и вышел из офиса вслед за майором, направившись в густую тень, скрывшую нас от него, но позволяющую нам перехватить Дока, возвращающегося после того, как он отвел последнего солдата на его пост. С того места, где мы находились, я видел тоненькую полоску света,

пробивающуюся по периметру входной служебной двери, то и дело перекрываемую неловкими движения тела, стоящего возле нее. Через некоторое время эти затмения прекратились, и через секунду или две из темноты в полном одиночестве появился Док.

— Все в порядке, — запыхавшись сказал он.

— Обо всех позаботился? — спросил я. Он кивнул.

— А лейтенант?

— Он был предпоследним.

— Хорошо. Майор там, у входа.

— Был. Я с ним тоже разобрался. Он был последним. Я хотел спросить, сколько из них мертвы, но вопрос застрял у меня в горле. Иметь такого лесного волка, как Док, в качестве друга было настоящим спасением, но требовать от него, чтобы он был одновременно и волком и безобидным домашним псом, было бы просто нелогично.

— А как насчет самолетов? — спросил я.

— Тот, который вы осматривали первым, я не трогал, — ответил Док. — Остальные заминированы и взорвутся по первому же приказу.

— Прекрасно. Пойду посмотрю, легко ли открываются ворота ангара. Иначе, возможно, придется взрывать их...

— Тоже не проблема. В принципе они оборудованы электроприводом, но на случай отключения электроэнергии они оборудованы еще и чем-то вроде ручной лебедки. Вы сможете управлять этой штукой, Марк?

— Могу. Или, скорее, я могу приказать ей лететь и она полетит.

— Это я просто так, на всякий случай, — сказал он, и в полутьме я с трудом разглядел на его лице улыбку.

— Я тебя не виню. Я бы сделал то же самое, — сказал я и вдруг почувствовал, что страшно устал. — Может, ты настроишь таймеры так, чтобы самолеты взорвались, как только мы будем готовы лететь, а я пока подкачу тот, который мы забираем, поближе к воротам. После этого ты откроешь ворота, залезешь в самолет, и мы взлетим.

— Идет.

Он убежал. Я включил фонарик и повел Старика к самолету, который Док не стал минировать. Мы залезли в кабину, закрыли дверцу, и я нажал одну из кнопок.

— Готов.

— Медленно подъезжай по земле к воротам этого здания. Иначе говоря — начинай медленно

двигаться вперед, я скажу, когда поворачивать и когда остановиться.

Самолет шевельнулся и скорее заскользил, чем покатился вперед.

— Налево, — велел я. — Налево, примерно на десять градусов. А теперь еще на пять. Так, хорошо, теперь прямо.., стоп!

Мы остановились у самых ворот ангара. Я распахнул дверцу самолета и стал ждать. Через мгновение снаружи послышался негромкий дребезжащий звук, и огромные ворота разъехались в стороны, открыв проход, который закрывали, и в ангар хлынул ослепивший нас яркий солнечный свет.

— Достаточно! — через мгновение негромко заметил я, обращаясь к ослепительному сиянию. Но ворота уже замерли в неподвижности, оставив проход, как раз достаточный для самолета. Я услышал негромкий стук — Док уже был в кабине и захлопнул за собой дверцу.

— Все в порядке, — сказал он.

— Вперед! — приказал я самолету. — Прямо вперед, по земле через проем, потом взлетай и набирай высоту три тысячи метров. Курс на запад.

Машина скользнула через ворота и оказалась под ярким солнечным светом. Без какого-либо

разбега она неожиданно взмыла в небо. Где-то внизу и позади нас раздался звук, похожий на хлопок бумажного мешка. Я оглянулся и увидел, что из раскрытых ворот ангара валит дым, густой столб которого быстро уменьшился до игрушечных размеров. Секундой позже мы уже были на такой высоте, с которой дороги казались похожими на толстые карандашные линии, а ландшафт заскользил под нами в сторону наполовину взошедшего солнца.

— Что ж, пожалуй, все обошлось, — сказал Док. Он пробрался вперед и спихнул Старика с соседнего с моим кресла — обхождение, к которому Старик отнесся совершенно безропотно. Было просто удивительно, что Старик готов был терпеть от Дока. Почти столько же, сколько в свое время Санди терпел от Эллен. Док уселся в то кресло, в котором сидел Старик.

— Требуется помощь в пилотировании или что-нибудь вроде этого? — спросил он.

Я отрицательно покачал головой.

— Тогда я, пожалуй, вздремну, — невозмутимо сказал он. — Эта штука куда лучше запертой двери. Никто не вломится и внезапно не разбудит, когда ты высоко в воздухе.

Он свернулся на кресле, закрыл глаза и отклю-

чился.

Мне так не повезло.

Глава 29

Самолет будущего, похоже, в серьезном внимании не нуждался. Я запросил у него карту территории, и она тут же появилась на экране передо мной. На карте я выбрал примерный район расположения нашей коммуны, попросил увеличить его и некоторое время продолжал ориентироваться и увеличивать масштаб до тех пор, пока не смог объяснить самолету, куда мы направляемся. После этого я просто приказал ему доставить нас туда и приземлиться у летнего дворца, который подробно описал. На сем мои функции пилота завершились. Мне бы очень хотелось свернуться и заснуть, как сделал Док, но я не мог. Я не мог даже подражать Старику, который полудремал, лишь время от времени приоткрывая глаза, чтобы взглянуть на меня и как бы убедиться, что я все еще здесь.

Вместо этого я просто сидел, вглядываясь в пустое ясное небо и в медленно проплывающую далеко внизу землю. Внутри самолета не было слышно ни звука, и я чувствовал себя как муха, накрытая перевернутым стаканом.

Пока мы занимались всем необходимым для побега, мой ум был ясным, острым и целеустремленным. Но теперь влияние адреналина стало ослабевать, заставляя меня чувствовать опустошенность, скуку и отвращение. Хотел я того или нет, но в голову мне снова полезли мысли о стоявших в карауле солдатах, которые несомненно погибли ради того, чтобы мы могли вырваться на свободу. Видит Бог, я никогда не хотел становиться причиной чьей-либо смерти, особенно теперь, после того как я обнаружил, что по крайней мере какая-то часть меня может слиться с остальной вселенной. На самом деле я чувствовал, что предал, злоупотребил, использовал не по назначению как тончайший инструмент именно эту особенную, способную к слиянию часть себя.

Но что же еще могли поделать Док, я и Старик, спрашивал я себя? Нам нужно было бежать, и единственный открытый для нас путь лежал через трупы или беспомощные тела по крайней мере нескольких воинов Полы.

Ну что, доигрался? — издевательски пропищал голосок у меня в голове.

А разве была другая возможность?

Будешь рассказывать. Ты же человек, который может видеть картины будущего.

В данном случае я не видел ни одной, так или иначе не связанной с насилием.

Тогда получается, что ты не так уж в этом хорош, не так ли?

Оставь меня в покое, сказал я ему. Прочь из моей головы.

Как же я могу оставить тебя в покое? Ведь я — это ты. Мы с тобой неразделимы.

Должен быть выход, подумал я. И при этой мысли я похолодел.

Пороху не хватит. А если бы и хватило, как же Эллен, и Мэри, и все остальные, которых ты оставишь на растерзание Поле? Хочешь, чтобы и их смерти были на твоей совести?

Пола — я заставил себя вместо этого думать о Поле. Но это тоже не принесло облегчения. Воспоминание о ней вызвало в душе что-то вроде тошноты. Потому что она привлекала меня. То, что она бросила мне вызов своей недоступностью, лишь прикрывало тот факт, что я тем не менее желал ее, желал с того момента, когда впервые увидел ее выходящей из вертолета и выглядящей как картинка из журнала мод навсегда исчезнувшего мира. Получить ее было бы примерно тем же, что и заново обрести этот мир.

Само собой, я отлично знал, что она так одева-

ется намеренно, что вся процедура ее появления на сцене была хладнокровно рассчитана, чтобы произвести на всех тот эффект, который она и произвела. Но осознание этого ничуть не ослабляло ее притягательности для меня. Именно ее внешний вид вырвал меня из грубой и пыльной реальности моего настоящего и забросил в позолоченные мечты воспоминаний. Мне внезапно напомнили об убогости маленького мирка, который я готов был защищать даже ценой жизни. Я вдруг почувствовал раздражение от повседневной простоватости двух деливших со мной жизнь женщин и горстки верных друзей. Они были как ломоть грубого черного хлеба по сравнению с нежным пирожным. Они были как обычное домашнее пиво по сравнению с шампанским.

Да, меня действительно тянуло к Поле — с момента нашей первой встречи. Будь у меня достаточно времени, я бы, наверное, смог бы убедить себя, что влюблен в нее. Будь у меня достаточно времени, чтобы окончательно прикипеть к ней сердцем, я бы, наверное, даже мог бы постепенно забыть о своем долге, о том, что должен вернуться и закончить работу со штормом времени. Может быть, все это время в глубине души я думал, что не вернусь. И когда я впал в

ярость, поняв, что Поле не удастся переправить ее армию и меня в Европу этой осенью, я злился, что лишаюсь оправдания, которым могло бы стать мое пребывание на другой стороне Атлантики, предлога отложить бегство от Полы, когда придет известие от Порнярска о том, что он справился с тем неимоверным заданием, которое я же ему и дал.

Да, все это таилось в моей душе, порыв отказаться от обретенного мной золотистого свечения в обмен на позолоченное оловянное колечко. Насколько оно было оловянным, я окончательно убедился, когда увидел ее в палатке на рассвете, когда она приказала мне подписать письмо, написанное ею за меня.

В этот момент последний элемент ее личной картины встал для меня на место, и я волей-неволей увидел, что она представляла собой внутри. Я думал, что под показной поверхностной яркостью все же имеется хоть что-то наполеоновское. Ведь, как ни говори, она завоевала большую часть Североамериканского континента. У нее имелись правительство, регулярная армия и больше аккумулированных ресурсов, чем у полудюжины любых других общин в мире вместе взятых. Помимо этого и более того, она лелеяла

чисто Александрову мечту о завоевании всего мира. В ней не может не быть, думал я, чего-то уникального и могущественного.

Но утром я понял, что передо мной человек весьма заурядный, который ведет себя иррационально под гнетом поражения и разочарования. Когда иррациональность стала очевидна, и все в ней встало на свои места. По крайней мере, для меня. Не было в ней ничего ни от Наполеона, ни от Александра Великого. Она была пограничным психотиком, который попал в цепь обстоятельств, позволивших ей триумфально двигаться вперед на гребне нарастающей волны — до тех пор, пока все шло так, как ей хотелось. Пока счастье было с ней, ее вдохновляла мнимая гениальность. Но когда все пошло не так, как ей хотелось, плана на сей счет просто не оказалось. Буквально таким вот образом.

Те, кто на ее стороне, — люди. Те, кто против, — тряпичные куклы, которых, если она пребывала в дурном расположении духа, можно было швырять об стену или вытряхивать из них опилки. Она могла идти вперед по локоть в крови, и это не имело бы для нее никакого значения, потому что кровь была не настоящая. Она не могла быть настоящей, поскольку была пролита теми, кто

сражался против нее. Это был ее психологический профиль, который, стоило мне войти в ее палатку, ударил меня в лицо, как распахнувшаяся из-за резкого порыва ветра амбарная дверь.

Все общины, которые сдались ей, состояли из реальных людей. Но Капитолий предпочел ей отказать. А посему его население перестало быть реальными людьми, и она велела своим солдатам уничтожить их. Но некоторые из ее солдат не делали различия между теми, кого она хотела видеть убитыми, и теми, кто нужен был ей живыми, из чего естественно вытекало, что эти солдаты также не были реальными людьми. Поэтому она послала Марка Деспарда найти их и убить. Но Марк Деспард поймет, что идея убить прежде всего исходит от нее, из-за чего он может не так подумать о ней, подумать то, чего никогда не подумал бы реальный человек. Следовательно, нужно все устроить так, будто наказание солдат — личная идея Марка, а потом, чуть позже, она использует других солдат, чтобы убить за это решение Марка. И тогда все снова будут счастливы, поскольку не останется людей, которые не были бы несогласны с ней. Реальных людей.

Разумеется, все это объясняло, почему она никогда не позволяла ни мне, ни кому-либо другому

приближаться к себе. Из опыта она наверняка знала, что любой сблизившийся с ней человек может в конце концов в чем-нибудь не согласиться с ней. Я считал, что нахожусь за тем пределом, где какой-нибудь один человек может до смерти меня напугать, но ей это удалось — сегодня утром в палатке. У меня было ощущение, что меня заперли в клетке с раненым тигром.

Значит, я готов был променять вселенную на женщину вроде Полы — вселенную и все, что, как мне казалось, я любил. Я был болен: болен душой и болен умом. И чтобы исправить дрянную ситуацию, я сбежал, что потребовало от меня умерщвления нескольких людей. Я, который видел золотистый свет, сам по локоть погрузился в кровь. Я послал Дока убивать.

Боль от этих мыслей была невыносимой. Я отчаянно попытался найти спасение в единстве — золотом свете — и не смог его найти. Я отчаянно пытался найти самооправдание и ничего не мог найти. Ничего, кроме фальшивого оправдания, что я, мол, собирался спасти жизни нескольких человек, которые что-то для меня значили. Я убил, чтобы их не убили. «Природа, с красными клыками и когтями...» — писал Теннисон. Книги, которые я опустошил за несколько предыдущих

недель, плясали в моей голове, но я не находил в них утешения. Лишь одну маленькую, жалкую причину, оправдывающую мою жизнь, смог я найти — защиту того, что я любил. По крайней мере, если это и не могло служить оправданием, то и страдания это не причиняло. Возможно, я мог быть просто язычником и просто простым.

И разве может человек погибнуть лучше,
Чем будучи поставлен перед страшным выбором
За прах своих отцов
И за храмы своих богов?

У меня не было ни праха моих отцов, ни храмов, ни богов. Я не был Горацием, древним римлянином, слова которого Макколей зарифмовал в строчках «Древнеримских баллад». Я мог охранять от всех чужаков, временных и бесконечных вещей лишь мое маленькое племя людей, бывших когда-то мне совсем чужими, а мне нужно было какое-то утешение, какая-то молитва, которую я мог бы повторять. Как пассажир теплохода, оказавшийся за бортом и цепляющийся за спасательный круг, я теперь цеплялся за четыре

строчки Макколея и за идею конца борьбы, чтобы все закончилось, все прошло, и я кружась стал погружаться в темноту, в провалы сна и окончательное забытье...

Проснулся я внезапно, как мне показалось, много позже, глядя в два склонившихся надо мной озабоченных лица. Одно из них — лицо Дока, а другое — покрытое шерстью лицо Старика.

— Марк! — сказал Док. — Вы в порядке? Вы спали?

— Что случилось? В чем дело? — Мой язык, казалось, распух и высох. — Что случилось?

— Вы лежали с закрытыми глазами и все время повторяли:

«Я не могу этого сделать... Я не могу этого сделать...», и мы никак не могли вас разбудить, — сказал Док.

Старик облегченно тыкался носом мне в лицо. Я ощутил его запах и понял, что он давно нуждается в мытье. Это вернуло меня к действительности быстрее, чем что-либо еще.

— Где мы? — спросил я, садясь.

— По-моему, мы почти дома, — сказал Док. — Посмотрите. Я не знаю, как работает этот самолет.

Я повернулся к пульту управления и нажал

одну из кнопок.

— Где мы? — спросил я. — Покажи мне с меткой на карте.

Экран послушно продемонстрировал мне изображение последнего увеличения карты, которую я запрашивал раньше. На карте появилось маленькое изображение самолета, и я секунду-другую смотрел на него, пока заметил, что оно действительно движется по карте.

— Скорее всего, мы в нескольких минут полета от дома, — сообщил я. — Все зависит от того, с какой скоростью мы летим.

Я посмотрел вниз. Мы находились на той же высоте, и, к моему удивлению, солнце ничуть не выше над горизонтом, чем в момент нашего отлета. Это означало, что мы движемся со скоростью вращения земного шара.

— Я велел приземлиться у летнего дворца, — сказал я Доку, потом снова повернулся к пульту управления и заговорил:

— Приземляйся медленно. Я не хочу, чтобы кто-нибудь из наших начал в нас стрелять. И не хочу никого пугать.

Самолет понял меня буквально. Он долетел до летнего дворца на высоте ровно три тысячи метров, а потом начал снижаться — вертикально

и очень медленно. Мы коснулись посадочной площадки у дворца примерно через двадцать минут, и к тому времени, когда это произошло, вокруг собралось большинство обитателей городка, столпившихся в радиусе пятидесяти футов от места посадки. В первых рядах стояли лидеры общины.

Я открыл дверцу самолета будущего и спустился на землю, а все таращились на меня так, будто я пришелец с Марса. Следом за мной выбрались Док и Старик, и тогда только все бросились к нам. Меня окружили, подняли и отнесли — в буквальном смысле слова — до входа в летний дворец. Только там мне удалось уговорить поставить меня на ноги.

Я взобрался на заднее сиденье джипа и кратко рассказал о том, что я сбежал от Полы и что она со временем явится за мной, но это произойдет никак не раньше, чем через несколько недель, и что подробнее я все расскажу им завтра. В данный момент мне нужно собраться с мыслями и все обсудить с другими лидерами общины.

Люди были немного разочарованы тем, что не услышат всей истории прямо сейчас, но после того как я пообещал вечером устроить общее празднование, постепенно вернулись к работе. Я

же вошел во дворец вместе с Эллен, Мэри, Биллом и остальными.

— Она не совсем в своем уме, — начал рассказывать я. — Не хочу сказать, что она совершенно безумна, возможно, в этом случае она представляла бы куда меньшую опасность. Я имею в виду, что когда дело доходит до определенных поступков, она склонна делать то, что ей хочется, невзирая на последствия. В таком состоянии для нее имеет значение только то, что она хочет. Вот почему я сбежал: рано или поздно она поняла бы, что я стою у нее на пути, а это равносильно смертному приговору.

Я рассказал о письме, которое она велела мне подписать.

— Смысл заключался в том, чтобы отомстить солдатам, убившим специалистов, а вину за это возложить на меня. Она могла расправиться со мной буквально в ту же минуту, как были бы казнены те, кого она хотела казнить.

— Как она поступит в данной ситуации? — спросила Мэри.

— Пошлет войска, чтобы привести меня обратно. Может быть, не прямо сейчас, поскольку у нее большие потери. Это еще одна причина, почему именно сейчас имело смысл от нее сбежать. Здесь

я смогу поработать с Порнярском, и, возможно, нам удастся найти способ продвинуться вперед до того, как ее люди доберутся сюда. Я работал над распознаванием картин. И теперь я куда сильнее, чем раньше. В любом случае это хоть какой-то шанс.

Я взглянул на Порнярска, который появился в столовой, когда мы расселись.

— Надо было послать тебе известие раньше, — сказал он. — Дело в том, что на этот камень преткновения я наткнулся еще с месяц назад, но решил, что я смогу преодолеть препятствие. Теперь я даже и не знаю. Возможно, вдвоем мы справимся.

— Я пойду с тобой в лабораторию, как только мы здесь закончим, — сказал я, расправившись с двумя аппетитными кусками домашней ветчины. — Но в любом случае... — Я обвел взглядом сидящих за столом. — В любом случае все остальные члены общины, которые не потребуются в качестве монад гештальта, когда и если мы будем готовы его использовать, лучше пусть прямо сейчас начнут приготовления к бегству. Если Пола не сможет вернуть меня, она устроит кровавую бойню.

Они оба взглянули на меня с другого конца

стола.

— Билл и Мэри, займитесь распределением припасов. Кстати, Док... Нам потребуется система срочного — по-настоящему срочного — оповещения, чтобы иметь в распоряжении как можно больше времени после того, как станет известно о том, что Пола или ее люди движутся сюда. Возможно, стоит воспользоваться самолетом, на котором мы прилетели?

— Неплохая идея, Марк. — Он посмотрел на Эллен. — Как тебе кажется, а, Эллен?

Эллен кивнула. Я расправился с ветчиной и отодвинул тарелку.

— У кого-нибудь есть предложения или замечания? Я собираюсь в лабораторию к Порнярску.

— Тебе нужно поспать, — сказала Мэри. — Ты выглядишь смертельно усталым. Да и Док тоже не лучше.

Я взглянул на нее. Это были типичные для Мэри слова, но в том, как она их произнесла, было что-то необычное. Однако у меня сейчас не было времени задумываться о таких вещах.

— Я спал во время полета. А вот Доку, возможно, действительно лучше поспать.

— Я спал вчера ночью, — возразил Док.

— Порнярск, ты готов? — спросил я, вставая

из-за стола.

— Да, — сказал он, и мы вместе вышли из столовой.

— Ситуация необычная, — сказал Порнярск, когда мы оказались у танка в лаборатории. — Это препятствие выглядит так, будто экстраполирующий элемент установки, как ты обычно называешь компьютер, столкнулся с логическим противоречием, в результате чего дальнейшая экстраполяция будет приводить лишь ко все нарастающим ошибкам. Все мои попытки определить, в чем может заключаться это противоречие, результатов не дали.

— Дай мне взглянуть на чем ты остановился, — сказал я.

Он включил танк. Снова я смотрел в сероватую голубизну, пронизанную крошечными мелькающими светлячками. На мгновение в душу мне закрался легкий страх, что за время, пока я находился у Полы, я навсегда утратил то, что раньше наделяло меня способностью видеть в танке картины будущего. Но потом мало-помалу крошечные огоньки начали сближаться и образовывать скопления.

Картина приобрела очертания. Это была странная и незнакомая картина, чего, впрочем,

следовало ожидать. Но когда я попытался продвинуться на шаг вперед и изменить восприятие — от огоньков в танке на реальную вселенную, — как я делал раньше, у меня ничего не получилось. Страх снова вернулся и на сей раз был сильнее.

— Мне понятно, что у тебя здесь, — сообщил я Порнярску. — Но похоже, для меня все это ничего не значит. Даже и не знаю, в чем дело.

— Возможно, ты просто устал, — сказал Порнярск. — Или ты не пользовался танком так долго, что отвык от него.

— Может быть.

Я сдался и оторвал взгляд от картины в танке. Неожиданно я почувствовал, что смертельно устал. Устал до мозга костей.

— В одном ты прав, — сказал я Порнярску. — Мне нужно поспать.

Я вернулся в комнату, одну из нескольких, которые делил с Мэри и Эллен. Естественно, что их не было в разгар рабочего дня. Я же почувствовал одиночество и какое-то детское желание, чтобы кто-нибудь посидел со мной, пока я не усну, но отогнал это чувство. Я разделся, лег в постель, накрылся одеялом и уставился в белый потолок, по которому бежали тени от облаков.

Я проснулся от того, что кто-то тряс меня. С

секунду мне казалось, что я все еще на самолете будущего и меня будят Док со Стариком. Потом я понял, что и за окном и в комнате темно, а надо мной склонилась женщина.

— Марк... — Это была Эллен. — Мне страшно жаль тебя будить, но вся община тебя ждет. Выйди ненадолго, а потом возвращайся спать.

— Сейчас иду.

Я сел, чувствуя, как одеревянело тело; это заметила и Эллен, которая начала массировать мне шею и затылок. Я с благодарностью прижался лбом к ее мягкому животу, чувствуя, как постепенно снова оживаю под теплым давлением ее пальцев, разминающих напряженные мышцы от плеч и до ушей. К Эллен всегда было приятно прикасаться, и от нее восхитительно пахло.., мне захотелось остаться в таком положении весь остаток жизни.

— Вот теперь ты проснулся, — сказала она минут через пять. — Одевайся.

Она была права: я пришел в себя и стал одеваться. Я стоял на одной ноге, натягивая брюки, когда мне пришло в голову, что я испытывал то же чувство, что испытывают собаки и другие животные, когда их ласкают и гладят люди. И не только физическое ощущение, но и связанные с

ним чувства привязанности и заботы. На секунду я почувствовал то же, что могут чувствовать животные, — ив этот момент слияние со вселенной почти вернулось ко мне. Но секунда прошла, и ощущение исчезло.

Я последовал за Эллен, которая уже выходила в дверь. Я прошел по коридору, вышел наружу и окунулся в объятия теплого раннего вечера. На посадочной площадке была выкопана яма для барбекю, и я почувствовал запах жарящегося мяса. Поблизости было разведено еще несколько больших костров, выбрасывающих в небо снопы искр так высоко, что они, казалось, смешивались со звездами прямо у нас над головами, а все открытое пространство вокруг было заполнено движущимися силуэтами и гулом голосов. Эта картина почему-то напомнила мне один небольшой мексиканский городок, через который я, будучи в отпуске, проезжал во время вечерней фиесты. Я не помнил имени святого, в честь которого был устроен праздник, но тогда тоже стоял вечер, и в небе над городком взрывались фейерверки, искры которых дождем сыпались на темные улицы. По всему городку горели огни и слышались голоса, люди входили в дома и выходили обратно на узкие улицы. Все это делало

зрелище каким-то невероятно богатым. Тогда я еще удивился, что создавало это ощущение богатства, но конечно же я это знал. Подсознательно я начал читать картины окружающего меня празднества так же, как их читали те, кто жил в этом районе. Ощущение богатства исходило от них, и теперь со мной происходило то же самое: я впитывал волшебство и тепло момента от остальных членов общины, собравшихся здесь, чтобы отпраздновать то, что Док, я и даже Старик целыми и невредимыми вернулись назад.

Я смешался с толпой: лица и тела крутились вокруг, кто-то сунул в руки стакан со спиртным. Меня толкали и пихали, о чем-то спрашивали, хлопали по спине и целовали до тех пор, пока у меня голова не пошла кругом. К головокружению добавилась усталость, которую не смогли снять несколько часов сна, поэтому я плохо помню большую часть того, что происходило тем вечером. Все слилось в одну долгую счастливую пелену, которая закончилась несколько часов спустя, когда я наконец протолкался обратно к себе в комнату и снова рухнул на кровать.

Эллен уже была там, и я прижался к ней.

— А где Мэри? — через некоторое время спросил я.

— Она на улице, — ответила Эллен. — А теперь спи.

Я уснул.

Проснулся я только на следующий день вечером. Несмотря на этот долгий «изнурительный» сон, я только через три дня по-настоящему пришел в себя морально и физически. Праздничная ночь, проведенная в толпе, в какой-то мере излечила меня, и теперь я чувствовал себя гораздо спокойнее и здоровее. На третий день я вернулся в лабораторию Порнярска и снова попробовал рассматривать картины в танке.

Первая попытка, как и в тот раз сразу после своего возвращения, не принесла результата. И все же неудача не оставила у меня такого чувства беспомощности, как в прошлый раз, поэтому, немного отдохнув, я попробовал снова. И в этот раз у меня тоже ничего не получилось, хотя и создалось впечатление, что на сей раз я был ближе к действительному восприятию вселенной. Поэтому я продолжал совершать попытку за попыткой, чувствуя, что с каждым разом я все ближе и ближе к цели. Действительно, через две недели я наконец прорвался.

Не знаю, что за преграда не давала мне прорваться, но рухнула она сразу. Без какого-либо

предупреждения я неожиданно оказался во вселенной, полной галактик и звезд, — и то, что я увидел, так сильно подействовало на меня, что я был вышвырнут обратно, в реальность лаборатории и самого себя, вглядывающегося в танк.

— Черт возьми! — воскликнул я. — Что-то не так!

— Не так? — переспросил Порнярск. — А что именно? Я повернулся к аватаре.

— Сам не знаю, — сказал я. — То есть я хочу сказать, что знаю, но это ничего не значит! Как ты не понимаешь? Эта твоя установка самоотключилась потому, что начала выдавать противоречия в картинах, которые она создавала на основе картин, которые выдала раньше. По логике вещей, никаких противоречий быть не может, но они есть!

— Я не совсем понимаю, — сказал Порнярск.

— Этот танк продолжал предшествующие картины, которые были правильными, и в конце концов получил не правильную.

— Ты хочешь сказать, что установка сломалась? Не представляю, как это могло произойти, — сказал Порнярск.

— Да нет же! В том-то все и дело. Установка не сломалась — с ней все в порядке! Что-то не в по-

рядке с реальностью. Один из факторов, которые принимает в расчет установка, это человеческий — извини, я имею в виду все разумные существа — фактор, и фактор этот, будучи логически развит, вступает в противоречие с чисто физической эволюцией других учитываемых факторов. Неужели ты не понимаешь, что это означает?

— Нет, не понимаю, — сказал Порнярск.

— Это означает, что где-то в будущем, во времени, которое мы сейчас ищем, разумная жизнь что-то делает со штормом времени. Делает что-то по крайней мере достаточно эффективное, чтобы произвести противоречия с тем, что случилось бы, если бы шторму времени просто предоставили развиваться своим чередом. Мы их нашли, Порнярск! Мы нашли время, когда стало возможным что-то сделать со штормом времени.

Аватара стоял совершенно неподвижно и смотрел на меня. Он был столь неподвижен, и его молчание длилось так долго, что меня посетила оскорбительная мысль, что он вообще меня не слышал.

— Понимаю, — сказал он как раз в тот момент, когда я уже открыл было рот, чтобы повторить ему то, что только что сказал. — В таком случае наши поиски закончены.

— Вот именно. Все, что нам теперь остается сделать, это понять, как монаде переместить ближайшие мелкие факторы так, чтобы по крайней мере эта лаборатория передвинулась в то будущее время.

— Это возможно?

На самом деле я никогда не переставал сомневаться, что такое возможно, и его вопрос вернул меня в чувства, лишив ощущения радости.

— Разумеется, — ответил я. — Иначе и быть не может. Мы находимся на самом нижнем конце цепи изменений шторма. Силы, действующие на этот район, относительно невелики.,.

Я ненадолго задумался, потом продолжил:

— Нам следует все проверить. Следует заняться этим в первую очередь, прежде чем я расскажу остальным о том, что мы выяснили, и они начнут надеяться на счастливый исход.

Мы занимались проверкой несколько дней спустя. Как-то утром в лабораторию вошел Док.

— Я только что летал на восток. — Он научился свободно пользоваться самолетом и ежедневно патрулировал границы общины. — Засек около ста пятидесяти солдат Полы: половина идет пешком, а другая — на лошадях. Они примерно в ста двадцати милях отсюда. У них нет автотранспор-

та, а оружие только стрелковое. Они не в форме ее армии, но других войск тут просто быть не может. На этом континенте никому не собрать столько людей и не заставить их двигаться в такой формации.

— Как они смогли подобраться так близко? — спросил Порнярск.

— Должно быть, шли небольшими группами, — сказал Док. — Это единственное, что приходит мне в голову. Прошлой ночью где-то встретились, так что сегодня они первый день вместе. В противном случае я бы давно заметил их с воздуха. При их скорости передвижения они доберутся до нас меньше чем за неделю.

Я взглянул на Порнярска.

— Вот и конец нашим проверкам, — сказал я. — Теперь остается только одно — надеяться, что у нас получится.

Глава 30

Я чувствовал, что в атмосфере вокруг летнего дворца что-то не так, но у меня не было времени определить, в чем дело. Я велел остальным членам общины собирать вещи и готовиться к бегству, а мы с Порнярском занялись выбором оптимальной контрольной наносекунды для дня накануне подхода солдат. Нам требовалось определить время, когда картина сил шторма в районе нашего поселения будет по возможности ближе к той, в которую я собирался расположить их с помощью монады. Моей изначальной идеей было иметь дело с как можно меньшей территорией — возможно, лишь с одной лабораторией и всем, что в ней находилось. Но по мере того как развивалась ситуация, выяснилось, что не было большой разницы между перераспределением сил, влияющих только на лабораторию, и сил, охватывающих территорию, включающую летний дворец, часть гор и достаточную часть равнины в пару квадратных миль, на которой располагался городок.

Это была первая хорошая новость, которую я

мог припомнить за очень долгое время. Теперь, если у них возникнет такое желание, я мог взять с собой всех. Я был связан работой в лаборатории, поэтому отправил Дока сказать всем остальным членам общины, что, как выясняется, им не обязательно бежать и прятаться от солдат. Те, кто предпочтут отправиться со мной и монадой в будущее, могут просто находиться поблизости.

Я вернулся к работе, и все как будто развивалось в нужном направлении. Чем больше я изучал ход изменения направления воздействия сил, тем более реальным выглядел конечный положительный результат. Да и задача, стоящая передо мной, была более простой, чем в тот первый раз, когда я уравновесил силы в окрестностях планеты.

Так оно и было, даже несмотря на то, что нам предстояло передвинуться на неопределенное расстояние в будущее. Измерить протяженность сдвига не было никакой возможности, но в любом случае прыжок предстоял не менее чем в несколько тысяч лет. Причиной тому служило то, что даже прихватывая с собой местность, на которой располагался городок, территория было все равно очень незначительной по сравнению с районом, захватывающим Землю и ее окрест-

ности. Мне предстояло совершить куда более значительные темпоральные изменения и на гораздо более незначительной площади, чем в предыдущий раз.

Таким образом, дела в лаборатории шли хорошо, но ничто никогда не идет абсолютно гладко. Мы с Порнярском опережали график регистрации всех параметров изменения, каким я его замыслил, но тут мне пришлось оторваться от работы, чтобы встретиться с людьми.

Сообщение Дока касательно того, что желающие могут отправиться вместе с нами, затронуло членов общины гораздо сильнее, чем я рассчитывал. Из-за того что был постоянно занят проблемами шторма времени, я совершенно упустил из виду, что только те, кто был со мной, когда я впервые уравновесил силы, имеют хоть малейшее представление о том, с чем будет сопряжено их участие в новом проекте. Кроме того, многие отнеслись к перемещению в будущее далеко не так спокойно, как я.

Естественно, чтобы прийти к какому-либо решению, они должны были получить ответы на свои вопросы. Народу было очень много, поэтому собрание пришлось проводить на взлетной площадке, которую Билл для такого случая обо-

рудовал громкоговорителями и несколькими микрофонами, с тем чтобы присутствующие могли и задавать вопросы.

Я начал с объяснения механизма шторма времени так, как я его себе представлял и как он подействовал на жителей Земли. Порнярск стоял рядом со мной в джипе, который я использовал в качестве ораторской трибуны. Он тоже готов был отвечать, но никто не задал ему ни вопроса. Люди с опаской относились к Порнярску, да и не каждый до этого дня вообще его видел.

Закончив объяснения, я предложил задавать вопросы, но вопросов не было. Поэтому я начал говорить, что, по моему мнению, далеко в будущем люди — не просто представители рода человеческого, но «люди» в более широком смысле, включая разумную, цивилизованную жизнь, вроде той, которая у нас была представлена Порнярском, — в конце концов разобрались со штормом времени и нашли способ остановить его. И наконец, я повторил то, что, по моему мнению, они уже должны были знать: я считаю, что мне удалось найти такое время, и я намерен отправиться туда. Желающие могут отправиться вместе со мной.

Я вновь предложил задавать вопросы и отве-

чал на них больше трех часов. Вернее, пытался отвечать, поскольку на большинство вопросов ни у меня, ни у кого-либо из присутствующих не было ответов.

Люди в основном хотели знать, что их ждет в будущем. Я, естественно, имел об этом представления не больше, чем они сами. Только стоя перед ними и изо всех сил стараясь ответить на их вопросы, я начал осознавать, какая непреодолимая пропасть лежит между теми, у кого есть определенная цель, и теми, кто просто хочет жить по возможности лучше. Другие были озабочены возможностью по дороге встретить тигров или разбойников, наличием колодцев по пути, жильем, которое им будет отведено по приезде, и.., где они смогут покупать все необходимое.

Я ничем не мог им помочь. Сам того не осознавая, я совершенно не задумывался о цене, которую готов заплатить за то, чего мне хотелось. А они — нет. Они просто не могли думать так же, как я, а я уже не мог рассуждать, как они.

Я постарался сделать все, что в моих силах. Я рассказывал и объяснял им до тех пор, пока не сорвал голос. Тогда они разошлись, обсуждая мои ответы, уверенные, что услышали что-то очень важное, но явно не удовлетворенные моими

объяснениями.

Мы с Порнярском вернулись в лабораторию. С людьми или без них, мне нужно было сблизиться с силами шторма в нужный момент, и этот момент неотвратимо приближался. — Мы закончили анализ всех возможных вариантов развития событий к середине дня, предшествующего тому, в который должны были подойти солдаты. Док следил за приближением врага с воздуха с высоты в пятнадцать тысяч метров. Неизвестно, заметили они его — молочного цвета самолет на такой высоте был с земли практически не виден — или нет, но они продолжали приближаться, не замедляя и не ускоряя скорости продвижения. Если они представляли собой все силы, которые могла выставить против нас Пола, то так и подмывало выйти им навстречу и померяться силами. Пара ночных вылазок на их лагерь под руководством одного из наших людей, набравшихся военной премудрости у Дока, плюс несколько качественных дневных засад могли бы сократить их численность до такой степени, что это позволило бы нам достаточно успешно обороняться. Но Пола могла на этом не угомониться, да и рисковать понапрасну жизнями людей смысла не было.

Теперь, когда некоторые из нас собирались отправляться в будущее, а остальные намеревались уйти в горы, мне не давала покоя мысль о том, как быть с экспериментаторами. Пола, узнав, что я ускользнул, вполне могла их всех перебить.

Однако, как оказалось, проблемы больше не существовало. Обитатели деревни после того, как Старик заинтересовался мной, стали быстро социально деградировать. Исключение составляли несколько особей, которые подружились с некоторыми человеческими семьями, либо собирались отправиться вместе с ними в будущее, либо укрыться в горах; остальные же давным-давно самостоятельно покинули деревню и исчезли.

Этот день был назначен днем прощаний. Я вышел на посадочную площадку, чтобы ко мне мог подойти любой желающий, и люди подходили, поодиночке и группами, чтобы попрощаться, причем не только со мной, но и с остальными, кто решил отправиться в будущее. Я был удивлен и в душе даже немного расстроен, увидев, сколько людей решило рискнуть и провести остаток жизни, прячась от Полы, вместо того чтобы последовать за мной. Но это было их собственное решение, и лучше им было уходить прямо сейчас,

пока такая возможность у них еще оставалась, чем потом жалеть о том, что они вовремя не скрылись.

Время прощаний закончилось к обеду. Мы наконец расстались и вошли во дворец. До того как мы рассядемся есть, я хотел успеть провести собрание с теми, кто примет вместе со мной участие в монаде, но когда мы все собрались в столовой, среди присутствующих я заметил новые лица. К моему удивлению, пришла Уэнди, которая никогда не проявляла ни малейшего интереса к участию в борьбе против шторма времени, но которой, пожелай она принять участие в монаде, я был бы рад. Кроме того, здесь был ее долговязый приятель, которому я не был бы рад ни при каких обстоятельствах, и медлительный здоровяк Эйб Баднер, начальник продовольственной службы и бывший шеф-повар, который мне нравился, но которого я даже представить себе не мог в качестве материала для монады.

— Эйб, — сказал я, усаживаясь за стол, — не обижайся, но у нас сейчас деловое совещание. Так что ты и...

— Марк, — произнесла Мэри.

Я насторожился, и мой разум неожиданно вынырнул из моря проблем, связанных с путеше-

ствием в будущее, и вернулся в настоящее — в эту столовую и к людям, которые сидели вокруг стола. Я вдруг отметил, что Мэри, Уэнди, ее приятель и Эйб в походной форме, грубой одежде и тяжелых ботинках. Кроме того, я понял, что в комнате царит тишина — напряженное молчание всех присутствующих, говорящая о том, что они уже некоторое время знают то, что я сам только начал осознавать.

Я взглянул на Мэри.

— Ты остаешься? — спросил я.

— Вот именно, Марк, — сказала она, и ее слова буквально потрясли меня. Я внимательно вгляделся в ее усталое лицо, которое сейчас выдавало ее возраст: в уголках глаз притаились морщинки, а кожа на шее стала дряблой. За последние месяцы я практически ни разу не присматривался к ней. Просто в голову не приходило.

— Ну-ка вы, все остальные, оставьте нас, — хрипло сказал я. Я не оговорил, кого имел в виду под «всеми остальными», но все встали и вышли из комнаты, за исключением четверых, одетых по-походному, и Эллен.

— Уэнди с Уолтером не хотят отправляться в будущее, Марк, — сказала Мэри. — И я решила остаться вместе с ними и Эйбом.

— Мэри... — Слова давались мне с огромным трудом. У меня в голове мелькали и перещелкивались картины, и я видел то, чего видеть не хотел. Если Мэри остается, то Пола рано или поздно ее найдет, а Пола наверняка помнит, что Мэри одна из двух моих жен. Это было неизбежно — впрочем, нет, не неизбежно. Неужели я уже начал считать себя божеством, чтобы бороться с неизбежным? Но это было так подавляюще возможно, что шансы на то, что она ускользнет от Полы, были минимальны, чтобы принимать их во внимание.

— Мэри, — сказал я. — Неужели ты не понимаешь? Если ты не отправишься со мной, то угодишь прямо в лапы Поле. Поверь, я знаю. Обязательно угодишь.

— Даже если и так, — ответила она.

— Послушай... — Я постарался говорить так, чтобы слова звучали без эмоций, но убедительно. — Нет никакого смысла губить себя только потому, что Уэнди хочет остаться. Я знаю, она еще очень молода, и...

— Ты не понял, — сказала Мэри. — Я не хочу отправляться с тобой. Я сама хочу остаться здесь.

Понимание обрушилось на меня подобно парализующему удару. Похоже, мне удалось обмануть

себя самого. Я вдруг понял, что они с Эллен сразу разобрали, какое впечатление произвела на меня Пола, и что это по крайней мере отчасти послужило для меня причиной отъезда с ней.

— Послушай меня, — сказал я. — Мы с Полой...

— Марк, — продолжала Мэри. — Тебе придется понять. Это я не хочу отправляться в будущее. Понимаешь, я! Мне попросту надоело перепрыгивать с места на место. Я устала. Я хочу обосноваться на одном месте и жить там.

— А в это время Пола будет охотиться за тобой, да? — Я не верил собственным ушам.

— Это не имеет значения. Я останусь здесь, в этом мире. Я не хочу в другой. Я не хочу все начинать заново. Я не могу снова и снова все начинать заново, Марк. Ты можешь? Отлично, давай. А мне хоть ненадолго нужна самая обычная жизнь, пусть даже ей скоро придет конец.

Я потряс головой. Это было просто каким-то безумием! Я обратил внимание, что и те, кто поначалу остался, тоже ушли — Уэнди, ее приятель и Эйб. Все, кроме Эллен, которая стояла в темном дальнем углу столовой. Мэри обогнула стол и подошла ко мне.

— Ты ведь никогда не понимал меня по-настоящему, да, Марк? — сказала она. — Ты с самого

начала не понимал меня и никогда не любил.

— Возможно, в самом начале... — сказал я, голос вновь стал хриплым. То, что я сейчас стоял и говорил ей это, а другая любимая мной женщина все это слушала, было частью общего безумия. — Но теперь все изменилось.

— Недостаточно изменилось. Не до такой степени, чтобы ты хоть на дюйм отступил со своего пути ради меня. Или кого-нибудь другого.

— Это совсем не так.

— Так докажи. Останься здесь сам. Не отправляйся в будущее.

— Мэри, Бога ради, не городи чушь!

— Ничего я не горожу. Просто ты меня не слышишь. — Она несколько мгновений молчала, затем, к моему удивлению, протянула руку и очень нежно погладила меня по щеке. — Все в порядке, Марк. Тебе и не надо слышать. Ради меня ты не изменишься, я знаю. Но есть и предел, дальше которого я не могу измениться ради тебя. Неужели ты не понимаешь, что все не могут измениться настолько, насколько тебе этого хочется..

— Я просто хочу, чтобы ты жила, — настойчиво произнес я. — Не хочу, чтобы до тебя добралась Пола.

— Я знаю, милый. Только ничего не получится.

Я должна остаться, а если бы даже и ты захотел остаться, то не смог бы защитить меня.

— Почему ты так уверена в этом! — сказал я, и на какое-то безумное мгновение у меня вспыхнула надежда, что проблема все же как-то разрешится. — Если бы я решил разобраться с Полой и всей ее армией, это, может, и заняло бы какое-то время, но...

— Ты бы попросту разменивался совсем не на то, что тебе написано делать на роду, — сказала она. — Если бы дело пошло таким образом, получилось бы, что я держу тебя здесь, как пленника. Но и ты, если утащишь меня в будущее, сделаешь своей пленницей.

Я просто не знал, что ей сказать.

— Марк. — Она подняла голову и посмотрела мне в глаза. — Скажи мне «до свидания».

Призрак какой-то гигантской руки вдруг взял меня за загривок и прижал мое лицо к ее лицу. Я поцеловал ее, и ее губы оказались сухими и чужими, как будто совсем незнакомыми. Она обняла меня, и я держал ее в объятиях до тех пор, пока она не высвободилась.

— Ладно, — сказала она, отступая на шаг, — все будет в порядке. Все дело в том, что ты не любишь ничего терять, Марк. Но в конце концов все будет

хорошо. А теперь прощай и будь осторожен.

Она вышла. Я некоторое время смотрел на дверь, за которой она скрылась, а когда оглянулся, то оказалось, что и Эллен в комнате уже нет. Я вышел в вечерние сумерки и долго гулял в одиночестве.

Когда я вернулся во дворец, было уже около десяти вечера, а мне еще предстояло переделать уйму дел. Я собрал членов монады, которая теперь состояла из Старика, Эллен, Билла и меня самого. Док вызвался присоединиться к нам, и теперь, учитывая, что Мэри с нами не было, я не просто хотел видеть его среди нас — он был мне просто необходим. Я разобрал с ними картины, которые, как смог, растолковал. И не потому, что картины имели для них хоть какое-то значение, но чем в большей степени их разумы смогут идентифицироваться с моим, когда мы начнем действовать, тем сильнее мы будем, как команда, тем более уверенно я буду делать то, что наметил.

Большинство членов общины, которые собирались уйти, к полуночи, когда закончилось наше собрание, уже покинули городок. Я послал Дока убедиться, что в районе, который мы собираемся переместить в будущее, не осталось никого из тех, кто не собирался отправляться с нами.

Это была одна из тех кофейных ночей, когда все должно случиться с рассветом следующего дня и нервы натянуты до такого предела, что звенят как струны гитары. Вечером надвинулся теплый фронт, и тьма за окнами была неподвижной и душной. Только едва слышные раскаты грома время от времени доносились откуда-то из-за горизонта, да огоньков среди зданий внизу было куда меньше, чем могло бы быть в этот час даже в морозную зимнюю ночь, поэтому коммуна была похожа на город призраков.

Вернулся Док.

— Все ушли, кроме Моджовскисов, — доложил он, — но когда я к ним зашел, они уже уходили. Минут через двадцать их уже не будет.

— Отлично. Отправляйся в лабораторию. Там Порнярск надевает на всех шлемы и готовит аппаратуру. Скажи им, что я подойду через двадцать минут.

Когда он ушел, я отправился на улицу и еще раз обошел вокруг дворца. Ночь была такая темная, а воздух столь неподвижен, что его можно было почти что ощущать пальцами; отдаленные раскаты грома доносились из-за горизонта; там где заканчивалась равнина. Я представил себе, как солдаты Полы совершают ночной бросок,

чтобы застать нас врасплох. Но даже если они выступили в тот момент, когда село солнце, они не успеют вовремя добраться до нас. На улицах городка внизу не было видно ни души. Те, кто решил отправиться с нами, сидели по домам и ждали.

Я вернулся в летний дворец и в последний раз обошел здание. Комнаты казались какими-то странно пустыми — как будто в них много лет не было ни души. Я ненадолго вышел во дворик, где лежал Санди, но света включать не стал. Пока я стоял там, в темноте прямо у моих ног внезапно пронзительно взвизгнула цикада и завела свою песню.

Я вернулся в здание, в голове у меня продолжала звучать песня цикады. Она не покидала меня и тогда, когда я шел по коридорам, когда вошел в ярко освещенную лабораторию. Все уже были в шлемах и сидели на своих местах. Только Порнярск стоял у своего командного пульта, который он переместил в центр комнаты и установил рядом с танком. Я тоже подошел к танку, чтобы в последний раз проверить конфигурацию сил, поскольку мы настроили его на нужный нам момент времени. Никаких изменений не произошло.

Я уселся в кресло и напялил шлем. Когда я опускал его себе на голову, песня цикады все еще звенела у меня в ушах, так что под шлемом она как бы оказалась в ловушке. Я почувствовал, как моя сила сливается с силой остальных членов монады, и воспоминание о треске цикады затерялось в безмолвной песне сливающихся личностей, стоило мне открыться силам шторма времени, пребывающим в равновесии вокруг нас.

Они были здесь. Они были здесь все время, выжидая, дрожа в равновесии, как паутина замерших молний. Теперь я охватил эту картину одним взглядом и наложил на нее, как шаблон, нужную мне конфигурацию в далеком будущем. Две конфигурации в чем-то совпадали, где-то перекрывались, иногда расходились. Я напряг силу монады, подтолкнул, и две картины слились вместе. Совершенно неожиданно оказалось, что дело сделано, и все. Ничего особенного.

Я снял шлем и огляделся. Остальные тоже снимали шлемы, и в свете флюоресцентных ламп их лица показались мне бледными и удивленными, как у детей.

— Уже? — спросила Эллен. — И где мы?

— Не знаю, — признался я.

И тут я заметил, что из-за закрывающих окна штор пробивается яркий полуденный свет.

Глава 31

Мы подняли шторы, и лабораторию залил солнечный свет, ничем не отличающийся от того, к которому мы привыкли. Но за окнами был виден все тот же внутренний дворик, в котором помещался Санди. День был облачным: массы белых густых облаков перемежались с синевой голубого неба.

Мы по коридорам дошли до выхода и оказались на стоянке снаружи. Внизу по-прежнему виднелся совершенно не изменившийся городок и деревня экспериментaлов, но за пределами окружающей все это равнины теперь начиналась высокая трава. Ее стебли были по меньшей мере шести футов высотой, и она тянулась до горизонта, как бескрайнее поле гигантской пшеницы. Дорога исчезла. Того, что теперь находилось по другую сторону горы, мы конечно же видеть не могли.

Внизу в городке по-прежнему никого не было видно. Это было неудивительно, поскольку многие еще просто не поняли, что перемещение произошло, поскольку оно не сопровождалось

ни звуками, ни ощущением физического перемещения. Даже мне трудно было поверить, что мы оказались в далеком будущем, о котором я говорил.

— Может, сходить в городок и сказать остальным? — спросил Док.

— Сходи, — кивнул я.

Он запрыгнул в один из джипов и умчался. Я остался стоять рядом с Эллен и остальными, включая стоящего чуть поодаль Порнярска. Через мгновение мы увидели, как джип Дока появляется среди деревьев и въезжает на улочки городка, время от времени останавливаясь. Док выскакивал из машины и заходил в дома.

Каждый раз, когда он выходил обратно на улицу, за ним выходили и обитатели дома. Вскоре улицы заполнились людьми, и обитатели городка мало-помалу начали подниматься к нам по склону. Через полчаса на взлетной площадке началось импровизированное празднество.

Меня вдруг пронзила мысль, что за последнее время я пережил гораздо больше потрясений и участвовал в гораздо большем количестве сборищ, чем когда-либо до шторма времени. И тем не менее в нынешнем сборище — празднике прибытия, как его окрестили — было что-то, что

не относилось ни к возвращению домой, ни к информационному собранию. Кругом ощущалось расслабленное чувство умиротворенности, которого я раньше не замечал. Это было теплое, даже какое-то уютное ощущение. Бродя среди товарищей по путешествию во времени и впитывая их ощущения, я в конце концов понял, в чем дело. Все эти люди испытывали какое-то общее чувство, которое прежде, до того как мы совершили перемещение, мне просто не приходило в голову в них искать.

В каком-то смысле те, кто отправился с нами, были искателями приключений, а в душе — настоящими первооткрывателями. Но все эти слова казались не подходящими к ситуации, в которой мы оказались. Я имею в виду, что все те, кто отправился за мной в будущее — мужчины, женщины и дети, — просто не могли находиться на более низком этапе истории, чем должны были быть. Во всех них горело желание оказаться на гребне волны — там, где раса в целом открывала новые земли.

Осознав это, я почувствовал, что испытываю по отношению к ним какое-то новое и неожиданно теплое чувство. Это был уголок моей души, о существовании которого я раньше даже и не

подозревал. На самом деле это была часть и моей души, которая чувствовала то же, что и их души. Даже если бы я твердо знал, еще до того как мы отправились сюда, что мы попадем в день Страшного Суда, знаменующий конец нашей расы, я все равно захотел бы попасть сюда, чтобы принять в нем участие, вместо того чтобы спокойно прожить жизнь в предшествующие времена, пусть даже и со всеми удобствами.

И вот теперь я был здесь примерно со ста восемьюдесятью людьми, которые испытывали чувства, аналогичные моим. Я, сам того не сознавая, создал свое собственное особое племя. Я был так воодушевлен этим открытием, что мне просто необходимо было его с кем-нибудь обсудить. Эллен была занята, помогая организовать напитки и угощение для праздника, поэтому я отправился искать Билла.

Билл тоже занимался делом: он установил стол, на котором лежали какие-то бумаги, и просил всех написать свои имена, с тем чтобы у нас был полный и точный список тех, кто оказался вместе с нами в будущем, поскольку многие изменили свое решение в самый последний момент: кое-кто все же решил остаться, а кое-кто из тех, кто поначалу не решался оставить привычное время,

все же рискнул отправиться с нами. Однако учетный стол практически не требовал присмотра, поскольку слух о переписи уже распространился среди присутствующих, и я ухитрился отозвать Билла в сторонку.

Мы отошли от остальных, и я рассказал ему о своем открытии насчет духа первоокрывателей у тех, кто отправился с нами в будущее, и о том, какое удовольствие оно мне доставило.

— Не могу пройти мимо подобного открытия, — сказал я. — Задумайся над тем, как мало оставалось людей в Северной Америке после того, как нам удалось остановить туманные стены. Из этого небольшого количества людей нам удалось найти почти две сотни добровольцев, которые чувствуют себя здесь, в будущем, за тысячи лет от своего времени, как дома.

— Все верно, — согласился он.

Его симпатичное худощавое лицо загорело после нескольких лет пребывания под открытым небом; за это время он к тому же заматерел, повзрослел и поэтому теперь выглядел гораздо более компетентным и зрелым человеком. Мне тут же вспомнилась Мэри. Я так же долго не приглядывался к нему, как и к ней, а он тем временем менялся прямо у меня под носом.

— ..впрочем, ничего удивительного, — тем временем, пока я разглядывал его, замечая происшедшие в нем изменения, продолжал он. — Главное перестать считать тех, кто сейчас рядом с нами, просто-напросто выжившими или уцелевшими. Так мы могли относиться к людям, когда туманные стены еще двигались.

— Я имею в виду, — перебил его я и огляделся, чтобы убедиться — никто не слышит, как мы их обсуждаем, — что все эти люди представляют собой нечто большее, чем просто горстку уцелевших.

— Совершенно верно, — кивнул Билл. Его загорелое лицо было очень серьезным. — После шторма времени наша группа стала привлекать людей определенного склада — тех, кто слышал о нас и решил, что не прочь присоединиться к нам. Те, кого мы привлекали, являлись людьми, которые видели в нас те же качества, которые видели в себе. Потому-то они и пришли — но не все остались. Тот, кто не вписывался в общину, уходил. Община как бы отфильтровывала людей. В итоге, когда все были поставлены перед проблемой — совершать скачок во времени или нет, это решение стряхнуло остатки балласта.

Меня покоробили слова Билла, но я постарался,

чтобы он не заметил этого. Он навесил на Мэри ярлык, с которым я бы никогда не согласился, и не хотел бы, чтобы ее так называли, даже если бы и был с ним согласен. В то же время я был вынужден согласиться, что его доводы достаточно веские. Я так ему и сказал.

— Разумеется, время все расставит по местам, — ответил он. — Однако должен сказать вот что. — Он повернулся и посмотрел мне прямо в глаза. — Я в жизни не чувствовал себя счастливее, чем в тот момент, когда осознал, что вопрос решен, что обратного пути нет, что я точно отправляюсь в будущее.

— Что ж, — немного неуверенно сказал я. — Я рад.

— Наверное, даже если бы Беттиджейн не захотела отправляться с нами, я все равно не колебался бы ни секунды.

Я открыл было рот, чтобы спросить, кто такая Беттиджейн, но спохватился и промолчал. Очевидно, у меня под самым носом всегда происходило много такого, чего я не замечал. Ладно, потом спрошу у Эллен.

— Пожалуй, лучше вернуться к остальным, — сказал я. После того как торжество постепенно начало успокаиваться, я забрался на джип, свою

привычную трибуну, чтобы сообщить собравшимся, чем именно нам предстоит заниматься в ближайшие несколько дней. Я сказал, что мы снова начнем организовывать общину. Тем временем Док начнет разведочные полеты, чтобы обнаружить в этом мире будущего другие человеческие поселения. На самом деле он будет летать по спирали, постепенно все дальше и дальше удаляясь от этого района, а навигационное оборудование самолета можно будет использовать для составления карты окрестных земель.

— Вы думаете, что мы скоро обнаружим других людей? — спросил какой-то мужчина из задних рядов; голоса его я не узнал — Строить догадки бесполезно, — сказал я. — Но в принципе, я склонен думать, что это они первыми найдут нас.

Наступила тишина, и я вдруг понял, что они ждут от меня дальнейших объяснений.

— Это же будущее. Мы с Порнярском получили данные, что именно в этом времени люди занимаются проблемой шторма времени. Если это действительно так, у них должен быть очень высокий уровень технического развития. Я склонен предположить, что рано или поздно, скорее всего рано, тот факт, что мы здесь, будет зарегистрирован тем или иным способом. Во всяком

случае, если им известно о шторме времени, то они обязательно заметят, что силы шторма вдруг поменяли часть их земельной собственности на такой же ее кусок из прошлого.

После этого посыпалось еще множество вопросов, иногда серьезных, иногда не очень, начиная с того, как выглядят люди будущего, и кончая тем, а не следует ли нам выставить охрану — если не от людей, то хотя бы от животных. По крайней мере до тех пор, пока не убедимся, что она не нужна. Я переадресовал вопрос Доку, который согласился с ним. Собрание закончилось тем, что Билл забрался на джип и сделал объявление, которое не вызвало восторгов, насчет того, что он хочет завтра же начать перепись всего, что у нас осталось после того, как ушедшие забрали с собой то, что посчитали нужным забрать, и он хочет, чтобы все приняли участие в инвентаризации, составив списки того, что есть у них.

Я ушел с собрания до того, как оно по-настоящему закончилось, и отправился в лабораторию к Порнярску. Картина, которую мы могли наблюдать в танке, была практически такой же, что и накануне нашего отбытия. Разница была лишь в том, что теперь она была действительной, а не экстраполированной, из-за чего в ней произошли

некоторые изменения.

— Попробуй-ка теперь, — сказал я Порнярску. — Посмотри, сможем ли мы экстраполировать отсюда, ведь теперь это будущее стало для нас настоящим.

Он минут двадцать возился с оборудованием.

— Нет, — в итоге ответил он. — Установка по-прежнему колеблется из-за несоответствий.

— В таком случае мы очутились как раз в нужном месте — то есть во времени. По правде говоря, я уже начал немного беспокоиться. Между нами, я ожидал, что люди из этого времени будут встречать нас.

— Ты предполагал, что наше воздействие на силы времени сразу же привлечет их внимание? Я тоже склонен был так думать.

— И что у них будут иметься возможности добраться сюда, как только они это обнаружат, — добавил я. — Если же нет, то как они могут быть достаточно развитыми, чтобы как-то влиять на шторм времени в целом?

— Не знаю, — сказал Порнярск. — Здесь для нас слишком много неизвестного, чтобы строить догадки.

— Надеюсь, что ты прав.

— Лично я считаю, что да. Кроме того, догадки

есть догадки.

— Хорошо, — сказал я. — Но если в течение двадцати четырех часов никто не появится, я начну беспокоиться.

Никто не появился и через сорок восемь часов. И через сорок восемь часов после этого, и на протяжении всей последовавшей за этим недели. Тем временем Док возвращался после своих ежедневных картографических полетов и каждый раз докладывал о том, что никаких признаков присутствия людей не обнаружено. Ни населенных пунктов, ни движения. Очевидно, мы находились на восточном краю континентального равнинного района, сплошь покрытого высокой травой и больше всего напоминающего центральные районы Северной Америки во времена бизонов, хотя и бизонов Док тоже нигде не видел.

Однако и травянистая равнина, и лиственный лес, начинавшийся милях в шестидесяти от того места, где оказался наш кусок территории, буквально кишели всякой живностью. Оленями, лосями, волками, медведями.., и всеми известными нам более мелкими представителями дикой фауны. Лиственные леса, по-видимому, тянулись вплоть до восточного побережья и существовали достаточно долго, потому что не было подлеска;

из-за этого лес приобретал какой-то совершенно нереально аккуратный вид, как декорации к фильму о Робин Гуде. Док приземлялся на поляне посреди леса и потом рассказал, что видел там необхватные дубы и вязы, под которыми была ровная мшистая почва. Лес произвел на него впечатление какого-то собора, куда солнечные лучи попадают сверху сквозь плотную завесу листьев высоко вверху.

Я пока никому не рассказывал о том, как меня тревожит то, что с нами не вступают в контакт другие разумные существа этих будущих времен. Тем временем наша коммуна буквально зарывалась в землю. Так же, как мы прибыли сюда в разгар дня, хотя отправлялись из своего прежнего времени в полночь, мы прибыли сюда весной, хотя в нашем времени была осень. Большая часть наших посевов осталась в прошлом, и даже без понуканий Билла очень многие хотели поскорее засеять поля. Ведь у нас в распоряжении теперь не будет запасов продовольствия, произведенного до шторма, которые можно было использовать в качестве дополнительного источника продовольствия.

Поэтому первая неделя перешла во вторую, вторая — в третью, но никаких признаков разум-

ных существ на окружающем нас континенте не было, как не было и посетителей, представителей этого будущего. Постепенно мы начали привыкать к тому, что, возможно, мы и в самом деле на этой Земле будущего совершенно одни, и большую часть нашего внимания стала занимать повседневная жизнь общины.

Это было напряженное время. Кроме необходимости мириться с тем фактом, что здесь мы должны удовлетворять все свои потребности самостоятельно, у нас были основания думать, что климат в этом будущем времени и в нашем районе отличается более холодными зимами, чем те, к которым мы привыкли у себя в прошлом. Предстояла большая работа по утеплению домов и увеличению мощности их обогревательных устройств, будь то камины или печи.

После перемещения мы лишились и небольшой речки, вращающей наш небольшой электрогенератор. Билл сказал, что сможет за несколько недель установить несколько ветрогенераторов, чтобы обеспечить нас по крайней мере переменным током, но это зависело от того, сколько людей ему дадут в помощь. Более насущной была проблема заготовки дров. Пока единственным доступным нам лесом был лес на склоне горы,

перенесшийся в будущее вместе с нами. Но даже одна суровая зима полностью его «выжжет». Нам было совершенно необходимо организовать доставку дров из лесистого района в шестидесяти милях к востоку или переместить поселок туда. Но у нас имелось слишком много ценных построек, чтобы успеть перевезти их туда за одно короткое лето.

В результате все работали с утра до ночи, включая и меня. В каком-то смысле я даже радовался этому, поскольку работа позволяла не думать о том, почему никто не вступает с нами в контакт. К этому времени Док уже долетел до восточного побережья и на несколько сотен километров севернее того, что когда-то называлось канадской границей. И нигде он не встретил никаких признаков цивилизации. Повсюду была лишь дикая природа, от болотистых хвойных лесов на севере, слегка изменивших очертания Великих озер, до равнины к северу от бывшей мексиканской границы. Меня стала одолевать тревога, что, возможно, к этому времени Земля стала совершенно необитаема и забыта, а если так, как мне при жизни вступить в контакт с борцами против шторма времени, которые находятся во многих световых годах — возможно, в сотнях или

в миллионах световых лет — от нас?

Поэтому я был рад тяжелой работе, которая не давала мне поддаться другой тревоге, кислотой разъедавшей меня изнутри. После расставания с Мэри мне открылось в ее чувствах нечто, о чем я никогда даже не подозревал. Теперь я почувствовал то же самое и к Эллен. Она по-прежнему работала со мной днем и была рядом каждой ночью, но я чувствовал, что она со мной лишь отчасти Какая-то ее часть оставалась отчужденной от меня. Между нами была стена, такая же, что была между мной и Мэри, хотя я никогда этого не осознавал.

Я хотел поговорить с ней об этом, но все никак не мог выбрать подходящего момента. Утром у нас хватало времени лишь на то, чтобы подняться, одеться, позавтракать и убежать на работу. За целый день не было ни минуты, чтобы отдохнуть, не было паузы, во время которой можно было бы поговорить. По вечерам же времени снова хватало лишь на то, чтобы перекусить, и сон угрожал одолеть нас еще до того, как мы успевали заправить усталые, опустевшие моторы наших тел. Мы валились в постель и открывали глаза — как нам казалось — всего мгновением позже, и тут же неотвратимо нас захватывал круговорот

нового дня.

Но когда-то все же должен был выдаться перерыв. И он выдался в конце пятой недели, когда первая из ветряных мельниц Билла начала питать генератор и появившийся ручеек электричества заставил слабенько засветиться наши лампы под потолком и в помещениях наконец стало светло. Это было вполне подходящим предлогом, чтобы дать людям передышку, и я объявил следующие сутки выходным днем.

Несмотря на вновь обретенное чудо электрического освещения, в этот первый свободный вечер ни у кого не было сил радоваться. Все, что большинству из нас хотелось, так это завалиться спать, и мы спали до середины следующего дня. Потом в свете полуденного солнца мы постепенно начали вылезать из наших спален, чтобы посидеть или медленно побродить на солнышке, либо не делая ничего вообще, либо доделывая то, до чего в последнее время никак не доходили руки и что только теперь появилась возможность проверить, почистить, отремонтировать или достроить.

Лично меня больше всего интересовало второе из перечисленных занятий. Когда я проснулся, Эллен уже встала и куда-то ушла из дворца. Я

встал, выпил пару чашек черного кофе и отправился ее искать.

Я нашел ее, занятую стиркой, за летним дворцом. Свернув за угол и увидев ее, я вдруг осознал, что она вдобавок к своим взвалила на себя еще и все домашние обязанности Мэри. Я так привык к тому, что они обе рядом, и так эгоистично с головой ушел в свои собственные проблемы, что мне никогда даже в голову не приходило, что Эллен будет выполнять работу за двоих вдобавок к работе с остальными членами общины. Так же до этого момента мне никогда не приходило в голову помочь ей или Мэри. Я обогнул дворец и остановился, чтобы посмотреть на нее вблизи какое-то мгновение, пока она еще меня не заметила. Потом подошел к ней, вытащил из корзины свои джинсы и стал помогать ей развешивать мокрое белье. Некоторое время мы молча работали вместе.

— Почему бы тебе не присесть? — предложил я, когда мы наконец закончили. — А я пока отнесу корзину, вытащу карточный столик и пару стульев и приготовлю нам обед. А ты просто сиди и отдыхай. Согласна?

Она взглянула на меня. Я никогда не умел читать ее тайные мысли по выражению лица, знать

я их тоже не мог. Но я заметил, насколько сильно изменилась за прошедшие годы Эллен. Она все еще была молода — что я как-то прикидывал насчет ее возраста? Что скорее всего она или ровесница Дока, или даже моложе его. Но теперь в ней не осталось даже намека на ту девчонку, которую я когда-то приютил в своем грузовичке. Эллен, на которую я смотрел сейчас, была зрелой женщиной и совершенно другим человеком.

— Хорошо, — согласилась она, уселась на траву на склоне, сняла косынку, которую повязала на голову, и встряхнула головой, расправляя волосы. Она была в каких-то видавших виды осенне-бурых штанах и темно-зеленой рубашке, расстегнутой на груди. Ее шея поднималась над расстегнутым воротом рубашки и скрывалась под темными теперь распущенными волосами. У нее были сине-зеленые яркие глаза.

Я подхватил корзину и отправился в дом. Я пошарил на кухне, пытаясь вспомнить, что она любит из еды. За годы одинокой жизни в северных лесах накануне шторма времени я научился более-менее прилично готовить, но сейчас у нас не было никаких особенных продуктов. Нам всем до осени предстояло питаться консервами — до тех пор, пока, если все пойдет хорошо, не подо-

спеет урожай.

Наконец я нашел банку консервированной ветчины, взял ее, консервированную картошку и три крайне ценных яйца, которые несли наши немногочисленные куры, кое-как сварганил из ветчины и картошки салат, сдобрил его самодельным майонезом, который на скорую руку сбил из одного желтка и кукурузного масла, которого у нас был полно. Кроме того, я еще немного пошарил по дворцу и нашел бутылку «Либфраумильх». Охладить ее возможности не было, поскольку из-за дефицита электричества холодильники не работали; тем не менее и салат и вино, когда я наконец вынес карточный столик, накрыл его скатертью и поставил стулья, выглядели достаточно празднично.

— Вкусно, — сказала Эллен, когда мы ели салат, и на душе у меня потеплело.

— Рад слышать. Представляешь, а ведь я почти и не знаю, что ты больше всего любишь.

— Я все люблю, — ответила она.

— Вот и хорошо. Потому что у нас еще очень не скоро будет то же, к чему мы привыкли, — сказал я и продолжал говорить о том, чем нам предстоит питаться этой зимой, даже если и удастся вырастить хороший урожай.

Я все говорил и говорил о том о сем, надеясь, что она невольно подскажет мне, как легче перевести разговор на нужную мне тему. Однако она не говорила ничего, что могло бы мне помочь. Тем не менее, расслабившись от съеденного и выпитого, я на волне своих собственных слов начал плыть туда, куда собирался.

— Есть только две вещи, которые могут помочь защитить Мэри и остальных. Во-первых, то, что когда солдаты Полы придут и увидят, что местность, где мы жили, изменилась, они могут подумать, что я с помощью колдовства перенес всех куда-нибудь в недосягаемое для них место, и когда они сообщат об этом Поле, она купится на это...

— Неужели ты серьезно думаешь, что она поверит в такое? Я заколебался.

— Нет, — сказал я. — Будь она психически нормальна, я бы еще мог надеяться. Но подсознательно она все время будет продолжать искать меня, и рано или поздно до нее дойдут слухи о том, что кто-то встретил и узнал тех, кто остался. И тогда она снова возобновит охоту. Все, на что мы можем надеяться, так это на задержку.

— А что второе?

— Это маловероятно. Если я когда-нибудь войду

в контакт со здешними борцами со штормом времени и начну работать с ними, возможно, я узнаю способ вернуться и сделать так, чтобы Мэри и остальные были надежно защищены от Полы — возможно, перемещу саму Полу в какое-нибудь другое время.

Эллен ничего не сказала. В разговоре возникла небольшая пауза. Муха нашла пустую бутылку из-под вина, несколько раз облетела вокруг горлышка и исчезла внутри, очевидно, утонув.

— Помоги ей Бог! — воскликнул я. И тут же у меня совершенно неожиданно вырвалось:

— Боже, помоги им всем!

— Это было ее собственное решение, — напомнила Эллен.

— Помню, — вздохнул я. — Но... Я взглянул на нее.

— Насколько сильно ее уход связан с Полой? — спросил я.

— Не сильно, — ответила Эллен.

— Вы ведь обе знали, как я отреагировал на.., на Полу. Поверь, я и сам это осознал только после того, как выяснил, что она собой представляет на самом деле, и тогда понял, что нужно оттуда выбираться.

— Для Мэри Пола была не так уж важна.

— С чего ты взяла? Если бы не Пола и не мое отношение к ней, Мэри и Уэнди сейчас были бы с нами.

— Не думаю, — сказала Эллен.

— Как ты можешь говорить «не думаю»? Ведь Мэри раньше никогда не говорила о том, что собирается уйти.

— Тебе не говорила. А мне говорила, причем неоднократно. Я изумленно уставился на Эллен.

— Говорила? Но почему?

— Марк, она же объясняла тебе почему перед уходом, — сказала Эллен, — только ты не слушаешь. Это, кстати, тоже одна из причин ее ухода.

— Конечно же слушаю! Она промолчала.

— Эллен, я любил Мэри! — сказал я. — Почему же я не слушаю человека, которого люблю? Я любил Мэри.., и люблю тебя!

— Нет. — Эллен встала из-за стола, собрала грязные тарелки, вилки и направилась в дом. — Нет, Марк. Никого ты не любишь.

— А ну-ка вернись! — крикнул я ей вслед. Она остановилась и обернулась. — Хоть раз в жизни будь добра вернуться и сказать более трех слов подряд. Ради Бога, иди сюда. Сядь и давай поговорим! Между нами. В воздухе что-то есть. Я это чувствую. Я натыкаюсь на это каждый раз, когда

поворачиваюсь. А ты говоришь мне, что и между нами с Мэри было что-то вроде этого, а я об этом не знал. Вернись и расскажи мне, что это было. Берись и поговори со мной, черт побери!

Она стояла, держа в руках тарелки и глядя на меня.

— Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Почему? Она не ответила.

— Ты меня любишь? — спросил я.

— Конечно. И Мэри любила.

— Значит, она любила, но хотела уйти от меня? Я ее не любил и хотел, чтобы она оставалась со мной. Какой же в этом смысл? Если бы ты меня любила, как говоришь, ты бы мне все это объяснила, чтобы я мог что-нибудь сделать — сделать с собой или то, что необходимо.

— Нет, — сказала она. — Ты все понимаешь совершенно превратно. Я люблю тебя просто так и вовсе не хочу, чтобы ты что-нибудь делал.

— Очень рад!

— Но ты просишь меня измениться. Разговоры даются мне с трудом. Ты это знаешь. Если для того, чтобы ты полюбил меня, мне нужно говорить, то ты меня не любишь. Ты хотел, чтобы и Мэри тоже изменилась, но она не смогла. Я могу, но не хочу. Это ты должен измениться, Марк, а не я.

Я уставился на нее, но не успел ничего сказать, потому что из-за угла дворца появился незнакомец и направился к нам. У него была удивительная внешность: он был на добрых четыре дюйма выше меня ростом, совершенно лысый, а из одежды на нем было лишь что-то вроде юбочки из белой ткани. Чертами лица он слегка напоминал эскимоса, но при этом кожа его было темно-коричневой, а мышцы под кожей напоминали стальные тросы. Он выглядел так, будто всю жизнь интенсивно занимался на кольцах и других гимнастических снарядах. Он подошел ко мне.

— Марк Деспард? — спросил он без заметного акцента, но тембр его голоса как-то неуловимо отличался от любого другого голоса, слышанного мной когда-либо прежде. — Меня зовут Обсидиан. Простите, что мы так долго не приходили, чтобы познакомиться с вами, но нам потребовалось некоторое время, чтобы сначала изучить вас.

Глава 32

Он протянул мне руку для рукопожатия. Я сжал его ладонь и машинально потряс ее. Я ожидал его или по крайней мере кого-нибудь вроде него, но прошло достаточно много времени, а он появился так внезапно, что ухитрился, несмотря на все мои ожидания, своим появлением вывести меня из равновесия. Я поймал себя на том, что провожу официальную процедуру знакомства.

— ..моя жена, Эллен.

— Эллен, — они обменялись рукопожатием, — меня зовут Обсидиан.

У него было округлое добродушное лицо, правда, немного приплюснутое и чуть монголоидное — в сочетании с безволосым черепом это придавало ему очень крутой вид.

— Привет, — сказала Эллен. — Откуда вы?

— Мы находимся примерно в двухстах милях от вас.

— Всего в двухстах милях от нас? — эхом переспросил я.

— Нам пришлось постараться сделать так, чтобы вы не обнаружили нас, пока мы вас изу-

чаем, — ответил он. — Вы должны понять, что нам пришлось собирать о вас множество разных сведений, чтобы изучить ваш язык и ваши обычаи. И конечно же мы хотели собрать данные, необходимые для понимания случая, приведшего вас сюда.

— Случая? — переспросил я. — Мы пришли сюда по собственной воле.

Он долгую секунду таращился на меня.

— Вот как?

— Именно, — кивнул я. — Наверное, лучше мне отвести вас в лабораторию и познакомить с Порнярском. Извините, возможно, я впрягаю телегу впереди лошади. Но после того как мы ожидали вашего появления каждый день, с тех пор как переместились сюда, а вы появились только сейчас...

— Ожидали моего появления с момента вашего прибытия? — спросил Обсидиан.

Казалось, мы говорили на разных языках.

— Конечно! Мы прибыли сюда потому, что я хотел вступить в контакт с вами, с людьми, которые пытаются что-то сделать со штормом времени...

— Одну секунду, — сказал он. — Извините.

И исчез.

Однако через секунду он не вернулся. Не вер-

нулся он и к вечеру этого дня, и на следующий день. Только неделю спустя, когда я вышел из дверей летнего дворца, выходящих на автомобильную стоянку, увидел, что он стоит там и утреннее солнце ярко блестит на его обнаженных плечах. В дверях появилась Эллен и остановилась у меня за спиной.

— Прошу прощения за то, что не смог вернуться раньше. Возможно, в первое свое посещение я исходил из совершенно неверных предпосылок. Мы сообща обсудили проблему и пришли к выводу, что имеющиеся у нас данные крайне неполны. Вы не против, если мы присядем и вы расскажете мне всю историю о том, как вы попали сюда, чтобы у нас появилась информация, с которой можно работать?

— Буду только рад, — сказал я, поворачиваясь к двери. — Не хотите зайти?

— Нет. Чуть позже я с удовольствием воспользуюсь случаем осмотреть ваш летний дворец, но не сейчас. Не можем ли мы побеседовать здесь?

— Конечно.

— Хорошо. — Он сел на траву, скрестив ноги.

— Если не возражаете, я воспользуюсь стулом, — сказал я.

— Ничуть, — ответил он. — Мне даже интерес-

но. Неужели вам действительно удобно сидеть на этом предмете?

— Во всяком случае удобнее, чем сидеть так, как вы. Я, конечно, могу сидеть и так, но не слишком долго.

— Понятно.

Я вернулся во дворец, взял там два стула — для себя и для Эллен — и вынес их на улицу. Мы уселись.

— Впрочем, в мое время стулья были в основном продуктом западной культуры, — сказал я. — На Востоке же даже тогда люди чувствовали бы себя вполне удобно, сидя так, как сидите вы.

— Благодарю, — сказал он. — Именно такая информация и представляет для нас особую ценность.

— Хорошо, — продолжал я. — С чего мне лучше будет начать?

— Любая и вся информация, которую вы сможете нам дать, будет весьма полезна.

— В таком случае я начну со шторма времени. В этом мы заодно, не так ли? Вы знаете, что я имею в виду, говоря о шторме времени?

— О да, — сказал Обсидиан. — Мы знаем о шторме времени.

— Ну вот, а мы о нем не имели ни малейшего

понятия до тех пор, пока в один прекрасный день он на нас не обрушился. В то время я находился в северном диком районе штата, называвшегося Миннесота, на севере центральной части этого континента...

Я стал рассказывать свою историю с того момента, когда решил, что у меня второй инфаркт. Мне казалось, что весь рассказ о дальнейших событиях займет не больше часа или около того, но я здорово недооценил, сколько мне придется рассказать, и вообще представить себе не мог, сколько самых разных вещей придется объяснять Обсидиану. Мы начали с вопроса о моем инфаркте, который сам по себе потребовал почти получасовых объяснений, и двинулись дальше, частенько впадая в то, что, наверное, звучало как водевиль, построенный на сюжете, где двое слепых встречаются в центре Сахары в полночь.

— Но ведь сейчас никаких признаков повреждения сердца у вас нет.

— Разве нет?

— Вы хотите сказать, что не знаете об этом?

...И так далее. Разговор затянулся далеко за полночь. Через некоторое время Эллен, правильно рассудив, что нам необходимо, сходила за Порнярском и привела его, а потом попросила Дока

сообщить остальным, что происходит. Через несколько часов у нас с Обсидианом появилась тихая внимательная аудитория, рассевшаяся полукругом вокруг нас и состоящая из всех способных добраться из городка до посадочной площадки.

Беседа продолжалась четыре дня. Обсидиан явно пришел с целью получить информацию, при этом почти не предоставляя ее в ответ. Но вскоре выяснилось, что мы не сможем дальше общаться, если он не расскажет о своем времени и цивилизации. У нас с ним не было ничего общего, кроме языка, который его товарищи изучили за первые недели записей, а потом научили его говорить без акцента, и к концу первого часа мы оба поняли, что этого катастрофически недостаточно.

Слова сами по себе, без смысловых определений, значили очень мало; они же у нас с ним были разделены тысячами, а возможно — сотнями тысяч лет. Странное ощущение возникало, когда ты слышал предложение, состоящее исключительно из старых знакомых звуков, и в то же время понимал, что у тебе нет ни малейшего представления о том, что имел в виду Обсидиан, выговаривая их. К счастью, он был умным человеком и, кроме того, обладал чувством юмора. В противном случае

беседа прекратилась бы просто из-за того, что мы разозлились бы друг на друга.

Но он был достаточно умен и достаточно разумен, чтобы проявить гибкость и отступить от условия, с которым его послали, — слушать, но не говорить. К концу третьего дня он рассказывал нам о своем народе почти столько же, сколько мы рассказывали ему о себе, и с этого момента информационный обмен стал возможен, по крайней мере, хоть в незначительном объеме.

К этому времени мы уже снова разговаривали тет-а-тет, но с магнитофоном, запитанным от автомобильного аккумулятора, который зарядили с помощью ветрогенератора Билла. Записи тут же размножали, и их могли слушать члены коммуны. Одним из самых интересных фактов, который мы все узнали, — общество Обсидиана и его товарищей, здесь, на Земле, принадлежащих к человечеству будущего, насчитывало менее тысячи членов, которые в основном были раскиданы, причем очень редко, по обитаемым планетам Галактики.

Однако эти люди думали о себе не столько как о представителях какой-то расы, а как о представителях гораздо более широкого сообщества, включающего миллионы других цивилизо-

ванных рас, с которыми они перемешались. Представители этих других рас тоже были разбросаны по множеству пригодных для обитания миров, и некоторых из них, так же как и представителей человечества, можно было найти повсюду во вселенной — это было связано с особыми обстоятельствами, которых Обсидиан пока не объяснил.

Причиной, по которой все эти индивидуалы были так широко рассеяны, очевидно, послужило то, что: а) шторм времени сократил население обитаемых миров до такой степени, что на каждое разумное существо приходилось по несколько пригодных для жизни планет, и б) очевидно, существовали способы путешествовать не просто со скоростью, превышающей световую, а во много раз ее превышающей, поэтому даже посещение иных галактик не являлось невозможным. Обсидиан уклонился от ответа на мои вопросы, когда я попытался узнать об этих способах перемещения побольше. Очевидно, понятие «сверхсветовая скорость» не описывало их достаточно точно в его понятиях, и он не был уверен, что способен объяснить все это мне на нашем нынешнем уровне общения.

Мы обнаружили несколько таких точек обо-

юдного непонимания. Основной проблемой являлось полное несоответствие наших понятий, поэтому мы постоянно натыкались на то, что говорим о совершенно разных вещах. Некоторые культурные несоответствия выявлялись случайно. Например, оказалось, что Обсидиан не имя — по крайней мере, оно не соответствовало тому смыслу, которое мы вкладываем в это слово. Он вообще не имел конкретного имени, поскольку обладал некой уникальной личностной характеристикой, структурой или ценностью — в наших понятиях это просто невозможно было выразить, — которая признавалась в качестве него его собратьями-людьми и представителями других рас, которые были знакомы с ним и имели возможность познакомиться с этой его уникальной личностной характеристикой.

Для тех, кто никогда с ним не встречался, его определяли справочным кодовым словом или символом, которые позволяли определить, откуда он родом и чем занимается. Но они, за исключением подобного рода справок, никогда не использовались. Для обычного общения он располагал несколькими — назвать их прозвищами было бы не правильно, но это, с моей точки зрения, ближайшее по смыслу понятие

— прозвищами, которые зависели от отношения обращающегося к нему индивидуума. Самым распространенным из этих прозвищ, которое он сам предпочитал всем остальным и которое особенно часто использовали его товарищи здесь на Земле, было название, сравнивавшее его с минералом, который мы называли «обсидиан». Поскольку за тот месяц или около того, что они записывали нашу речь, было установлено, что мы поймем это слово, он им себя и назвал, когда в первый раз представился мне и Эллен.

Проблема с именами носила отнюдь не маловажный характер, как могло показаться на первый взгляд. Все выглядело гораздо сложнее. Проблема имен лучше всего характеризовала то, насколько иначе он и его сообщество людей и представителей других рас будущего думали и работали, и пока я не сумею понять, почему они называли друг друга именно так, для меня останется тайной жизненно важный пласт их культуры. Соответственно, я отчаянно пытался понять и заставить его объяснить все это так, чтобы я мог понять.

Вопрос с именами был переплетен с понятием личности в ее самом глубинном смысле, что было связано с их занятиями в гораздо большей

степени, чем у нас, что в свою очередь было связано с совершенно иным типом баланса между индивидуальными и групповыми ответственностями; поэтому они не вступили с нами в контакт сразу, как только мы появились, а затаились и изучали нас.

Они избрали такой образ действий не потому, что боялись нас. Для Обсидиана страх был гораздо более академическим понятием, чем для меня. Просто его товарищи считали, что, прежде чем вступить с нами в контакт, они должны иметь возможность общаться с нами. Соответственно, они старались не попадаться на глаза Доку, порхающему над их головами в самолете, что было для них совсем нетрудно, поскольку они практически не пользовались всякого рода строениями. Наши здания показались Обсидиану слегка отталкивающими, поэтому он не принял моего приглашения войти в летний дворец. Очевидно, что внутренние помещения дворца привлекали его в той же степени, в какой меня привлекали бы туннели крота размером с человека. Народ Обсидиана строил обсерватории и многое другое, но эти сооружения обычно не имели ни стен, ни крыши.

Очевидно, они не нуждались в защите от пре-

вратностей погоды настолько, насколько она была необходима нам. Когда я спросил его об этом, Обсидиан продемонстрировал, как он способен, стоило ему пожелать этого, окутать себя облаком невидимого тепла, причем он настаивал, что тепло создается механическими, а не ментальными средствами. Мне с самого начала наших переговоров стало ясно, что он гораздо легче, чем я, переносит температурные перепады и физические неудобства. Прохлада весенних утренних часов и полуденная жара не вызывали у него негативных эмоций, он всегда оставался в одной и той же юбочке. Только на третий день я понял, что он носит ее, отдавая дань вежливости по отношению к нам, поскольку они выяснили, что у нас приняты некоторые табу в отношении одежды.

К концу третьего дня я начал понимать очень много других вещей. Как ни удивительно, но моя способность общаться совершенствовалась гораздо быстрее, чем его. Более того, совершенствовалась так быстро, что он сам отметил это с неприкрытым благоговением. Это благоговение удивило меня куда больше, чем все остальные его тайны. Нас беспокоила проблема общения, и в конце концов мы пришли к заключению, что,

как это ни парадоксально. Обсидиану больше всего мешает именно отличное владение разговорным языком, которое он выказал в первое же свое появление.

Получалось, что его группа непривычна к концепциям перевода. Звуки и символы — да. Они разнились от расы к расе в бесконечном разнообразии. Но так же, как они могли соглашаться по поводу уникальности личности любого отдельно взятого индивидуума, они, по-видимому, могли согласиться и на исключительную ценность любой концепции, поэтому перевод смысла никогда не требовался. Как только мы появились, они установили записывающие устройства, чтобы фиксировать все производимые нашей общиной звуки и передавать записанное в устройство типа компьютера, которое сортировало их и устанавливало правила и словарь нашего языка, с предполагаемым или точно определенным значением каждого звука. Когда это было проделано, они закачали информацию Обсидиану в голову и отправили его на переговоры с нами, уверенные, что теперь он сможет с нами общаться.

Но все оказалось не так просто. Звуки, которыми он пользовался, как выяснилось, обладали многими другими значениями помимо тех, ко-

торые сумел выявить компьютер. Короче говоря, Обсидиан и его товарищи оказались в неловком положении людей, которые выросли с одним набором понятий, думая, что других просто не существует. Они уподобились человеку, который успевает стать взрослым и только тут обнаруживает, что существуют и другие языки, помимо его собственного, после чего начинает испытывать эмоциональные страдания от мысли, что кто-то может предпочитать какие-то совершенно невероятные звуки тому, что, как он чувствует в душе, является единственным «истинным» звуком для мысли или вещи.

Из-за этого его планы пошли насмарку. Было запланировано, что он явится к нам, вытянет из нас все необходимые сведения, заложит в компьютер и получит ответ, каким образом приспособить нас к культуре их времени, если это вообще окажется возможным. Вместо этого он барахтался, как котенок, с трудом воспринимая мои образы, в то время как я все сильнее запутывался в его.

Впрочем, этот вывод не совсем верен. Его представления, в отличие от моих, были исключительно логичными и логически взаимосвязанными, что давало мне серьезное преимущество. Но в его распоряжении имелись способности и

концепции, которые он считал само собой разумеющимися, и я не мог заставить его говорить о них, поскольку не имел возможности объяснить, чего именно я добиваюсь.

Только на четвертый день я добился прорыва, и это произошло по довольно странной причине. Мой мозг, который никогда не мог оставить проблему в покое, а мучался ею и пережевывал ее до тех пор, пока не лопалась либо проблема, либо он сам, обдумывал два загадочных разговора, которые состоялись у нас с Мэри накануне ее ухода и с Эллен в тот день, когда появился Обсидиан.

Я все никак не мог понять, что они имели в виду. Несмотря на все мои попытки разобраться, сознание скользило по воспоминаниям, что они говорили мне, будто обе находились как бы под стеклянными колпаками. В то же время у меня была причина раздумывать над этим. Было во мне что-то, чего я, очевидно, не видел, как, например, не мог видеть собственные глазные яблоки, кроме как в зеркале, или собственный затылок. Должно быть, есть во мне что-то, думал я, вроде темного пятна, тени, отбрасываемой самим механизмом моих чувств, которое удерживало меня от близости, которую я хотел бы иметь с другими людьми, особенно с Эллен. Я прорабатывал самые

разные подходы к проблеме, пытаясь найти способ, так сказать, увидеть невидимое, и во время разговора с Обсидианом мне неожиданно пришло в голову, что может иметься сходство между этой проблемой и проблемой в общении с ним.

В качестве средства достижения понимания с Эллен я попытался вызвать к жизни золотой свет. Но обнаружил, что когда для этого попытался достичь ощущения единства со всем сущим, не смог добиться этого состояния. Теперь мне пришло в голову, что не будет никакого вреда, если я попытаюсь еще раз в случае с Обсидианом и его людьми, поскольку задействованные эмоциональные корни не уходили столь глубоко в темноту моей собственной души.

Я попытался, и мне помогло то, что за последние несколько дней интенсивных разговоров с Обсидианом он начал мне нравиться. Я думал, что почти могу ухватить то, что он описывал как уникальную составляющую личности, по которой все прочие разумные существа его времени узнавали его. Поэтому я выбрал момент, когда он пытался объяснить мне, что им заменяло семейную структуру, которая существовала у нас в общине. Пока он говорил, сидя на траве, я наблюдал за ним. Он был оживлен, а руки его рисовали

в воздухе замысловатые узоры. Он обладал качеством казаться исполненным энергии даже тогда, когда явно не испытывал напряжения и расслаблялся. Это было способностью, которую я отмечал и раньше, случайно встречаясь с профессиональными атлетами, находившимися на пике формы.

Я почти не слушал того, что он говорит. Мое сознание автоматически фиксировало его слова, но я был спокоен, зная, что все фиксирует магнитофон и вечером я смогу прослушать запись в тишине библиотеки. В основном мое внимание было сосредоточено на нем как таковом — как он произносит слова, размахивает руками, передавая мне энергию в форме звука и жеста. Я внутренне скосил глаза, чтобы сфокусироваться на нем в этом смысле, и, когда я сфокусировался, наложил поверх его маячащего передо мной образа эмоционально-интеллектуальный гештальт, которым являлся мой друг Обсидиан, каким я его знал.

Два образа слились воедино, и когда это произошло, я в первый раз смог отступить на шаг от него и от настоящего момента. Я удерживал свою точку зрения на этом расстоянии и медленно позволил впитаться в себя остальному дню.

Мы сидели рядом с летним дворцом, и я прислонился спиной к стене. Так я мог смотреть через его плечо на посадочную площадку и дальше — на поросший деревьями склон, городок внизу и поля высоких трав, тянущиеся во всех направлениях до самого горизонта. Стоял на редкость погожий день, в небе не было видно ни облачка. Но на склоне горы, где мы расположились, гулял несильный прохладный ветерок.

Я видел, как качаются верхушки деревьев, и чувствовал, как ветерок время от времени касается моего лица и рук, то и дело перемежаясь теплотой полуденного солнца. Для насекомых было еще рановато, но на лесистом склоне пониже нас вдруг неожиданно вспорхнуло в воздух облачко крошечных точек-птиц, темным пятном на мгновение заслонило яркое солнце, а затем снова пропало из вида в темной массе листьев.

Чуть выше в безоблачном небе виднелась еще одна точка. Ястреб? Мои глаза обвели взглядом горизонт. Я медленно начал ощущать ритм, который отстукивало мое собственное сердце, и в то же время дыхание мира. Снова золотистый свет начал окутывать меня, и снова я почувствовал, что касаюсь всего, что есть на земле, в небе и в воде — от полюса до полюса. Я касался всего

сущего и потянулся, чтобы коснуться Обсидиана.

Я смотрел на него, не двигая глазами, и в первый раз увидел его целиком — таким, какой он есть. Поскольку он был частью вселенной так же, как все остальное, именно это было сутью отличия его общины от нашей. Они воспринимали вселенную целиком и ощущали себя ее частью, в то время как мы считали себя несопоставимыми с ней и изолированными от нее. Вот почему личность Обсидиана была неизменной и мгновенно узнаваемой его товарищами. Это было результатом того, что измерения этой личности определялись окружающей его вселенной, в которой он находился и рабочей частью которой он являлся. Мгновенно образовался гештальт, и я без слов, без символов понял, какое другое постоянное место он и все остальные мыслящие существа его периода занимают в их собственном времени и месте.

Я снова смог вызвать к жизни золотистый свет, и это помогло мне найти то, что я искал. Я сидел, просто почувствовав это на короткий миг, — а потом перестал. Свет померк, и я снова вернулся в свое обычное тело и улыбнулся Обсидиану.

Но он не улыбнулся в ответ. Он замолчал и уставился на меня с удивленным выражением.

— Обсидиан... — начал было я, собираясь рассказать ему, что я только что понял.

Он исчез.

Глава 33

Он появился лишь через некоторое время. Его не было весь остаток этого дня и два следующих. Я не беспокоился, что каким-то образом разрушил складывающиеся между нами отношения, между нашими людьми и его межзвездным сообществом. Вслед за моментом появления света и моего неожиданного прорыва к пониманию я был уверен, что дело не в этом, и попытался подбодрить других членов нашей группы, которые склонны были беспокоиться по поводу его длительного отсутствия.

— Нашими словами этого не объяснить, — говорил я Эллен, Биллу, Доку, Порнярску и еще примерно пятерым членам общины, которые за последние несколько недель стали настоящими лидерами. Мы сидели около камина в библиотеке, окна были открыты, и сквозь них виднелось вечернее небо. — Но я уверен, что никоим образом не обидел его. Не могу вам объяснить, откуда мне это известно, но я знаю это точно.

— Тогда почему же он испарился? — спросил Билл. — Может, хоть попытаешься объяснить

нам это, Марк.

— Он понял, что я делаю, — этот фокус единения со вселенной, о котором я вам уже рассказывал. Я объяснил, как мог, и сейчас не намерен объяснять все заново. Вам придется научиться самим проделывать это, если вы действительно хотите все понять.

— Тогда тебе самое время начать давать нам уроки, — сказал Док, и все рассмеялись.

— Обязательно, — сказал я. — Нет, серьезно, я попробую. Когда у нас появится время.

— Продолжай, Марк, — сказал Билл. — Расскажи все до конца. Он знал, что ты делаешь.., и это и обеспокоило его, да?

— Я бы не сказал, что обеспокоило. Просто он был удивлен. И отправился посоветоваться со своими друзьями. Учитывая то, какие они, то есть — какими я их себе представляю, такого рода консультации у них обязательны.

— Тогда почему ты уверен, что он вернется? — спросил Билл.

— А я что вам весь вечер твержу?

— Порнярск, — сказал Билл, поворачиваясь к нему, — ты не можешь помочь разъяснить, что произошло? Ты ведь представитель более продвинутой расы, чем наша.

— По сравнению с Обсидианом и его товарищами, — сказал Порнярск, — я столь же примитивен, что и все вы. Кроме того, как вы все помните, я всего лишь аватара. Я лишен творческих способностей и воображения, кроме тех, что получил, когда был создан в образе Порнярска. Я не предназначен для размышлений или интерпретаций.

— Как бы то ни было, — сказал Билл, — пока мы ждем его возвращения — займемся делами. Марк, поговори с ним при первом удобном случае насчет того, можем ли мы рассчитывать получить от них в случае необходимости припасы или помощь.

— Хорошо. Поговорю с ним, как только он вернется. Раньше я боялся, что не смогу объяснить, чего мы хотим, за исключением того, чтобы чувствовать себя независимыми. Мы ведь по-прежнему хотим быть независимыми и самодостаточными, не так ли?

Я обвел взглядом комнату. На самом деле мне вовсе не требовался шепоток их одобрения. Я лишь хотел напомнить, что в этом вопросе мы единодушны.

— Здесь у них всего лишь станция, — сказал Леланд Мор, худой негр лет двадцати пяти. Он был архитектором и специалистом по строитель-

ству и механическому оборудованию. — И лично я считаю, что этот мир наш хотя бы по праву первопоселенцев.

Это замечание подвело итог вечерней беседе. Мы уселись выпить кофе и обменяться замечаниями по поводу того, как идут дела с нашими собственными проектами, касающимися подготовки к зиме, и через час большинство из нас отравилось спать.

На следующий день Обсидиан тоже не появился. В это утро мы отдыхали — день был как раз посередине недели, — учитывая положительный эффект, который оказал наш единственный выходной после запуска первого ветрогенератора. Мы обнаружили, что есть предел производительности труда при семидневной рабочей неделе. После нескольких недель работы без отдыха мы продолжали делать дело, но производительность очевидно снизилась. В это утро я мог с чистой совестью остаться дома, вместо того чтобы делать какую-нибудь работу в городке. Эл-лен тоже была дома и занималась своей одеждой в одном из помещений дворца. Я воспользовался случаем еще раз порыться в книгах, которые в последнее время совсем забросил. Но оказалось, что они меня не очень-то интересуют. Во мне росло же-

лание снова попробовать получить золотистый свет и еще раз попытаться понять с его помощью Эллен.

Меня подталкивал к этому мой успех с Обсидианом и то, как мне начинало казаться, что я приближаюсь к успешному окончанию своего внутреннего поиска. Внешним поиском всегда был шторм времени, но внутренний поиск, как я теперь стал подозревать, корнями уходил в мои отношения со Свонни и матерью.

Я отложил книгу, которую держал, и выглянул во дворик, снова пытаясь ощутить единение со вселенной. Постепенно комната, а затем дворик и небо, которые я видел из окна, приобретали все большие черты реальности, как будто я видел их с каким-то дополнительным измерением, более глубоко, более далеко, в дополнение к обычным высоте, глубине и ширине нормального зрения. Мое тело замедлило дыхание и сердцебиение и начало сливаться с движениями планеты.

Свет изменился, стал золотистым — я снова добился цели.

Я оставался на месте еще некоторое время — возможно, десять или двадцать минут, хотя в этом состоянии концентрации время казалось почти застывшим, — чтобы окончательно убе-

диться в своей способности, что твердо владею вызванным мной состоянием. Затем я попытался добраться до Эллен, которая была где-то во дворце.

Мое касание было подобно волне, накатывающейся на пологий пляж. Я добрался до нее, легонько коснулся и начал ее окутывать — что-то глубоко во мне вдруг отдернулось так, что волна моего чувства всосалась обратно и мой с ней контакт прервался. Золотистый свет мгновенно исчез и чувство единения пропало. Я был один и изолирован, сидел в кресле и глядел сквозь в окно на мир, которого я больше не чувствовал.

Я сидел ошеломленный и парализованный неудачей. Но через несколько мгновений случилось чудо, потому что открылась дверь, вошла Эллен, наклонилась и поцеловала меня. После этого, не сказав ни слова, она повернулась и пошла обратно к двери.

— За что? — чуть хрипло спросил я. Она обернулась и улыбнулась.

— Просто захотелось, и все тут, — сказала она, вышла, прикрыв за собой дверь, а я остался сидеть в кресле, а сердце мое взлетело ввысь, как ракета. Потому что теперь я знал. Мне не удалось полностью коснуться ее, но я знал, что нахожусь

на верном пути, поскольку она почувствовала, что я пытаюсь. Со временем мне удастся добраться до нее.

К полудню укороченный полувыходной день закончился. Я переоделся в рабочую одежду и вышел из дворца, собираясь помочь людям, которые утепляли и расширяли наше самое большое сборное здание, с тем чтобы его можно было превратить в комбинацию столовой, больницы и жилья для тех, кто может оказаться слишком юным, слишком старым или слишком хрупким, чтобы пережить зимние холода в более холодных домах городка. Не успел я закрыть за собой дверь летнего дворца, как передо мной появился Обсидиан.

— Мы можем поговорить? — спросил он.

— Конечно, — ответил я. Он, естественно, был гораздо важнее любой плотницкой работы, которой я собирался заняться.

— Мы пришли к очень важному решению — мои коллеги и я, — сообщил он. — Помните, я говорил вам, что нашим первоначальным планом было собрать о вас достаточно информации, с тем чтобы понять, как обучить вас вжиться в цивилизацию? По крайней мере, образовать вас настолько, чтобы вы могли остаться здесь

с нами?

— Помню, — кивнул я.

— Боюсь, я не рассказал вам всего, — сказал он. — Существовала альтернатива, о которой я не упомянул. Если бы выяснилось, что вы и ваши люди неспособны приспособиться к цивилизованной жизни, мы собирались отправить вас назад в ваше собственное время — во время, из которого вы сюда прибыли.

— Этого вы мне не говорили. Впрочем, и надобности особой не было. Мы дикари и сами можем догадаться о наличии такого рода альтернатив.

— Да. Что ж, — Обсидиан явно был смущен, — в некоторых отношениях вы оказались совсем не такими, как мы ожидали. На самом деле на такое мы даже и рассчитывать не могли. В частности, вы, лично вы, оказались совершенно непохожим ни на что, что мы могли себе представить. Поэтому мы сошлись на третьей альтернативе. Но для этого нам потребуется ваше согласие.

— Вот как?

Он не ответил, и я решил подтолкнуть его:

— Согласие на что?

— На альтернативу, связанную с вашим желанием включиться в работу по контролю над тем, что вы называете штормом времени. По

логике вещей, немыслимо было даже ожидать, что человек из столь далекого прошлого, как вы, окажется способен научиться делать то, на что способны лишь самые неординарные, высокообразованные представители нашего времени. Но, учитывая наличие у вас кое-каких аномалий, мы бы хотели убедиться в вашей пригодности для подобной работы.

— Отлично, — сказал я. И уже во Второй раз за этот день мое сердце взмыло вверх.

— Поймите, — продолжал Обсидиан, — исследование ни в малейшей степени не может изменить нашего мнения, что вы и в самом деле способны работать в темпоральной области. Это просто возможность получить данные, на основании которых мы сможем наилучшим образом решить, что делать со всей вашей группой.

— Хорошо, — кивнул я.

— Вы уверены, что все поняли? Наш интерес к тому, действительно ли вы обладаете какими-либо способностями к темпоральной работе, является чисто академическим.

— Я отлично вас понял, — сказал я. Но мое сердце все равно не опускалось. Что бы он там ни говорил, Обсидиану все равно не удалось скрыть от меня факт, что, предлагая мне эти исследова-

ния, они позволяют мне еще на шаг приблизиться к цели, к которой я стремился.

— В таком случае, — сказал Обсидиан, — даже если вы согласны, существует еще одна проблема. В принципе, вам нет необходимости покидать этот район. Но в данном конкретном случае имеют место некоторые особые условия. Поэтому, чтобы пройти обследование, вы должны дать согласие на перемещение в другой район Галактики. Если вам требуется время, чтобы все обдумать...

— Это ни к чему. Буду рад отправиться туда, куда нужно, чтобы пройти тестирование.

Он с секунду смотрел на меня через джип.

— Вы уверены, что все поняли?

— Думаю, да. Вы хотите знать, хочу ли я пройти тестирование на способность бороться со штормом времени. Да, хочу. Кроме того, вы хотите знать, согласен ли я преодолеть кучу световых лет, чтобы попасть туда, где меня будут тестировать. Согласен.

— Вы отдаете себе отчет в том, что это означает путешествие среди звезд, сквозь пространство?

— В принципе, догадывался, — сказал я. Но он не улыбнулся в ответ.

— Я немного удивлен. Насколько я понял из то-

го, что вы мне рассказывали, вы ни разу в жизни не покидали пределов этого мира.

— Совершенно верно.

— И тем не менее готовы отправиться куда угодно, не обсудив этого с остальными?

— Конечно же, я посоветуюсь с ними. Но пока мы с вами беседовали, они прекрасно обходились без меня. Думаю, смогут обойтись и еще некоторое время. Сколько я буду отсутствовать?

— По временным меркам этого мира — не более пары недель. Возможно, значительно меньше. Возможно, уже первый простенький тест сразу по прибытии сразу даст нам необходимый ответ. Возможно, нам предстоит еще несколько исследований, но они займут не более одного или двух дней.

— Понятно, — сказал я. — Чем больше у меня выявится способностей, тем дольше будет продолжаться тестирование.

— В общем, да. Но, Марк, если вы рассчитываете, что в результате наших тестов выяснится, что у вас очень большие способности в этой области, я советую вам эти надежды умерить. Поверьте...

— Верю. И хочу отправиться как можно скорее. Договорились?

— Да, — согласился он.

— Отлично. Знаете, что вы должны понять насчет меня, дружище Обсидиан? — спросил я. — То, что я всегда делаю то, что считаю наилучшим. Я вовсе не собираюсь оставлять своих людей в неведении, поскольку просто не удосужился пока посоветоваться с ними. Я обязательно это сделаю. Но раз я сказал, что хочу отправиться с вами, то так и поступлю.

— Простите, — сказал он.

— Тут не за что извиняться, — сказал я. — Просто с другими обсуждать нечего. Что мне делать — решаю я сам.

— Понятно, но я к такому подходу не привык. Понимаете? У нас...

— Знаю. У вас очень развито чувство ответственности. У меня тоже. И я вовсе не собираюсь изменять ему, равно как и вы своему. Но еще раз повторяю вам. Обсидиан: я хочу отправиться туда, где ваши люди смогут меня протестировать. То, что для этого мне придется преодолеть огромное расстояние, не имеет ни малейшего значения, поскольку я пересеку вселенную так же быстро, как мог бы обойти этот джип, чтобы попасть, куда надо.

Говоря это, я немного разволновался и ожидал, что и с ним произойдет то же самое. Но вместо

этого он лишь бросил на меня долгий вопросительный взгляд. Затем кивнул.

— Для вас это гораздо важнее, чем мы думали, — сказал он. Я уставился на него. Теперь мной двигало нечто иное, чем золотистый свет, — накатило чувство, напоминающее мощную приливную волну, неотвратимо несущую вперед.

— Вы совсем меня не понимаете, — спросил я, — верно?

— Совсем.

— Тогда попытаюсь объяснить иначе. Я не знаю, кем были мои отдаленные предки, но то, что заставляет меня двигаться вслед за штормом времени до самого конца в прошлое, настолько же глубоко уходит в прошлое, что и они. Во мне есть нечто, что твердо уверено в одном: что угодно может убить меня, но до тех пор, пока я не погиб, я живу. А пока я живу, я буду бороться. Покажите мне моего врага, кем бы он ни был. И пока я буду в состоянии двигаться, я буду преследовать его. И даже перед самым концом я все равно буду счастлив, поскольку не был лишен возможности что-то предпринять. Все, что мне нужно, лишь шанс — все остальное не имеет значения, и тут появляетесь вы и спрашиваете, не заставит ли меня то, что для тестирования мне придется от-

правиться куда-то в космос, отказаться от вашего предложения!

На сей раз я действительно дошел до верхнего края эмоциональной шкалы, зато теперь видел, что наконец-то сумел затронуть его чувства. Думаю, он и на этот раз не очень понял, о чем я говорю, но наверняка заметил накал эмоций, которыми сопровождались мои слова.

— Сколько времени вам понадобится, чтобы подготовиться к путешествию? — спросил он.

— Скажем, часа два-три.

— Хорошо. И вот еще что. Нам хотелось бы, раз уж мы отправляем вас на такое расстояние, воспользоваться случаем и заодно протестировать аватару. Как вы думаете, он согласится отправиться с нами? Насколько я понимаю, у него уже есть опыт путешествий в пространстве.

— Да, есть, — подтвердил я. — Я его спрошу. Думаю, что согласится.

— В таком случае я вернусь через три ваших часа.

Он исчез.

Я вернулся в летний дворец и отправился искать Порнярска. До сих пор я как-то не задумывался о том, чем он занимается с тех пор, как мы прибыли в будущее. И теперь мне пришло

в голову, что все это время он практически не вылезал из лаборатории. Интересно, чем же он занят? Добравшись до лаборатории, я застал его возле танка и задал ему этот вопрос.

— Пытаюсь кое в чем разобраться, — он указал на танк своим кургузым щупальцем. — Я подумал, что если мне удастся установить, что конкретно собой представляют замеченные нами несоответствия, мне удастся получить картину того, что происходит со штормом времени здесь в будущем.

— Что тебе удалось выяснить?

— Я обнаружил, что за исключением некоторых районов, где силовые линии шторма продолжают множиться, вселенная в целом приведена в состояние, очень похожее на то же временное динамическое равновесие, которое мы установили вокруг этой планеты в прошлом.

— Что еще за районы размножения линий? — спросил я.

— Это очень интересно. Создается впечатление, что силовые линии одновременно и множатся и зарастают — умножаются и уменьшаются в этих районах. Между прочим, районы, ; о которых я говорю, находятся в центральных областях Галактик. Ни один из них не располагается

непосредственно в самом центре Галактики — в местах, которые можно было бы назвать ядром.

— Ядром?

— Я думал, ты знаешь. — Он взглянул на меня. — Центр любой Галактики, вроде этой, является районом скопления очень старых звезд, окруженных пылевым облаком.

— А где находится ближайший к этой Солнечной системе район активности?

— Вокруг бело-голубого супергиганта, — сказал Порнярск, — который вы называете Ригелем. Но основная активность неподалеку от нас сосредоточена в районе звезды, которую вы называете С-Дорадус, в Малом Магеллановом облаке за пределами этой Галактики примерно в ста сорока тысячах световых лет от нас.

— С-Дорадус ведь тоже большая раскаленная звезда? — сказал я.

— Да, как и Ригель, она одна из самых ярких.

— Значит, похоже, требуется большая яркая звезда. Не знаешь почему?

— Нет, — сказал Порнярск. — Все, что мне известно, так это то, что линии активности шторма времени в рассматриваемом районе, похоже, сходятся на С-Дорадусе. Кроме того, существует еще одна проблема: С-Дорадус перестал излучать.

— Перестал что?

— Он больше не испускает излучения. Он погас, — сказал Порнярск. — То есть, если бы ты оказался в непосредственной близости от этой звезды, ты бы не увидел ее света. Но, разумеется, нам на таком расстоянии кажется, что она по-прежнему ярко сияет, поскольку до нас доходит свет, который она испускала тысячи лет назад.

У меня голова пошла кругом. Расстояния, размеры звезд и вся остальная информация касалась таких масштабов, что мое воображение отказывалось воспринимать ее.

— Мне нужно тебе кое-что сказать, — сказал я, чтобы сменить тему разговора.

Я рассказал ему о тестировании, пройти которое предложил мне Обсидиан, и о его вопросе, захочет ли Порнярск отправиться вместе со мной.

— Конечно, — сказал Порнярск. — Мне будет очень интересно посмотреть, как они проводят такого рода тестирование.

Глава 34

Оказалось, что три часа, как мне казалось, не такой уж большой срок, чтобы собрать Эллен и остальных лидеров, объяснить, что мы с Порнярском собираемся предпринять, и упаковать вещи. Когда Обсидиан снова появился на посадочной площадке около летнего дворца, он обнаружил, что там собралось человек сорок — наверное, все, кто имел возможность подойти туда и проводить нас с Порнярском. Но он смотрел не на остальных и даже не на меня с Порнярском, а на стоящий у моих ног чемодан.

— Могу я спросить... — начален.

— Мои вещи, — сказал я. Я догадывался, что его озадачило. — Личные принадлежности. Помните, я ношу одежду, каждое утро бреюсь и все такое прочее.

— О, — сказал он. К концу первого дня нашего знакомства я обнаружил, что в его время люди просто не имеют какого-либо заметного волосяного покрова. — Конечно.

За этим разговором последовало много прощальных поцелуев и рукопожатий. В общем-то

теперь наша коммуна больше напоминала одну большую семью. Я едва все не испортил, громко расхохотавшись при виде того, как Порнярск с самым серьезным видом обещает людям, что будет осторожен и позаботится о себе. Он напоминал линкор, который уверял бы всех, что он будет остерегаться акул и постарается не дать себя укусить.

Но в конце концов и прощанию приходит конец.

— Мы готовы, — сообщил я Обсидиану.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда встаньте, пожалуйста, поближе ко мне.

Мы с Порнярском подошли вплотную к нему. Вокруг нас осталось пустое кольцо шириной примерно в десять футов. И уже в следующий момент оказалось, что мы находимся совсем в другом месте, на небольшой прогалине среди стволов массивных вязов, стоящих на расстоянии примерно тридцати футов друг от друга. Мы стояли на чем-то похожем на линолеум, который ногами ощущался как ворсистый ковер темно-зеленого цвета. Вокруг нас тянулись под необычными углами какие-то стены, лежали разных размеров пухлые подушки, размерами достигающие размеров удобной королевской постели, и несколько

устройств, похожих на пульты управления на подставках, с виду ни к чему не подключенных. Я огляделся.

— Здесь вы живете и работаете? — спросил я Обсидиана.

— Да, — сказал он. — Надеюсь, что нам будет здесь достаточно удобно втроем. Если хотите, я могу переориентировать стены так, что у вас будут отдельные комнаты, где вы сможете уединяться.

— Не беспокойтесь, — сказал я. — Думаю, мы в любом случае пробудем здесь недолго, верно?

— Примерно эквивалент пяти дней по местному времени.

— Пять дней? — сказал я. — А я-то думал, что мы отправимся, куда бы мы там ни отправлялись, через несколько часов, если не минут.

— Мы уже в пути, — спокойно произнес Обсидиан. Он взмахнул рукой, и слева от нас, между деревьями, появилось что-то вроде пейзажного окна. Однако за окном был не пейзаж, а черное пространство, яркие звезды, крупные как галька на пляже, и голубой с белым земной шар, почти заполняющий нижний правый угол окна.

Я уставился на планету и через некоторое время понял, что, как мне и показалось, она прямо у

меня на глазах заметно уменьшается в размерах.

— Вы говорили, что здесь живете и работаете.

— Да.

— Но это еще и космический корабль? Обсидиан помахал рукой.

— Наверное, можно сказать и так. В принципе, точнее всего было бы назвать это просто жильем. Процесс путешествия между звездами не станет намного более обременительным, если взять его с собой, зато при этом путешествие становится гораздо более удобным.

Я огляделся по сторонам.

— А деревья и все остальное? Это все иллюзия?

— Теперь — да, — сказал Обсидиан. — Но в первый момент, когда мы оказались здесь, вы видели настоящий лес.

— Когда же мы взлетели?

— Как только оказались на месте. Вот только взлетом это назвать...

— Знаю, знаю, — сказал я, — ..не совсем точно отражает то, что произошло. Ничего страшного. Сейчас меня не очень интересует механика этого дела. Ладно, если нам придется находиться здесь пять дней, я все же думаю, что предпочел бы иметь отдельную комнату; думаю, что Порнярск тоже.

— Мне все равно, — сказал Порнярск. — Но меня интересует механика космического полета. Могу я осмотреть эти пульты?

— Разумеется, — согласился Обсидиан. — Если хотите, я вам все объясню. В принципе, они предназначены для работы на планете, которую мы только что покинули. Наш полет происходит в автоматическом режиме.

— Меня интересует все, — сказал Порнярск. — Это из-за того, что я являюсь аватарой индивидуума, Порнярска, которого всегда интересует абсолютно все...

Он замолчал.

— ..наверное, мне следовало бы сказать — всегда интересовало абсолютно все.

— Вам его не хватает? — спросил Обсидиан. — Индивидуума, аватарой которого вы являетесь?

— Да, — сказал Порнярск, — в каком-то смысле. Как будто я ощутил, что вдруг исчезла часть меня или что у меня был близнец, которого я никогда не увижу.

Его голос был совершенно спокоен и обыденен, но я внезапно понял, что внимательно на него смотрю. Я никогда не переставал считать, что Порнярск наделен эмоциями, или думать о том, что он потерял в личном плане, отправившись с

нами в будущее.

— Мне следовало спросить, хочешь ли ты отправляться с нами, — сказал я.

— Если бы ты спросил, я бы ответил «да», — сказал Порнярск. — Я создан для процесса исследования и обучения Я вдруг почувствовал едва ли не оглушительное чувство переутомления. Отчасти это было вызвано непрерывной работой, которой мы занимались в коммуне последние несколько недель. Но в основном причины тому были психологические и психические, нежели физические. Несмотря на то, что Обсидиан настаивал, что за предстоящим мне тестированием не стоит ничего иного, я наконец был уверен, что вскоре окажусь на последней арене, в момент решающего противостояния.

Я был похож на человека, который месяцы и годы физически тренировался для одной-единственной битвы. Я чувствовал себя на свободе, легким и готовым, но высушенным и пустым в душе, пустым от всего, кроме неизбежности конфликта, к которому я сейчас неотвратимо приближался. Даже энтузиазма не осталось — только массивное и молчаливое принятие того, что предстоит.

— Я думаю, — обратился я к Обсидиану, — если

вы не против, то я хотел бы получить отдельную комнату прямо сейчас. Мне нужно поспать.

— Разумеется, — сказал он.

Внезапно белые стены окружили меня. Я не двигался с места, но теперь я был полностью окружен, оставшись лишь с окном или экраном, показывающим бесчисленные звезды и уменьшающуюся Землю. Я подошел к самой большой подушке и рухнул на нее. Еще с секунду освещение было дневным, но за мгновение до того, как я закрыл глаза, свет стал меркнуть и исчез, а пространство, в котором я теперь находился, было освещено лишь льющимся через окно светом звезд.

Я заснул.

Когда я проснулся, звезды за окном были другими. Они вообще ничем не напоминали земное небо. Озадаченный, я лежал и глядел на них до тех пор, пока окончательно не пришел в себя, и то ли автоматически, то ли в ответ на каким-то образом уловленное мое желание лучшей видимости, освещение в комнате стало ярче, пока наконец не приблизилось к солнечному свету.

Я встал, после недолгих поисков обнаружил дверь, которая привела меня в ванную, которая оказалась слишком хорошей копией той, к

которой я привык, чтобы не быть специально созданной для меня Обсидианом.

И все же я был благодарен ему за то, что она выглядела такой знакомой. Частью моего ритуала пробуждения всегда была утренняя процедура, включающая острое бритвенное лезвие, мыло и большое количество горячей воды. Покончив с этим, я вышел из своих апартаментов и обнаружил Обсидиана, мирно спящего на одной из больших подушек в центральном помещении, а Порнярска занятого чем-то непонятным у одного из пультов.

— Доброе утро, Марк, — сказал он, поворачиваясь и глядя, как я вхожу.

— Доброе, если только оно и в самом деле доброе... — Я понизил голос, бросив взгляд на Обсидиана. — Прошу прощения, я совсем забыл о том, что он здесь спит.

— Думаю, ты можешь не беспокоиться, — сказал Порнярск обычным своим громким разговорным голосом. — Не думаю, что он слышит какие-либо звуки, которых слышать не хочет, до тех пор пока не проснется тогда, когда собирался проснуться.

Я с любопытством посмотрел на Обсидиана.

— Ловко, — сказал я. — А как там у нас с завтраком?

— Вон там в комнате находится самая разнообразная пища, — сказал Порнярск, указывая щупальцем на дверь в одной из стен, которая была там же, когда мы только прибыли.

Я отправился туда и обнаружил, что он прав. Это оказалась приятная небольшая комната, очевидно полностью окруженная иллюзией леса, залитого утренним солнцем. Там были стулья в моем стиле, и стол тоже в моем стиле, и предмет мебели, который был похож на массивный старомодный деревянный шкаф.

Однако, когда я открыл дверцу этого последнего предмета мебели, я обнаружил, что в ней множество полок, буквально забитых разнообразными свежими земными фруктами и овощами. Здесь были фруктовые соки в прозрачных сосудах, молоко и кувшин с темной жидкостью, которая оказалась горячим кофе, хотя то, что сохраняло его горячим, осталось для меня загадкой. Здесь не было ни мяса, ни яиц, и хотя я внимательно оглядел помещение, я не заметил ни плиты, ни каких-либо других приспособлений, на которых можно бы было что-нибудь приготовить. Что ж, по крайней мере кофе был горячим. Я нашел небольшой пустой сосуд, налил в него кофе и уселся завтракать.

Еда была крайне занятной. Не было никаких потрясений, но кое-что удивило. Например, уже отрезанный кусок хлеба, который я обнаружил, оказался горячим. Не поджаренным, а именно горячим, как кофе.

Я поел и вернулся в соседнюю комнату. Обсидиан все еще спал, а Порнярск по-прежнему работал, — Ты ел? — спросил я Порнярска. Я знал, что он ест, хотя Порнярск и его питание были для меня чем-то вроде загадки, поскольку он мог неделями обходиться без пищи. Однажды он сказал мне, что система энергоснабжения его тела была загадкой не только для нас, но и для него самого, поскольку это была область знаний, которой Порнярск — настоящий Порнярск — совершенно не интересовался. По-видимому, наш Порнярск умел извлекать из пищи гораздо больше энергии, чем мы, люди. Я играл с картиной небольшого ядерного моторчика из нержавеющей стали, скрывающегося под толстым броневым покрытием его тела, хотя он и уверял нас, что во всех отношениях состоит из чистого животного белка.

— Нет, — ответил он. — Нет необходимости. Меня очень интересует это оборудование.

Похоже, пока я спал, мы развили довольно

приличную скорость, констатировал я.

— Где мы теперь?

— Это-то и есть самое удивительное, — сказал он, неуклюже кивая на пульт. — Очевидно, как и сказал Обсидиан, наш полет проходил в полностью автоматическом режиме. Но этот пульт, поскольку он показал мне, как с ним управляться, снабжал меня информацией о нашем движении. В настоящее время мы находимся примерно в трех миллионах лет в прошлом и, соответственно, весьма далеко от твоей Солнечной системы.

— Далеко? — сказал я. Но, уже сказав, уже начав слушать его объяснения, мой мозг уже сам пришел к заключению?

— Ну да, а что? Обсидиан и его товарищи, — сказал Порнярск, — очевидно, проделали великолепную работу, сначала сбалансировав большие участки сил времени, а потом не менее великолепную работу, составив перечень специфических силовых линий между сбалансированными районами. В принципе, я склонен думать, что процесс балансировки был задуман таким образом, чтобы оставить только сеть оставшихся работающих силовых линий. В результате, хотя они на самом деле не могут преодолевать расстояния со скоростью выше световой, они

могут преодолевать расстояния, эквивалентные сотням или даже тысячам световых лет, и прибывать к месту назначения за несколько часов или даже дней. Обрати внимание на рисунок звездного неба.

Он коснулся кончиком щупальца стоящего перед ним пульта. Появилось еще одно окно, показывающее звездное небо снаружи. Мою память теперь обмануть было трудно. Это снова было совсем другое небо, чем то, которое я видел при пробуждении в соседней комнате.

— Через несколько мгновений мы осуществим очередной переход... — сказал Порнярск. — Вот!

Вид звездного неба снова резко изменился без звука, без рывка и так мгновенно, что я вроде бы при этом даже не успел моргнуть.

— Мы спустились на несколько ступеней ниже во времени, с тем чтобы совершить большой скачок в пространстве, — сказал Порнярск. — В маленьком узле сил на Земле прыжки во времени тоже были гораздо меньше, и физическое смещение было незначительным. Здесь же, конечно, когда мы совершаем значительный скачок вперед или назад во времени, окружающие звезды и другие твердые тела движутся вокруг нас. Как там говорила Мэри насчет Магомета, который не

идет к горе и тогда гора идет к Магомету? Люди Обсидиана научились использовать шторм времени, чтобы привести к себе горы, вместо того чтобы самим отправляться к ним...

Он взглянул на меня. Нельзя сказать, чтобы у Порнярска была самая красноречивая мимика и жесты во вселенной, но было достаточно хорошо знакомо это движение его щупалец, чтобы сказать, когда он чувствует себя виноватым.

— .разумеется, — сказал он, — под «горой» я подразумеваю звезды и другие твердые тела вселенной.

— Я так и думал, — сказал я.

— Боюсь, временами я слишком дотошен. Впрочем, таким же, естественно, был и Порнярск. Недостаток, часто сопутствующий любознательному уму.

— Я и сам страдаю дурной привычкой подолгу растолковывать людям, какова ситуация, — подтвердил я.

— Это, конечно, верно, — ответил он с мягким равнодушием к моим чувствам. — Тем не менее, два недостатка не.., кажется, наш хозяин просыпается.

Говоря это, он наклонил голову набок, чтобы взглянуть на Обсидиана, который одновременно

открыл глаза и уселся на подушке со скрещенными ногами, очевидно, проснувшись в мгновение ока.

— Вы отдохнули, Марк? — спросил он. — Мне тоже пришлось вздремнуть. Порнярск, очевидно, в сне практически не нуждается.

— Да, спит он чертовски мало, — подтвердил я.

— До прибытия в пункт назначения у нас остается чуть больше четырех дней, — сказал Обсидиан. — Надеюсь, что нам еще удастся не раз обстоятельно поговорить с вами, Марк. Насколько я понимаю, вы уже гораздо лучше разбираетесь в происходящем.

— Думаю, да, — сказал я. — Поправьте меня, если ошибусь, но насколько я понимаю, все разумные расы в Галактике объединились в борьбе за выживание. Живые существа против неодушевленных сил, которые могут прикончить вас всех.

— Да, прежде всего мы озабочены выживанием, поскольку, если жизнь не сохранится, все остальное становится вопросом чисто академическим. Поэтому первой задачей является установление достаточного контроля над окружающим пространством. Но помимо выживания мы заинтересованы в прогрессе, в том, куда в дальнейшем

двинется жизнь.

— Хорошо. Но... — Я осекся. — Минуточку. Прежде чем вовлекать вас в такого рода дискуссию, я должен дать вам возможность окончательно прийти в себя.

— Но я уже проснулся, — сказал Обсидиан, слегка нахмурившись.

— В таком случае, — попросил я, — расскажите мне всю историю с самого начала. Как возникло братство цивилизованных существ? Как оно стало дееспособным?

— Вообще-то, — ответил он, — то, что положило начало объединению разных рас, которые впоследствии стали нынешним цивилизованным сообществом, было тем, что вы называете шторм времени. Парадокс: шторм времени, который угрожал существованию всего живого, сделал возможным появление настоящей цивилизации...

И начал насыщать меня информацией, прежде чем я успел присесть на ближайшую подушку. На протяжении следующих четырех дней, пока его «жилье» порхало в пространстве от одной силовой линии времени к другой, а Порнярск, как зачарованный, наблюдал за этим процессом у пульта. Обсидиан обрисовал мне картину более

сорока тысяч лет известной истории — по временной шкале нашей Галактики — и неизвестно какого еще количество времени до этого, когда жизнь была почти уничтожена штормом времени, но когда были найдены основы и возведено здание вселенского сообщества.

— Процесс был достаточно инстинктивным, — говорил он. — Мы пытались приспособиться к окружению, включающему в себя шторм времени, и в процессе приспособления научились управлять этим окружением, включая шторм. В настоящее время шторм времени позволяет нам делать ряд вещей, которые были бы без него невозможны. В то же время, существуя, он по-прежнему угрожает уничтожить нас. Поэтому мы прилагаем все силы к тому, чтобы контролировать его. Заметьте, мы больше не хотим покончить с ним, мы хотим сохранить его, но под нашим управлением.

— Укротить тигра, чтобы сделать его сторожевым псом. Он на секунду нахмурился. Затем его лицо прояснилось:

— Понимаю, что вы имеете в виду. Да. Мы хотим приручить и использовать его.

— Я тоже, — признался я. Он явно был огорчен.

— Я надеялся, — сказал он, — что вы к этому

времени уже начали видеть разницу между человеком из вашего времени и людьми из этого. Мы скоро прибудем на место, точнее — через несколько часов, и я думал, что, возможно, после того как мы с вами столько говорили в эти дни, вы поймете, какая пропасть лежит между тем, что вы собой представляете и знаете, и тем, что знают и что собой представляют люди нашего времени.

— Пропасть не такая уж широкая.

Он уже открыл было рот, готовый продолжать. Но когда я поднял руку, он снова закрыл его — правда, лицо его при этом было не очень-то довольным.

— Вы разработали целую науку, — произнес я. — Но ведь любой родившийся в этом вашем времени, наверное, может освоить ее за свою жизнь, не так ли?

— Разумеется, — согласился Обсидиан. — Я вовсе не хотел, чтобы вы подумали, будто вы не в состоянии овладеть необходимыми знаниями. У нас существуют технологии и оборудование, которое может научить вас всему необходимому всего за несколько дней. Но дело в том, что знания сами по себе будут для вас совершенно бесполезны, поскольку, чтобы использовать их,

нужно обладать таким пониманием шторма времени, которое можно получить лишь вырастя и получая образование в моем времени.

— Исходя из ваших слов можно сделать вывод, что помимо необходимых знаний мне требуется еще такое понимание, которое приходит только со знанием культуры и философии. А культурная часть — та же самая философия, выраженная на несимволическом уровне. Следовательно, все сводится к пониманию основ вашей философии, и вы только что втолковывали мне, что она сформировалась в результате контакта многих поколений со штормом времени. Ладно, я имел контакт со штормом. Я некоторое время общался с вами. И могу вам сказать, что ваша культура и ваша философия не так уж отличаются от того, что я в отношении сил шторма времени уже понял сам. Он покачал головой.

— Марк, вас ждет большое разочарование.

— Посмотрим, — ответил я.

— Да. — Он вздохнул. — Боюсь, что так.

Как не было никаких особенных ощущений при взлете, когда мы покинули Землю, так не возникло никаких ощущений при посадке, когда мы достигли цели. Просто, без какого бы то ни было предупреждения. Обсидиан прервал на

полуслове какую-то фразу по поводу реальных элементов искусства, полностью существующих лишь в концепции объекта искусства, — утверждение, с которым я был не согласен, поскольку не мог себе представить искусство в отрыве от объекта. Что если превратить статую роденовского «Мыслителя» в набор символов? Будет ли интеллектуальное восхищение этих символов начинать приближаться к удовольствию реально видеть, не говоря уже о том, чтобы осязать оригинал статуи с теми микроскопическими следами работы, которые остались от прикосновений резца скульптора и текстурных особенностей оригинального материала? Идея была абсурдной — и это была не единственная абсурдная идея, услышанная мной от Обсидиана за последние пять дней, несмотря на всю его личную привлекательность и разумность.

Во всяком случае, он неожиданно замолчал на полуслове и одновременно оказался на ногах, поднявшись одним плавным движением с подушки, на которой сидел со скрещенными ногами.

— Мы на месте, — сообщил он.

Я бросил взгляд в окно и по-прежнему увидел лишь звездное небо. Всего лишь еще один, пусть

даже и снова отличающийся от прежних звездный пейзаж, в котором присутствовал лишь один необычный элемент. Это было большое темное пятно, расположенное чуть правее и ниже центра окна. Порнярск тоже смотрел в окно со своего места у одного из пультов.

Он протрусил по комнате и постучал щупальцем по окну в районе темного пятна.

— С-Дорадус, — сказал он.

Обсидиан повернул голову, пожалуй, чуть более резко, чем обычно, и взглянул на аватару.

— Разве мы не совершили посадку на поверхности какой-нибудь планеты? — спросил я Обсидиана.

— О да, — сказал он. Звездное небо мигнуло и сменилось изображением крутого склона холма, усеянного огромными валунами. Небо над головой было темно-синим, а между скалами поднималось вверх нечто похожее на ярко-зеленые и достигающие высоты в тридцать футов пчелиные ульи. — Картина, на которую вы сейчас смотрите, — звездное небо, каким оно выглядит с места нашей посадки. Разве я не упоминал, что теперь мы предпочитаем окружать себя теми сценами, которые наилучшим образом подходят нам в настоящий момент, независимо от того, где

мы находимся в действительности.

— В таком случае, Обсидиан, вам больше всего нравятся виды земных лесов?

— Не совсем, — ответил он, — я думал, что они нравятся вам.

— Спасибо, — только и сказал я.

— Пожалуйста. Позвольте представить вам... — Он резко обернулся навстречу нескольким индивидуумам, которые входили в помещение откуда-то из иллюзии земного леса.

Их было всего четверо, хотя в первый момент мне показалось, что их гораздо больше. Ни на одном из них не было ни одежды, ни украшений. Впереди шел тот, кого я поначалу принял за совершенно обычного человека, пока не заметил тянущийся вдоль шеи и затылка костистый гребень, исчезающий в костях черепа. Он был немного выше Обсидиана. Следующим был пестрый индивидуум, кожа которого пестрела пятнами, некоторые из которых были такого же цвета, как моя, вперемежку с другими более темными пятнами цвета ржавчины и молочного шоколада. Этот был гораздо менее «гуманоидным», но почему-то казался явно женского пола. Третий был гибридом кальмара и краба, причем кальмар рос из панциря краба и он или она, в

данном случае, возможно, что и оно, появилось в комнате, плывя на чем-то вроде пьедестала высотой в три фута. На мой взгляд, вес этого третьего существа составлял примерно сто или около того земных фунтов.

Четвертый был иссиня-черным гуманоидом, с трубчатыми стебельками вместо конечностей, ростом около трех футов, с мрачным лицом и такой же безволосый, как и Обсидиан. Я в душе испытал облегчение оттого, что мне не придется на каждого, кто в эти времена имеет человеческий вид, смотреть задрав голову. Когда они вошли в комнату, она стала увеличиваться в размерах до тех пор, пока мы не оказались посреди помещения примерно тридцать на сорок футов. Теперь иллюзия земного леса занимала лишь часть периметра вокруг нас. Оставшееся пространство занимали четыре других пейзажа — от какого-то болота до красно-коричневой песчаной пустыни с высокими, белесыми обрубками, торчащими посреди ровной равнины внизу.

Я так заинтересовался увиденным, что едва не прозевал момент, когда Обсидиан начал представлять мне гостей.

— Рассвет... — Это оказался тот, с костяным гребнем. — Зануда (разноцветная женщина),

«Один из Детей Жизни» (крабокальмар) и Ангел (мрачнолицый невысокий черный тип).

— Страшно рад познакомиться с вами, — сказал я. — Вы не представляете, как высоко я ценю эту возможность.

— Комплименты ни к чему, — достаточно резко сказала Зануда. — Полагаю, вы не обидитесь, если мы будем называть вас Марком?

— Разумеется, — сказал я. — Вы очень хорошо освоили мой язык.

— Было бы непрактично обучать вас нашему. — Зануда, похоже, говорила от лица всей группы. — Если не возражаете, мы приступим к тестированию. Будьте добры взглянуть на панель позади вас.

Я повернулся. Панель, о которой она говорила, была высотой фута в три и футов пяти длиной и стояла на устройстве, появившемся в комнате с их приходом, напоминавшем ящик. Пока я смотрел, экран, казалось, залило эллиптическое пятно тьмы и закрыло углы экрана. Я подошел поближе и понял, что смотрю скорее не на, а во тьму так, будто она обладала глубиной и я смотрел в трехмерное пространство.

Сосредоточившись, я вгляделся в глубь темного пространства и увидел, что в нем кишат мель-

тешащие движущиеся веера огоньков, иногда напоминающие северное сияние с его переливом молочных цветов, по ночам разливающееся в северном небе. Эти огни, за которыми я сейчас наблюдал, двигались гораздо быстрее, чем северное сияние, к которому я привык, и их расположение было гораздо более сложным. Но во всех остальных отношениях они казались удивительно на что-то похожими.

И похожи они были на что-то другое. Я смотрел на них и никак не мог вспомнить, что именно они мне напоминали. Затем меня осенило.

— Ну конечно! — сказал я, поворачиваясь к Зануде и остальным. — Это же картины расположения силовых линий шторма времени, сильно замедленные, но тем не менее действующих силовых линий.

Все четверо смотрели на меня. Потом Зануда повернулась к Обсидиану.

— Благодарим тебя, Обсидиан, — сказала она. Потом она снова взглянула на меня. — Благодарим вас, Марк. Она развернулась и повела группу к выходу. Я растерянно смотрел вслед ей и остальным.

— Подождите! — сказал я.

— Марк, — сказал Обсидиан за моей спиной. —

Марк, я же говорил, что вам нужно быть готовым к разочарованию...

— К разочарованию! — воскликнул я. — Черта с два! Я сказал, что это картина расположения силовых линий, так оно и есть. Поэтому возвращайтесь-ка сюда — и вы, Зануда, и все остальные. Вы не можете вот так просто взять и уйти. Вы должны дать мне объяснение, если я этого хочу. Я достаточно потерся с вами, чтобы знать это наверняка!

Они замедлили шаги и остановились. Какое-то мгновение они постояли тесной кучкой, и у меня появилось сильное впечатление, что они спорят между собой, хотя я не слышал ни слова и не видел движения губ. Потом они снова вернулись в комнату. Зануда по-прежнему шла впереди и снова подошла вплотную ко мне.

— Нам нечего объяснять, — сказала Зануда. — Мы хотели проверить вашу чувствительность, что, по нашему мнению, было необходимо, если мы бы захотели оставить вас и вашу группу в настоящем. К несчастью, вы, похоже, этой чувствительностью не обладаете.

— А как вы это определили? — сказал я. — Вы показали мне картину действующих сил шторма времени. Я сказал вам, что это они, — так что же

с моей стороны указывает на отсутствие чувствительности?

— Марк, — сказала Зануда. — Мне очень жаль, но то, на что вы смотрели, было вовсе не тем, что вы сказали.

— Не картина расположения силовых линий шторма времени?

— Нет. Мне очень жаль. — Она снова повернулась, собираясь уходить, и остальные потянулись за ней.

— Черт побери, а ну-ка вернитесь!

— Марк... — Порнярск попытался вмешаться.

— Порнярск, не лезь в это! И вы тоже. Обсидиан! Зануда и вы, все остальные, ну-ка разворачивайтесь. Вернитесь! Я не знаю, на что вы рассчитывали, пытаясь вот так лгать мне. Но у вас ничего не вышло. Думаете, я не узнаю силы шторма времени, когда вижу их. Обсидиану известно, что мне удалось сделать, и он знает, чем занимается Порнярск. Вы должны знать, что я ему рассказывал, — или вы не приготовили домашнего задания? Если вам известно, что я ему говорил, вы знаете, что у вас не пройдет показать мне картину линий шторма и утверждать, что это что-то другое.

Все четверо стояли и молча смотрели друг на

друга. Через секунду Обсидиан сделал три быстрых шага и присоединился к ним. Они стояли неподвижно и безмолвно, глядя друг на друга долгую минуту. Потом они все повернулись ко мне.

— Марк, — сказал Обсидиан, — уверяю вас, что это не было картиной силовых линий того, что вы называете штормом времени. Это была проекция расположения концептуальных ритмов, являющихся общими для всех разумов в нашей современной культуре. Если бы вы проявили способность отзываться на эти ритмы, это изображение вызвало бы у вас в мозгу некие соответствующие образы — воды, газа, звезды, космоса.., и так далее. Совершенно очевидно, этого не произошло, поэтому мы вынуждены были заключить, что вы не обладаете способностью отзываться в современных понятиях. Вот и все. И вы ничего не добьетесь, настаивая, будто смотрели на темпоральные силовые линии.

— Понятно! — сказал я.

Потому что неожиданно все понял. Меня внезапно охватила такая уверенность в своей правоте, что я продолжал, даже не побеспокоившись выбирать слова, и выпаливал, стоило только им возникнуть у меня в голове.

— Я понял очень многое. Во-первых, что я по-

нимаю вас лучше, чем вы понимаете меня, — и я собираюсь доказать это прямо сейчас. Я знаю, что вы не можете вот так просто отмахнуться от меня и отправить меня назад с таким ответом, если я скажу правильные слова. Ваш рефлекс ответственности вам этого не позволит, и сейчас я скажу эти правильные слова. А слова эти — вы и эти люди здесь и все остальные, кого вы знаете, имеете одну общую для всех вас скоротечную культурную слепоту. Вы слепые там, где я зрячий, и я вижу там, где вы ничего не видите, поскольку я не принадлежу к вашей культуре и смотрю на нее со стороны. Весь ваш набор правил основывается на том, что вы не можете отказаться выслушать мои соображения по этому поводу. Теперь, когда проблема возникла, вам придется как следует подумать и окончательно решить — прав я или нет. Если я не прав, можете от меня избавиться. Но если я прав, то вам — всем вам — придется поучиться, и поучиться у меня. Ведь в этом все дело?

Я замолчал и стал ждать. Они просто стояли.

— Ну? — спросил я. — Так прав я или нет? Заслуживаю я того, чтобы меня выслушали, или нет?

Они переглянулись и постояли еще мгновение. Потом снова разом повернулись ко мне.

— Марк, — сказал Обсидиан, — нам придется посоветоваться с другими. По крайней мере, в теории вы правы. Вы будете выслушаны. Но теперь нам нужно обсудить все это, что займет некоторое время. А пока, раз уж вы бросили нам столь серьезный вызов, нам кажется, что вам в конце концов все же лучше будет научиться нашему способу общения.

Глава 35

Выяснилось, что они не пытались научить меня и Порнярска своему способу общения раньше только потому, что были убеждены — мы концептуально не готовы к подобному образованию. Но поскольку я заявил, что у них ботинки надеты не на ту ногу и что мне известно такое, чего они даже представить себе не могли, их первоначальная причина не обучать нас потеряла актуальность. Короче говоря, невзирая на то, способен я был эффективно использовать их язык или нет, мне следовало дать шанс объясниться на нем, чтобы их нельзя было обвинить в том, что я не смог доказать свою правоту, поскольку не получил возможности изложить свое мнение в абсолютно понятных терминах.

Когда все это было решено, сам процесс обучения оказался достаточно легким. Как и говорил Обсидиан, у них имелась аппаратура и технологии обучения. Через двадцать четыре часа мы с Порнярском уже овладели всеми четырьмя способами их общения. Это были звуковой, сигнальный (жесты и т, п.), позиционный (который

в действительности был всего лишь разновидностью сигнального, поскольку заключался в общении с помощью различных поз — язык тела) и средоизменяющий, который в сущности выражался в общении с помощью игр с окружающим пространством, как иллюзорным, так и реальным.

Эти четыре способа дублировали друг друга. То есть изначально все они были самостоятельными, отдельными методами общения, но со временем были объединены, с тем чтобы дополнять и взаимообогащать друг друга. В принципе, я вполне мог бы привести свои доводы исключительно вербально. Но если бы мне задали вопрос по поводу конкретного вербального заявления, теперь я мог бы уточнить, что имел в виду, повторив сказанное одним или несколькими другими способами. Теоретически, любое утверждение, выраженное всего лишь двумя способами, делало сказанное практически совершенно недвусмысленным.

Таким образом, я был готов к дискуссии уже через двадцать четыре часа. Однако дебаты были назначены лишь через промежуток, эквивалентный трем земным дням. Впрочем, это меня нисколько не огорчило, поскольку я получил

возможность все как следует обдумать.

Когда вторая встреча наконец состоялась, количество представителей вселенского сообщества выросло с пяти его представителей до тридцати двух. Соответственно и образовавшееся вокруг нас пространство было гораздо более обширным и было похоже на амфитеатр со спускающимися к круглой центральной площадке сторонами. Таким образом, присутствующие смотрели на Зануду и меня, как будто были зрителями в небольшом цирке или лекционном зале.

Зануда начала с воспроизведения того, что произошло во время нашей предыдущей встречи. Было немного странно вот так стоять и видеть самого себя в очевидно твердой копии, требующей, чтобы все пятеро вернулись и выслушали меня. Когда сцена закончилась последними словами Обсидиана, обращенными ко мне, иллюзорные фигуры исчезли и Зануда повернулась ко мне.

— Так вы собирались указать нам на нашу культурную слепоту, Марк, — подытожила она. — Прошу вас.

— Хорошо, — сказал я. — В таком случае постараюсь быть предельно краток — в первый раз свидетельство культурной слепоты бросилось мне в глаза еще в первые несколько дней наших

разговоров с Обсидианом. Тогда мы выяснили, что он с трудом понимает, что я имею в виду, несмотря на то, что его обучили с помощью вашего оборудования. С другой стороны, я понимал его достаточно хорошо, несмотря на то, что он скорее пытался собрать информацию о моей культуре, нежели рассказывать мне о вашей. Если хотите, можете как-нибудь проверить записи и вы поймете, что я имею в виду.

— Мы можем продемонстрировать их, — вставила Зануда. Снова появились иллюзорные фигуры. На сей раз это были мы с Обсидианом, беседующие возле летнего дворца. Это была подмога, на которую я не рассчитывал. Я стоял и смотрел на происходящее, а в это время мой двойник доказывал Обсидиану, что он похож на человека, который вырос, думая, что все говорят на одном языке, и с трудом воспринимал идею, что знакомые предметы могут называться другими словами. Второй набор фигур исчез.

— После этого я задумался, — продолжал я. — С самого начала, вступив с нами в контакт, вы исходили из предположения, что моя группа сможет существовать в одном с вами времени, лишь восприняв все, что являлось частью вашей культуры, и отбросит все то, что не умещается в

эти рамки. Как и в случае с языком, вы, похоже, были убеждены, что есть один и только один способ поступать правильно.

Я замолчал и взглянул на Зануду, давая ей возможность возразить мне. Но она ничего не сказала, выжидая. Я продолжал:

— Насколько я понимаю, вам бы просто не пришло в голову тестировать меня на наличие современных вам способностей даже в той ничтожной степени, что вы попытались несколько дней назад, если бы Обсидиан не выявил парочки аномалий в моем характере и характерах моих товарищей, которые, поскольку для вас делать заключения исключительно на основе определенности является культурным императивом, следовало проверить. Первой аномалией стало то, что мы перенеслись в ваше время самостоятельно, использовав для этого силы шторма времени.

Я снова замолчал и взглянул на Зануду.

— Хотите, чтобы я воспроизвела этот конкретный разговор? — спросила Зануда.

— Хорошо.

Перед нами возникли фигуры меня, Эллен и Обсидиана.

— .и конечно же, мы хотели собрать данные,

необходимые для понимания случая, приведшего вас сюда, — говорил Обсидиан.

— Случая? Мы пришли сюда по собственной воле.

— Вот как?

— Именно, — ответил я. — Наверное, лучше мне отвести вас в лабораторию и познакомить с Порнярском. Извините, возможно, я впрягаю телегу впереди лошади. Но после того как мы ожидали вашего появления каждый день, с тех пор как переместились сюда, а вы появились только сейчас...

— Ожидали моего появления с момента вашего прибытия?

— Ну конечно. Мы прибыли сюда потому, что я хотел вступить в контакт с вами, с людьми, которые пытаются что-то делать со штормом времени...

— Этот фрагмент разговора, — я снова обратился к Зануде и остальной аудитории, — буквально потряс Обсидиана, поскольку я говорил о том, что мы сознательно использовали силы шторма времени в прошлом, задолго до того, как, по его мнению, кто-то оказался способен их использовать. Вторая аномалия, которая убедила вас в необходимости протестировать меня, заключа-

лась в том, что Обсидиан поймал меня на том, что я называю «идентификацией со вселенной», — кстати, хотелось бы отметить, что это является одной из областей моего словаря на ваших языках, которые вы не заложили мне в память. У вас должен существовать собственный термин для этого явления...

— Он у нас есть, — сказала Зануда. — И вы только что использовали его. Мы называем это «идентификацией со вселенной».

— Прошу прощения. Значит, вы упустили эту часть ненамеренно. Во всяком случае, суть в том, что Обсидиан снова обнаружил, что я могу делать нечто, чего мочь делать не должен был, поскольку происходил из доисторических времен. Но использование сил шторма времени для перемещения во времени или в пространстве и концепция индивидуума, способного идентифицироваться со вселенной или наоборот, являются вещами, по вашему мнению, принадлежащими к вашему времени, а не к моему.

— До сих пор, — сказала Зануда, когда я сделал паузу и взглянул на нее, — я не услышала ничего, с чем не готова была бы согласиться. Впрочем, полагаю, вам есть еще что сказать, не так ли?

— Да, есть. Давайте назовем меня рыбой, а вас

млекопитающими в том смысле, что я, соответственно, ваш доисторический предок. Когда вы обнаружили, что я способен дышать воздухом точно так же, как и вы, и что у меня скорее не плавники, а ноги, вам пришлось классифицировать меня и тех, кто со мной, как нечто большее, чем рыба. Тогда вы подумали, что нужно проверить, не млекопитающее ли я. Но первый же тест показал, что я создание, откладывающее яйца. Поскольку млекопитающие, насколько вы знали, не откладывают яиц, вы решили, что в конце концов я, наверное, все же рыба. Вам даже в голову не пришло, что я могу быть чем-то вроде утконоса.

Я использовал человеческое слово «утконос», поскольку в их четырех способах общения не было альтернативы. Да, конечно, их разговорный язык предоставлял мне строительные блоки для конструирования словесного эквивалента, но с их точки зрения этот эквивалент был бы просто бессмысленным шумом. Зануда и остальные молча смотрели на меня.

— Утконос, — сказал я. — Животное с моей планеты. «Mono-treme...»

Я использовал слово, которое хоть в каком-то смысле можно было перевести на их язык. Зануда

сказала:

— Секундочку, Марк.

Возникла небольшая пауза, пока аудитория получала исчерпывающую справку о земной фауне вообще и австралийской в частности.

— Вам понятно, да? — переспросил я, когда объяснения были закончены. — Утконос откладывает яйца, но тем не менее обладает волосяным покровом и является млекопитающим.

— Примитивным млекопитающим, — сказала Зануда.

— Не надо придираться к моей аналогии. Суть в том, что я и мои товарищи могли принадлежать к категории, в отношении которой ваша культура оказалась слепа.

— Это всего лишь предположение, — возразила Зануда.

— Нет, не предположение. Это осталось бы предположением только в том случае, если бы я ошибался по поводу того, что показанное мне вами не имеет отношения к движению сил шторма времени. В каком-то смысле вы были правы, говоря, что между тем, что вы мне показали, и штормом никакой связи нет. Но в широком смысле прав был я, а вы ошибались. Потому что связь есть, а вы настолько культурно слепы к ней, что

я готов держать пари, что даже за эти последние три дня ни один из вас не удосужился проверить, а вдруг связь все же имеется.

Наступила секунда — лишь секунда — молчания.

— Вы правы. Проверки возможности связи предпринято не было, — согласилась Зануда. — По поводу наличия связи мы можем основываться лишь на ваших собственных словах.

— В прошлую нашу встречу я уже говорил вам, что это не просто слова. Я не рыба и не птица. Я — утконос. Я научился использовать шторм времени и устанавливать личную идентификацию со вселенной без привлечения и помимо развитой вами истории, культуры и техники. Я могу читать шторм времени и конфигурации движения. Все движения укладываются в определенные схемы.

Я обвел взглядом присутствующих.

— Возможно, вы об этом не знаете, но даже то, как вы сейчас разбились на группы, тоже показывает определенные конфигурации, и из них на основании того, что мне теперь известно о вашей культуре и языке, я могу сделать вывод о вашей привычке разделяться на общественные группы по индивидуальным специальностям

или способностям. Если бы у меня не было этой культурной информации, я бы все равно видел эти конфигурации, просто я не понимал бы их значения.

— Это голословное утверждение, Марк, — возразила Зануда.

— Нет. Это результат того, что я нахожусь за рамками вашей культуры, поэтому могу ясно видеть то, что вы видеть отказываетесь. Вы и ваши предки на протяжении сотен поколений боролись со штормом времени. Эта борьба сделала ваше сообщество таким, каким оно является сейчас, и оказала решающее влияние на все его составляющие. Совершенно верно — панель, которую вы мне показали, как будто показывала картину концептуальных ритмов, общих для вашего времени и культуры, и не признал я их за таковые просто потому, что мои собственные концептуальные ритмы совершенно другие.

Я оглядел их.

— Марк, — сказала Зануда, — неужели мы ждали эти несколько дней и сейчас собрались здесь лишь для того, чтобы услышать, что вы соглашаетесь, что мы с самого начала были правы?

— Нет! — сказал я. — Потому что вы ошибаетесь. То, что я увидел и распознал, действительно

было конфигурациями сил шторма времени. Вы, все вы, просто не смогли осознать этого, поскольку вы не сознаете, насколько шторм времени в ходе этой долгой борьбы стал частью вас самих — частью вашего тела, мышления и культуры. Ваши мысленные ритмы и являются ритмами шторма времени. Вы не видите этого, потому что они в значительной степени стали частью вашего существа и вы принимаете их, как само собой разумеющееся. Я вижу это, поскольку стою вне вашей культуры и смотрю на вас со стороны. Мой разум — самое ценное, что есть у вас в вашем времени, и вам лучше всего признать это!

Я уже едва не кричал на них. По их понятиям, это было очень сильное заявление, но мне нужно было разбудить их, заставить услышать.

— Я не призываю вас поверить мне на слово. Сравните эти мыслительные ритмы на вашей аппаратуре с ритмами сил шторма времени и сами убедитесь, что они идентичны!

Я замолчал. В моем собственном прошлом подобный момент вызвал бы у зрителей ропот недоверия или возгласы недовольства моей идеей или мной самим — чего угодно, только не того, как отреагировали мои слушатели, ответом которых была лишь задумчивая тишина. Не было

никаких видимых признаков того, что я напал на самую основу их культуры, которую они всегда принимали как должное.

Но я знал, что сейчас происходило в их сознании. Я знал, потому что теперь знал совсем немало о том, как они мыслят, и об их обязанности принимать во внимание любую возможную правду, которую эта самая культура наложила на них. Я знал, что они очень сильно потрясены тем, что я им только что сказал. Но мое осознание этого было, пожалуй, и единственным эмоциональным удовлетворением, которое я мог извлечь из данной ситуации. Внешне они отреагировали так, будто я сказал, что завтра утром решил не бриться.

Собрание подошло к концу. Некоторые из слушателей просто исчезали, кое-кто уходил через видимые двери, некоторые просто таяли в иллюзиях окружающего пейзажа. Я обнаружил, что в зале остались только я, Порнярск, Обсидиан и Зануда.

— Конечно, мы все проверим, — обратилась ко мне Зануда. — Скажите, Марк, чего именно вы добиваетесь?

— Я хочу бороться со штормом времени. Сам. Лично.

— Должна сказать, что с моей точки зрения это является совершенно невозможным. С другой стороны, никогда не поздно узнавать что-то новое.

Глава 36

— Они великие люди, Марк, — сказал Порнярск, когда мы остались одни в вернувшемся к прежним размерам жилище Обсидиана, которое он предоставил нам в пользование. — Ты не должен забывать об этом.

— Думаешь, великие? — переспросил я.

Я слышал его голос как бы издалека. Я снова чувствовал себя так же, как в жилище Обсидиана, когда мы только покинули Землю, как человек, который долгие годы готовился к одной-единственной схватке. На душе у меня было легко и пусто, я был далеким от всего и бесстрастным, пустым от всего, кроме мысли о предстоящем сражении, которое ничто не сможет изменить или отдалить.

— Да, — сказал он, — они пережили шторм времени. Они научились сосуществовать с ним и даже использовать для своих целей, и они образовали сообщество неисчислимого количества рас, сообщество, являющееся единым работающим организмом. Это великие достижения. И они заслуживают почтения.

— В таком случае пускай почтение им выказывают другие, — заметил я. По-прежнему ощущение было таким, что я разговариваю с ним на расстоянии. — Мне не осталось ничего, кроме того, что меня по-прежнему ожидает.

— Да. — Голос его был как-то необычно печален. — Но эти люди тебе не враги, Марк. И даже шторм времени тебе не враг.

— Вот тут ты ошибаешься, — сказал я ему.

— Нет. — Он потряс громоздкой головой. Я рассмеялся.

— Марк, послушай меня. Я живой, и это само по себе удивляет меня. Я ожидал, что прекращу свое существование, стоит мне покинуть время, в котором существовал Порнярск. Но к моему глубокому удивлению и интересу, оказалось, что каким-то образом я теперь обрел независимую, свою собственную жизнь. Но если даже это и правда, все равно это лишь одна жизнь. Я был сконструирован, не рожден. Я не могу иметь потомства. Моя жизнь — это всего лишь короткий момент, в который я живу ей, и меня интересует, с чем и с кем я этот момент делю. В данном случае это ты, Эллен, Билл, Док и все остальные.

— Да. — В другое время то, что он говорил, возможно, глубоко бы меня тронуло. Но в данный

момент я был слишком отстранен, слишком сосредоточен. Я слышал и понимал, что он мне говорит, но его слова были похожи на перечисление академических фактов где-то далеко на горизонте моего существования.

— Из-за этого, — сказал он, — меня очень интересует то, что ты планируешь делать. Я боюсь за тебя, Марк. Я хочу спасти то, что не могу назвать иначе как твоей душой. Если ее рано или поздно можно будет спасти, тебе придется примириться с существующим положением вещей. Но если ты вовремя этого не сделаешь, то проиграешь свое сражение. Ты погибнешь.

— Нет, — я покачал головой. Меня страшно клонило в сон, и единственное, чего мне хотелось, так это побыстрее закончить разговор. — Я не проиграю. Я просто не могу себе этого позволить. А теперь мне надо немного отдохнуть. Мы поговорим с тобой, Порнярск, когда я проснусь.

Но когда я проснулся, возле подушки, на которой я спал, стояла Зануда.

— Марк, — сообщила она, — ваше обучение на темпорального инженера начнется немедленно, и если вы сможете его воспринять, вас отправят туда, где происходит сражение с силами шторма времени.

Я мгновенно проснулся и вскочил. Она уже пошла прочь, все еще говоря на ходу. Порнярск тоже пройдет обучение. Это было премией, поскольку я не мог даже мечтать, надеяться добиться для него того, чего я хотел для себя. Но теперь и он тоже получит шанс. Вид его нескладного массивного бульдожьего тела умиротворял меня. Он для меня был чем-то вроде талисмана из дома, добрым предзнаменованием.

Обсидиан снова отправил нас в пространство. Впервые мы перешли в другой корабль. Он был похож на плот размером с футбольное поле, окруженный чем-то вроде невидимого неощутимого купола, сохраняющего атмосферу, температуру и давление для многочисленного инженерного оборудования, находившегося на борту. За исключением звездного неба, которое окружало нас со всех сторон, это было больше всего похоже на пребывание в машинном отделении какого-то невероятно чудовищного крейсера.

По пути к этому космическому плоту в жилище Обсидиана и почти две недели по земному времени после того, как мы прибыли туда, Порнярска и меня насильно питали информацией от обучающих машин, о которых говорил Обсидиан. Это был довольно неприятный процесс. Мы были

похожи на чистые кассеты в высокоскоростном дупликаторе. Физического ощущения, что тебя накачивают информацией, не было, к тому же информация сама по себе становилась годной к употреблению лишь через некоторое время после того, как мы познакомились с настоящей инженерной работой, происходящей на борту плота, которая выпускала ее так же, как выбитая пробка выпускает вино из бочонка. Но в то же время присутствовало физическое ощущение, что наши умственные хранилища загружают умственной «древесиной» и места в них остается все меньше и меньше. Ощущение в результате было такое же, которое испытываешь после долгих недель напряженной работы и нервного напряжения до той степени, когда мозг кажется почти физически отупевшим.

Я не знал, как реагировал на обучение Порнярск, поскольку нас держали порознь. Я, будучи эмоционально изолирован своей собственной целью, относился к тому, что надо мной проделывают, физически и умственно, совершенно безразлично, и когда в должный срок процесс информационной накачки завершился, я погрузился в глубокий сон, который, должно быть, продолжался гораздо дольше моих обычных ше-

сти часов. Когда я проснулся, все знание, которое было закачано в меня, взрывообразно перешло из пассивного состояния в активное.

Я открыл глаза в том же расслабленном состоянии безмыслия, которым обычно сопровождается возвращение из дымки сновидений. В душе у меня царил покой, я ни о чем не думал, а потом внезапно вокруг меня взорвалась реальность вселенной. Я мгновенно оказался лишен тела, слеп и затерян, падал сквозь бесконечность, на целые жизни оторванный от любой фиксированной точки разумности или безопасности.

Я пришел в смятение, поняв, что знаю — причем знаю слишком много — обо всем. Паника во мне становилась все сильнее, как глубоководное давление на переборку моего разума, угрожая прорвать ее и уничтожить меня. Слишком уж многое и сразу обрушилось на мое сознание. Я внезапно стал слишком много понимать, слишком много знать...

Я почувствовал, что давление всего этого начинает раскалывать меня на части, а потом внезапно мне на помощь пришла моя давно сдерживаемая цель. Я мобилизировался и начал сопротивляться, удерживая под контролем переполняющее меня знание. Я противопоставил

давление давлению. Не для того я забрался так далеко во времени, пространстве и знании, чтобы сейчас исчезнуть в эмоциональном спазме. Вселенная была не больше моего разума. Я обнаружил это сам, еще раньше. Я касался вселенной, и неоднократно. Она была не слишком пугающей и не слишком непонятной. Она была частью меня так же, как я был частью ее. Сама по себе она меня не пугала. Не будет же рука пугаться, узнав, что она прикреплена к телу.

Но мой разум по-прежнему был где-то далеко от тела, все еще на плоту. Ощущение было такое, будто я одновременно плаваю без движения в пространстве и на огромной скорости лечу сквозь бесконечность. Я смотрел на это откуда-то между островов-вселенных, из межгалактического пространства. Мне даже показалось, что я вижу всю вселенную насквозь, и впервые в жизни общая картина активности шторма времени стала в моем сознании единой.

— Итак, Марк, — послышался голос — или мысль. Здесь, где не было ни тел, ни звезд поблизости, это казалось одновременно и тем и другим и в то же время ни тем ни другим. — Вы выжили.

Это говорила Зануда. Я инстинктивно поискал

ее взглядом, но не увидел. Но я знал, что она здесь.

— Да. — Я хотел сказать ей, что я никогда ничего другого и не собирался сделать, но внутренняя честность в последнюю секунду помешала мне. — Я должен был выжить.

— Очевидно. Теперь вы понимаете процесс темпоральной наладки?

— Думаю, да, — сказал я, и закачанное в меня знание начало смешиваться с тем, что я ощущал, и все усилия вдруг обрели четкий порядок и взаимосвязь и превратились в моем мозгу во что-то вроде чертежа.

— Я представлял это себе совсем иначе, — сказал я. — Вы и в самом деле пытаетесь остановить шторм времени физическими усилиями, пустить его физическое влияние на вселенную в обратную сторону?

— В каком-то смысле.

— В каком-то смысле? Ладно, допустим, что в каком-то смысле. Но все равно это физический процесс. Грубо говоря в тех понятиях, с которыми вы знакомы, нормальный распад энтропии начинает замедляться и идти в обратную сторону, когда вселенная перестает расширяться. Потом, когда самые дальние звезды и периферийные

галактики начинают падать обратно тут и там, они образуют области, где энтропия скорее возрастает, чем уменьшается. Разве не так, Зануда? Поэтому не что иное, как эти напряжения, эти столкновения между двумя состояниями энтропии в специфических районах, породивших имплозии новых, и дали начало провалам во времени, где по одну сторону линии времени двигались в одну сторону, а с другой — в другую. Вот что породило шторм времени! Но я полагал, что вы, чтобы победить шторм, будете атаковать его непосредственно.

— Мы стараемся определить его причину.

— Неужели? Но ведь это же использование чисто физической силы для исправления положения дел.

— Вам известен лучший способ?

— Но использовать энергию для прекращения падения этих физических тел, заставлять их снова расходиться? Должен существовать какой-то другой способ, не требующий откачки энергии из другой вселенной. Разве вы не этим занимаетесь, причем откачиваете энергию из тахионной вселенной? Вы имеете дело с силами, которые могут разорвать эту вселенную на части.

— Я же спросила вас, — повторила Зануда, —

вам известен лучший способ?

— Нет, но я должен увидеть это сам. Я просто поверить не могу, что вы в состоянии контролировать нечто столь могущественное.

— Тогда смотрите, — сказала Зануда. — С-Дорадус сейчас совсем рядом, на расстоянии мысли.

Так оно и было. Достаточно было просто подумать, и вот мы уже там, не затратив на перемещение ни малейшего времени. Бестелесный я с бестелесной Занудой рядом со мной — мы висели в пространстве и смотрели на огромную сферу темноты, которая была массивным двигателем, внутри которого была заключена молодая бело-голубая гигантская звезда С-Дорадус. Это был двигатель, который поглощал все излучение огромного светила, чтобы использовать его как точку фокуса, лупу в ткани нашей вселенной, сквозь которую лился необходимый поток энергии тахионной вселенной, из которой ее выкачивали, чтобы передвигать с места на место не только звезды, но и целые галактики.

Холод объял мой разум. Через эту линзу мы касались другого места, где все физические законы и само время текли в обратном направлении. До тех пор пока линза была под контролем, пока она была небольшой и сохраняла постоянные

размеры, реакция между двумя вселенным находилась под контролем. Но если под действием проходящих сквозь нее сил линза разорвется и станет шире, поток энергии может усилиться до пропорций слишком больших, чтобы ее контролировать. Граница между двумя вселенными лопнет, за чем последует взаимное уничтожение обеих — мгновенная аннигиляция.

— Теперь понимаете, — спросила Зануда, — почему мы считали вас непригодным к этой работе? Дело в том, что если бы вы не смогли совершить этот мысленный прыжок, позволивший вам свободно ознакомиться с ситуацией вроде этой, то не было бы смысла даже думать об этом.

— Совершить прыжок? Минуточку, — сказал я. — Я ведь сделал это не самостоятельно. Я наверняка пользовался какой-то технической поддержкой, чтобы мое зрение преодолело столь бесконечное расстояние, как это.

— Разумеется, пользовались, — сказала Зануда. — Но единственным, кто мог сделать возможным для вашего разума такую поддержку, были вы сами. Вы оказались достаточно сильны, чтобы выдержать чувство дислокации, сопровождающее подобное перемещение. Мы не думали, что вы на это способны. И я так не

думала. Я ошибалась.

— У меня есть работа, которую я хочу выполнять, — сказал я. — Это помогает.

— Причем, очевидно, помогает изрядно. Короче говоря, Марк, теперь вы один из членов группы избранных. Менее одной миллионной процента всех наших людей наделены способностью выполнять эту работу и выносить условия, при которых она выполнима в полном объеме. Поэтому, согласитесь, вовсе не удивительно, что мы сомневались в вас. Индивидуум должен родиться с талантом быть темпоральным инженером. Очевидно, вы с ним и родились, за многие тысячелетия до того, как появилась подобная работа.

— Я об этом не знал... — сказал я и задумался.

— Вы слушаете меня, Марк? — поинтересовалась Зануда. Я кивнул, сделал над собой усилие и снова полностью сосредоточился на нашем с ней разговоре.

— Что-то все равно не дает мне покоя. Если здесь дело в чистой технике, то зачем вообще нужен какой-то талант? Почему лишь немногие могут это делать? Наверняка существует множество людей, которые, как вы выразились, смогли бы выносить эти условия.

— Так оно и есть, — ответила она. — Именно

поэтому вы должны продемонстрировать еще одну свою сильную сторону. Нам нужны люди с особыми способностями, поскольку, когда мы двигаем с места на место звезды и даже кое-что большее, чем звезды, мы тем самым производим значительные изменения в силах шторма времени. У нас нет технического устройства достаточно быстродействующего, чтобы безопасно измерить и оценить влияние этих изменений на напряжения, с помощью которых мы контролируем приток энергии из тахионной вселенной. Если давление, против которого мы направляем поток энергии, внезапно изменится, поток может усилиться, линза — расшириться, и тогда нетрудно догадаться, что случится до того, как мы успеем произвести перенастройку.

— Вы имеете в виду разрыв линзы?

— Совершенно верно. Только разумы, способные непосредственно читать конфигурации сил шторма времени, способны заметить надвигающуюся опасность настолько быстро, чтобы успеть произвести коррекцию. Мы, темпоральные инженеры, должны направлять наш поток энергии из другой вселенной и в то же самое время делать все, чтобы он не вырвался из-под нашего контроля.

Она замолчала. Лишенный глаз, я висел в пространстве, разглядывая огромное темное пятно, бывшее двигателем, сферой Дайсона, окружающей С-Дорадус. Мое воображение рисовало мне невообразимую картину происходящего внутри этой оболочки сжатой материи и силы бутылки Клейна, которые превращали ядро звезды массой, в миллионы раз превосходящей наше Солнце, в крошечную прореху в ткани вселенной. Я считал, что равен любым измерениям, которые могут существовать в битве, к которой хотел присоединиться, но здесь измерения превосходили всякое воображение. По сравнению с этим звездным ядром я был меньше пылинки, и, в свою очередь, оно было совершенно незначительным, практически ничтожным по сравнению с двумя огромными противостоящими массами энергии, между которыми оно образовывало соединяющий мост.

И я собирался принять участие в контроле над этим мостом?

Моя решимость была поколеблена. Даже воображению был предел, и здесь этот предел был превзойден. Я почувствовал, что космос вокруг меня становится все более расплывчатым и разреженным. Я сознавал, что Зануда наблюдает за

мной, оценивает меня, и, вспомнив о ее присутствии, отвага вернулась ко мне. Если она может оставаться здесь и работать, значит, могу и я. Не было ничего такого, что способно было делать существо, рожденное в этой вселенной, чего я, по крайней мере, не мог бы попытаться сделать.

Вид космоса вокруг и висящего в нем могучего двигателя затвердел. Он снова стал ясным и резким.

— Вы все еще со мной? — спросила Зануда.

— Да, — ответил я.

— Тогда нужно сделать еще всего один шаг. Мы испытаем вас на линии. Если у вас там ничего не получится, никто вам не сможет помочь. Пути назад не будет.

— Я готов.

Мы двинулись вперед, к сфере Дайсона. Бестелесные, мы, как мысль, прошли сквозь ее материальную оболочку, сквозь силы бутылки Клейна и окунулись в море совершенно неописуемой радиации, которую представляла собой плененная звезда. Мы приблизились к ядру, которое было линзой. Здесь обычное зрение было невозможно. Но с помощью закачанной в меня информации район линзы предстал перед моим мысленным взором, как эллиптическое темно-

пурпурное отверстие на фоне стены ярчайшего бело-голубого света. Поток энергии другой вселенной, льющийся сквозь это отверстие, был невидим, но ощутим. Он представал как сила такой скорости и давления, что его, наверное, можно было бы потрогать, если бы в этом месте было возможно осязание и прикосновение к этому потоку было бы безопасным.

Зануда подвела меня почти к самому краю линзы.

— Вы что-нибудь чувствуете? — спросила она.

— Да, — ответил я.

Здесь действовала какая-то странная противосила. Несмотря на колоссальный приток энергии, я чувствовал что-то вроде противоположного движения, влекущего нас к линзе. Оттуда, где я находился, я мог ему сопротивляться, но ближе подходить не хотелось.

— Обратная тяга, — сказала Зануда — слово, которое она использовала, не было точным или научным термином, но совершенно разговорным, — она беспокоит вас?

— Да, — сказал я, поскольку прикосновение ее потока, тянущего меня к отверстию линзы, вызывало у меня неприятное чувство. — Сам не знаю почему.

— Она и нас всех беспокоит, — сказала она, — и никто из нас не уверен почему. Здесь это не проблема, но в пункте управления оно становится тем, за чем нужно постоянно следить. А теперь познакомьтесь с остальными, кто работает в этом районе.

Она по очереди поговорила с парой дюжин других личностей. Когда они отвечали ей и потом обращались ко мне, полученная мной информация помогла распознать символы, бывшие их персональной идентификацией. Наши разговоры здесь, в сердце звезды, казалось, происходили мысленно. На самом же деле, насколько я знал, мы разговаривали через чисто технический центр связи на космическом плоту, где находились наши с Порнярском тела. Большинство из тех, с кем я поговорил до этого, присутствовали на устроенной мной дискуссии. Я даже немного удивился, поняв, сколько существовало темпоральных инженеров, хотя теперь, подумав об этом, понял, что скорее всего здесь присутствовали почти все, поскольку именно их я интересовал больше всего.

— Марк отправляется с нами на линию из операционного центра, — сказала Зануда. — Если он сможет там работать, то у нас появился еще один

оператор. Марк, вы готовы?

— Да, — подтвердил я.

Мы стали удаляться от линзы, от звезды и от двигателя. Я ожидал, что по крайней мере вернусь в свое тело на плоту, из которого потом отправлюсь обычным физическим путем в операционный центр. Но вместо этого наши личности начали двигаться вдоль энергетической проекции из двигателя через межзвездное пространство от Малого Магелланова облака, где находился С-Дорадус, по направлению к нашей собственной Галактике.

— Ваши тела тоже отправят, — сказала она.

— Тела?

Я вдруг обнаружил, что к нам присоединилась личность Порнярска.

— Порнярск! — обрадовался я. — Ты тоже отправляешься на линию?

— Боюсь, только в качестве наблюдателя, — ответил он. — Как я уже когда-то говорил тебе в прошлом, я лишен творческого начала. А для работы в качестве темпорального инженера это просто необходимо. Но во всех прочих отношениях я полностью готов, и наши наставники решили, что, возможно, ты сочтешь мое присутствие рядом с собой весьма полезным.

— Зануда? — спросил я.

— Решение принимала не я, — ответила она. — Но оно кажется мне правильным. Несмотря на то, что вы прошли все тесты, Марк, вы для нас все еще в значительной степени неизвестная величина. Помимо возможных преимуществ, которое даст вам присутствие рядом вашего друга, мы все будем чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что рядом с вами находится оператор, который сразу же известит нас, если у вас возникнут неприятности.

— Просвещенный эгоизм, — сказал я.

— Конечно.

Полет, который мы сейчас совершали, был довольно необычным. Моя недавно образованная память подсказала мне, что можно совершить мгновенный перелет через сто сорок тысяч световых лет из окрестностей С-Дорадуса до нашей собственной Галактики. Но у Зануды, очевидно, была причина вести меня через это расстояние медленно, следуя путем энергии, посылаемой от двигателя к отступающей материи нашей Галактики, и теперь я начал понимать, что это была за причина.

Энергия тахионной вселенной проецировалась не в той форме, в которой ее получали, подобно

световому лучу, нацеленному через расстояние в сто сорок тысяч световых лет. Вместо этого он преобразовывался в силовую линию времени — распространение через пространство формы, не обладающей массой, которая не будет снова преобразована в энергию до тех пор, пока не достигнет твердого материала в пункте назначения, — и даже тогда он будет поглощен скорее, чем воспринят этим материалом как внешняя сила.

Однако форма, в виде которой он распространялся, была такой, что увеличивалась в поперечном сечении до тех пор, пока не становилась широкой как Галактика, в которую ее посылали. Далее, грубо говоря, поток энергии мог быть представлен в форме воронки, расширяющейся за световые годы межгалактического расстояния между линзой и Галактикой до тех пор, пока широкий конец не захватывал всю Галактику, включая ее спиральные рукава.

В таком случае мы следовали вдоль этой расширяющейся воронки, и за время путешествия я стал остро чувствовать ее постоянный рост и соответственное возрастание неприятного ощущения, которое я почувствовал из-за обратной тяги. И это было просто смешно, поскольку здесь,

где энергия была обращена в форму без массы, никакой обратной тяги ощутить было нельзя. Причиной, по которой Зануда так медленно повела нас с Порнярском вдоль маршрута проецируемой энергии, становилась очевидной.

Я инстинктивно стиснул зубы, борясь с ощущением. Но победить его было непросто, потому что в нем было что-то очень древнее, как будто я вдруг оказался лицом к лицу с диким доисторическим волком, рыщущим в тени какого-то хорошо ухоженного цивилизованного парка на закате. Но это был всего лишь еще один враг, которого нужно было одолеть, и постепенно, по мере того как я смотрел на него, он начал пятиться назад и наконец убежал. Все уже почти прошло, когда Зануда заговорила:

— Как ты себя чувствуешь, Порнярск?

— Я исполнен удивления, — отозвался Порнярск.

— И больше ничего?

— Ничего, — ответил он.

— А вы, Марк?

— Кажется, мне удалось с этим справиться.

После этого она молчала до тех пор, пока мы наконец не прибыли на окраины нашей Галактики и не оказались среди ее звезд, оказавшись теперь

и сами внутри устья воронки.

— По возможности, — сказала она, — мы выделяем отдельному инженеру сектор работы, включающий его родную планету. Ваш сектор, Марк и Порнярск, будет включать мир, с которого Обсидиан вас доставил к нам. Сейчас никакая работа там не происходит. На данный момент здесь не происходит никаких изменений темпоральных сил, хотя предшествующие силы полностью не уравновешены, за исключением небольшого района вокруг вашей планеты, где вы уравновесили их самостоятельно, насколько мы понимаем, еще в те времена, о которых у нас не сохранилось данных о шторме времени. Но примерно через девять месяцев по вашему времени ожидается нарастание сил ближе к центру Галактики. За это недолгое время вы должны успеть изучить свой сектор. Ваши тела будут возвращены сюда, и вы сможете некоторое время проводить в них. Обсидиан возвращает их и везет оборудование, которое понадобится вам для работы в секторе.

Теперь мы уже были недалеко от Солнца, и расположение звезд оказалось мне знакомым, что меня тронуло гораздо сильнее, чем я ожидал.

— Мне сказали, что придется пройти еще один

тест, — сказал Порнярск.

— Да, — подтвердила Зануда, — но не тебе, а только Марку. Марк, последняя проверка заключается в том, что мы хотим узнать, можете ли вы работать со штормом времени или нет. Убедиться в этом можно, только увидев, что вы на это способны. В случае, если окажется, что вы не можете, он наверняка уничтожит вас. Вот почему этот тест последний — потому что его нельзя провести при других условиях, кроме как в обстановке полного риска.

— Тренировочный поединок с боевыми шпагами, — сказал я.

— Вот именно, — подтвердила Зануда, удивив меня, поскольку знала, о чем идет речь. — А теперь я должна вернуться к своей собственной работе. Марк, Порнярск, следите за обратной тягой, теперь вы уже почувствовали ее. Здесь она кажется рассеянной и слабой, но не забывайте, что она всегда с вами, находитесь ли вы в пространстве или на поверхности планеты. Как всякое несильное давление, она может либо измотать вас медленно, либо возрасти до такой степени, что сломает вас.

— Когда вернется Обсидиан и мы сможем получить свои тела? — спросил Порнярск.

— Скоро. Теперь уже всего через несколько часов. Возможно, по меркам вашего мира через полдня.

— Хорошо, — сказал Порнярск. — До встречи.

— Да, — сказала она. — До встречи перед следующим нарастанием сил, влияющих на этот сектор.

— До свидания, Зануда, — сказал я. — Спасибо.

— Меня не за что благодарить. До свидания, Марк. До свидания, Порнярск.

— До свидания, Зануда, — сказал Порнярск. Она внезапно исчезла. Разговаривая, мы все углублялись в Солнечную систему до тех пор, пока, невидимые, не повисли над Землей на низкой орбите на высоте менее двухсот миль над ее поверхностью.

— Я бы хотел спуститься вниз даже без наших тел и убедиться, что все в порядке, — сказал Порнярск.

— Да, — сказал я, потом одернул себя. — .. Нет.

— Нет?

— Что-то не дает мне покоя, — сказал я. — Не нравится мне это. Зануда говорила о том, что примерно через девять месяцев в этом секторе ожидается нарастание сил времени в сторону центра Галактики.

— Если ты вызовешь в памяти ту же информацию, что заложена в меня, — спокойно сказал Порнярск, — то поймешь, что район пространства, о котором она говорила, довольно обширен. Резонно предположить, что шансы за то, что наша собственная система будет им затронута, довольно незначительны...

— И все равно мне это не нравится, — повторил я. — У меня такое чувство... Я замолчал.

— Какое? — спросил Порнярск.

— Неприятное предчувствие, — сказал я. — Вот почему я ничего не сказал об этом Зануде — слишком уж расплывчатая идея. Но прежде чем я отправлюсь на Землю, обязательно надо взглянуть на силы ближайшего района. А ты отправляйся. Это не займет у меня больше нескольких часов, которые нам все равно предстоит как-то убить до тех пор, пока Обсидиан не доставит сюда наши тела, и никто до тех пор все равно не узнает, что мы здесь. А ты давай. Я тебя догоню.

— Ну как хочешь, — сказал Порнярск. — Я точно тебе не нужен?

— Нет причин и тебе оставаться со мной. Отправляйся вниз. Проверь, как они там.

— Ладно. Если ты так хочешь, — сказал Пор-

нярск. Я не мог почувствовать, что он исчез, но в данном случае я просто не стал себя ни в чем убеждать — пока я разговаривал с ним, тревожное ощущение в подсознании все усиливалось. Я развернулся прочь от Земли и Солнечной системы, чтобы взглянуть на юг, восток, запад и север плоскости Галактики в тот момент, когда там появятся силы шторма времени.

Глава 37

Я хотел изучить не только сами силы. Они действительно должны были значительно измениться с тех пор, как я в последний раз рассматривал их в танке лаборатории Порнярска, но этот танк все равно давал мне конфигурации, на основании которых я мог мысленно экстраполироваться до настоящего времени с большой долей определенности в том, что получу конфигурацию нынешнего положения вещей. Но сейчас меня, заботило то, как будут эти конфигурации выглядеть в свете моего нового знания, и не только о двигателе вокруг С-Дорадуса и находившейся там линзе, но и об обратной тяге. Обратная тяга беспокоила меня даже потому, что, как выяснилось, при встрече обладала свойством беспокоить меня как физически, так и умственно.

Ситуация в районе, когда я его изучил, оказалась такой, что секторы были установлены внутри силовых линий, которые были стабилизированы вселенским сообществом, с тем чтобы члены этого сообщества могли использовать их для физических путешествий среди звезд.

Теперь я мог безо всякого труда проследить первые двадцать девять сдвигов времени, которые апартаменты Обсидиана использовали, чтобы доставить нас к месту тестирования Занудой и остальными. Я мог бы продолжать отслеживать их до самого места назначения, но сейчас я был озабочен лишь ситуацией в районе, куда определила меня Зануда.

Между силовыми линиями стабильность отсутствовала — за исключением нашего собственного района вокруг Земли, где мы установили ее сами. В порыве внезапного любопытства я проверил земной баланс сил с помощью знаний о шторме времени и удовлетворился тем, что нынешний баланс был не моих рук делом. Мой первоначальный баланс, очевидно, продержался гораздо дольше, чем я рассчитывал, — на самом деле несколько сотен лет. Но с того времени его периодически восстанавливали какие-то внешние силы. Меня на секунду озадачило, что Порнярск пропустил это свидетельство внешнего контроля над штормом времени. Потом я вспомнил, что поиск проводился компьютерным разумом танка и, несомненно, Порнярск, как и я сам, не удосужился проинструктировать его учитывать длительное состояние бездействия в том, что уже

было, в качестве аномалии, районом без шторма.

В пределах фиксированных границ стабилизированных силовых линий, установленных для передвижения в пространстве, шторм времени находился в своем нормальном состоянии развития и распространения темпоральной дезинтеграции до тех пор, пока примерно три тысячи лет назад, когда начали появляться свидетельства периодических растрескиваний районов, угрожающих распространить обширные возмущения на общегалактическом уровне. Эти растрескивания, очевидно, были столь незначительны, что оставались практически незаметны до тех пор, пока кумулятивный эффект большого числа подобных событий не начал проявляться в виде аномалии на общем уровне, и танк обратил на них внимание.

Я изучал стабилизированные силовые линии, и я изучал более ранние, более мелкие свидетельства растрескивания возмущений. Наконец я решил, что сильнее всего меня грызет то, что корректировки, которые были слишком незначительными, чтобы иметь хоть какое-то значение, взятые по отдельности могли накапливаться и иметь гораздо более серьезный кумулятивный эффект на стрессовую ситуацию галактического

района в целом.

Более того, это могло передаться по потоку энергии на линзу и вызвать тот самый разрыв и увеличение, которое всегда представляло для нее опасность.

Все это было очень неопределенно. Это была цепная реакция возможностей — но вид ее мне не нравился. Я мысленно метался взад и вперед над конфигурацией напряжений силовых линий в моем секторе, пытаясь найти всему виденному какое-то другое истолкование, но получал всегда один и тот же ответ.

Я охотился, скорее всего, за элементами конфигураций, которые направят меня к развитию одной конкретной конфигурации, примерно на год отстоящей от нынешнего момента. Это было трудным и полным разочарований делом, поскольку у меня до сих пор не было ни малейшего представления, какую конечную конфигурацию я ищу. Все, чем я располагал, — подсознательной реакцией на нечто, что мне не нравилось; так человек, постоянно живущий на природе в лесу или на море, выйдет утром на крыльцо, втянет в себя воздух, ощутит ветер, посмотрит на небо и скажет: «Не нравится мне эта погода». День даже может быть ясным, солнечным и теплым,

без каких-либо явных признаков грядущих изменений, и все же какой-то спрятанный глубоко в мозгу датчик, запрограммированный долгим сознательно не запомнившимся опытом, посылает сигнал тревоги.

Я подумал, не вызвать ли мне Зануду, и тут же заметил препятствие на этом пути. Зануда предупредила меня, что единственный способ доказать, что я способен работать со штормом времени, это именно работать с ним. А мое вглядывание в тени, если я действительно занимался сейчас именно этим и на самом деле беспокоиться мне было не о чем, может показаться ей как раз тем признаком, о котором она говорила, — что я не могу работать со штормом.

Возможно, она даже окажется права. Она не давала мне повода думать, что здесь нарастала какая-нибудь опасная ситуация. Напротив, она намеренно уверила меня в том, что это не так.

Возможно, думал я, для меня будет лучше всего выкинуть все это из головы и последовать за Порнярском на поверхность Земли. Я почти не обращал внимания на время, но теперь понял, что уже прошло как раз столько часов, сколько, по словам Зануды, требовалось Обсидиану, чтобы прибыть на Землю и доставить наши с Порняр-

ском тела. Теперь я должен отправляться на его станцию, вернуться в свое тело и возвращаться к своим.

Я развернулся и ринулся вниз. Мысленно это был всего один шаг до штаб-квартиры Обсидиана в лесу к востоку от нашей общины. Когда я прибыл туда, Обсидиана не было, как и тела Порнярска, что означало — аватара уже дома. Но мое собственное тело дожидалось меня, и я уселся в него на краю подушки, на которой лежал, снова ощущая странность ощущения веса и массы, вызванных земным притяжением.

Как только я сел, освещение в комнате стало ярче. Автоматика отреагировала на мое ускорившееся сердцебиение, температуру и полдюжины других сигналов, считанных аппаратурой с моего снова активированного тела. Я встал и подошел к одному из двух пультов, которые по-прежнему стояли примерно на тех же местах, что и во время нашего отлета.

Сейчас я знал, как ими пользоваться. Я дотронулся до кнопок на одном из них и попал из комнаты в жилище Обсидиана на то место на посадочной площадке возле летнего дворца, где всегда появлялся Обсидиан.

Темнота, окружившая меня, явилась легким

потрясением. Придя в себя в жилище Обсидиана, я совершенно не осознавал, что могу вернуться домой в те часы, когда территория моей планеты, на которой мы жили, повернута к солнцу обратной стороной. Появившись там, я с секунду чувствовал себя немного странно, как будто вернулся домой не в своем телека по-прежнему оставался лишь точкой зрения, витающей, как я и витал, в пространстве — всего несколько мгновений назад разглядывая всю Галактику и все звезды, которые теперь сияли над моей головой.

Окна летнего дворца, задернутые занавесками, освещались теплым светом. Внутри все праздновали возвращение Порнярска и в любой момент ожидали моего появления. Я повернулся и бросил взгляд на склон и на городок внизу, и в ярком свете молодой луны увидел, что окна в домах светятся в ночи теплым светом. Я собирался немедленно повернуться к двери и войти во дворец, но невольно застыл на месте.

Легкий прохладный послезакатный ветерок обернулся вокруг меня. Я слышал и то, как он тихонько шелестит вдалеке среди растущих на склоне деревьев. Птичьих криков слышно не было — прохлада и тишина удерживали меня от света и от разговора, который непременно состо-

ится внутри. Из лавины печатных слов, которые я прочитал во время периода своего безумия, на память мне вдруг пришло еще кое-что. На сей раз не цитата, а рассказ — франко-канадская легенда о «La Chasse Galerie». Это был миф о духах древних путешественников — которые умерли далеко от дома, во время своих торговых путешествий за мехами, — возвращающихся на большом призрачном каноэ в канун Нового года для краткого визита к своим живым семьям и к женщинам, которых они любили.

Одиночество и темнота странным образом удерживали меня от того, чтобы войти внутрь, и я чувствовал себя, как один из тех вернувшихся призраков. Внутри, за освещенными окнами, сейчас находились живые, но независимо от того, как сильно я хотел присоединиться к ним, это было бы бесполезно. Как призраки путешественников, я больше не был одним из них — из тех, кто внутри. Я стал кем-то другим, частью совершенно иного места и времени. Мне вдруг показалось, что легкий прохладный ветерок, который я чувствовал и слышал, больше не обвивался вокруг меня, а дул прямо сквозь мои кости, как он проносился сквозь ветви деревьев на склоне, и я подумал, что всю свою жизнь я провел

снаружи, глядя на освещенные окна и думая о том, как хорошо было бы оказаться внутри.

В свое время я мог бы попытаться попасть туда. Видит Бог, я пытался — со своей матерью, со Свонни.., но теперь было слишком поздно, и никто в этом не был виноват. В определенном смысле, даже моей вины тут не было. Потому что на своем пути я делал у каждой развилки дороги лучший, с моей точки зрения, выбор, и вот теперь дорога привела меня сюда. И даже если я обречен вечно оставаться снаружи, путь сюда привел меня ко многим хорошим вещам, начиная с Эллен и полоумного кота и до этого самого момента, который по-своему тоже был очень хорошим. Потому что если я стоял здесь в темноте, глядя на освещенные занавески окон и зная, что я не могу оказаться там за ними, мне было менее одиноко, поскольку я знал — кто там внутри, их жизни, которые теперь были частью меня, теперь станут теплыми и яркими.

При этих мыслях я почувствовал, что в конце концов какая-то частица тепла выходит изнутри и вливается в меня. Я вспомнил, что давно понял, — не существует настоящей отчужденности. Я был всем, и все было мной.., и, вспомнив это, я снова попытался соприкоснуться со вселенной.

Я постарался стать частью окружающего меня ветерка, землей, на которой стоял, и деревьями вокруг, частью всех домов в городке с их светящимися окнами и жизнью людей внутри. Я ощутил за своей спиной летний дворец и потянулся к нему, чтобы коснуться каждого, кто был внутри. Света не было, но все кругом снова окрасилось в золотистые тона. Я увидел их всех за стенами позади моей спины, увидел погруженного в вечный сон Санди, Дока, Билла, Порнярска и Эллен. Я увидел Эллен и коснулся ее, и она была ключом ко всему остальному между стенами бесконечности и всеми бесконечностями за пределами этих стен. Передо мной вдруг предстала картина и этой вселенной, и всех остальных. Я проникал все дальше и дальше...

— Марк!

Я повернулся, собираясь исчезнуть, вернуться в жилище Обсидиана, но, поворачиваясь, знал, что опоздал. Повернувшись лицом к летнему дворцу, я увидел в сумраке более темную тень. Это была Эллен.

— Эллен, — спросил я, — как ты узнала, что я здесь? Она подошла ко мне.

— Я знаю, где ты, — сказала она, останавливаясь передо мной. Я едва видел ее лицо. — Я всегда

знаю, где ты. Порнярск вернулся, и, поскольку тебя все не было, значит, ты был здесь.

— Возвращайся к остальным, — сказал я, чувствуя, как сдавленный хрип наполняет мой голос. — Возвращайся. Я сейчас приду.

— Нет, не придешь, — возразила она. — Ты собирался исчезнуть, а не войти. Я промолчал.

— Почему, Марк?

Я по-прежнему не мог ответить. Потому что я вдруг понял — почему. То, что не давало мне покоя все то время, что я изучал силовые линии, теперь, когда я впал в состояние абсолютного видения своего единения со вселенной, неожиданно превратилось из возможности в определенность, из подозрения в уверенность.

Я отворачивался потому, что знал, что не вернусь.

— Почему?

Тут я понял, что она спрашивает меня совсем не о том, почему я ухожу. Она и так уже это знала, потому что я не собирался возвращаться. Она спрашивала меня, почему я собираюсь уходить туда, откуда никогда не вернусь.

— Я должен, — сказал я.

Она обвила меня руками. Она была очень сильной, но мы оба знали, что ей меня не удержать.

Целая чертова вселенная тянула меня в другом направлении. У нее всегда останется Док, мрачно подумал я, глядя на нее. Я знал, какие чувства он испытывает к ней. Но теперь я был мудрее, чем раньше, и понимал, что говорить об этом не стоит.

— Я люблю тебя, Эллен, — признался я.

— Знаю, — сказала она, все еще обнимая меня. — Знаю. И тебе вовсе не нужно уходить.

— Нужно, — сказал я. — Это все шторм времени.

— Пусть кто-нибудь другой занимается им.

— Кроме меня, никого нет.

— Это потому, что ты сам сделал так, что никого нет.

— Послушай, Эллен. — Я чувствовал ужасную беспомощность. — Если я этого не сделаю, вселенная взорвется.

— Когда?

— Когда? — эхом откликнулся я.

— Я спросила: когда? Через десять лет? Через десять месяцев? Две недели? Два дня? Если даже это случится через два дня, воспользуйся ими — первыми двумя настоящими днями в своей жизни, — оставайся, и пусть она себе взрывается.

— Не могу.

— Не можешь? — спросила она, разжала объятия и отступила на шаг. — Правильно. Ты не можешь.

— Эллен... — сказал я и шагнул к ней, но она снова отступила за пределы досягаемости.

— Нет, — сказала она. — Иди. Все в порядке.

— Ничего не в порядке.

— Все в порядке, — повторила она. — Иди.

Я постоял еще с секунду. Но я не мог дотянуться до нее, и у меня больше не было слов, которые бы чем-нибудь помогли. Она и так уже знала, что мне очень хотелось бы остаться. Но знала она и то, что я не останусь. Что я еще мог ей сказать?

Я исчез. Это было все равно что разорвать себя пополам и оставить большую часть позади.

Я снова оказался в жилище Обсидиана и подошел к пульту, чтобы связаться с Занудой. Пришлось немного подождать, потом прямо из воздуха в мягко освещенной комнате со всеми ее подушками и окружающим меня ночным лесом раздался голос Зануды:

— Простите меня, но я сейчас работаю, и меня нельзя беспокоить. Оставьте сообщение, если хотите, чтобы я с вами связалась попозже.

Это было что-то вроде автоответчика.

— Это Марк. Свяжитесь со мной, как только получите сообщение. Это очень важно.

Я уселся на ту же подушку, с которой чуть раньше поднялся, вернувшись в тело, и снова послал свой разум в пространство.

Силы шторма времени по-прежнему были там, поджидая меня. Теперь, когда я вернулся к ним с дополнительным пониманием, пришедшим в результате контакта со вселенной там, возле летнего дворца, то, что я раньше мог только подозревать, оказалось теперь не только определенным, но и совершенно очевидным. Удастся ли мне убедить Зануду и остальных инженеров в его очевидности? Это было далеко не столь определенным. Моя убежденность основывалась на моем собственном способе интерпретации сил, который отличался от их способа.

Шторм времени слишком вошел в их кровь и плоть, чтобы они могли так любить и ненавидеть его, как я. Потому что я одновременно и любил и ненавидел его. Я ненавидел его за то, что он сотворил, за миллионы жизней, которые он уничтожил. Хотя, вполне вероятно, они все все еще существовали в какой-нибудь крошечной тупиковой вселенной — моя жена, Свонни, все, кого знала Эллен, муж Мэри, семья Сэмуэлсона

и бесчисленное множество других стертых не только на Земле, но и по всей вселенной. Но при том, что я ненавидел его, я и любил его, поскольку он был моим противником, он был моим врагом, который закалялся в борьбе.

Именно благодаря этой любви и ненависти я теперь мог видеть тенденцию его развития, но боялся, что Зануда и другие темпоральные инженеры, рассматривая его лишь как проблему чисто технологическую, увидеть не смогут. Я снова отследил вызывающие у меня подозрение линии, уходящие через целую сеть сил далеко за пределы моего сектора, за пределы Галактики, за пределы воздействия линзы, которую я видел до тех пор, пока не сравнил со штормом по всей видимой вселенной. То, чего я боялся, было там. Я мог проследить свои подозрения, к своему вящему удовлетворению, я мог видеть последствия, но я не мог предоставить инженерам никаких убедительных доказательств.

Я все еще искал хоть чего-нибудь, что могло бы послужить доказательством моей правоты, когда со мной связалась Зануда.

— Марк? — голос раздался у меня в мозгу. — Вы хотели поговорить со мной о чем-то важном?

— Шторм времени намеревается выйти из-под

контроля, — сказал я. — Он выйдет из-под контроля прямо здесь, в нашей Галактике и, возможно, еще в нескольких Галактиках нашей вселенной одновременно. Такая конфигурация уже создается из конфигураций последней тысячи лет. У вас уже есть тому доказательства. Вы сказали мне, что через девять месяцев или около того по местному времени здесь ожидается рост активности. Но это не будет просто ростом активности. Это будет активность учетверенная, ушестеренная, возросшая в сотню или тысячу раз, причем мгновенно.

— А что заставляет тебя так думать, Марк?

— Характер развития конфигураций, которые я вижу. Последовало недолгое молчание.

— Марк, можно описать то, что вы подразумеваете под словом «характер»?

— Цвет, ощущения, то, как формируются и изменяются конфигурации.

Снова последовало молчание.

— Ни одно из приведенных вами слов не имеет для меня точного значения, Марк, — сказала она. — Не могли бы вы описать то, о чем говорите, в твердых концепциях? Если нет, то приведите мне концепции, о которых говорите, несколькими способами.

— Нет, — ответил я, — потому что словесные символы вашего языка только приблизительно передают мои личные ощущения. Я перевожу словесные символы с моего собственного языка. Символы, которые обладают особой ценностью, рождающейся из моего опыта общения со множеством вещей вам незнакомых, моего опыта покупки и продажи акций на фондовой бирже, писания картин разноцветными красками, пониманием того, что написано и высечено в камне во имя искусства, тысячами вещей, которые движут разумную и неразумную жизнь и делают ее такой, как она есть.

— Кажется, я понимаю. Но чтобы убедить меня в своей правоте по поводу надвигающейся катастрофы, о которой вы говорите, вам все равно придется привести мне доказательства в терминах и символах, которые я смогу оценить и взвесить так же, как и вы. Единственные пригодные для этого символы имеются лишь в моем языке, который вы теперь тоже знаете.

— Но я не могу объяснить с его помощью вещи, для которых в вашем языке нет символов.

— То есть вы хотите сказать, что не в состоянии убедить меня в том, что, как вам кажется, должно случиться?

— Мне не кажется. Я знаю.

— Если знаете, то покажите мне, откуда вы это знаете. Во мне разлилась опустошенность отчаяния. Я заранее знал, что так и будет, но все равно на что-то надеялся. А вдруг, надеялся я, через пропасть, разделяющую наши разумы, все же удастся перекинуть мостик.

— Зануда, разве вы не помните, — я объяснял вам, как узнал о шторме времени совершенно иным путем, чем вы и все остальные? Этот путь позволил мне взглянуть на него с точки зрения, которой нет у вас, и этот взгляд дал мне возможность понять его, узнать его так, как вы узнать не способны. Разве вы не помните, как я убедил вас в том, что имею право на тестирование? И разве я не прошел тесты?

— Но разве вы уже прошли последнюю часть этих тестов? — спросила Зануда. — Или вы просто обнаружили в себе какую-то неспособность к практической работе, неспособность, которую вы скрываете от себя самого, воображая, что складывается аварийная ситуация, которую никто из нас не замечает, а вы не можете описать.

— Зануда, я знаю, что это произойдет!

— Уверена, что вы так думаете. Но я все еще не верю, что вы правы.

— Может быть, проверите?

— Обязательно. Но если я вас правильно понимаю, моя проверка вряд ли выявит доказательство, которое подтвердит вашу правоту.

— Все равно проверьте.

— Я же сказала, что сделаю это. Вызовите меня, если найдете еще какие-нибудь доказательства своей правоты.

— Хорошо.

Больше она ничего не сказала. Я тоже промолчал, и она исчезла. После этого я висел в открытом космосе, являя собой точку ничего, пустоты. Я услышал от Зануды то, что боялся услышать. Она, конечно, проверит, но не обнаружит подтверждения моих опасений, которые могли бы убедить ее в моей правоте. Значит, на меня ложилась обязанность либо найти доказательства, либо остановить шторм времени самостоятельно.

Именно к последнему решению я в конце концов и склонился. Это было неизбежно с самого начала — шторм времени и я в конце концов вступим в единоборство. Я отправился далеко в будущее, чтобы найти орудия для борьбы и союзников, которые могли бы мне помочь. Союзников мне найти не удалось, зато получил кое-какие орудия. Благодаря Зануде и остальным я знал, что

на шторм можно влиять большим количеством энергии. Благодаря самому себе теперь я знал, что все на свете, вся жизнь, все время были частью спокойствия, и если я просто сумею потянуться в нужном направлении, смогу стать частью этого покоя и понять любую другую его часть так, как будто это часть меня.

Мысль была успокоительной. Теперь, когда надежды на помощь со стороны не оставалось, чувство одиночества и покинутости во мне постепенно начало слабеть. Была какая-то ирония в том, что я забрался так далеко в будущее, чтобы найти помощника, который бы мог укротить шторм времени, который казался мне слишком большим, чтобы справиться с ним в одиночку только для того, чтобы обнаружить, что в то время как помощь здесь действительно есть, мне она оказана не будет. Но теперь ирония ничего для меня не значила. Теперь значение имело только то, что я снова находился на нулевой отметке и в полном одиночестве, и больше не было нужды тратить усилия на ложные надежды.

Если что-то и можно сделать, то мне придется делать это самому, и если ничего не получится, значит, ничего сделать было и невозможно.

Придя к такому выводу, я почувствовал такое

спокойствие, которое мне даже и не снилось. Единение со вселенной сошло на меня без каких-либо усилий с моей стороны, и я бестелесно висел посреди Галактики, которая породила мою расу и меня самого, ощущая и касаясь всего, что в ней есть. Поражение всегда представлялось мне совершенно невозможным. Но ничего невозможного не существовало. Эллен сказала, что, мол, пусть вселенная взрывается, пусть даже до этого и осталась всего пара дней. Но, конечно же, до взрыва оставалось гораздо больше, чем парадней. Пройдет по крайней мере несколько месяцев, и каждый из составляющих их дней, проживи я его касаясь всего сущего, что меня окружает, мог превратиться в долгую счастливую жизнь.

По-своему Эллен была права, и мне следовало ей об этом сказать. Я даже начал было подумывать о том, чтобы вернуться и сказать ей об этом, — и тут понял, что она тянется ко мне.

— Эллен? — сказал я так, как мог бы сказать Зануде. Никаких слов я не услышал. Она не могла говорить со мной символами, поскольку не имела доступа к техническому оборудованию инженеров. Но через наше соприкосновение я мог чувствовать ее мысли, хотя они и не были облечены в слова.

«Я не должна была отпускать тебя», — говорила она мне.

— Ничего страшного, — сказал я ей. — Я вернусь. «Нет, — сказала она мне, — ты не должен возвращаться. Во всяком случае до тех пор, пока ты считаешь, что можешь что-то сделать, и хочешь это сделать. И я хочу, чтобы ты делал то, что считаешь нужным. Просто мне не хотелось с тобой расставаться. Я не хотела быть разделенной с тобой».

— Ты не станешь разделенной до тех пор, пока по-настоящему сможешь удерживать это в голове. Раньше я этого не знал, но теперь понял.

Тут меня осенило внезапное открытие.

— Эллен, — сказал я, — куда делись все твои короткие слова и фразочки? Ты думаешь точно так же, как говорят все остальные.

«Я всегда думала так, а из меня выходило нечто обратное моим мыслям, — ответила она. — Но я именно так всегда мысленно разговаривала с тобой, с самого начала, с того самого первого дня, когда ты подобрал меня».

— Мне следовало знать. Впрочем, теперь я это знаю, Эллен. Я отправляюсь домой.

«Нет, — сказала она мне. — Ты не должен, если только абсолютно не уверен, что не хочешь

остаться. Ты уверен?»

— Нет. Ты права. Возможно, я ничего не могу сделать, но я хочу попытаться. Я должен попытаться.

«Тогда попытайся, — сказала она. — Поступай как считаешь нужным, поскольку теперь я с тобой. Разве я не с тобой?»

— Со мной, — согласился я и потянулся, совершенно забыв о своей бестелесности, чтобы обнять ее.

Тут и она прильнула ко мне — подобная призраку, но реальная через все эти световые годы пространства — прямо с нашей маленькой планеты. И вместе с ней ко мне пришел другой призрак — прыгающее пушистое тело, которое тут же принялось тереться об меня и лизать своим шершавым языком мое лицо и руки, и, когда мы обнялись, леопард начал протискиваться между нашими ногами.

— Санди! — прикрикнул я.

«Конечно, — сказала мне Эллен, — он всегда был здесь, стоило бы тебе только коснуться его».

Теперь, когда они оба были рядом, когда мы оказались вместе — три призрака, — сердце мое буквально разорвалось от счастья, и из его обломков стала вырастать сила, которая распро-

странялась и накапливалась во мне, как джинн, выпущенный из бутылки, когда с нее была сорвана соломонова печать. Теперь не было вселенной или комбинации вселенных, которые я не был бы готов атаковать, чтобы спасти то, что теперь у меня появилось; и я потянулся к концам всех времен и пространств. И тут, пройдя единственно возможным путем, о существовании которого я никогда и не подозревал, на меня снизошло понимание.

— Как же я раньше этого не осознавал, — сказал я Эллен. — Все одинаково — и шторм времени, и то, что всегда было во мне, всегда было во всех нас.

Глава 38

«А что было в тебе?» — эхом отозвалась Эллен. Она по-прежнему не говорила со мной физическим образом, который использовала Зануда, но то, что она сказала, я слышал настолько отчетливо, что мое сознание преобразовало ее мысленную речь в слова, которые я как будто слышал собственными ушами.

— Шторм — борьба. Сражаться за то, чтобы понять и быть понятым всеми остальными, перед лицом равно сильной необходимости быть самим собой и только собой, той уникальной и совершенно свободной личностью, которой никогда не существовало до этого момента во времени и никогда не будет потом, когда тебя не станет. «Скажи — я должен это сделать, — говорит личность, — иначе я не смогу расти». «Нет, ты не сможешь этого сделать», — говорят другие личности вне твоего мозга, которые тоже стараются расти и быть свободными. «Если ты сделаешь это, я не пойму почему. Я восприму это как угрозу. Я изолирую тебя или буду бороться с тобой». Поэтому перед каждым действием

по дороге к каждой цели приходится вести все эти внутренние сражения, чтобы найти путь к компромиссам между тем, что ты хочешь, и что нужно сделать, с тем, на что согласятся другие, чтобы ты делал. Шторм — внутри. Он — в каждом, а шторм снаружи — лишь его аналогия.

«Не понимаю, — сказала Эллен. — Почему?»

— Потому, что оба шторма являются результатом конфликта между двумя вещами, которые должны работать совместно. Как пара плохо пригнанных жерновов, истирающих друг друга, рассыпающих вокруг себя каменную крошку и искры, вместо того чтобы объединиться и молоть находящееся между ними зерно.

«Но если даже так, — продолжала Эллен, — почему это так важно здесь и сейчас — в частности для тебя?»

— Потому что я никогда не умел бросать начатое и сдаваться. Когда я наткнулся на внутренний шторм, я никак не мог перестать пытаться победить его, но только потому, что он находился внутри меня, потому что он был подсознательным, а не сознательным, и я не мог до него добраться. Поэтому я делал все что угодно, лишь бы подменить одно другим — фондовый рынок, бизнес, мой инфаркт.., и, наконец, шторм вре-

мени.

«Но даже при всем при этом, что толку было бороться с другими вещами?»

— Это могло научить меня сражаться. Это могло помочь мне найти и отточить оружие, которым можно сражаться с внутренним штормом. И — помогло! Видит Бог, помогло! Я нашел ответ на вопрос, что делать с внутренним штормом.

«Не сражаться с ним!» — уверенно произнесла Эллен.

— Не сражаться — это лишь полдела. Полный ответ содержится в единстве всего. Тянуться ко всему и становиться частью всех и всего. Именно вы с Санди в первый раз заставили меня без борьбы почувствовать, что я часть кого-то еще. Вы оба полностью зависели от меня, поэтому мне никогда даже в голову не приходило, что я должен приспособиться, чтобы хоть что-то во мне устраивало вас.

«Ты забыл о том, что мы заботились о тебе».

— Знаю. Я тоже считал это само собой разумеющимся. Мне очень жаль, но тогда я просто не мог не считать это само собой разумеющимся. Иначе думать я начал лишь тогда, когда погиб Санди, и я вдруг обнаружил в себе огромную дыру там, где был он. Тогда я не понял, почему на меня так

сильно подействовала его смерть, но на самом деле какая-то часть меня тоже внезапно умерла. Если бы Санди тогда не убили...

Я замолчал, инстинктивно пытаясь взглянуть на нее, но потом вспомнил, что она здесь не в телесном обличьи и увидеть ее я не могу.

— Ты бы ушла с Теком, если бы Санди остался жив? «Не знаю, — сказала она. -» — Если бы и ушла, то скорее всего вернулась бы. Я никогда не любила Тека. Но я не могла заставить тебя слышать меня".

Я помню... Призрак Санди подпрыгнул, чтобы обхватить мой бесплотный дух своими несуществующими лапами, и попытался лизнуть меня в лицо, которого не было.

— Все в порядке, Санди. Лежать, котяра! Мне сейчас хорошо, просто я кое-что вспоминал...

«Но ведь шторм времени никуда не делся. Ты хочешь сказать, что теперь можешь плюнуть на него?» — спросила Эллен.

— Думаю, сейчас бы я мог так поступить.

«Но на самом деле не хочешь».

— Нет. Если я все брошу, никто за меня эту работу не сделает и всему придет конец.

«Ты в этом уверен?»

— Да. Уже несколько тысяч лет — с тех пор

как темпоральные инженеры начали работать со штормом — формируется некая ситуация. Они пытались преодолеть дисбаланс между энергиями в этой вселенной, импортируя еще больше энергии из другой вселенной, с тем чтобы укрепить более слабую из двух нашу энергию. Некоторое время это срабатывало, но создавало потенциал еще более сильного дисбаланса, если бы чаша весов вдруг качнулась в другую сторону и слабая сторона вдруг стала бы сильной со всей этой лишней, импортированной энергией, добавленной к ее естественному преимуществу. Думаю, что это-то вот-вот и произойдет, по крайней мере в этой вселенной, примерно через девять месяцев.

«Инженеры не знают об этом? — спросила Эллен. — Ты уверен?»

— Они знают, но не представляют, насколько сильной может оказаться реакция.

«Тогда что же ты можешь сделать один?»

— Не знаю. Мне нужно подумать. Тихо, котик. Оставь меня в покое на несколько минут.

Санди затих. Его призрачное тело улеглось, скрестив лапы на мне ничто, и стало терпеливо ждать. Я все еще сохранял видение своего единения со вселенной, которое снизошло на меня

после того, как я осознал, что надеяться на Зануду и ее коллег не приходится. Я понял, к чему я пробирался и за что боролся все это время, и теперь хотел жить, а еще больше хотел, чтобы жила моя вселенная с Эллен и Санди в ней. Было просто невероятно, чтобы я прошел столь долгий путь сквозь жизнь и время и не набрался умения и знаний, могущих помочь мне как-то справиться с ситуацией. Обязательно должен был существовать шанс, а если существует шанс, то мое благословение — или проклятие? — и моя неспособность оставить в покое нерешенную проблему будет подстегивать мой мозг до тех пор, пока я не найду его.

— Если я прав насчет параллели... — наконец снова медленно заговорил я.

«Какой параллели?» — спросила Эллен.

— Параллели насчет того, что шторм времени является аналогом внутреннего шторма. Если я прав в этом и мне нужно было вырваться из самого себя, чтобы найти ключ к своему внутреннему шторму, то..

Эллен ничего не говорила.

— ..ответ должен находиться где-то снаружи. За пределами вселенной — за пределами этой вселенной. Если я попаду за ее пределы, я навер-

няка увижу его.

«Но как ты это сделаешь?»

Я ничего не говорил.

«Ведь ты не можешь этого сделать, верно?»

— Нет, могу, — медленно произнес я, — поскольку есть линза.

«Какая линза?»

Я рассказал ей о чудовищном устройстве.

«Марк! Ты сошел с ума!»

— Это единственный способ проникнуть наружу. «Но ведь это ядро звезды! Ты сгоришь прежде, чем доберешься до линзы!»

— Не забывай, сейчас я нематериален. Туда отправится лишь мой разум.

«Но даже если ты и сможешь пройти сквозь линзу, остается проблема возвращения назад. Как ты это сделаешь?»

— Не знаю, — признался я.

«Почему бы тебе сначала не обсудить эту идею с темпоральными инженерами?»

— Они могут прийти к решению остановить меня, и, возможно, им это удастся. Они не могут мне помочь, Эллен. Шторм времени слишком незначителен в них. Я единственный, кто может что-нибудь сделать, но у меня нет иного варианта, кроме как пройти сквозь линзу.

Какое-то мгновение она молчала. Призрачный Санди лежал в ожидании, доверяя мне, оставляя разговоры и размышления на мое усмотрение.

«А если ты не справишься, мы все умрем?»

— Думаю, да.

Она вздохнула.

«Тогда ты должен идти. Выбора действительно нет, и я иду с тобой».

— Не думаю, что ты сможешь. Где ты? Спишь в летнем дворце?

«Я в своей спальне в летнем дворце. Лежу на кровати. Но не думаю, что сплю».

— И тем не менее ты там. А я здесь. Скажи, а ты чувствуешь обратную тягу?

«Что?»

Я объяснил ей, что имею в виду. Выслушав меня, она некоторое время молчала. И наконец заговорила.

«Нет», — сказала она.

— Так я и думал. Возможно, я так же достигаю тебя, как ты достигаешь меня. Понимаешь, я действительно нахожусь здесь, в каком-то смысле. Я энергетическая картинка, проецируемая аппаратурой темпоральных инженеров. Я могу перемещаться с места на место со сверхсветовыми скоростями только потому, что могу

отключать свою проекцию в одном месте и включать ее в другом.

«Если ты энергетическая картинка, то проходящая сквозь линзу энергия может уничтожить тебя! Или по крайней мере изменить. Энергия материальна».

— Возможно. Но все равно я должен попробовать. «Должен быть какой-то способ, позволяющий мне отправиться с тобой!»

— Не думаю, да это и к лучшему. Потому что в этом случае я не мог бы удержать тебя, а отправляться туда нам обоим нет никакого смысла.

«Давай попытаемся и найдем способ. Подожди-ка. Ты говорил, что у нас осталось девять месяцев».

— Девять месяцев до того, как упадет топор, но тогда, вполне возможно, его уже поздно будет останавливать. Я не могу ждать. Я должен отправляться туда, и немедленно.

«Подожди хоть немного. Вернись домой на пару дней или хоть даже на один, чтобы мы могли все это обсудить».

— Если я вернусь, то могу вообще больше не уйти. Особенно сейчас, когда вы оба со мной. Эллен, я должен идти. И идти прямо сейчас!

Мы летели вместе, мы — призраки. Она держа-

ла меня. Санди держал меня. Я держал их.

«Хорошо, тогда отправляйся, — после долгой паузы сказала она. — Иди».

— До свидания. Я люблю тебя. Я люблю вас обоих. Я вернусь.

«Ты вернешься», — повторила следом за мной Эллен.

Я оторвался от них и выкинул их из мыслей. Я был один среди звезд и, потянувшись к энергетической воронке, почувствовал ее, а заодно и обратную тягу — слабую, как сказала Зануда, незначительную, но непрекращающуюся, неослабевающую.

Я позволил течению тяги заполнить свой разум. Я позволил себе понестись вместе с ней. Сначала это было все равно что плавать в озере. Затем я заметил слабое движение, стал дрейфовать и понял, что падаю сквозь плоскость Галактики. Я обернулся и увидел, что двигаюсь в сторону Малого Магелланова облака и тьмы, окружавшей молодую бело-голубую гигантскую звезду, тьму, которую на таком расстоянии я все еще не мог различить.

Я позволил себе плыть по течению...

Плоскость Галактики становилась все меньше. Я находился в межгалактическом пространстве.

Мою скорость теперь ничем измерить было невозможно, но я чувствовал, что она возрастает. Я падал все быстрее и быстрее в воронку энергии из другой вселенной, протянувшейся от С-Дорадуса до нашей Галактики.

Я падал сто сорок тысяч световых лет, и время стало совершенно условным. Возможно, я падал со все возрастающей скоростью и минуты, но это могли быть и месяцы, до тех пор пока не достиг скорости, превышающей скорость любого пульсара. Думаю, это были скорее минуты, чем месяцы, или, во всяком случае, часы, нежели месяцы, поскольку я чувствовал, что мое ускорение было не просто постоянным, но и постоянно нарастающим. Я не мог измерить его обычным образом, я только знал это, поскольку замером занималась какая-то часть моего мозга.

В конце концов мне стало ясно, что я не увижу линзу до того, как пройду через нее. К тому времени, когда я окажусь достаточно близко, чтобы различить темный круг насоса среди огней Малого Магелланова облака, я буду на ничтожнейшую долю секунды от входа в тахионную вселенную, на слишком крошечный момент времени, чтобы успеть что-нибудь воспринять. Я расслабился, позволяя себе нестись дальше...

И это случилось.

Я испытал шок, как будто субатомные частицы энергии, образующие мою личность, вдруг что-то разорвали и теперь разлетаются в бесконечном пространстве. А за этим наступила непостижимость.

Я плавал в темноте, пронизанной световыми линиями, которые со всех сторон окружали меня слишком быстро, чтобы я мог их видеть. Кроме этого, здесь не было ничего. Но у темноты было значение, и у огней было значение — даже пусть я и не понимал его. Чувствуя себя пораженным и разорванным, я беспомощно плавал, глядя на мелькающие огни.

Я не имел возможности двигаться. У меня не было выбора. Я не мог найти возможности измерять время, пространство или что-нибудь еще вокруг себя. Если я действительно проник в тахионную вселенную, то оказался там совершенно беспомощным, чтобы узнать то, что мне нужно было узнать, и не в состоянии унести отсюда с собой обретенное знание. Оглядевшись, насколько это было возможно, я не увидел для себя никакого иного выхода, как сдаться, и единственной причиной, почему я этого не сделал немедленно, было то, что я не был уверен, что смогу сделать

даже это.

Я по-прежнему плавал, и постепенно, как после электрошока сердце начинает биться снова, во мне снова проснулся мой древний странный инстинкт. Я не мог сдаться, поскольку даже здесь я был лишен обратного хода, без которого родился. Живой, мертвый или состоящий из живых кусочков размером менее электрона, я по-прежнему должен был грызть прутья любой удерживающей меня клетки до тех пор, пока не прогрызу себе путь наружу.

Но какой же путь существует здесь? С чего начинать, когда нет отправной точки, на которую можно опереться? Путешествие протяженностью в тысячу миль может начаться с одного-единственного шага, но с чего начать — если не стоишь неподвижно на месте, а несешься сквозь вечность в полной темноте с похожими на метеоры огоньками, мелькающими вокруг тебя? Я поискал в себе что-нибудь, за что можно бы было зацепиться, и ничего не обнаружил. Затем мне на помощь пришла Эллен.

«Помнишь? Когда ты нашел меня, я была точно так же потеряна, и я нашла дорогу назад».

Она не говорила со мной вслух. Она даже не говорила у меня в мозгу, как тогда, когда я висел

в космосе, в нормальном космосе, перед тем как попал сюда. Это со мной говорила из дальнего уголка меня самого Эллен, которая стала частью меня, как Санди большими прыжками примчался из смерти, чтобы обнять меня несуществующими лапами из того уголка моей памяти, где он был все это время, хотя я этого и не осознавал.

«Если мне это удалось, то и ты тоже сможешь, — заверила меня Эллен-которая-была-мной. — Сделай это так же, как раньше сделала я. Возьми что есть и начинай с этого».

Она, конечно же, была права, и я стал черпать из нее силы. Если однажды это ей удалось, она сможет сделать это и еще раз. Следовательно, пока она является частью меня, я тоже смогу это сделать. Я черпал из нее определенность и еще раз прикинул, чем располагаю.

У меня была тьма и были огни. Огни были совершенно непостижимы, но с уверенностью Эллен, что я могу начать с них, я начал наблюдать за ними. Они были слишком быстролетными, чтобы образовывать какие-то конфигурации.., или нет?

Я плавал, наблюдая, и наблюдение превратилось в изучение. Все, что подвергается изменениям, со временем образует конфигурации

преобразования. Они долго сопротивлялись моему пониманию, но в конце концов я начал видеть элементы конфигураций в мелькающих огоньках. Получалось, что они были не такими уж хаотичными.

Если они и образовывали конфигурации, то являлись частью большей индивидуальности, в которой могут содержаться подобные конфигурации, большей индивидуальности, которой являлась вселенная их среды — была ли эта вселенная размером с атом атома или больше, чем все вселенные вселенных вместе взятые. Если так, то существовала связь между вселенной, в которой они находились, и конфигурациями, которые в ней существовали.

То, что я узнал в своей собственной вселенной, могло оказаться ключевым моментом и здесь. Насколько бы это место ни было непостижимым, единство любой ее части с целым, тождественность каждой ее части с целым могло здесь быть таким же определенным, как и там, откуда я появился. Если так, то я должен был являться частью этой вселенной, и она также должна была являться частью меня — просто потому, что сейчас я находился в ней. Поэтому ее конфигурации также должны были являться частью меня,

быть столь же понятными, как моя собственная физическая речь в действии, когда я был в своем старом теле, поскольку, как я выяснил, часть целого не может быть странной или чуждой для целого.

«Теперь ты понимаешь, — продолжала Эллен-которая-была-мной. — А раз понимаешь, все, что тебе нужно сделать, — это потянуться и коснуться».

Она снова была права. Здесь не было кардинала, сидящего на птичьей кормушке; золотистый свет затерялся и остался позади в другой бесконечности. Но все равно она была права — ничто не могло помешать мне потянуться и попытаться коснуться, соединиться с тем, частью чего я стал.

Я потянулся. Я попытался ощутить свое тождество с этим окружающим меня местом так же, как я делал это в своей родной вселенной. Тождество приходило медленно, но в конце концов оказалось, что мне требовалось сделать еще всего на один шаг больше, чем тогда, когда я добивался тождественности с Обсидианом и его товарищами.

Я коснулся чего-то. Это было нечто или какие-то вещи, способные отзываться. После этого общение с ними стало всего лишь делом выработки

необходимых конфигураций, и в этом они пошли мне навстречу. Очевидно — я говорю очевидно, поскольку ситуацию не так легко, если вообще возможно, перевести в слова, — разница между живой и неживой материей в этой вселенной не была такой значительной, как в нашей. Вместо этого граница проходила между теми или тем, что обладало конечными жизнями, и теми или тем, жизнь которых была бесконечна, и огоньки, которые я видел, каждый были одной жизнью, светящейся с самого начала, по-видимому, краткого момента ее зарождения до момента затухания в момент смерти.

Но то, что казалось кратким, не обязательно было таковым. Глядя с другой точки зрения, то, что казалось мне мимолетной жизнью, в нашей вселенной могло существовать на протяжении эквивалента миллиардов лет. Кроме того, жить здесь — значило общаться, так что в конце концов я и сам жил, чтобы общаться, и общался, живя. Это для меня было долгим моментом, поскольку мне с большим трудом удалось заставить их понять, что я хочу, чтобы они знали о нас и о нашей ситуации.

Но пришло время, когда я справился с этим, и после этого времени больше не требовалось.

Я остался с законченной миссией, но изолированный.

Единственное, по чему я мог понять, что мое послание дошло до них, так это по изменению конфигураций. Поскольку, само собой, они никак не могли разговаривать со мной непосредственно — не в большей степени, чем я мог разговаривать с ними. На самом деле я только и мог, что посылать грубые сигналы в их направлении, как человек на вершине холма, махающий флажками, чтобы его увидели в долине у подножия, для того чтобы привлечь внимание живущих там людей к приближающейся опасности. Между нами не хватало не только механизма общения — слишком уж разными были не только наши мыслительные процессы, но и само наше существование.

Так что я преуспел в своем начинании, но оказался в затруднительном положении. У меня не было представления о том, что мне делать дальше, поскольку у меня не было представления о том, что я собой представляю здесь в этой, столь отличной от нашей, вселенной. Было вполне возможно, что здесь меня ждет невероятно долгая жизнь, медленный, почти незаметный упадок и исчезновение, как у какого-то радиоактивного

элемента с периодом полураспада в миллионы лет. Могло оказаться и так, что я лишь в нескольких секундах от конца, но что совершенно иное восприятие времени превратит этот ничтожный срок практически в вечность. Могло быть и так, что здесь я практически бессмертен и буду существовать вечно, наблюдая и будучи отделен от вселенной, наполненной жизнью, для которой «чужой» было ничего не значащим неуместным словом.

Забавно, но ни одна из этих перспектив не беспокоила меня. Я сделал то, что собирался сделать, и, по большому счету, был удовлетворен. Единственное, что меня печалило, так это то, что я не мог сообщить своим, что передал сообщение, что битва выиграна. Мне даже следовало бы сказать — битвы, поскольку уже одним тем, что я пришел сюда, что передал послание обитателям этого места, я наконец вышел за пределы самого себя, наконец увидел себя в полном отражении и пришел к внутреннему пониманию, которое я пытался найти все это время.

Моя охота была не чем иным, как человеческими поисками"! любви. Оказывается, я искал ее, но на самом деле боялся найти. Поэтому я сделал все для того, чтобы создать маски для всех тех, с кем

сводила меня жизнь, с тем чтобы не привязаться ни к кому из них, чтобы моя привязанность была к маске, а не к существу, скрывающемуся под ней. В этом случае, если человек предавал меня, это не имело никакого значения, поскольку я никогда по-настоящему их не знал. У человека под маской не было реальной возможности всадить эмоциональные крючья в мою душу, потому что я был привязан только к маске. В далеком прошлом я наделил масками свою мать и сестру. Я нацепил маски на Свонни, Мэри и Полу. Тем же, кого я боялся полюбить, я надевал самые несимпатичные маски. И наоборот — только тех, кто — я абсолютно в этом был уверен — не сможет полюбить меня, я наделял масками, которые мог полюбить.

Система действовала безотказно. Только тогда, когда я забыл применить ее, я провалился. Полоумный кот и идиотка-девчонка — кто же в начале мог подозревать, что кто-нибудь из них сможет тронуть меня и разорвать меня изнутри? Верно, я дал слабину в отношении опасности, представляемой девчонкой, и попытался надеть на нее маску, но к тому времени было слишком поздно. Тем временем полоумный кот уже добрался до меня. Когда его убили, мне впервые за много лет

стало больно, и в боли я вернулся к жизни, хотел я того или нет.

Теперь я был благодарен за это возвращение к жизни, поскольку все, что я делал, было не правильным. Это шло против инстинкта и в конце концов могло никуда меня не привести, кроме как в высушенный ад отчаянного одиночества, которое находилось на другом конце спектра от удовольственной изоляции, в которой я сейчас завис. Таким образом — я был жив. В противном случае я был бы мертв. Золотистое свечение первым дало мне ответ, но тогда я все еще боролся против него.

Глава 39

Я был в своей спальне летнего дворца. На мгновение мне в голову пришла ужасная мысль, что все это было чем-то вроде сна. Но потом я понял, что это не так.

Я огляделся и увидел Эллен, стоящую около моей постели с Порнярском и Занудой.

— Привет, — сказал я Эллен, и мой собственный физический голос отозвался странным эхом. — Я вернулся.

— Да, — ответила она.

Именно такого ответа от нее и можно было ожидать. Я лежал, наслаждаясь знакомой обстановкой, чувствуя тепло и уют, а эти трое стояли и смотрели на меня с осторожной заботой, как будто я был аккуратно высиженным яйцом, которое вот-вот должно было проклюнуться и из него могло вылезти нечто странное. Я перебрал в голове не меньше дюжины фраз, которые можно бы было им сказать, потом отбросил и протянул руки к Эллен, которая подошла и обняла меня.

— Как я сюда вернулся? — спросил я, когда она отпустила меня. Кроме сильной слабости,

я, кажется, чувствовал себя вполне удовлетворительно.

— Мы сразу переправили ваше тело, — сказала Зануда на английском языке двадцатого столетия ничуть не хуже Обсидиана. — Как только поймали вас. Мы едва успели поймать вашу личность, прежде чем она успела отправиться сквозь линзу.

Я уставился на нее.

— Быть того не может!

Услышав это. Зануда явно смутилась, как человек, которого поймали на *лжи*, что очень меня удивило. Мне и в голову не приходило, что она способна выказывать такое чувство, как смущение, и я не ожидал, что смогу распознать его, если бы это случилось. Но то, что я видел сейчас, не оставляло никаких сомнений.

— Как бы то ни было, — сказала она, почти оправдываясь, — мы поймали вашу конфигурацию мысленной энергии как раз перед тем, как она собиралась пройти сквозь линзу. Возможно, что-то еще и могло пройти туда, что было частью вас, хотя что это такое — сказать невозможно.

— Его душа, — твердо и отчетливо произнес Порнярск.

— Что ж, если хотите, можете пока называть это

и так, — согласилась Зануда. — В любом случае, с тех пор здесь прошло восемь локальных дней.

— Восемь дней? Всего?

— Это много, — сказала Эллен.

— А мне показалось... — начал было я, но у меня не хватило слов.

— Темпоральная разница, — оживленно сказала Зануда, — или, возможно, разница в темпоральном восприятии? Это потребует самых серьезных исследований.

— Но ты сделал это, Марк, — сообщила Эллен. — Кто бы они там ни были в этой другой вселенной, они посылают через линзу послания. Теперь инженеры все понимают. Они перекрывают поток дифференциальной энергии и вместо этого что-то делают с обратной тягой. Это должно сработать. Все должно получиться.

— Прежде всего, Марк, вы оказались правы, — сказала Зануда. — Мы в слишком значительной степени стали частью шторма времени, чтобы понять силы, которые накапливались все это время.

— Интересно, — вставил Порнярск. — Когда начинаешь вникать во все это, оказывается, что ничего не существует в неисчерпаемом количестве и ни один контейнер не бывает таким

большим, чтобы его нельзя было наполнить.

— Это относится не только к ящикам, мешкам, океанам и галактикам, но и ко вселенной, — подытожила Эллен.

— Однако должен сказать, — поправил себя Порнярск, — вполне возможно, что человеческий дух неисчерпаем. Время и работа покажут.

— Как я уже сказала, вы оказались правы, Марк, — повторила Зануда. Она явно решила принести извинения или договорить свою речь, уж не знаю что. — Мы были слишком близки к проблеме, чтобы видеть ее в должном свете. Вас интересуют детали?

— А вы как думаете? — спросил я, подсунул под спину подушки и принял полусидячее положение. Было немного неудобно, поэтому Эллен поправила их.

— В основном, — продолжала Зануда, — вы были правы, предположив, что было ошибкой импортировать энергию в эту вселенную из другой. Эллен рассказала нам, что вы ей сообщили перед тем, как прошли сквозь линзу.

— Можно выпустить энергию, уже запасенную в возрастании энтропии, материей падающей самое на себя, — сказал я, — вместо того чтобы использовать поток энергии из другой вселенной.

— Значит, они вам сказали об этом там? — спросила Зануда.

— Ничего они мне не говорили. Просто, когда видишь обе вселенные, это становится самоочевидным. Их вселенная — противоположность нашей. Там что-либо перемещающееся со скоростью света является неподвижным. Когда вы начали перекачивать дифференциал энергии между их вселенной и нашей, вы запустили эквивалент уменьшения энтропии в их вселенной, где обычно была постоянно возрастающая энтропия и сжимающаяся вселенная.

— Ага! — воскликнула Зануда. — Это все объясняет!

— Объясняет то, почему вы должны работать с ними, чтобы закачать обратно энергию, которую забрали у них? — спросил я.

— Нет, — сказала Зануда, — мы, разумеется, уже так и поступаем. Это становится возможным, если пользоваться обратной тягой, как триггером для выпуска энергии, запасенной на этой стороне, как вы уже сказали. Нет. Я говорю о послании, которое мы от них получили. Они благодарят нас за решение их проблемы.

— Ого!

— Очевидно, — продолжала Зануда, — они не

понимают, что вы не были специально посланы к ним в качестве нашего представителя и что вы в основном старались решить нашу проблему, а не их. Они считают, что мы из альтруизма предложили им помощь в решении их собственной проблемы.

— Понятно, — кивнул я.

— Все это очень смущает нас, — говорила Зануда. — Мы мало что можем сделать, чтобы прояснить с ними все вопросы, — по крайней мере до тех пор, пока связь между двумя нашими вселенными не станет более сложной и мы не поймем более полно их концептуальные процессы. Несомненно, со временем мы сможем объяснить им, что не заслуживаем их благодарности. Но это не мешает нам считать, что мы очень вам обязаны.

— Даже и не знаю, что вы с этим можете поделать, — улыбнулся я. — Я только хотел спасти вселенную для себя и для тех, кто, как я теперь знаю, мне небезразличен. Подождите-ка...

— Что? — спросила Зануда.

— У меня к вам дело. Вернее, решение проблемы, на которое мы с Порнярском надеялись с самого начала. Вы сможете что-нибудь сделать для леопарда, который был моим другом? Он

был убит, и Порнярск поместил его в состояние безвременья, надеясь, что здесь, в нашем будущем, вы уже будете знать, как запустить для него время вспять, до того момента, когда он был убит. Если бы вы могли сделать это для меня...

— Эллен и Порнярск говорили мне об этом, и мы осмотрели тело этого существа. Боюсь, мы абсолютно ничем не можем помочь.

— Понимаю, — кивнул я.

— Жизнь нельзя создать простым изменением темпоральной матрицы. Вы наверняка заметили, что, проходя через линию времени — туманную стену, как вы назвали ее в прошлом, — и через линии времени во время путешествия с Обсидианом для тестирования, что ваше движение в другом времени не изменяет вашего биологического возраста или состояния здоровья...

— Да, я понимаю. Не будем больше об этом.

— Но вот что я хотела сказать, — продолжала Зануда, — так это то, что жизнь, очевидно, является концепцией, а при наличии концепции остальное совсем не сложно. Как вы обнаружили и сами во время разговора с Эллен, там, в пространстве, перед тем как прошли через линзу...

— Ради Бога! — раздраженно сказала Эллен. Она подошла к двери спальни, открыла ее и вы-

сунула голову в коридор.

— Док! — позвала она.

— ..вы смогли вызвать полный концептуальный гештальт вашего леопарда, возможно, в основном благодаря вашей развитой способности распознавать конфигурации и думать в них. По нашей теории, вы сложили в своем сознании критическое количество поведенческих конфигураций леопарда, что привело к появлению созидательного целого. После этого, само собой, нам было очень просто...

— Конечно, мне и самому следовало догадаться, — сказал Порнярск. — Стыдно, что мне это не пришло в голову.

— ..создать дубликат физического тела, которому принадлежал этот концептуальный гештальт. Как говорит Порнярск, такое было возможно даже в его культуре, в те давние времена. То есть, мы взяли полную конфигурацию из вашего подсознания несколько дней назад...

В дверях появился Док. Пушистая молния метнулась мимо него, взвилась в воздух, приземлилась прямо на меня и тут же принялась вылизывать мое лицо шершавым, как напильник, языком. Кровать буквально содрогнулась.

— Ууууф! — сказал я.

Я собирался сказать: «Слушай, ты, полоумный котяра, слезай с меня к чертовой матери!» — но у меня не хватило дыхания, потому что я едва не задохнулся под ним.

Но это уже не имело никакого значения.